

ПОЛЬША
И
РУСЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

Институт славяноведения
и балканистики

Институт истории
СССР

ПОЛЬША И РУСЬ

ЧЕРТЫ ОБЩНОСТИ И СВОЕОБРАЗИЯ
В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
РУСИ И ПОЛЬШИ XII—XIV ВВ.

*Под редакцией
академика*
Б. А. РЫБАКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1974

Сборник статей польских и советских авторов освещает с марксистских позиций ряд важных проблем социально-экономического, политического и культурного развития Польши и Руси XII—XIV вв. Показаны характерные черты развития объединительных общественных тенденций в этих странах, пути преодоления феодальной раздробленности, формирование черт национального единства, воздействие международных отношений на этот процесс, отражение его в памятниках духовной и материальной культуры. Выводы ученых об особенностях государственного развития Польши и Руси помогают в раскрытии общих процессов в истории этих стран.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик Б. А. РЫБАКОВ (ответственный редактор),
М. Е. БЫЧКОВА, И. Б. ГРЕКОВ, Я. Н. ЩАПОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Созданная в 1967 г. Комиссия историков СССР и ПНР начала свою работу научной конференцией (Москва, июнь 1968 г.), посвященной проблемам историографии и определению степени изученности разных периодов истории наших стран *. Тогда же наметился круг наиболее актуальных проблем исторического прошлого наших народов, который определил программу всей деятельности Комиссии на ближайшие годы.

В этой программе свое место заняли и проблемы средневековой истории народов Польши и СССР.

Так, была признана весьма актуальной проблема становления раннефеодальных славянских государств, проблема формирования этнической и политической карты Восточной Европы в IX—XII вв. Оказалось также, что предметом совместного рассмотрения советских и польских исследователей-медиевистов должна стать история Польши и Руси XII—XIV вв., т. е. та переломная эпоха исторического развития Восточной Европы, которая характеризовалась сначала торжеством тенденции феодальной раздробленности, затем постепенным ее преодолением и, наконец, формированием обширных феодальных государств на территории данной части Европейского континента.

Первой теме была посвящена научная конференция в Киеве (июнь 1969 г.), материалы которой послужили основой для опубликования соответствующего сборника работ советских и польских авторов **.

* «Материалы конференции польских и советских историков по проблемам историографии». М., 1969.

** «Становление раннефеодальных славянских государств». Киев, 1972.

Вторая тема была рассмотрена на конференции в Москве осенью 1971 г. Материалы этой конференции публикуются в настоящем издании.

Предлагаемый сборник статей является, таким образом, итогом совместной работы польских и советских медиевистов над важными проблемами исторического развития Польши и Руси XII—XIV вв., представляет собой опыт сравнительного изучения процессов утверждения и преодоления феодальной раздробленности в исторической жизни наших стран.

В сборнике значительное внимание обращено на вопросы общности социально-экономического, государственно-правового, политического и культурного развития Польши и Руси XII—XIV вв., вместе с тем здесь учитываются и черты своеобразия исторической жизни наших стран в рассматриваемое время.

Проблемам закономерного дробления древнерусских и древнепольских государств на отдельные земли-княжества, а вместе с тем и вопросам специфики исторической жизни этих княжеств посвящены работы советских историков Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, П. П. Толочко, а также исследования польских ученых А. Гейштора, Р. Хека, К. Мыслиньского, С. Руоццкого.

Социально-экономические и государственно-правовые аспекты исторического развития наших стран в указанный период раскрываются в статьях Я. Н. Щапова, Ю. М. Юргиниса, Г. Самсоновича, О. М. Рапова, Б. Н. Флори, Н. А. Мохова. Важные стороны культуры Восточной Европы XII—XIV вв. получили отражение в статьях А. И. Рогова и Я. Д. Исаевича. Исследование П. Н. Максимова устанавливает преобладание в развитии архитектуры восточного славянства XII—XIV вв. не локальных, а общерусских тенденций.

Проблемы источниковедческого характера исследуются в статьях Е. Охманьского, М. Е. Бычковой, И. Б. Грекова.

Значительное внимание уделено вопросам преодоления феодальной раздробленности, проблемам утверждения объединительных тенденций в исторической жизни польских и русских земель XIV столетия. Указанная тематика применительно к польскому историческому процессу раскрыта в статье А. Гейштора. Различные аспекты этой

темы применительно к истории Русской земли рассмотрены в статьях В. В. Мавродина, П. Н. Максимова, В. А. Кучкина и др.

В сборнике выявляется роль международного фактора в процессах феодальной концентрации, происходивших на польских и русских землях в XII—XIV вв., а также формирования обширных государственных объединений на территории Восточной Европы в XIV и XV в. Статьи Г. Ловмянского, Р. Хека, К. Мыслинского фиксируют значение влияния политики феодальных германских государств в сдерживании процессов консолидации польских земель на рубеже XIII—XIV вв.

Некоторые статьи советских авторов отмечают важное значение международного фактора в историческом развитии русских земель. Этой теме применительно к русско-византийским отношениям XII в. касается Г. Г. Литаврин, а проблема русско-ордынских отношений XIII—XIV вв. затрагивается в статьях В. В. Мавродина, В. А. Кучкина, И. Б. Грекова.

Публикуемые исследования ученых наших стран позволяют, таким образом, проследить параллельные явления в социально-экономической, политической и культурной жизни Польши и Руси XII—XIV вв.; вместе с тем они предоставляют возможность зафиксировать и некоторые особенности исторического развития наших стран в указанный период, в частности те специфические черты этого развития, которые обуславливались различной интенсивностью аналогичных по своей сути исторических процессов.

Материалы сборника позволяют, например, утверждать, что если феодальная Польша, несмотря на немецкую феодальную экспансию, уже в конце XIII — начале XIV в. преодолела тенденции полицентризма и добилась почти полного восстановления своего бывшего единства, создавая такого типа этнически однородное, «национальное государство», о котором Ф. Энгельс говорил, как об одном из важнейших рычагов прогресса в средние века, то в исторической жизни русских земель те же процессы феодальной концентрации и объединения этнически однородных территорий протекали тогда в более замедленном темпе, а следовательно, и с иной степенью завершенности в силу ряда конкретно-исторических причин, например, вследствие сдерживающего воздействия ордынской дипломатии.

Так, указанные процессы развивались сначала в условиях намеренно затягиваемого Ордой соперничества многих центров Русской земли, а затем при систематически практикуемом Ордой столкновении двух крупных государств — Владимирского великого княжения и Великого княжества Литовского и Русского. И хотя оба княжества выросли на общей, древнерусской основе, хотя оба они выдвигали одну и ту же программу объединения всех восточнославянских территорий, эта программа, как известно, оказалась нереализованной, а процесс консолидации Русской земли в то время не закончился.

Все это свидетельствует о том, что аналогичные в своей сущности процессы восстановления былого единства древнепольских и древнерусских земель, сопровождаемые различными конкретно-историческими обстоятельствами, получали отнюдь не одинаковое завершение.

Публикуемый сборник статей польских и советских авторов дает, таким образом, материал как для установления определенного параллелизма в закономерном развитии Польши и Руси XII—XIV вв., так и для выявления специфики исторической жизни двух стран в указанный период.

* * *

Статьи польских историков публикуются в переводах, осуществленных Г. В. Макаровой, А. И. Роговым, Б. Н. Флорей и Н. Я. Севериной (последней принадлежат и переводы статей польских авторов в предыдущем сборнике «Становление раннефеодальных славянских государств»).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ НА РУСИ

В. Т. Пашуго

В свое время Н. М. Карамзин писал, что «битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума» и «сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотою для живописца»¹. Попытки осмыслить политическую раздробленность в свете «родовой» теории С. М. Соловьева² и «колониационной» теории В. О. Ключевского³ успеха не принесли. Эти авторы рассматривали время от Мономаха до татаро-монгольского нашествия как нарастающий экономический, политический и культурный упадок. Из всей огромной территории Руси они делали некоторое исключение лишь для Владимиро-Суздальской земли, видя в ней предтечу последующего подъема уже в «московский период»; притом органически закономерная связь между «киевским», «владимирским», «московским» периодами оставалась вне поля их зрения.

Буржуазная (особенно украинская) наука оставила нам также серию монографий по истории отдельных земель (М. С. Грушевского, А. С. Грушевского, Д. И. Багалея, П. В. Голубовского, Н. П. Дашкевича, И. И. Липиченко, А. М. Андрияшева, В. Е. Данилевича, В. С. Борзаковского, А. И. Никитского и др.). Но методологически и эти локальные исследования традиционны («хаос» и «анархия» господствуют на Руси), а потому их совокупность не создает цельного представления о судьбах всей Руси XII—XIII вв. В русской эмигрантской историографии такой взгляд оказался довольно живучим. «На Руси,— писал П. Б. Струве,— существовало много земель-государств, но Русская земля не была государством, и князь, опираясь на свой коллективный суверенитет, осуществляет его *sit venia verbo* в порядке анархии»⁴. Эти воззрения господствуют и в современной буржуазной историографии о России (труды Г. Вернадского, Г. Штёкля и др.).

В советской науке разработка истории феодальной раздробленности стала возможной лишь после того, как Б. Д. Греков раскрыл сущность общественно-политического строя Древней (Киевской) Руси. Но Б. Д. Греков специально временем раздробленности не занимался и, стараясь привлечь к нему внимание исследователей, писал: «Как ни может показаться странным с первого взгляда, но это несомненный факт, что мы «киевский период» нашей истории в отношении общественного строя знаем лучше, чем следующее за ним время раздробленного существования Руси»⁵.

После Великой Отечественной войны историки, археологи, историки культуры повели исследование этого периода по двум линиям: изучались коренные социально-экономические проблемы — история сельского хозяйства (А. В. Кирьянов, В. И. Довженок, В. И. Цалкин и др.), ремесла, города и торговли (Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, М. В. Фехнер и др.), культуры (Д. С. Лихачев, Н. Н. Воронин, В. Н. Лазарев и др.), этнической эволюции (В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин и др.) и одновременно разворачивались локальные исследования истории земель — Черниговской (В. В. Мавродин опубликовал посвященную ей работу перед войной), Киевской (М. К. Каргер), Галицко-Волинской (В. Т. Пашуто), Новгородской (В. Л. Янин), Полоцко-Минской (Л. В. Алексеев).

Названные разработки открывали путь поискам в истории Руси тех же закономерностей социально-экономической и политической эволюции, которые Ф. Энгельс выявил на средневековом материале других стран Европы. Эти поиски нашли отражение и в создании основ периодизации истории Руси в обобщающих трудах по отечественной и всемирной истории.

Новейшие изыскания в сфере нумизматики и внешней торговли (В. В. Крopotкин, В. М. Потин, В. П. Даркевич), а также внешней политики Руси подкрепляют основательность донныне полученных главных выводов; они находят подтверждение и в сравнительно-историческом аспекте, о чем свидетельствуют, в частности, труды наших польских коллег — Г. Ловмянского⁶, Я. Башкевича⁷, Ю. Бардаха⁸ и других, плодотворно вскрывающих черты общности в общественно-политической эволюции Польши и Руси; то же подтверждают исследования

отдельных институтов (С. Руссоцкий), дипломатических союзов (Б. Влодарский, С. Кучинский) и т. п.

Попытаемся теперь кратко ответить на вопрос, каковы выводы советской науки о значении периода феодальной раздробленности. Они предопределены самой новой трактовкой этого периода.

Относительно единая государственная структура, сложившаяся ко времени княжения Владимира Святославича (980—1015) и Ярослава Мудрого (1019—1054), оказалась недолговечной. Причина этого кроется не в упадке страны, а в ее социально-экономической эволюции, где наблюдаются два ряда причинно взаимосвязанных явлений: развитие феодализма вширь и ослабление экономической и политической мощи центральной власти⁹. Решение общерусского съезда князей в Любече (1097 г.) закрепило перераспределение собственности в пользу местных княжений (по формуле: «пусть каждый держит землю своего отца»); этот порядок окончательно восторжествовал в 1132 г. (в Польше по статуту Болеслава Кривоустого — в 1138 г.). На Руси утвердился полицентрический политический строй.

Политическая структура Руси утратила форму раннефеодальной монархии, ей на смену пришла монархия периода феодальной раздробленности. Государственный строй приобрел новую форму правления, при которой киевская столица и подвластный ей домен «Русской земли» сделались объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей; все князья, отвечавшие за судьбы «Русской земли», требовали себе в ней доли собственности и доходов, а свои права и обязанности определяли на общерусских сходах — съездах.

Подобный же порядок после татаро-монгольского разорения страны возродился на заре Русского централизованного государства в Северо-Восточной Руси рубежа XIII—XIV вв. относительно «Владимирского великого княжения». Феодальная раздробленность порождала тенденцию к единству.

Социальные основы этой тенденции сложились в XII—XIII вв. и обнаружались по всей Руси. Развитие сеньориальной земельной собственности в обособившихся княжествах отражено в сохранившихся источниках по истории Владимиро-Суздальской, Галицко-Волынской, Новгородско-Псковской земель. Оно влекло за собой возрастание

политической роли провинциальной, светской и духовной знати, в свою очередь враждебной политическому единству и сильной государственной власти новых княжеств. Выступая против сепаратизма знати, теперь уже местные князья (галицко-волынские — Ярослав Владимирович, Роман Мстиславич, Даниил Романович; владими́ро-суздальские — Андрей и Всеволод Юрьевичи, Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич Невский) использовали центральные и местные государственные земельные фонды для укрепления набиравших силу служилых феодалов — дворян, милостников («милость» — земельное пожалование¹⁰), детей боярских, служилых бояр.

Ряды этого служилого дворянства и боярства пополнялись не только по наследству. Источники называют бояр, вышедших из среды зажиточного крестьянства — смердов¹¹ (расслоению крестьянства содействовало распространение натуральной ренты); из простого духовенства — попов¹²; до бояр выслуживалось мелкое рыцарство младшей дружины¹³; наконец, администраторы всех рангов двигались по пути лихоимства в служилый, обеспеченный землею люд. Следовательно, решающая роль дворянства и служилого боярства в процессе централизации страны тоже постепенно вырисовывается в период феодальной раздробленности.

Окончательно сложились политическая и военная иерархия, соответствующая расчлененному характеру феодальной собственности на землю; иерархия, связанная с системой вооруженных дружин, при которой высшая военная и судебная власть принадлежит собственникам земли; ассоциация земельных собственников, классово противостоящая угнетаемому ими крестьянству¹⁴. Системе вассалитета на Руси, как выяснилось¹⁵, были присущи хорошо известные и другим странам формы регулирования внутренних противоречий, возникавших среди феодалов в ходе их борьбы за землю, за ренту, за иммунитет. Источники рисуют нам эти формы — подручничество, кормление, местничество, разные виды вассальной службы, княжеский суд и пр. Таким образом, политическая структура достигла соответствия с происшедшим ранее перераспределением собственности в пользу местных княжеских династий, бывших у них на службе бояр и дворян.

Политический статус был поддержан городами, которые также считали обременительной власть киевской монархии и ее знати. Новые города превращаются в силу, которая наряду с дворянством (милостниками) все энергичнее подрывает значение старых центров, окрепших при киевских монархах. Напрасно киевская знать третировала новгородцев, называя их «плотниками», — нужно было иметь «две головы», чтобы самовольно занять новгородский стол; напрасно ростовская знать обзывает владимирцев «холопами» — Владимир-на-Клязьме становится во главе Северо-Восточной Руси, чтобы затем уступить место Твери, Нижнему Новгороду, Москве; то же происходит и на юго-западе, где Перемышль уступает свою роль Галичу, тот — Холму и Львову.

Договоры («ряды») вольных городов с князьями — ясный признак укрепления их коммунальных прав; они порождены той же действительностью, что и договоры князей и их вассалов о разделе Руси. Договоры бесспорно свидетельствуют о признании верховной государственной властью за вольными городами прав собственности на землю; а городские советы (в затруднительных случаях использующие поддержку той или иной части горожан) выступали как корпорация сеньоров с присущими им правами на иммунитет. Главным условием договоров с князьями было то, что все территории, приобретенные ими или их наместниками, полученные за услуги горожанам, захваченные или купленные, подлежали возврату по оставлении князем города.

Но в средневековой Руси вольность городов — понятие сложное. Она была стеснена постоянным пребыванием в них боярских дружин, почти постоянным — вооруженного княжеского отряда. С вольного города не спускала глаз церковь, представители которой входили в городской совет и располагали внушительной силой городских монастырей. Надо иметь в виду и стесненное по сравнению с феодалами правовое положение купечества. Наконец, городской патрициат («городские мужи»), как правило, делился на враждующие партии, тяготевшие к различным коалициям князей, борьба между которыми за власть постоянно осложняла политическую жизнь Руси.

Исследование роли городов в процессе образования Русского централизованного государства ясно свидетельствует о том, что при всех осложнениях, внесенных ор-

дынским игом, русский городской строй вырос из условий феодальной раздробленности, а не создан заново.

Политический статус власти был поддержан и церковью. Рост земельной собственности духовной знати, особенно с XII в. (как это доказал Я. Н. Щапов), нашел свое отражение в широком распространении по всей Руси церковного устава Владимира Святославича, модифицированного в духе церковного земельного стяжательства, которым пронизаны смоленский и новгородский уставы середины XII в. Княжеские уставы фиксировали формы и размеры материального обеспечения епископий, получаемой ими доли феодальной ренты¹⁶. Это обеспечение складывалось первоначально из десятины, быстро возроставшей земельной собственности и доходов от церковного суда. Центры обособившихся княжеств становились, как правило, и церковными центрами, епископиями (ко времени монгольского нашествия их насчитывалось 16); быстро росли монастыри, число которых только во Владимиро-Суздальской и Новгородско-Псковской землях, по данным XII—XIII вв., собранным И. У. Будовницем, достигло 84¹⁷, создавались и свои конституционные установления, определявшие место церкви в новых условиях. Уставы возникли в процессе борьбы между церковной и светской знатью за раздел земель и доходов. Они порождены той же действительностью, что и договоры князей и их вассалов между собой и с городами.

Доскональное исследование роли церкви в процессе централизации России — назревшая задача науки, но и без того ясно, что церковь (при всех отклонениях, вызванных властью Орды и соперничеством Литвы) продолжала путь¹⁸, начатый в интересующий нас период, передвинув свой центр из Галича и Киева во Владимир, а затем в Москву.

Естественно, что исторический процесс вызревания самостоятельных славянских и иноязычных государств, связанных властью сначала единой, а затем феодально раздробленной Руси, тоже не заглох в результате вторжения татаро-монгольских полчищ и немецких рыцарских войск. Он не заглох потому, что в отличие от непрочных империй (Византийской, Монгольской и др.) Древнерусское государство имело преобладающее славянское ядро, глубокие корни в дофеодальной народной колонизации, давние традиции борьбы народов против социаль-

ного гнета и за независимость¹⁹. Часть народов Севера, Прибалтики, Поволжья удержалась под властью Руси, и процесс воссоединения славянских и объединения не-славянских земель получил дальнейшее развитие в ходе ее централизации.

К сожалению, на Руси не сохранились труды, подобные «De administrando imperio» или «Dictatus papae», но летописи и другие источники не оставляют сомнения в том, что и во времена феодальной раздробленности (которая не была абсолютной) жители всех частей страны ясно сознавали свою принадлежность к русской (древне-русской) народности и осуждали любые попытки иностранцев занять земли Руси; да и князья придерживались той мысли (или, выражаясь современно,—доктрины), что занимать княжеские столы на Руси могут только члены русской правящей династии, что все они «одного деда внуки» и что вне Руси им земли «в Угрех нетуть ни в Ляхох»²⁰.

В сфере культуры, особенно в хронографии и литературе, сложились сильные идеологические течения, представленные волынскими и суздальскими летописными сводами, «Словом о полку Игореве», «Молением Даниила Заточника», великокняжескими житиями и т. п., выступавшие в поддержку единства страны и ее носителей — великих князей.

Это наследие тоже нашло свое место в идеологическом фонде московского «возрождения».

Поддержанные служилым дворянством и быстро растущими городами (накануне монгольского вторжения упоминается 300 больших и малых городов; только в Галицко-Волынской земле их было более 80, в Полоцко-Минской — 40), местные князья повели энергичную борьбу с боярским сепаратизмом. Новые княжества (иные из них превосходили размерами целые государства тогдашней Европы — Владимиро-Суздальская земля была больше Англии) соперничали из-за земель, городов и политической власти на Руси, довершая упадок политического значения Киева.

Это соперничество отразилось на составе и результатах последних известных нам общерусских княжеских съездов 1223 и 1231 гг. в Киеве; оно роковым образом сказалось на исходе героической борьбы русского народа с монгольским нашествием.

Основатели Русского централизованного государства в иных исторических условиях продолжали ту же политику решительного перераспределения боярской собственности, обеспечивая крепнувшую стабильность великокняжеской власти.

Следовательно, историческое значение феодальной раздробленности состоит в том, что она подготовила материальные и социальные предпосылки образования централизованного государства так, как оно вырисовывается из исследований Л. В. Черепнина и его школы (работ А. М. Сахарова, А. Д. Горского и др.). Внешнеполитические условия лишь сузили территориальную основу этого процесса, осложнили и замедлили его.

-
- ¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1842, стр. X.
 - ² С. М. Соловьев. История России, т. I. М., 1959, стр. 270, 746.
 - ³ В. О. Ключевский. Соч., т. I. М., 1956, стр. 30—32 и сл.
 - ⁴ П. Б. Струве. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего... Париж, 1952, стр. 81.
 - ⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 253.
 - ⁶ Н. Łowmiański. Podstawy formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953, str. 96, 115.
 - ⁷ J. Baszkiewicz. Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przełomie XIII i XIV wieku. Warszawa, 1954; он же. Państwo suwerenne w feudalnej doktrynie. Warszawa, 1964.
 - ⁸ J. Bardach. Le pouvoir monarchique en Pologne au Moyen âge. Bruxelles, 1969.
 - ⁹ В. Т. Пашуто. Эволюция политического строя Руси (X—XIII вв.). «L'Europe aux IX-e — XI-e siècles». Warszawa, 1968, p. 241—247.
 - ¹⁰ М. Н. Тихомиров. Условное феодальное держание на Руси XII в. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 100—104.
 - ¹¹ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. 2. СПб., 1908, стб. 790.
 - ¹² Там же, стб. 789.
 - ¹³ Там же, стб. 536.
 - ¹⁴ Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 38—63.
 - ¹⁵ В. Т. Пашуто. Черты политического строя Древней Руси. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 11—76.

- ¹⁶ Я. Н. Шапов. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972.
- ¹⁷ И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XV вв. М., 1966, стр. 48—72.
- ¹⁸ «Церковь в истории России (IX в.— 1917 г.). Критические очерки». М., 1967, стр. 51—91.
- ¹⁹ В. Т. Пашуто. Особенности этнической структуры Древнерусского государства. «Acta Baltico-Slavica», t. 6. Białystok, 1969, str. 174.
- ²⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 405.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ РУССКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ XII В.

(Тезисы)

Б. А. Рыбаков

1. На рубеже XI и XII вв. явно ощущается усиление политической роли киевского боярства, стремящегося оградить себя от княжеского произвола и устранить разорительные княжеские усобицы, особенно грозные в тех случаях, когда та или иная враждующая сторона вступала в союз с половецкими ханами. Выступая против усобиц, призывая к дружной обороне всей Руси от половцев и негодуя по поводу беззакония и бесчинств княжеских тиунов и вирников, боярство объективно защищало общенародные интересы.

2. Осуждению с боярских позиций подвергалась в летописи деятельность Всеволода Ярославича в последние годы его княжения (когда фактически Киевской Русью правил его сын Владимир Мономах). Князь «нача любити смысл уных, совет творя с ними», «начаша ти унии грабити людей, продовати» (в чем сказалась обратная сторона «Правды» Ярославичей). Такому же осуждению подверглись и первые шаги нового князя — Святополка Изяславича: он также не советовался со «смысленными», со старшей дружиной, боярством. Летописец не пожалел красок для того, чтобы изобразить пагубные и тягостные для всей Руси последствия подобного пренебрежения боярской думой. Главным положительным героем концовки киевского летописного свода 1093 г. является глава киевского боярства тысяцкий Ян Вышатич, представитель «смысленных». Автор этого летописного свода (по А. А. Шахматову — печерский игумен Иоанн) вынес свой спор с князьями за рамки годовых статей и повторил его в предисловии ко всей летописи, четко обозначив свое политическое кредо.

3. «Поучение» Владимира Мономаха (около 1099 г.) является прямым ответом на обвинения, предъявленные ему как фактическому правителю Руси в 1187—1193 гг. летописцем от имени «смысленных». Мономах осуждает

«отроков», творящих пакости в селах и житах, осуждает «мужа крови и творящих беззаконие». Одновременно он дает понять, что «уные» обязаны «премудрых слушати, старейшим покоряться». Сам князь должен обсуждать все дела с боярством. Кроме того, Мономах в «Поучении» выступил противником княжеских усобиц и сторонником активной борьбы с половецкими наездами. Одним словом, рассчитывая на избрание его великим князем киевским, Мономах полностью принял боярскую программу.

4. Киевское боярство на протяжении XII столетия достигло значительного политического могущества, что выразилось в избрании по своей воле князей, в обязательности «ряда» каждого нового князя с «киянами» и в изгнании князей, не угодных киевскому боярству.

Летописцы откровенно говорят о боярских заговорах, кончавшихся то изменой в разгар битвы (1146, 1169 гг.), то отравлением самого цесаря Руси (1171 г.).

В юридических памятниках усиление боярства отразилось в Пространной Русской Правде, заменившей (примерно в 1120—1130-е годы) старую домениальную «Правду» Ярославичей.

С 1151 г. киевское боярство устанавливает оригинальную систему дуумвирата, приглашая на великокняжеский стол одновременно представителей двух враждующих княжеских домов. Эта система, действовавшая (с перерывами) до 1194 г., способствовала уменьшению усобиц.

5. Один из киевских летописцев середины и второй половины XII в., принадлежавший к светским боярским кругам, в целом ряде годовых статей довольно подробно изложил (не в общем, а по поводу конкретных событий) взгляды бояр на идеального князя. Князя приглашает Киев и вся земля Русская; переход престола по наследству совершенно не обязателен; князь заключает ряд с людьми. В случае дуумвирата составляются договорные грамоты соправителей (например, «Романов ряд» 1176 г.). Князь обязан советоваться с боярской думой. Киевляне вправе отказать князю в своей военной помощи, если они не считают данную войну необходимой. Они вправе сказать князю: «Поеди, княже, прочь!» Неоднократно подчеркивается неблагоприятность действий тех князей, которые пренебрегали боярскими советами и следовали подстрекательствам «уных», «детских» (Изяслав Мстиславич в 1149 г. и Владимир Мстиславич в 1167 г.).

Летописец последовательно проводит идею боярской олигархии, что сближает положение киевского боярства с боярством новгородским после 1136 г.

6. Выкристаллизовавшиеся к 1130-м годам самостоятельные княжества-королевства (еще не поделенные на уделы) были оптимальной политической формой с точки зрения наиболее сильной части феодального класса — боярства.

Боярские идеологи поддерживают идею самостоятельных, суверенных «отчин». Для киевского летописца хорошим примером независимого княжества является Суздальщина Юрия Долгорукого («речь» боярина в думе в 1148 г., по В. Н. Татищеву, и спор Андрея Боголюбского с Юрием Туровским в 1155 г.).

Посмертные оценки князей и их предсмертные «речи», записанные в летописи, создают облик идеального с точки зрения боярских летописцев князя.

7. Несомненным сторонником суверенности крупных княжеств является автор «Слова о полку Игореве». Его уважительное, почти панегирическое отношение к Ярославу Осмомыслу, Всеволоду Большое Гнездо и Роману Мстиславичу свидетельствует о полном согласии его с существовавшей в те годы политической структурой. Призывы автора «Слова» к единым действиям ограничивались чисто военным аспектом («Загородите полю ворота»), касались только совместных действий против половцев и совершенно не затрагивали ни принципа существования отдельных княжеств, ни права войны и мира у каждого князя, ни внутреннего распорядка княжеств.

8. Интереснейшим политическим трактатом, завершающим развитие политической мысли XII в., является известный федеративный проект Романа Мстиславича 1203 г., сохраненный и критически рассмотренный В. Н. Татищевым. Время и место его первоначальной фиксации следует, по всей вероятности, связывать с княжением в Новгороде Константина Всеволодича в 1205—1207 гг., когда при дворе этого князя, удостоившегося прозвища «Мудрый», писал книжник, хорошо знакомый с киевскими событиями 1203 г.

Сущность проекта заключается в следующем: для обороны южных границ и устранения усобиц и котор, киевского князя должны выбирать шесть крупнейших рус-

ских князей: Владимирский, Черниговский, Галицкий, Смоленский, Полоцкий, Рязанский.

Отчина-домен избранного князя передается его старшему сыну. Принцип майората («а и же б местные князи не малились») предполагается применять во всех княжествах.

Киевский великий князь рассматривается в этом проекте не как монарх единой империи, а лишь как *организатор* обороны, действующий «снеспися со братией» (выделено мной. — Б. Р.). Усобицы между князьями великий князь пресекает не силою оружия, «а посудит с местными князи и омирит».

9. Монархическая идея неоднократно обосновывалась летописцами-церковниками. Одним из примеров может служить речь-кантата игумена Моисея, завершающая Киевский летописный свод 1198 г. Исходя из тезиса Мефодия Патарского о том, что «малое небо — богомудрого душа», Моисей (подражая по форме Кириллу Туровскому) проводит сопоставление благих дел князя Рюрика Ростиславича с мудрым устройством Вселенной богом.

Придворный монархизм наполняет все летописание при дворе Андрея Боголюбского. Здесь мы встретим даже такой сомнительный с точки зрения канонического христианства тезис: «Естеством бо царь земным подобен есть всякому человеку, *властью же сана — вышьши, яко бог!*» (выделено мной. — Б. Р.).

Возможно, что именно это уподобление Андрея Боголюбского богу вызвало к жизни сатирическое произведение (оригинальное или переводное?) «Слово о Адариане царе, како ся велел звати богом», вышедшее, очевидно, из кругов оппозиционного боярства.

10. Во Владимиро-Суздальском летописании единственный раз за весь XII в. прозвучал голос летописца, защищающего интересы поработаемого и закабаляемого населения. Автор поучения, написанного по поводу грандиозного пожара во Владимире в 1192 г. (я полагаю, что им мог быть Даниил Заточник), обращается к сильным мира сего с призывом не только накормить и приютить погорельцев, но и «разрешить узы бедных» и уничтожить «вписанье неправедно», т. е. какие-то кабальные грамоты, которые заставляли подписывать голодных и разоренных горожан.

В летописных материалах, принадлежащих, по-видимому, той же руке, есть смелый тезис: «за грехи царя бог казнит землю».

11. Даниил Заточник в своем «Слове» (1197 г.), не покушаясь на основы феодального строя, признавая и княжескую власть, и боярство («паволока, испещренне многими шелки...»), выступает против произвола и беззакония княжеских тиунов и рядовичей. Однако его позиция диаметрально противоположна позиции богатых «смысленных», осуждавших то же самое явление при Мономахе; Даниил судит о рядовичах с точки зрения разоренного человека, не огражденного от произвола «страхом грозы» княжеской.

12. Наиболее прогрессивное направление политической мысли XII в. представлено в русском летописании мощной струей боярского творчества. Защита Руси от половцев, ликвидация княжеских военных усобиц, приостановление княжеского круговорота XI в., организация реально управляемых княжеств с постоянной династией, требования законности и постоянное стремление к миру — таковы положительные черты боярской идеологии в условиях бурного развития «восходящей стадии» феодализма.

ПУТИ И ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XII — НАЧАЛА XIII В.

Л. В. Черепнин

Политической истории Древней Руси посвятили свои труды многие выдающиеся ученые. Согласно концепции В. О. Ключевского, древнерусские князья не знали «идеи чистой монархии», на Руси существовала «единая верховная власть, только не единоличная». На рубеже XI и XII вв. «в каждой области стали друг против друга две соперничавшие власти — вече и князь». Отрицая за Древнерусским государством право называться монархией, Ключевский не считает его и федерацией «в привычном смысле слова». Если это и была федерация, то «не политическая, а генеалогическая», один из средневековых политических союзов на частноправовой основе¹.

В. И. Сергеевич полагал, что в Древней Руси «мы встречаемся не с простой, а со смешанной формой правления, в которой участвуют два элемента, а именно: монархический — в лице князя и народный, демократический элемент — в лице веча»².

А. Е. Пресняков рассматривал междукняжеские отношения XI—XII вв. под углом зрения борьбы двух тенденций. С одной стороны — понимание «каждой волости-княжения, доставшейся какому-либо князю, как вотчины его сыновей»; с другой — стремление «князей, владевших Киевом, сохранить единство распоряжения силами всей Русской земли и судьбой отдельных ее частей»³.

В советской историографии создана новая, марксистская концепция истории Древней Руси. В ее разработке выдающаяся роль принадлежит Б. Д. Грекову. Он доказал, что Древняя Русь (Русская земля) X—XI вв. была раннефеодальным государством, а киевский князь — «признанным главой» этого государства. Но князь «не самодержец», он — «представитель правящей знати». С течением времени происходит расчленение Древнерусского государства. В период феодальной раздробленности

в городах усиливается роль вечевых собраний, но феодальная знать подчиняет их действия своим интересам⁴.

С. В. Юшков различал в пределах IX—XIII вв. две формы государства: варварское (IX—X вв., кончая временем Святослава) и раннефеодальную монархию. Последняя также прошла через два периода — княжения Владимира и Ярослава и века последующего раздробления страны⁵.

М. Н. Тихомиров рассмотрел тему — вече и князь в связи с борьбой горожан за свои вольности. Горожане «стремились сажать к себе на стол только удобных им князей», заключая с последними «ряд» на вечевых собраниях. Тихомиров полемизировал с Юшковым, признававшим за вечем характер совещания «основных феодальных групп», и доказывал, что в нем принимали участие и «черные» люди и оно не раз становилось ареной классовой борьбы⁶.

А. Н. Насонов проследил, как в составе Киевского государства, представлявшего собой «неустойчивое единство», происходил процесс вызревания ряда земель-княжений в феодальные «полугосударства», которые в XII в. приобрели самостоятельность (не исключаящую некоторого единства) в отношении Киева. Наступил период раздробленности. Но наряду «с тенденциями к обособлению, с действием факторов разъединяющих» в политической жизни страны существовали и тенденции к объединению, действовали факторы «связывающие»⁷.

Б. А. Рыбаков говорит о «единой Киевской Руси как первичной политической форме», о «единой державе Руси», о «раннефеодальной монархии», «раннефеодальной империи», «единой автократической империи», на смену которой в XII в. пришли княжества-королевства, бывшие «вполне сложившимися государствами» с «суверенными государями» во главе. Поэтому Рыбаков считает неправомерным термин «полугосударства»⁸.

В. Т. Пашуто детально восстановил в конкретных очертаниях характер таких политических институтов, как собор, совет при князе, снем, вече, ряд, подручничество, кормление, местничество, вассалитет, княжеский суд⁹.

А. А. Зимин поставил перед собой задачу изучить процесс становления и развития древнерусской государственности по Русской Правде¹⁰.

Большой интерес представляют монографии, посвященные политической истории ряда земель в эпоху Киев-

ской Руси и в период феодальной раздробленности: Галицко-Волынской¹¹, Новгородской¹², Полоцкой¹³, Рязанской¹⁴ и др.

Итак, в настоящее время уже значительно продвинулось изучение вопросов складывания территории и аппарата власти в Древней Руси. Однако многое еще требует раскрытия и конкретизации. В частности, важно более отчетливо показать своеобразие политического развития отдельных русских земель.

Ограниченность источников по истории русского средневековья заставляет обратить особое внимание на совершенствование методики их исследования, на поиски новых приемов источниковедческого анализа. Так, мне кажется, недостаточно использован один очень перспективный методический прием: анализ отдельных юридических терминов и целых формул, встречающихся в летописях. Наши летописные памятники, в том числе и Повесть временных лет,— необычайно многообразны не только по содержанию, но и по языку. Наряду с художественными литературными образами мы находим там чисто деловую речь: документальную, дипломатическую, терминологию государственных грамот, правовых кодексов. Перед нами формулы посажения на княжеский стол, междукняжеских соглашений, клятвы верности и т. д. Эти термины обозначают определенную систему отношений.

Начнем с вопроса о политической истории Киева как центра Русской земли. С княжения Владимира Святославича имеются все основания говорить о раннефеодальной монархии на Руси. Это признает большинство исследователей. Для времен Ярослава летописец формулирует уже идею наследственной монархии: «Ярослав же седе в Кыеве на столе отни и дедни»¹⁵. Однако при этом монархе-«самовластце» намечаются и центробежные тенденции, направленные к раздроблению достигшего относительного единства государства. Основой междукняжеских отношений после смерти Ярослава (1054 г.) явился завещательный «ряд» своим сыновьям. По-видимому, это была письменная духовная грамота типа завещания Ивана Калиты и других московских князей.

Сыновья Ярослава скоро (1068 г.) нарушили «заповедь отню». Разрушился княжеский триумvirат (Изяслав —

Святослав — Всеволод Ярославичи) как форма правления Русской землей. Столкнулись две политические тенденции. С одной стороны, «желая большее власти», каждый из князей хотел устранить из Киева своих соперников. С другой стороны, недостаток сил заставлял князей заключать двусторонние союзы. Триумvirат сменился дуумvirатом (Изяслав — Всеволод). И лишь гибель двух старших братьев и вокняжение в Киеве в 1078 г. Всеволода летописец расценивает как достижение единовластия¹⁶.

Княжения в Киеве Святополка Изяславича (1093—1113 гг.), Владимира Всеволодовича Мономаха (1113—1125 гг.) и Мстислава Владимировича (1125—1132 гг.) справедливо характеризуются в литературе как годы временной реставрации феодальной монархии¹⁷. Но тогда же все более проявлялись тенденции к дальнейшему раздроблению. На Любечском съезде 1097 г. был провозглашен «отчинный» принцип распределения княжеских столов¹⁸.

Следя за дальнейшими летописными известиями о смене киевских князей, мы встречаем стандартные формулы: такой-то князь «вниде» («пойди») в Киев и «седе» там. Но наряду с этим трафаретом летописец в ряде случаев раскрывает правовые основы вокняжения. Делаются ссылки на наследственные права (как по прямой, так и по боковой линиям). В 1113 г. Мономах занял стол «отца своего и дед своих»¹⁹. В 1125 г. «седе Кыеве Мстислав сын его старейший». После Мстислава стал княжить «брат его» Ярополк. По смерти последнего «вниде Вячеслав брат его в Кыев». Имеются указания и на предсмертные распоряжения князей Мономаховичей о престолонаследии. Так, Мстислав оставил «княжение брату своему Ярополку, ему же и дети своя с богом на руке предасть»²⁰.

Но помимо прав наследия летописцы начинают все более подчеркивать роль самого населения Киева (речь идет, конечно, о господствующих группах) в передаче стола тому или иному претенденту. Это связано с возросшим значением городов в общественной жизни со второй половины XI в. Участие киевлян проявляется, во-первых, в самом акте посажения князей на стол, их признания в качестве правителей. Так, в 1093 г. «кияне» вышли навстречу Святополку «с поклоном и приаши и

с радостью»²¹. В 1138 г. Вячеслав Владимирович «вниде... в Киев, и людем с митрополитом сретшим его и посадиша и на столе прадеда своего Ярослава»²². М. Н. Тихомиров правильно обращает внимание на разницу терминов «седе» и «посадиша»: первый указывает на действия князя, второй — города²³.

Киевские горожане не только принимают участие в княжеском посажении, но и проявляют свое отношение к выбору князей. Владимиру Мономаху «все люде ради быша», за Ярополком «кыяне послаша»²⁴.

Конечно, сразу надо сделать две оговорки. Во-первых, нельзя принимать на веру все сообщения летописцев о политических симпатиях и антипатиях горожан, ибо иногда авторы летописных текстов приписывали им собственные взгляды и настроения. Во-вторых, терминология летописцев — «кыяне», «люди кыяне» — требует социального анализа, который очень труден. На основе традиционных в общем формул, определяющих сословный состав общества, не всегда можно установить, какие социальные группы имеет в виду летописец, рассказывая об общественных настроениях, действиях, столкновениях и т. д. Во всяком случае, несомненно, по моему, что термин «люди» наряду с общим, широким значением имел и более узкий смысл: горожане и даже рядовая масса горожан, простые люди, торгово-ремесленное население города, «черные люди». Поэтому, встречая этот термин в летописи, исследователь обязан каждый раз очень внимательно отнестись к вопросу: о ком идет речь?

В 30—60-е годы, в период острой борьбы за киевский стол между разными представителями княжеских линий Мономаховичей и Ольговичей, занимавших княжения Черниговское, Смоленское, Владимиро-Суздальское, Волынское, междукняжеские усобицы находят отражение в правовой сфере столкновения «отчинных» притязаний различных ветвей рода Ярослава Мудрого. Но, говоря о посажении князей, летопись 50-х годов все более начинает употреблять безличные глагольные формы, указывающие на коллективные решения и действия городских органов, имеющих соответствующие полномочия. Юрия Долгорукого «введоша в Киев», но потом «кыяне» заявили: «Нам с Гюргем не ужити»²⁵. Ростислава Мстиславича «посадиша...кыяне», обещав ему «до твоего живота твой Киев», но потребовав от него сохранения дуум-

вирата с Вячеславом²⁶. По словам М. Н. Тихомирова, это — «республиканская терминология»²⁷.

Князья, борясь за «отчинный» принцип, не раз стремились распространить на города право верховной собственности. В 1150 г. Изяслав заявил: «А мы поедем в свой Киев»²⁸. Так говорили о волостях: «моя», «твоя», «своя». Еще более рельефно выступает понятие собственности (а может быть, патроната) в выражении «люди мои», употребляемом князьями применительно к городам. «Вы есте, людье мои, а отворите ми град», — требовал в 1151 г. Юрий Долгорукий от белгородцев. Но те ответили ему не без иронии: «А Киев ти ся кое отворил»²⁹.

Княжеской формуле «вы мои люди» горожане противопоставляли свою — «ты наш князь», т. е. ты будешь княжить у нас не на основе твоего личного или наследственного права, а потому, что ты нам угоден. «И неугоден бысть кияном Игорь, — читаем в летописи под 1146 г., — и послашася к Переяславлю, к Изяславу рекуче: поиде, княже, к нам, хоцем тебе». Когда Изяслав подошел к Киеву, «приехаша от киян мужи, нарекуче: ты наш князь, поеди, Олговичь не хоцем быти акы в задничи», т. е. не считаем себя людьми, потомственно Ольговичам принадлежащими. Слова «мы хоцем» или «мы не хоцем» такого-то князя постоянно звучат в заявлениях киевлян³⁰.

Утверждение князя горожанами приобретает все большее значение в качестве акта, укрепляющего за ним киевский стол, по сравнению со ссылками на «отчинное» право. В этом отношении интересна полемика между Долгоруким и Изяславом Мстиславичем (1154 г.). Если первый заявлял: «Мне отчина Киев, а не тебе», — то второй ему возразил: «Ци сам есмь ехал Киеве, посадили мя кыяне». «Мужи» Ростислава Мстиславича в 1155 г. напоминали князю: «А ты ся еси еще с людьями Киеве не утвердил»³¹.

Обращаясь к описаниям междукняжеских столкновений, связанных с Киевом, в последнее тридцатилетие XII и начале XIII в. (после похода Андрея Боголюбского в 1169 г.), видим, как ввиду бесконечных перемещений князей в прошлом и настоящем доказать «отчинные» права становилось все труднее, ибо в конце концов все князья оказывались потомками Ярослава Мудрого — «одиного деда внуци». Но и политическая роль горожан теперь менее активна, чем в середине XII в. (конечно,

если считать данные источников достаточно исчерпывающими). Судьбу Киева в значительной мере решают теперь те или иные междукняжеские блоки, выдвигающие своих претендентов. Поэтому вместо выражения «седе» в Киеве такой-то князь (или наряду с этим выражением) в летописях часто встречаем формулу «посади» такой-то такого-то или «дасть» ему княжение; вместо «вниде» князь в Киев — «посла» туда «княжить» своего вассала³².

В рассматриваемый период право распоряжения Киевом и подвластной ему территорией связывалось со «старейшинством» в Русской земле, а признание «старейшим» того или иного князя (или тех или иных князей — их бывало и несколько) закреплялось договорами сюзеренитета-вассалитета. «Старейшим» становился не тот, кто достигал этого положения в силу родового старшинства, а тот, кого таковым «нарекли», т. е. официально наименовали другие князья. В 1173 г. Андрей Боголюбский прислал сказать князьям Ростиславичам (сыновьям Ростислава Мстиславича смоленского): «Нарекли мя есте себе отцемь, а хочю добра, а даю Романови брату вашему Киев». Наделены были и другие князья. За это Андрей потребовал «ходить в его воли».

Но это не была монархия. Сложилась своеобразная политическая структура киевского княжения, обеспечивавшая право владения им коллективом князей³³. Так, в 1195 г. Рюрик Ростиславич пригласил в Киев своего брата Давыда Ростиславича для «думы»: «Река ему: се, брате, се ве осталася старейши всех в Руской земле». Вместе с ним Рюрик «ряды вся уконча о Руской земле и о братье своей о Володимере племени...» (т. е. о территориальном их наделении³⁴). Аналогию этому, хотя и отдаленную, вернее, другой вариант того же коллективного господства, мне кажется, можно видеть в «третьем» владении князьями Москвой в XIV—XV вв.

Для характеристики формы Киевского государства на рубеже XII и XIII вв. не подходят понятия ни монархии, ни республики. Думаю, можно воспользоваться термином В. О. Ключевского — «средневековая федерация»³⁵. Но Ключевский не прав, придавая этой федерации чисто генеалогический характер и отрицая ее политическое, а следовательно, классовое значение. Эта федерация пред-

ставляет собой феодально-иерархическую политическую структуру, оформленную сетью договорных отношений между князьями на началах сюзеренитета-вассалитета. Союз был непрочен, часто нарушался, но феодальное право выработало нормы, на основе которых производилась реставрация подорванных усобицами политических связей.

Третейский суд выяснял существо «вины» одного из князей, характер «обиды», нанесенной другому, и должен был содействовать установлению «мира» вплоть до новой «которы» и «рати».

Вопросы общеземского значения, касающиеся ряда княжеств, решались на снечах — съездах князей и бояр. Данные о них собраны С. В. Юшковым³⁶ и В. Т. Пашуто³⁷. Сведения эти относятся ко времени со второй половины XI в., когда распалась раннефеодальная монархия. Участниками снемов были князья и дружина. Вопрос о княжеских волостях решали на снечах в Любече (1097 г.), в Уветичах (1100 г.), в Киеве (1195 г.)³⁸. Снемы, посвященные введению новых законов, состоялись в Вышгороде и селе Берестове (1072 и 1113 гг.). О мире и войне с половцами «князи руские» и их «вои» говорили на снечах на реке Золотче (1101 г.), на Долобском озере (1103 г.), в Киеве (1170 г.).

Некоторые исследователи отрицают за снечами характер общегосударственных учреждений, ссылаясь на то, что они никогда не охватывали всех княжеств, в их созыве не было периодичности, не были уточнены их компетенция и процедура деятельности, князья могли не считаться с их решениями. Все это верно. Но надо сказать, что эти черты вообще характерны для средневековых учреждений. В то же время практика деятельности снемов была достаточно широкой, и как раз на практике складывались и определялись правовые нормы более или менее устойчивого характера. В этом можно убедиться, читая летописные тексты.

Из очень неясных сообщений летописей можно сделать вывод о наличии в городах городских советов, заключавших договоры с князьями и обладавших значительными политическими правами. Туда, очевидно, входили и бояре, и городской патрициат, и представители духовенства. Городской совет обычно действовал совместно с князем, но в ряде случаев вступал в противоречие с ним, изгонял его, и тогда (правда, редко и ненадолго) оставался един-

ственным органом власти в городе. Наличие городских советов на Руси признают М. Н. Тихомиров³⁹ и В. Т. Пашуто⁴⁰.

Совет в указанном выше составе выступает в рассказе летописи о приглашении в 1096 г. Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем Олега Святославича в Киев на «поряд... пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отец наших, и пред людьми градскими». Когда в 1097 г., во время княжеских усобиц, Святополк «созва боляр и кыян» и рассказал о грозящей ему опасности от Мономаха, «реша боляре и людье: тебе, княже, достойть блюсти головы своее»⁴¹. Ясно, что князь имел здесь дело не с боярской думой или не только с боярской думой, но и с городским советом («кыяне», «люди»). Далее летопись рассказывает, что Святополк хотел уйти из Киева, однако «не даша ему кыяне побегнути», но послали вдову Всеволода и митрополита Николу к Владимиру Мономаху для переговоров⁴². Под «кыянами» здесь могут подразумеваться только люди, обладавшие официальными полномочиями и правом отправлять столь авторитетное представительство по вопросам, касающимся судеб киевского стола.

После смерти Святополка «свет створиша кыяне, послаша к Володимеру, глаголюще: Поиди, княже, на стол отен и деден»⁴³. Здесь киевский совет, состоящий, вероятно, из феодалов и городского патрициата, действует уже без князя и берет на себя инициативу княжеского призвания.

О престолонаследии советовался в 1146 г. с «кыянами» перед смертью Всеволод Ольгович. Конечно, и это было совещание с людьми, пользующимися не просто политическим авторитетом, но и властью в городе⁴⁴. В 1154 г., когда Киев остался без князя, «кыяне» послали за князем Изяславом Мстиславичем епископа Демьяна Каневского⁴⁵. Опять это было официальное посольство, которое могли отправить лишь лица правомочные. Интересно, что Изяслав Мстиславич, собираясь в 1147 г. в поход, созвал на совет «бояры своя, и всю дружину свою, кыяне». Точно так же Мстислав Изяславич в 1169 г. «изма ряд съ братьею, и с дружиною, и с кыяны»⁴⁶. Значит, князьям все время приходится иметь дело не только с боярской думой, но и с городским советом.

Взаимоотношения князя и городского совета находились в состоянии неустойчивого равновесия. Совет не мог

обойтись без князя, князь в своих действиях опирался на совет. Но сосуществование часто нарушалось, и тогда совет, изгоняя одного князя, призывал другого.

Перед исследователем встает важный вопрос: в каких документах фиксировались права горожан? Такие документы до нас не дошли. В. Т. Пашуто много говорит о городских Правдах и пытается восстановить их содержание, своего рода «типический» формуляр, основываясь на отдельных упоминаниях летописи. Исследователь склонен часто встречающееся в летописях выражение «в правду» (по праву) трактовать: на основе Правды (с большой буквы) как юридического памятника⁴⁷.

Мне думается, что нормы, фиксирующие права горожан, запечатлены в памятниках двух типов: во-первых, в отдельных уставах, вошедших в состав Русской Правды, во-вторых, в договорах городов с князьями. Вполне закономерна попытка (конечно, гипотетическая) расчленить Русскую Правду на составные части и выяснить происхождение отдельных ее статей в связи с движением горожан.

Что касается договоров, то в нашем распоряжении имеются только докончания Новгорода с князьями с конца XIII в. Конечно, их содержание в силу специфики новгородской жизни отличалось от содержания докончаний с князьями горожан Киева, Владимира и т. д. Поэтому судить по новгородским грамотам о документах других княжений было бы неверно. Но учитывать их, сопоставляя все время с летописными текстами, необходимо. Можно думать, что в не дошедших до нас грамотах разных княжений были, как и в новгородских документах, статьи о княжеском крестоцеловании; о том, чтобы держаться «старины и пошлыны»; о ликвидации «размирья» (если оно было); о княжеском суде; о том, чтобы князь не замышлял «самосуда», не наносил горожанам «обиды», не «грабил» волости. Представить себе текст несохранившихся договоров более конкретно трудно.

Но, считая доказанным существование городских советов, необходимо рассмотреть вопрос об их взаимоотношении с вечевыми собраниями. О вече имеются разные высказывания историков. По мнению Б. Д. Грекова, вече — это народное собрание, которое «ведет свое происхождение от родового строя... С появлением государства вече теряет благоприятную почву для своего существования...

Вечевые собрания в городах оживляются со второй половины XI в. в связи с ростом и по мере роста отдельных частей Древнерусского государства и, в частности, городов»⁴⁸. М. Н. Тихомиров также связывал вечевые собрания с развитием городов и с появлением новой силы, которой является «город с его купеческим и ремесленным населением»⁴⁹.

Иных воззрений на вече держится С. В. Юшков. «Поскольку,— говорит он,— города все более и более превращаются в центры феодального властвования, всякого рода совещания, которые могли претендовать на какое-либо значение, конечно, должны быть совещаниями основных феодальных групп или групп, так или иначе связанных с феодалами,— возможно, крупными торговцами и одновременно землевладельцами, торговцами — посредниками в торговле предметами даи»⁵⁰.

В. Т. Пашуто считает, что «термин «вече», обозначая совещание вообще, употреблялся применительно к разнородным явлениям». Но во всех случаях вече представляет собой «один из наиболее архаических институтов народо-властия», использованный собственниками земли и поставленный «на службу государству в форме своеобразной феодальной демократии»⁵¹.

Мне представляется наиболее правильной точка зрения Грекова — Тихомирова на вече как на народное собрание во времена родо-племенного строя, возродившееся (но в известной мере и переродившееся) в новых условиях в период развития городов в феодальном обществе. Помоему, источники дают право говорить, что номинально вече — это высший орган городского управления в эпоху раннего феодализма, собрание горожан разного социального статуса. От имени веча идут все переговоры с князем. Совет же является исполнительным органом веча. Но фактически вече собирается чрезвычайно редко, и в повседневной жизни его подменяет (а не просто представляет) совет. Поскольку руководство советом, как правило, захватывает знать, городской патрициат, это сдерживает проявления городской демократии в форме деятельности веча, а иногда и парализует ее. Когда же нужно, совет, напротив, опирается на вече в своей борьбе с князем. Может быть и иначе: князь, недовольный советом, апеллирует к вечу. Наконец, в моменты, острые для города, когда ему грозит внешняя опасность или

когда накаляется социальная атмосфера, инициативу созыва веча берет на себя плебейская часть жителей, и вечевое собрание становится ареной классовой борьбы. Поэтому веча и собираются по зову то князя, то тысяцкого, то народа.

Первое упоминание в летописи о вече в Киеве относится к 1068 г. Не воспроизводя этого известного рассказа, отметим лишь наиболее существенные для нашей темы моменты. Собрали вече «на торговищи... людьє киевстии». В потоке действий тех, кто прибыл на вече, летописец усматривает как бы две струи. Часть киевлян вступила в переговоры (или, скорее, споры) с князем Изяславом, сидевшим «на сенех», а часть стала действовать силой. Надо думать, среди участников событий были представители разных социальных групп. Такие выражения, как «людьє... кликнуша», «людьє възвыли», «двор жь княжь розграбиша», относятся, очевидно, к плебейской части горожан. Вечевое собрание превратилось тогда в восстание⁵².

Довольно сложные политические конфликты разыгрались в Киеве в 1146—1147 гг. в связи с попыткой князя Всеволода Ольговича закрепить Киев за своим потомством. После смерти в 1146 г. Всеволода намеченный им преемник Игорь «еха Киеву и созва кияне вси на гору на Ярославль двор, и целовавше к нему хрест; и паки скупшася вси кияне у Туровы божнице, и послаша по Игоря рекуче: княже, поеди к нам». Первое собрание на «Ярославле дворе» летописец не называет вечем. Очевидно, имеется в виду городская патрициат, призванный Игорем и признавший его князем, что вызвало ответные действия массы киевлян. Они сошлись на вече в другом месте, потребовав, чтобы явился и Игорь. Тот прислал вместо себя брата Святослава. Весьма убедительно предположение М. Н. Тихомирова, что два собрания («на Ярославле дворе» и «у Туровы божницы») отличались по социальному составу: на одном преобладали бояре, на другом — горожане⁵³. Киевляне, собравшиеся на вече, стали обвинять тиунов покойного Всеволода. Вече кончилось тем, что горожане начали грабить дворы тиунов и мечников⁵⁴.

Скоро Игорь был свергнут. Князем стал Изяслав Мстиславич. В 1147 г. он отправил посла в Киев к брату Владимиру, митрополиту Климу и тысяцкому Лазарю с

предписанием созвать «клян» и попросить у них ратной помощи. «Кляном же всем съшедшимся от мала до велика к святой Софьи на двор, въставшем же им на вече...». Очевидно, и это собрание горожан было достаточно широким по своему социальному составу. Оно закончилось убийством Игоря, находившегося в монастыре.

В 1150 г. Изяслав двинулся к Киеву, где в то время сидел в качестве князя Вячеслав Владимирович. «Кляне», услышав об этом, «изидоша противу Изяславу многое множество и рекоша»: «не хотим» Вячеслава, а «ты наш князь, поеди же к святой Софьи, сяди на столе отца своего и деда своего». Выражение «многое множество» «клян», если даже не придавать ему буквальное значение, наводит на мысль о том, что посольству к Изяславу предшествовало вечевое собрание. И последующие события подтверждают такое предположение. Вячеслав заявил Изяславу: «...Аче ти мя убити, сыну, на сем месте, а убий, а я не еду». Тот «възеха... всем своим полком» на двор Ярославль, где Вячеслав «сediaше на сеньници». Опять «приде множество клян». Одни советовали Изяславу арестовать Вячеслава и его дружину, другие — подсесть сени. Изяслав же возразил: «Я не убийца есмь братьи своей», взошел на сени и заявил Вячеславу: «Отце, кланяю ти ся, не лзе ми ся с тобою рядити, видиши ли народа силу людей полк стояща, а много ти лиха замысливають, а поеди в свой Вышегород»⁵⁵. Вячеслав вынужден был подчиниться.

Я уже указывал, что расцвет вечевой деятельности в Киеве падает на середину XII в. Затем она замирает (или не сохранились источники, о ней говорящие).

Итак, киевская государственность на разных этапах приближалась и к феодальной монархии, и к республике. Не случайно М. Н. Тихомиров отмечал, что «при дальнейшем развитии городских вольностей в Киеве установился бы образ правления, весьма близкий к новгородскому»⁵⁶. Но к XIII в. здесь не сложилась ни монархия, ни республика, и Киев стал центром федерации с государственной формой, которую В. Т. Пашуто назвал «коллективный сюзеренитет наиболее сильных князей»⁵⁷.

Переходим к политической истории Ростово-Суздальской Руси. Княживший здесь после смерти Мономаха Юрий Долгорукий рассматривал эту землю как свою «во-

лость» и распоряжался ею по праву титульного собственника. Почти отсутствует материал, который позволил бы конкретно обрисовать взаимоотношения Юрия Долгорукого с представителями различных слоев местного населения. Говорится лишь об участии в его войсках «ростовцев» и «суждальцев»⁵⁸. Но кто эти «ростовцы» и «суждальцы»? А. Н. Насонов считает, что имеется в виду местная знать, возглавлявшая военную организацию всей области⁵⁹. По М. Н. Тихомирову, это в первую очередь горожане, жители Ростовской земли⁶⁰. Наконец, В. Т. Пашуто, в общем не расходясь с Тихомировым, видит в «ростовцах» и «суждальцах» «мужей градских»⁶¹. Тихомиров, мотивируя свою точку зрения, обратил внимание на то, что летописец отличает от «ростовцев» бояр и дружину⁶². Это действительно так.

В 1153 г. Юрий овладел Киевом, объявил его своей «отчиной» и «сед, роздая волости детям своим». В 1155 г., согласно данным Новгородской летописи, сын Юрия Андрей, «сидевший» в Вышгороде, перешел «на великое княжение» в город Владимир, ставший затем княжеской резиденцией⁶³. По смерти Юрия Долгорукого в Киеве «ростовцы и суждальцы здумавше вси, пояша Андрея сына его старейшаго и посадиша и в Ростове на отни столе»⁶⁴. Очевидно, Андрей Боголюбский был ставленником суздальских бояр, действовавших в союзе с городским патрициатом. Ни о каком участии веча в посажении Андрея данных нет.

Политическая деятельность Андрея хорошо известна. Летописец говорит, что он правил, «хотя самовластець быти всей Суждальской земли». От княжения Андрея (1157—1174 гг.) не сохранилось никаких определенных известий о созыве веча или о выступлениях городского патрициата.

Большие политические конфликты разыгрались в Ростово-Суздальской земле в 1174—1177 гг., после смерти Андрея Боголюбского. Против него был составлен боярский заговор («оканьный совет»), и в 1174 г. князь был убит в Боголюбове. Убийцы пытались найти поддержку со стороны «володимерьцев», очевидно, владимирских горожан, но безуспешно: «рекоша володимерьци: да кто с вами в думе, то буди вам, а нам не надобе»⁶⁵. Между тем в Ростово-Суздальской земле произошло большое народное восстание⁶⁶.

Как только стало известно о гибели Андрея Боголюбского, «ростовци, и суждальци, и переяславци, и вся дружина от мала и до велика съехашася к Володимерю». Дружина здесь выделена особо от горожан («от мала и до велика», очевидно, надо понимать: от младшей до старшей). Надо думать, что это был съезд руководящей социальной верхушки четырех городов⁶⁷. Такой съезд без князя и для выборов князя — явление в своем роде единственное.

Было четыре претендента на княжение: племянники Андрея Боголюбского — Мстислав и Ярополк Ростиславичи и его братья Михаил и Всеволод. Сначала победили Ростиславичи: Мстислав «сел» в Ростове, Ярополка «посадиша... в городе Володимери на столе в святей богородице весь поряд положше». Это был акт официального посажения князя на стол, причем «володимерци» (т. е., очевидно, представители городского магистрата), определяя свою политическую позицию, заявили, что они «не хотяше покоритися ростовцем (и суждальцем, и муромцем), зане (те) молвахуть: пожъжем и паки ли (а) посадника в нем посадим, то суть наши каменьници»⁶⁸.

Таким образом, если в Ростове, Суздале, Муроме было сильно влияние бояр, во Владимире большое значение имел голос посадского населения. «И почаша володимерци (из дальнейшего летописного контекста ясно, что имеются в виду главным образом торговцы, ремесленники.— Л. Ч.) молвити: мы есмы волная князя прияли к собе и крест целовали на семь, а си яко не свою волость твоя, яко не творящися седети у нас, грабита не токмо волость всю, но и церкви. А промышляйте, братья»⁶⁹. Где шла такая молва? В городском совете? На вече? Вероятно, и там, и там. Но ясно, что политическая программа владимирских горожан определилась: свобода выбора князей и их посажения на основе крестной грамоты, устранение боярско-княжеского произвола, союз с церковью. Очевидно, все это было изложено в послании из Владимира в Ростов и Суздаль. «И послашася к ростовцем и суждальцем, являюще им свою обиду», — говорит летописец, подчеркивая при этом, что горожане Владимира «не убояшася князя два имуще в власти сей и бояр их прещения ни во что же положиша»⁷⁰.

В происходившей в рассматриваемое время во Владимиро-Суздальской земле борьбе столкнулись две полити-

ческие системы, две «правды». О них говорит летописец. «Правду», за которую боролись владимирские «граждане», он изображает так: «Новгородци бо изначала, и смоляне, и кыяне, и полочане, и вся власти яко ж на дому на вече сходятся, на что же старейшии сдумають, на том же пригороди стануть». Рисуетя картина уже уходящих в прошлое порядков, при которых вече главного города выносит решения, обязательные для населения пригородов (в данном случае имеется в виду вопрос об утверждении князей). Это — старина. В новых условиях, когда установился феодальный строй, решающим для пригородов являются не вечевые постановления старейшего города; теперь бояре навязывают им свою волю через посадников, детских, мечников и т. д. «А зде город старый Ростов и Суждаль и вси боляре хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правда божья, но како нам любо, рекоша, тако ж створим, Володимерь е пригород наш». Такова боярская «правда». Ей противостоит «правда» городская. Ссылаясь на старину, владимирские посадские люди пытаются не просто возродить патриархальные порядки, а в новых условиях укрепить вече, через которое они могут добиваться своих прав. «...Не разумеша правды божья исправити ростовци и суждальци давнии творящесе старейшии, новии же людье мезиннии володимерьстии уразумевше яшася по правду»⁷¹.

При поддержке горожан в Суздале, Ростове, Переяславле укрепился князь Михаил «и створи людем весь наряд, утвердився крестным целованье с ними... и посади брата своего Всеволода в Переяславли, а сам възвратися Володимерю». Терминология летописи говорит о многом: «люди» (горожане) добиваются от князя «наряда» и «крестоцелования», т. е. признания их прав и фиксации их в «крестной грамоте». Суздальцы (очевидно, посадские люди) заявили князю, что вели с ним борьбу не они, а бояре, «а на нас лиха сердца не держи, но поеди к нам»⁷².

Политическая борьба во Владимиро-Суздальской земле продолжалась и после смерти Михаила (1176 г.), когда владимирским князем стал Всеволод. У него оспаривал власть Мстислав Ростиславич, находивший поддержку в Ростове. Интересно то активное воздействие, которое оказывали городские советы на княжескую политику. Летопись изображает дело так, как будто князья-соперники являются послушным орудием в руках господствующих

группировок Ростова и Владимира, лишены самостоятельности в своих действиях. «Ростовци» «приведоша» Мстислава, «на живого князя Михалка повели бяхуть его». Всеволод предложил Мстиславу предоставить суздальцам самим остановить свой выбор на князе: «А Суздаль буди нама обче, да кого всхотять, то им буди князь». Когда Всеволод захотел мириться с Мстиславом, «ростовци» «молвахуть» последнему: «Аще ты мир даси ему, но мы ему де дамы»⁷³.

Княжение Всеволода Большое Гнездо (1176—1212 гг.) — важный этап в укреплении политического единства «земли Ростовской, и Суздальской, и Володимерьской». Летописец зовет его «великим князем», говорит о его акциях в Киеве, Новгороде, слагает ему похвалу при описании его кончины. По-видимому, не прошли даром для Всеволода уроки политической борьбы 70-х годов XII в. Я уже говорил, что в борьбе за власть, Всеволоду, так же как его соперникам, приходилось подчиняться требованиям сословных групп. Окрепнув, он понял, что необходимо сделать формирующиеся сословия опорой великокняжеской власти. При Всеволоде (если верить летописи) возникает новый сословный орган, отдаленно напоминающий будущий земский собор. В 1211 г., уже накануне смерти, «князь же великы Всеволод созва всех бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купце, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по собе, и води всех к кресту, и целоваша вси людие на Юрьи; приказа же ему и братью свою»⁷⁴. Акт утверждения наследника в присутствии и с согласия представителей городов и волостей должен был обеспечить единство Владимиро-Суздальской земли после смерти великого князя.

Итак, Ростово-Суздальская земля представляет своеобразный вариант политического развития, шедший в направлении сословно-представительной монархии.

Коснемся третьего, новгородского, варианта русской государственности XII — начала XIII в.

Существует версия, согласно которой источником новгородских «вольностей» был конституционный акт, данный Новгороду князем Ярославом Владимировичем. В основе этой версии лежит летописное известие 1016 г.:

в благодарность новгородским «мужам» за помощь в добыче киевского стола «князь дав им правду и устав списав, тако рекши им: по се грамоте ходите, яко же списах вам, тако же держите»⁷⁵.

Не имея возможности разбирать здесь подробно вопрос о «грамоте» Ярослава, скажу лишь, что держусь точки зрения тех историков, которые видят в ней наиболее раннюю часть Русской Правды — так называемую Древнейшую Правду. Б. А. Рыбаков пишет: «Быть может, одной «Правдой» не ограничивались «конституционные» трофеи новгородцев: ведь упомянут еще и «Устав», который мог определять нормы взаимоотношений Новгорода и Киева»⁷⁶. По-моему, речь идет об одном документе: Ярослав пожаловал новгородцам Правду, т. е. комплекс правовых норм, списанных в грамоту, представляющую собой судебный устав. В известии о новой грамоте, данной Ярославом Новгороду после заточения посадника Константина и посажения своего сына Владимира (1034 г.)⁷⁷, я вижу указание на новую редакцию Русской Правды.

В. Л. Янин на основании остроумных источниковедческих соображений высказал предположение о «тождестве посадника и князя» в начальный период истории Новгорода. «Великий князь мог посадить на вакантный стол подвластного ему княжества своего сына или другого ближайшего родственника, но он мог доверить это княжество и лицу не княжеского происхождения»⁷⁸. Об участии в выборе князей-посадников самих новгородцев сведений вначале мало. В 70-х годах XI в. «выгнаша из города» Глеба Святославича. В 1096 г. был изгнан князь Давид Святославич (ему было сказано: «не ходи к нам»). В 1102 г. новгородцы решительно выступили против «ряда» Святополка и Владимира Мономаха о выводе из Новгорода Мстислава Владимировича и посажении там сына Святополка, заявив: «А въскормили есмы собе князь, а ты еси шел от нас»⁷⁹. Кормильство — своеобразная форма вассалитета⁸⁰. Очевидно, в «вскормленном» князе новгородцы хотели видеть представителя государственной власти, признающего верховный суверенитет Новгорода.

В. Л. Янин считает, что при Мстиславе в Новгороде возникло посадничество нового типа: появилось двоевластие посадника и князя, причем посадничество стало представительным органом местного новгородского бояр-

ства⁸¹. В 1117 г. Мономах перевел Мстислава в Белгород. В Новгороде стал княжить внук Мономаха Всеволод. Говоря о его вокняжении, летописи пользуются формулами: «Новегороде седе» и Мстислав его «посади»⁸². О заключении при этом «ряда»⁸³ можно говорить лишь предположительно. Присылка в 1120 г. из Киева в Новгород посадника Бориса⁸⁴ говорит, скорее, против существования такого договора. Под 1125—1126 гг. в летописи сказано: «В то же лето посадиша на столе Всеволода новгородци... Ходи Всеволод к отцю Киеву и приде опять Новугороду на стол...»⁸⁵. Мне кажется, этот текст не обязательно понимать как указание на временное изгнание князя из Новгорода. Вероятнее, что киевская поездка Всеволода была вызвана смертью Мономаха и восшествием на киевский стол Мстислава. Слова же «посадиша новгородци» Всеволода, по-моему, означают не то, что он перед этим был лишен новгородского стола⁸⁶, а то, что в новых условиях (смена правителей в Киеве) он был официально утвержден на новгородском княжении местной правящей верхушкой, в то время как в 1117 г. его лишь «посади» Мономах.

Под 1126 г. летопись впервые говорит о выборном посаднике: «...вѣдаша посадничество Мирославу Гюрятиничю»⁸⁷. В дальнейшем формулы «вдаша посадничество», «даша посадничат» так же, как «выгнаша («сѣгнаша») ис посадничества», «отяша посадничество» и т. д., становятся стандартными. Кроме Бориса (1120 г.) и Данила (1129 г.)⁸⁸, пришедших из Киева, остальные посадники являются новгородцами по происхождению и официальными представителями новгородской государственности.

Исследователи всегда придавали большое значение восстанию против Всеволода Мстиславича (1136 г.) в формировании республиканского строя в Новгороде. В. Л. Янин вносит значительные уточнения в эту оценку, указывая, что сложение «норм республиканской жизни» началось раньше восстания 1136 г. и продолжалось после него⁸⁹. Однако он также подчеркивает значение событий 1136 г. в развитии новгородской государственности и на основе анализа сфрагистического материала делает предположение, что с 1136 г. в руках князя сосредоточивается полнота исполнительной власти, а посадничество становится высшим республиканским органом контроля за княжеской деятельностью⁹⁰.

После изгнания Всеволода, когда, по словам В. Л. Янина, «вольность в князьях» стала главным знаменем политической борьбы, эта борьба внешне разворачивается вокруг вопроса о приглашении князей, о союзе с различными княжескими группировками. Говоря о смене в Новгороде князей, летописец пользуется разными формулами, отражающими нюансы взаимоотношений внутренних и внешних политических сил. Один вариант формул таков: «вниде князь... Новугороду», «приде... Новугороду», «въниде Новугороду и... седе на столе». Здесь подчеркивается роль княжеской власти в государственной жизни Новгорода. Другой вариант формул или отражает двусторонний характер акта посажения князей («приде... и ради быша новгородци своему хотению», «приде... и посадиша и на столе в святой Софии», «послашася... и вниде»), или указывает на участие новгородских правящих кругов в этом деле: «слашася» («прислашася», «послашася») по князя, «послаша», «пояша», «прияша», «послаша... и приведоша», «приведоша», «введоша», «послаша и прияша с честью», «идоша и пояша с всею правдою и честью», «посадиша... Новегороде»⁹¹.

Кроме новгородского республиканского представительства и приглашаемого князя была еще третья политическая сила, оказывавшая влияние на избрание последнего, — великий князь киевский или владими́ро-суздальский. Политические тенденции новгородских республиканских властей и великого князя расходились, ибо новгородцы отстаивали принцип «вольности в князьях», а великий князь — свои прерогативы верховного сюзерена. Поэтому и формула посажения на новгородский стол была для них неодинаковой. «Присла», «вда», «посади» — это формулы, подчеркивающие роль великокняжеской власти в государственной жизни Новгорода. Степень ее влияния, конечно, менялась в зависимости от конкретных исторических условий.

Утверждение призванного князя на новгородском столе сопровождалось «рядом» («порядом») с ним и крестоцелованием по формуле: «седе на столе своемъ и обуяся с людьми...». Условия «порядка» летопись передает двумя сжатыми, причем, на первый взгляд, как бы противоречивыми формулами: «на всей воли его» (т. е. князя) и «на всей воли своей» (т. е. новгородцев)⁹². Думаю, что это не разные варианты соглашений Новгорода и

князя, а два противня одного договорного формуляра, носящего двусторонний характер. Конечно, этот формуляр мог варьироваться в зависимости от реального соотношения сил. Одним из договорных условий была, по видимому, пожизненность княжения: «хочю у вас умерети» — обязательство со стороны князя; «инога князя не искати, оли ся с ним смертью розлучити» — обязательство со стороны Новгорода.

В разных вариантах встречается в летописях формула изгнания князя из Новгорода: «выгнаша новгородци», «изгнаша», «выведоша», «путь показаша», «пустиша от себе»⁹³.

К концу XII — началу XIII в. формирование новгородского республиканского уклада дало уже значительные результаты. Под 1191 г. упоминается первый тысяцкий Миронег. В 1196 г. новгородцы отчетливо сформулировали перед Всеволодом владими́ро-суздальским свое политическое кредо — право приглашения князей: «Новгород выложиша вси князи в свободу: иде им любо, ту же собе князя поймають»⁹⁴. Великокняжеская власть, вынужденная считаться с новгородскими требованиями, со своей стороны проводит другую политическую линию: Новгород — «отчина» Всеволода.

Различие двух концепций (новгородской и владими́ро-суздальской) сказывается в описании под 1206 г. посылки Всеволодом вместо Святослава старшего сына своего Константина. Всеволод, по Лаврентьевской летописи, излагает ему целую теорию о том, что бог положил на нем «старейшинство во всей братьи» его, «а Новгород Великий старейшинство имать княженью во всей Русьской земли», таким образом, Константин получает старейшинство «в всей Русьской земли»⁹⁵.

В 1207 г. Всеволод подтвердил Новгороду его политические права: «вда им волю всю и уставы старых князь, его же хотеху новгородьци, и рече им: кто вы добр, того любите, а злых казнити»⁹⁶. При этом Всеволод вывел из Новгорода Константина. Это как будто противоречит рассказу Лаврентьевской летописи о том, что год назад Всеволод отправлял Константина в Новгород как «свой» город. Но, думаю, что противоречия здесь нет. Это был политический компромисс. Отдавая Новгороду «старейшинство в Русьской земле», признавая его государственный строй, владими́ро-суздальский князь связывал это

старейшинство со своими вотчинными правами, а республиканский характер новгородской государственности выводил из пожалований «старых князь».

Можно думать, что понятие княжеского старейшинства находит своеобразное преломление в новгородской республиканской среде. Твердислав, ставший посадником в 1207 г., в 1211 г. «съступися ...посадничества по своей воли старейшю себе»⁹⁷.

В работе «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» я привел аргументы в пользу того, что уже в конце XII в. складывается тот формуляр договорных грамот Новгородца с князьями, который известен нам по текстам XIII—XV вв. Отдельные статьи этого формуляра попадают на страницы летописи. Во второй четверти XIII в. договорный формуляр в основном сложился.

Остается рассмотреть деятельность веча. За XI—начало XIII столетий сохранилось до 20 летописных известий о вечевых собраниях. О них говорят частично новгородские, частично другие летописи. Все веча, о которых мы знаем, можно разделить на две группы: одни созывал князь, другие — сами новгородцы. Рассмотрим сначала первую группу. В 1015 г. Ярослав Владимирович, находившийся в ссоре с новгородскими «гражданами», «створи вече на поле». Цель веча — уговорить «любимую и честную дружину» помочь ему⁹⁸. По тону рассказа видно, что это не просто совещание с командным составом, а более широкое собрание новгородских «граждан».

В 1148 г. к Новгороду подошел князь Изяслав Мстиславич. Его встретил сын Ярослав с «боярь новгородьцкими, и ехаста к святой Софьи на обедню», а затем Изяслав и Ярослав послали подвойских и биричей «по улицам кликати зовучи к князю на обед от мала и до велика». На другой день князь «повеле звонити, и тако новгородци и плесковичи снисдопаса на вече». Изяслав попросил военной помощи против Юрия Долгорукого⁹⁹. Я представляю себе дело так: прибыв в Новгород, Изяслав сначала договорился с местными боярами, а затем с их ведома бросил клич к более широким массам горожан: отсюда и щедрое угощение, и созыв веча.

Несколько раз на протяжении 1214—1218 гг. собирал вече на Ярославле дворе князь Мстислав Мстиславич. Во всех случаях он, по-видимому, обращался к широкому собранию горожан. Самый характер выступлений, в ко-

торых чувствуется сочетание демагогии с политическим расчетом, предполагает, по-моему, широкую аудиторию. В 1214 г. Мстислав хотел созвать вече в походе у Смоленска, где у новгородцев произошла «распря» со смолянами. Новгородцы на княжеский призыв не пошли, а «створивъше вече о себе, почаша гадати»¹⁰⁰. Вряд ли это военный совет, скорее — войсковой круг.

Иногда князя апеллировали к вече в целях расправы со своими противниками из числа новгородского боярства. В 1215 г. князь Ярослав «створи вече на Ярославли дворе», откуда участники собрания «идоша на двор Якунь (тысяцкого) и разграбиша и жену его яша»¹⁰¹. В 1128 г. Ярослав «створи вече в владычнии дворе» и «положи... жалобу велику» на псковичей, не пустивших его в город¹⁰². Кому принесена жалоба? Возможно, представителям знати, но, возможно, и более широкому кругу горожан, перед которыми Ярославу важно было скомпрометировать псковских «вяцьших мужей» и реабилитировать себя. В 1230 г. Ярослав перед вечем «целова святую Богородицю на грамотах на всех Ярославлих»¹⁰³.

Ряд вечевых собраний был созван «новгородцами», но далеко не всегда ясно, представителями каких социальных групп и по какому праву. В 1141 г. «почаша въстави новгородци у вечи» на князя Святослава, брата Всеволода Ольговича киевского. Из Новгорода было отправлено к Всеволоду посольство (епископ, «мужи») с просьбой дать в качестве князя сына (тоже Святослава), но затем «новгородци, сдумавше, рекоша Всеволоду» другое: «Не хотим сына твоего, ни брата, ни племени Володимеря»¹⁰⁴. Я представляю себе дело так: в то время, как городские верхи «думают» (обсуждают) вопрос о князе, вече горожан берет дело в свои руки и чинит над ним суд.

В 1161 г. «вече створиста новгородци» и послали к князю Святославу Ростиславичу с просьбой удалить из Торжка его брата Давыда («не можем дву князю держати»). Это требование князь исполнил, но новгородцы «мало время переждавше» и опять «створше вече на Святослава». К нему явилось «множество народа людии и емше князя»¹⁰⁵. Уже последняя фраза говорит о многолюдном составе веча, а летописное изображение его хода показывает, что оно вышло за рамки мирного обсуждения вопроса о князе. Под 1169 г. летопись рассказывает, что «начаша новгородци вече деяти в тайне по двором на

князя своего на Святослава на Ярославича»¹⁰⁶. Очевидно, речь идет о подготовке изгнания князя.

Демократическим характером отличалось вече 1207 г., устроившее суд над посадником Дмитрием и его сообщниками.

Какие-то вечевые сходки устраивали новгородцы во время похода к Медвежьей Голове в 1217 г.¹⁰⁷

В 1219 г. в Новгороде началось движение против князя Святослава и посадника Твердислава. По ночам стали собираться веча: одно в Неревском конце, у церкви 40 святых, другое — на Торговой стороне, у церкви святого Николы. Загородцы «не въсташа ни по сих, ни по сих». «И тако быша веча по всю неделю». Летопись квалифицирует происходившее как «гълку», «мятеж в городе», когда «възвониша... копяче люди на Твердислава». Сторонники и противники Твердислава пошли друг против друга «в брънях, акы на рать». Была ли это внутрибоярская борьба, вылившаяся наружу? Вероятно. Но ограничиться этим в оценке событий нельзя. Обе партии не случайно «копили людей», на которых можно было бы опереться, расширяя круг участников веча. И не случайно, начавшись с вооруженного столкновения, движение перешло в вечевой разбор дела между князем и посадником¹⁰⁸.

В 1228 г., находясь в походе на Неве, «новгородьци створиша вече и хотеша убити Судимира». Князь скрыл его у себя «в насаде»¹⁰⁹. Сообщение это лаконично и не дает особого материала для выводов. Но, думаю, что выступал не просто командный состав, а войско в целом.

Под 1228 г. летопись говорит о «крамоле», воздвигнутой «простой чадью» на архиепископа Арсения. «И створше вече на Ярославли дворе, и поидоша на владычьнь двор и акы злодея пьхающе за ворот выгнаша». После этого «възмятеса весь город, и поидоша с веча в оружии» против тысяцкого, владычного стольника и других приближенных к нему людей, грабили их дворы. «И бысть мятежь в городе велик»¹¹⁰, — заключает летописец. Здесь социальный состав веча и его демократическая направленность выступают достаточно отчетливо.

В 1229 г. в Новгороде произошла «распря» между претендентами на посадничество. Один из них «створи веча... на Ярославли дворе» на другого посадника, при этом «възъвари город весь». Новгородцы «поидоша с веча и

много дворов розграбиша, а Волоса Блуткиница на вечи убиша»¹¹¹. Итак, инициатором вечевого собрания является посадник, но участвует в нем «город весь», т. е. широкие массы города.

Вот те сведения, которые относятся к деятельности веча в Новгороде до татаро-монгольского нашествия. Из них, по-моему, вытекает с достаточной очевидностью, что вече — это высший орган новгородской республиканской государственности. Он вырос из народного собрания догосударственного времени, но сохранил свое значение и стал «существенной частью боярской республики»¹¹². Вече — не просто термин, обозначающий совещание и употребленный применительно к разнородным явлениям¹¹³, а определенный институт городского строя. У веча есть права: изгнание и призыв князей, утверждение посадников, суда. Большею частью эти дела решаются не на вече, а на боярском совете от имени веча. Но в случае «распри» между боярским советом и князем или противоречия внутри боярского совета дело выносится на вечевое собрание. Это не значит, что действует принцип народовластия: «Сама идея защиты народных интересов... преобразована в идею защиты боярской государственности»¹¹⁴. Боярская знать, городской патрициат достаточно сильны, чтобы удержать власть в руках. Но вече — это и не простая видимость, не фикция, не просто объединение «крупнейших феодалов»¹¹⁵. В нем достаточно громко звучит голос горожан, и это накладывает свой отпечаток на те или иные государственные решения. Вече в Новгороде, как правило, является ареной столкновения классовых и внутриклассовых интересов: не случайно совпадение терминов «всташа вечем» (собрали вече) и «встань» (восстание).

Таковы варианты политического развития русских земель — киевский, ростово-суздальский, новгородский.

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. I. Курс русской истории, ч. 1. М., 1956, стр. 177, 194, 199, 201.

² В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 4, испр. и доп. СПб., 1910, стр. 140, 147.

³ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1938, стр. 231, а также стр. 154, 157, 160, 162.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 31, 286, 307, 368, 369, 481.

⁵ С. В. Юшков. К вопросу о

- политических формах Русского феодального государства до XIX в. «Вопросы истории», 1950, № 1, стр. 72—74, 79—80; *он же*. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 166—167, 176.
- 6 *М. Н. Тихомиров*. Древнерусские города. Изд. 2, доп. и переработ. М., 1956, стр. 197—200, 214, 219, 220.
- 7 *А. Н. Насонов*. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951, стр. 7—9, 24—27.
- 8 *Б. А. Рыбаков*. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 83, 147—150; *он же*. Киевская Русь. «История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. 1. М., 1966, стр. 574—577.
- 9 *В. Т. Пашуто*. Черты политического строя Древней Руси. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 20, 72, 73; *он же*. Особенности структуры Древнерусского государства. Там же, стр. 77—127.
- 10 *А. А. Зимин*. Феодальная государственность и Русская Правда. «Исторические записки», т. 76. М., 1956, стр. 230.
- 11 *В. Т. Пашуто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- 12 *В. Л. Янин*. Новгородские посадники. М., 1962.
- 13 *Л. В. Алексеев*. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966.
- 14 *А. Л. Монайт*. Рязанская земля. М., 1961.
- 15 Повесть временных лет (далее — ПВЛ), ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 97.
- 16 Там же, стр. 135, 137.
- 17 *Б. А. Рыбаков*. Первые века русской истории, стр. 150.
- 18 ПВЛ, ч. 1, стр. 170—171.
- 19 Там же, стр. 197.
- 20 ПСРЛ, т. 1, вып. 2. Л., 1927, стб. 295, 301, 306; т. 2. СПб., 1908, стб. 289, 294, 302.
- 21 ПВЛ, ч. 1, стр. 143.
- 22 ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 306.
- 23 *М. Н. Тихомиров*. Древнерусские города, стр. 193.
- 24 ПВЛ, ч. 1, стр. 197; ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 301.
- 25 ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 344.
- 26 Там же, стб. 328, 344; т. 2, стб. 383, 471, 476, 532.
- 27 *М. Н. Тихомиров*. Древнерусские города, стр. 193.
- 28 ПСРЛ, т. 2, стб. 287.
- 29 Там же, стб. 410.
- 30 Там же, стб. 322—323, 396—397.
- 31 ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 345; т. 2, стб. 474, 534.
- 32 ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 355, 365, 412, 418; т. 2, стб. 545, 566, 570, 578, 600, 605.
- 33 *В. Т. Пашуто*. Черты политического строя Древней Руси, стр. 73—76.
- 34 ПСРЛ, т. 2, стб. 567—573, 578, 680—681.
- 35 *В. О. Ключевский*. Указ. соч., стр. 201.
- 36 *С. В. Юшков*. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 216—219.
- 37 *В. Т. Пашуто*. Черты политического строя Древней Руси, стр. 20—24.
- 38 ПСРЛ, т. 2, стб. 681—683.

- ³⁹ *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города, стр. 200, 217, 228.
- ⁴⁰ *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя Древней Руси, стр. 19, 34, 35, 38, 43.
- ⁴¹ ПВЛ, ч. 1, стр. 172, 174.
- ⁴² Там же, стр. 175.
- ⁴³ Там же, стр. 196.
- ⁴⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 320—321.
- ⁴⁵ Там же, стб. 476.
- ⁴⁶ Там же, стб. 343—344, 534.
- ⁴⁷ *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя Древней Руси, стр. 33, 34, 36, 41, 45, 46, 48.
- ⁴⁸ *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, стр. 368, 369.
- ⁴⁹ *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города, стр. 222.
- ⁵⁰ *С. В. Юшков.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 194.
- ⁵¹ *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя Древней Руси, стр. 33—34.
- ⁵² ПВЛ, ч. 1, стр. 114—115.
- ⁵³ *М. Н. Тихомиров.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 151.
- ⁵⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 321—322.
- ⁵⁵ Там же, стб. 348—349, 396—397.
- ⁵⁶ *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города, стр. 197.
- ⁵⁷ *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя Древней Руси, стр. 76.
- ⁵⁸ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 302, 303, 338, 341.
- ⁵⁹ *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование Древнерусского государства, стр. 176—177.
- ⁶⁰ *М. Н. Тихомиров.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., стр. 234.
- ⁶¹ *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя Древней Руси, стр. 44—45.
- ⁶² *М. Н. Тихомиров.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв., стр. 234.
- ⁶³ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.—Л., 1950, стр. 467.
- ⁶⁴ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стр. 348.
- ⁶⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 590.
- ⁶⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 592; т. 1, вып. 2, стб. 370.
- ⁶⁷ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 371, 374; т. 2, стб. 595, 598.
- ⁶⁸ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 374.
- ⁶⁹ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 375; т. 2, стб. 599.
- ⁷⁰ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 377; т. 2, стб. 599.
- ⁷¹ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 377—378.
- ⁷² Там же, стб. 379—380.
- ⁷³ Там же, стб. 380—381.
- ⁷⁴ ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949, стр. 108.
- ⁷⁵ НПЛ, стр. 175; ПВЛ, ч. 1, стр. 88—89, 97.
- ⁷⁶ *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. М., 1963, стр. 203.
- ⁷⁷ НПЛ, стр. 161, 470.
- ⁷⁸ *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 47, 51.
- ⁷⁹ ПВЛ, ч. 1, стр. 150, 182; НПЛ, стр. 161, 470.
- ⁸⁰ *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя Древней Руси, стр. 52.
- ⁸¹ *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 60, 65.
- ⁸² НПЛ, стр. 20, 204; ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 291; ПВЛ, стр. 201—202.
- ⁸³ *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 63.
- ⁸⁴ НПЛ, стр. 21, 205.
- ⁸⁵ Там же, стр. 21, 205.

- ⁸⁶ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 67.
- ⁸⁷ НПЛ, стр. 21, 205.
- ⁸⁸ Там же, стр. 21—23, 29, 205—206, 209.
- ⁸⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 62—63; 72—73, 81.
- ⁹⁰ Там же, стр. 94.
- ⁹¹ НПЛ, стр. 25, 26, 29, 31, 33—37, 40, 42, 43, 45, 210—212, 215, 216, 218, 220, 222, 224—227, 231, 235, 236, 239.
- ⁹² Там же, стр. 31, 60, 218, 262.
- ⁹³ Там же, стр. 25, 29, 34—36, 210, 215, 223—225; ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 308.
- ⁹⁴ НПЛ, стр. 43, 236.
- ⁹⁵ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 415—416, 423; НПЛ, стр. 44—45, 50—51, 238—239, 246.
- ⁹⁶ НПЛ, стр. 50, 248.
- ⁹⁷ Там же, стр. 51, 52, 248, 249.
- ⁹⁸ Там же, стр. 174—175.
- ⁹⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 369—370.
- ¹⁰⁰ НПЛ, стр. 53, 54, 55, 57, 251—254, 258—259.
- ¹⁰¹ Там же, стр. 53, 252.
- ¹⁰² Там же, стр. 66, 271.
- ¹⁰³ Там же, стр. 70, 278.
- ¹⁰⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 307.
- ¹⁰⁵ Там же, стб. 510.
- ¹⁰⁶ Там же, стб. 537.
- ¹⁰⁷ НПЛ, стр. 57.
- ¹⁰⁸ Там же, стр. 58—59, 259—260.
- ¹⁰⁹ Там же, стр. 65, 270.
- ¹¹⁰ Там же, стр. 67, 272—273.
- ¹¹¹ Там же, стр. 69, 276.
- ¹¹² В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 131.
- ¹¹³ В. Т. Пашуто. Черты политического строя Древней Руси, стр. 33.
- ¹¹⁴ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 131.
- ¹¹⁵ В. Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской республики. «История СССР», 1969, № 1, стр. 51.

ЭТНИЧЕСКАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ В ПОЛЬСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

А. Гейштор

Значение слов «народность», «нация» ныне отягощено многовековым, но сформировавшимся в два последних века их языковым содержанием и связанными с этими понятиями, коллективными образами и эмоциями. Удобные в употреблении, как будто ясные, эти понятия носят на себе то, что можно было бы назвать кажущейся очевидностью, если употреблять эти термины-микромодели без проверки их реальной пригодности к тем или иным историческим эпохам, без научного соотнесения их с теми или иными крупными периодами истории общества.

Таким образом, раскрытие реального значения вышеприведенных терминов, как и четкая фиксация реального состава населения, скрывающегося за этими терминами, возможны лишь с учетом строго определенных, конкретно-исторических рамок в ходе внимательного изучения той социальной структуры, которая объединяла данную этническую общность на том или ином этапе ее развития. Более того, многое указывает на то, что стоит остановиться на дефинициях этой терминологии, рассматривая и раскрывая ее в строго определенном ряду исторических явлений. Попытки установления абсолютной, универсальной дефиниции, пригодной для всех времен и формаций, для всех социальных структур, не дали убедительных результатов. Каждая крупная эпоха в истории общества оказалась связанной, как мы знаем, со своими «этнодефинициями», со сменяющимися друг друга понятиями «этнической общности», «народности», «нации». Так, уже средневековые теоретики, размышляя над аналогичным термином «*natio*», ограничивались подчеркиванием общего происхождения этой общественной группы; согласно Исидору Севильскому, она была для них *multitudo ab uno principio orta*, т. е. общностью, происшедшей из одного начала. На то, что «начало» такой «*natio*» может иметь характер территориально-государственный, указывает другое определение того же энциклопедиста о многовековом воздействии на систему понятий людей средневековья. «*Patria*», отчизна,

для него — «quod communis sit omnium qui ea nati sunt» — то, что едино для всех, кто в нем родился, и является, следовательно, уже историко-географической, а не только племенной общностью.

Эта эластичная теория включает разные исторические понятия. Чувство общности в раннем средневековье засвидетельствовано прежде всего в названиях племен и народов, а также в названиях, созданных первоначально неполитическими организациями. Эти названия дают разграничение как бы в плоскости уровней, в географическо-этническом укладе. Такая значительная их часть, как вестготы и лангобарды, аллеманы и вандалы среди германских народов, лютичи и древляне среди славянских, галинды или куры среди балтийских, просуществовала дольше или короче, но преходяще на политической карте тогдашней Европы. Потом эти народы или исчезли, или отошли в тень, оставив иногда свои названия лишь географическим областям, которые в свою очередь смогли передать названия совершенно иным народностям, как это произошло с Ломбардией, Андалузией или Пруссией. Определенной части этих этнических названий, однако, суждено было не только удержаться, но и пройти вместе с носящими их общественными группами через несколько этапов развития вплоть до обозначения этими наименованиями народов в развитом средневековье и в новое время. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти названия содержат в себе также информацию, касающуюся вертикальной структуры — политической и общественной иерархии, различным образом и на разных уровнях занятой передачей этих названий. В этом якобы относящемся к государственному строю значении люди средневековья употребляли понятие «*populus*», которое означало не народ вообще, а политически организованную группу людей, несущую в себе элементы власти, — общество политически устроенное, что в раннем средневековье могло бы совпадать с обществом, состоящим из богатых и свободных людей, созываемых властителем на собрания и в ополчения. Для понимания судьбы некоторых этнических терминов достаточно хотя бы вспомнить в известной степени классический пример франков.

История славянской части Европы с национальной точки зрения в значительной мере укладывается в довольно простую линейную схему: название главного племени рас-

пространяется на ближних соседей; создание (одновременно с раннефеодальным государством) соответствующей ему народности ведет к новейшим преобразованиям; в данном случае могут произойти ломка этого прямолинейного развития национального самосознания и его возрождение на иных общественных началах. Таким путем прошло большинство этносоциальных образований и народностей у южных славян, таких, как хорваты и сербы, а у западных славян — чехи и поляки. Тысячелетнее существование собственного государства у польского народа привело к тому, что его история особенно богата и интересна как предмет исторического исследования.

Этническая общность, которую немецкие ученые называют самым общим и трудно переводимым на другие языки понятием «*Wir-Bewusstsein*» — самосознание группы, называющей себя «мы» по отношению к окружающему ее миру, — эта общность в польском раннем средневековье проявила свое существование в двух различных плоскостях.

Одну из них, достаточно целостную, определяет общее этническое название «славяне». Этот очень древний и живой термин, как известно, выражает не только общность происхождения, но также противопоставление своей культуры чужой. Что означало это понятие? Несмотря на высказывающиеся иногда сомнения, наилучшей этимологией по-прежнему остается происхождение от понятия «слово», т. е. так назывались люди, говорящие понятными словами, в противоположность «немцам» или «немым». Общеславянская сфера при всей своей тогдашней очевидности, как мы считаем, была, однако, сферой связей свободных и открытых. Ее важной предпосылкой была языковая общность, подобная той, благодаря которой германцы, разделенные на множество великоплеменных союзов, употребляли для германской общности термин «*thiudisc*», в латинизированном виде — «*lingua theodisca*». Как у германцев, так и у славян более точное определение общности столь высокого порядка, придание ей концентрированности опережало политические возможности эпохи.

Термином «*Sclavinia*» или «*Sclavania*» действительно пользовались около 1000 г. для обозначения государства Болеслава Храброго, которое под этим названием в планах оттоновской Европы стояло в одном ряду с Германией, Галлией и Италией; но уже эти близкие термины

указывают на научное, идейно-политическое, можно было бы сказать, «пропагандистское» происхождение этого названия при наименовании Польского государства. В идентификации Польши со славянством (а именно с западным) крылась цель какой-то программы, какого-то намерения, какой-то экспансии, она была подобна *pars pro toto* как Германия для Немецкого королевства, Галлия для королевства Бургундии или Италия для разных владений Оттонов на части Апеннинского полуострова.

Употребление названия «славянство» («Słowiańszczyzna») в этом смысле свидетельствует, однако, о жизненности той свободной надплеменной общности, которая в ином виде зафиксирована в древнерусской традиции о происхождении всего славянского мира и его составных частей, содержащейся в Повести временных лет начала XII в. Западнославянская политико-этническая мифология «Великопольской хроники» XIII—XIV вв. является другим отголоском этой традиции. Но славянская общность не могла создать взаимозависимости между культурно-этническим чувством, нарушенным в отношении общности языка и обычаев, и политической организацией, которая среди славян не распространилась более чем на государственное объединение пары больших и нескольких малых племен.

Во главе ранней государственной федерации становилось главное племя, предводительствующее зависимыми племенами. Пожалуй, таким образом, можно говорить об общности великоплеменной, а также об общности малого племени, существующей и реально выделенной с помощью особого названия.

Подобный строй мы наблюдаем на пороге истории нашей страны. О названии «Польша», его происхождении и развитии мы знаем много. Оно означало, без сомнения, «Польская земля», т. е. в соответствии с правилами тогдашнего словообразования — «земля полян». Название «поляне» — в латинской форме *polani*, *poleni*, *poloni* — появилось в конце X в. в источниках иностранных и возникших на польских землях. В первое время своего использования в текстах оно означало два диапазона понятий. Первый, несомненно, старший, относился к жителям страны по средней Варте, которую называли по их имени Польшей. Другой диапазон этого понятия означал жителей всего Польского государства во времена если не Меш-

ко I, то, наверное, Болеслава Храброго. Несмотря на все неудобство совмещения двух таких диапазонов понятий, подобную же двойственность имел тогдашний термин «Франция», который означал равным образом как все королевство Франции, так и более узко — капетингский домен, позднейший *Pe-de-France*. И в Польше со временем дошли до разграничения двух названий: в XIII в. появилось обозначение Польши в более узком смысле — Великая старая Польша или Великопольша («*Polonia maior*»), а в XV в. как противопоставление Великой Польше возникла Малая Польша («*Polonia minor*»).

Из истории названия Польши следует (и это подтверждает все, что мы знаем о процессе создания государства Пястов), что ее географическим ядром, а в еще большей степени политическим ядром современники считали региональное государство повартенских полян. От него началось разрастание польской государственности, которая на протяжении X в. распространилась на обширные земли от Одры до Вепра и от Балтики до Карпат. И поэтому *dux Poloniae*, *dux Polonorum* — это князь Польши, князь полян в самом широком смысле, для которого лишь современный польский язык нашел другое существительное — «поляк». Этот князь и окружающая его знать распространили название своей земли на соседние территории.

С какого времени и в какой степени жители тех и других земель чувствовали себя полянами-поляками? Можно сразу ответить, что это название не вытеснило других, возникших из более низкого яруса этнических названий в племенной период. Названия «Силезия» и «Мазовия», соответственно — «силезцы» и «мазовшане», засвидетельствованные в XI в., оказались, как известно, столь же древними, как «Польша» или «поляки», скорее, даже еще древнее. Для Силезии мы можем сойти на ступень ниже в иерархии этнических определений, ибо известно, что в IX в. силезцы до того, как встали во главе целой области, вытесняя другие названия, были одним из нескольких племен наряду с дзядошанами и голеншицами.

О другой, региональной общности свидетельствуют также названия того же яруса терминов, что Силезия и Мазовия. Некоторые из них носят признаки новых стимулов и новых обстоятельств их возникновения. Из их числа к X и XI вв. можно отнести новое определение —

«краковяне», которое заменило название одного из племен в IX в. — «висляне». Это определение упоминается в документе магистра Винцентия конца XII в., но сами краковяне появились раньше, заимствовав наименование у политического центра провинции; об этом свидетельствуют названия сел переселенцев (несомненно, периода первой монархии), таких, как Краковяны под Терчином и под Тшебницей. В начале XII в. упоминаются «вроцлавяне» (не только как жители города), несколько позже и «сандомиряне»; это — названия, потребность в которых зародилась одновременно с организацией территориальной власти. Употребление таких названий участилось в период распада страны на области, как свидетельствует появление названия «Куявы». Круг носителей этих названий был широким, он охватывал жителей соответствующих территорий. Читая Винцентия Кадлубка, мы видим, что так называли прежде всего политических деятелей, знать и рыцарство отдельных земель.

Но наряду с этими региональными названиями и над ними существовало общее название поляков — «Poloni», о котором сообщает такой достоверный источник сведений о первых десятилетиях XII в., как хроника Галла Анонима. Со стороны автора и его придворных информаторов это свидетельство является признанием единства территорий, которые давно миновали время племенной разобщенности и вышли на общий путь общественной и политической жизни. Это название, однако, не охватывало тогда поморян, что, очевидно, объясняется пассивной, слабо выраженной и лишь оформлявшейся их подвластностью польской династии. Западное Поморье на протяжении XII в. пойдет по пути создания собственной народности, обреченной на неустойчивость в своем славянском облике, в результате политической и культурной слабости ведущих местных элементов перед лицом немецкого натиска.

Повторим поставленный вопрос: все ли поляки в то время разделяли понятие общности? Для понимания трудности при формулировке ответа на вопрос о том, кто тогда разделял сверхрегиональное и региональное сознание, воспользуемся системой понятий социологии, почерпнутых из сочинений Станислава Оссовского. Он попытался охарактеризовать ход этнических процессов нового

времени, пользуясь схемой двух концентрических кругов: «малого» и «большого».

И действительно, «малый» круг охватывал, видимо, ту группу людей, которые составляли активное ядро господствующего класса, разделяли единую этносоциальную идеологию, необходимую им как средство расширения своего влияния. «Большой» круг охватывал огромную совокупность людей, пассивно исповедующих указанную идеологию, хотя и имеющих для этого объективные исторические основания. Так как круги эти концентрические, то часть «большого» круга находится, естественно, за границами «малого» и представляет людей, которые еще не всегда сознают свою причастность к указанной этносоциальной платформе и поэтому часто оказываются предметом духовно-политического воздействия со стороны идеологов «малого» круга.

Поясним это на примерах. Те, кто говорил о польской нации в XIX и в начале XX в., выступал от имени «малого» круга, представляя его идеологию в национальном вопросе. Но одновременно они верили, что понятие нации охватывает миллионы недостаточно сознательных в этом отношении поляков, которых, по мнению некоторых из них, следовало побудить мыслить категориями нации, а иногда и колонизировать с точки зрения языка. В этом смысле национальная общность оставалась скрытой, ожидая сближения сфер, очерченных упомянутыми «большим» и «малым» кругами.

Такова как бы «двухзональная» структура нации в XIX и в начале XX в. Но так ли было с польской народностью в раннем средневековье? Здесь историк в отличие от социолога признает генетическую точку зрения. Его интересует динамика общественных перемен: какие из племен создали сильно дифференцированное классовое общество и народности, какие области развития общества приводили к переустройству характерных для каждого этапа развития облика данного этноса и национального самосознания.

К перелому привело возникновение государства. Объединение племен, связанное с уровнем их развития, перерождалось в иерархизованное на разных уровнях классовое общество, в котором узкая господствующая группа, опирающаяся на политическое могущество, взяла на себя задачу интеграции, цементируя для собственных целей все остальное племя в общество с очерченным разделе-

нием труда и потребления. Задуманная с размахом сеть «градов» охватила разрозненные ранее территории единым аппаратом власти, где внутренним и внешним военным задачам вторили задачи управления, обложения и фиска. Связанные с «градами» служебные поселения принуждались к уплате натуральной дани и несению повинностей в пользу господствующей группы и ее рыцарского окружения. Перемещения населения с одного конца страны на другой, — о чем свидетельствуют, между прочим, поселения силезцев под Пултуском, мазовшан под Радомом или вышеупомянутых краковян, — показывали масштаб новой территориальной интеграции. Военные повинности разного рода, прежде всего сгон населения для строительства крепостей, были другой суровой школой государственности.

Факторы государственной общности действовали сильнее всего в раннегородских поселениях, т. е. в крепостях и их предместьях. Здесь встречались люди из разных мест, которые попадали в крепости как военачальники и воины гарнизона, пленные, невольники и переселенцы. Предметы роскоши, создаваемые за пределами страны, изделия городских ювелиров и зависимых ремесленников начинали вступать в сферу обмена, а с конца XI в. на городском торгу можно было все чаще встретить и крестьян. С возникновением государства все земледельческое население приносило дань в «грады», где по крайней мере раз в год, как пишет Галл, рыцари и знать собирались на большом пиру, где потреблялась часть собранных доходов. Уже во времена первой монархии на службу в городском соборе собирались знать и остальное население — одни во внутреннем помещении, другие снаружи, и обычай давать пожертвования требовал от собравшихся принесения даров, а процессия соединяла их в общие ряды. «Градский» суд, совершавшийся от имени князя, объединял людей перед лицом новых норм права, установленных нередко в противоречии с племенными обычаями и обязательных везде, где распространялась власть польского князя. Такие установления, как «мир» или «рука господина», восходящие наверняка ко времени возникновения монархии, отдавали торги, дороги и суды под правовую опеку правителя. Тем самым государственная общность принимала форму института, который в дальнейшем продолжает существовать среди

политических бурь, проходит без ущерба через преобразования XIII в. и передает поздному средневековью выработанный комплекс норм, обычаев и культуры земского права.

В «градах» и их предместьях складывался раньше всего общепольский язык в той начальной форме, из которой возникнет ядро «литературного языка», который в своей фонетической основе и лексике станет обязательным для людей, передвигающихся по территории Польского государства, в особенности для тех из них, кто связан с двором и господствующей группой. Фонетические признаки польского «литературного языка», известные нам только по письменным памятникам позднего средневековья, на протяжении ряда лет являются предметом дискуссии. Из ее материалов видно, что часть языковедов склонна вообще относить возникновение диалектных черт к периоду развитого средневековья, усматривая в раннем средневековье лишь сравнительно однородную для всей территории страны польскую разговорную речь. Историк не может, однако, не отметить, что ему трудно было бы ограничиться представлением о раннем средневековье как простом наследнике эпохи племен. Без труда удастся открыть не в одной сфере словарные изменения, охватывающие все территории, объединенные в Польском государстве. Наиболее полно известны дополнения, которые внесла церковь со своей терминологией. Но столь же и еще более важным представляется другое. Какого огромного труда стоило найти и сделать общим достоянием определения новых понятий, касающихся государства, войска, казны и суда! Эта очень богатая правовая и административная терминология включает в себя такие термины, как «król», «stróż», «zawada», «broń», «narzaz», «naród», «targowe». В своей основе эта терминология восходит ко времени, предшествующему разделению страны на уделы: она была единой от Кросна и Легницы до Люблина и Визны, от Кракова до Хелмна и Гданьска. Главное значение для общественной перестройки и создания иного, более высокого типа этнической общности имели рост и дифференциация общественных и хозяйственных функций. Материальную культуру X и XI в. от культуры IX и VIII в. отделяют несколько ступеней; таким же образом, можно думать, расширилась вместе с языком и сфера политического сознания.

Круг создателей государства заставил, следовательно, подчиненное население осознать, что отныне его судьба стала единой независимо от того, на территории какого региона оно находится. Этот круг (в упомянутом выше соотношении двух кругов в рамках рождающейся народности) образовывал меньший, внутренний круг. Он был наверняка небольшой по размерам, но в нем группировались элементы, необычайно активные, вполне осознававшие то, что они и образовывали то самое ядро древнепольской народности, которое, опираясь на силу раннефеодального государства, имело возможность навязывать, укреплять и расширять свою идею Польши различными доступными ему средствами. Перечень этих средств не так уж мал и во многих чертах общ для всех народностей раннего средневековья.

Мы уже видели, как функцию знака общности начало выполнять название «Польша», обозначавшее сначала весьма ограниченную по размеру территорию, а затем более широко применявшееся по отношению к людям, подчиненным польскому князю. На основе предшествующих рассуждений можем уже ответить, кого оно в то время обозначало. По убеждению можновладцев и рыцарей,— как их круг, так и круг, более широкий, охватывающий их подданных. В народных представлениях это название должно было появляться лишь в тех случаях (война и др.), когда возникала необходимость в термине, обозначавшем что-то более широкое, чем свой регион.

Другим атрибутом польской народности стала сама династия, дом польских князей, в котором, как сообщает Галл Аноним, заключалось для рыцарства «спасение Польши» («Polonie salus»). Нетрудно увидеть в этом представлении о польской рыцарской верности, как образце поведения. Знаменательно, однако, что хотя уже в начале XII в. символом края является князь, наряду с этим в господствующей группе существует и иной символ — символ Польши. Из-под пера того же чужеземца вышла аллегория высокого уровня абстракции — идея страны, олицетворенная в образе овдовевшей после смерти Болеслава Храброго жены, Польши, страдающей и созывающей на плач богатых и бедных, рыцарей, духовенство и земледельцев, пришельцев и земляков. Это самостоятельное существование этнонима в системе идейных ценностей за-

служивает особого внимания. Является ли «Торос» литературной формулой, почерпнутой из иностранных образцов? Вероятно, да. Но из таких, к которым обращаются по мере появления потребности, так же как к иным терминам и идеям Галла: свободы («libertas»), чтобы отвергнуть посягательство императора на суверенитет Польши; отечества («patria»), чтобы пробудить в слушателях эмоциональные чувства употреблением выражений типа честь отчизны («honor patrie»), ее слава («laus patrie»), любовь к ней («amor patrie»), ее защита («defensor patrie»). В соответствии с другой литературной нормой своего времени Галл писал о «gens Polonorum», так как термин «natio» относился к людям общего происхождения, а «gens» обозначал людей одного языка, одной политической организации.

Как известно, господствующие верхи не оказались благосклонными к попыткам сакрализации верховной власти, о чем свидетельствует сопротивление, на которое натолкнулись в XI в. акты коронации. Князья в XII в. и позднее должны были довольствоваться более скромной формой союза своей власти с церковью и такими формами его демонстрации перед подданными, как благословение князя, его знамени и вооружения, молитвы о ниспослании военных побед, а также об изобилии плодов земли. Этот обряд укреплял и право династии на управление, объединяя с особой князя как желания самих участников власти, так и желания широкого круга княжеских подданных в вопросах обороны страны или урожая. Таким способом, представляется, не только оказывалось воздействие на тех членов формирующейся народности, которые еще не обладали национальным сознанием, но и скреплялся круг людей, уже обладавших таким сознанием. Светская обрядность верховной власти проявлялась в различных видах возвеличивания. На Вавеле, недалеко от церкви св. Михаила, так же, как на пражских Градчанах, имелся «tribunal ducis» — место, где князь вершил суд еще в XIII в., — явный символ объединения всех перед лицом княжеского правосудия.

Подчинявшаяся этому праву церковь — другая столь же прочная и столь же динамичная институция той эпохи — усиливала параллельно с государством свое воздействие, которое имело целью интеграцию людей в духовной сфере. Наиболее заметным явлением здесь был культ св.

Войтеха, патрона архиепископии, границы которой совпадали с границами страны. Этот культ, превращенный Болеславом Храбрым в важный политический символ, пришел в упадок после опустошения Бжетиславом чешским мощей, почитаемых польской церковью. Однако уже в правление Болеслава Смелого гнезненский кафедральный собор был снова освящен, а при Германе и Болеславе Кривоустом культ св. Войтеха был восстановлен в полном блеске. Около 1090 г. и в 1127 г. оказалось необходимым обрести в Гнезно реликвии, чтобы укрепить положение митрополии, независимость которой незадолго до этого оказалась под угрозой со стороны Магдебурга. Еще в начале XIII в. в Силезии при сборе дани пользовались «мерой св. Войтеха» — отголосок общепольского толкования всего, что возникало в тени этого символа единства страны.

Символ этот по сравнению с аналогичными символами некоторых соседних стран имел тот недостаток, что соединялся не так полно с идеей политического господства, как культ св. Эрика в Швеции XIV в., культ св. Олафа в Норвегии XIII в. и уже с половины XI в. культ св. Вацлава, «вечного князя» Чехии, где местное духовенство сознательно использовало этот культ монарха как основу для народного и политического самоопределения чешской господствующей группы. В то же самое время в Венгрии подобную роль играл культ другого правителя — св. Стефана. На Руси происхождение культа князей Бориса и Глеба было связано с политическими событиями, а сам культ имел ярко выраженную централизаторскую окраску. В Польше попытка Галла выдвинуть личность Болеслава Храброго как образец правителя не получила церковной санкции; ее безрезультатно добивались еще в начале XIV в., когда в кафедральном соборе Познани было поставлено великолепное надгробие с надписью, восхвалявшей его как «Христова воина». При отсутствии святого монарха святой патрон, как идейная основа гнезненского костела, обозначал своим культом круг государства-народности даже тогда, когда государство было ослаблено вплоть до распада. Точно так же св. Дионисий покровительствовал во Франции успехам капетингской монархии в XI и XII вв.

Правящая группа в полной мере ощущала особенности «польского обычая», как показывают источники, возник-

шие на рубеже XI и XII вв. Эта черта проявлялась легче всего при конфронтации с окружающим миром, который так же, как и Польша, доискивался своих собственных черт. XIII век принес возможность такой конфронтации.

Каким образом зачатки «национального» самосознания, поддержанного сначала государственным единством и выраженного идеологией правящей группы того времени, — каким образом они сохранились в течение растянувшегося на пять поколений периода, когда прекратилось политическое единство Польши?

В XII в. господствующая группа вступила на путь дезинтеграции и регионализации, разбилась на части, заинтересованные в осуществлении и использовании власти на территории удельных княжеств разных размеров.

XIII век оказался временем перелома и одновременно временем испытания, которого не выдержали некоторые звенья этой группы. Что касается Силезии, то, несмотря на значительное и непрерывное наступление волн иноземных этнических, культурных и политических влияний, вопрос вплоть до XIV в. оставался открытым. Здесь еще не видно необходимости, которая каким-то фатальным или механическим способом привела бы к отрыву местного силезского господствующего слоя от традиции связей с Малой и Великой Польшей. По всей вероятности, участие силезской правящей группы в общей ответственности за «Regnum Poloniae» рисовалось в монархии Генрика Бородатого и Генрика Побожного не так, как во времена Глоговчиков, боровшихся в Великой Польше за наследство Вацлавов. Однако чешский пример показывает, что разные этнические и культурные элементы могли не только сосуществовать, но и сливаться в государственном представлении господствующей группы XIV и XV вв., которая не выпустила бразды правления в период усиления открытых конфликтов с немецкими переселенцами.

Что касается Западного Поморья, то нужно сказать, что здесь уже в XIII в. дело обстоит иначе. Его путь к германизации феодального класса начался раньше и был пройден быстро вследствие многих причин, среди которых главной представляется отсутствие реальной связи его правящей группы — династии и знати — с поль-

скими землями даже в XII в., в период расцвета его славянских политических учреждений.

Напротив, Гданьское Поморье в XIII в. еще оставалось под многосторонним воздействием польской традиции, что позволило людям XIV в. смотреть на Мшуя II, как на того, кто «с точки зрения языка, обычаев и права» являлся «поляком, всегда принадлежащим к Польше». Другие удельные княжества, несмотря на колеблющуюся политику и различие судеб, которые, как, например, в Мазовии, толкали к сепаратизму, сочетали региональную связь с этнической. Это сочетание гарантировало идейное функционирование морального, но не всегда политического единства «Regnum Poloniae», видимого для чужеземцев и полезного при государственной консолидации части этих княжеств. Соперничество краковского св. Станислава с гнезнинским св. Войтехом в конечном счете скорее обогащало объединяющие элементы, чем разбивало их.

Попытки создания новых удельных культов в Мазовии (епископа Вернера и, может быть, воеводы Кристина), предпринятые в середине XIII в., не удались или привели лишь к половинчатому успеху, как это случилось и в Малой Польше с францисканским культом княгини Кинги и доминиканским — Яцека Одровонжа. Только Силезия, канонизировав в 1267 г. княгиню Ядвигу, сумела создать собственный региональный культ, который, впрочем, через династию воздействовал на всю Польшу.

Где искать причины такой живучести национального чувства? По-моему, — в профилактической ценности первых двух веков Польского государства для последующих поколений, которые унаследовали от него значительную часть объективно действующих факторов общности, а также, что самое важное в этой сфере сознания, унаследовали традиции и историческую культуру, поддерживаемую польскими правящими кругами независимо от политических границ, в которых приходилось действовать ее представителям. Историкам и их читателям принадлежит и здесь наибольшая заслуга. Добавим еще, что это чувство — несомненно, аристократическое по происхождению — распространилось в XIII в. по крайней мере на духовенство, рыцарство и часть мещанства, приобрело общественную форму, которую мы наблюдаем в показаниях свидетелей на процессах XIV в. между Польшей и Ордемом крестоносцев. Не нужно повторять, насколько поль-

ская культура позднего средневековья обязана своей национальной формой усилиям, вложенным в нее в романскую эпоху. Широко понятая культурная деятельность польских князей, епископов, знати и рыцарей в XII и XIII вв. укрепила чувство собственной ценности, сознание равноправного положения в латинской Европе и, несмотря на известные в стране явления редукции и адаптации чужих образцов, привела к тому, что основное ядро польских земель могло выдержать и даже довольно явно поглотить наслоения чужих влияний.

Европейские народы лишь в период нового времени начали соответствовать всем имеющимся в науке и политической идеологии определениям объективных условий возникновения нации и формирования действительно национального самосознания. Дорога, которая привела к состоянию зрелости, была долгой и не всегда шла только вверх. Круг сознательных носителей идеи народности, первоначально столь узкий, как в польском раннем средневековье, расширялся неравномерно. Так обстояло дело и в Западной Европе, где начиная с XIV в. «национальная» идеология охватывает широкие массы рыцарства и мещанства, где участие в политической жизни государственной общности только тогда и становится весомым. Теоретики государства и права в XIII и XIV в. — как авероисты, так и томисты — видели в государстве (определявшемся тогда как политически организованный «populus») неизбежное следствие существования народа («natio» — общности главным образом языковой). В конце XIII в. правители в своей политической деятельности обратили внимание на ценность языковой общности для укрепления связи между подвластными им территориями. Так, например, английский король Эдуард I в 1295 г. призывал своих подданных к защите «английского языка» от французского короля, хотя территориальная экспансия правителей часто нарушала этот идеал соответствия между народностью и государством.

Общность названия, власти, происхождения и языка, ощущение общности истории, культуры и религии усиливались при столкновении с иноземной угрозой. Роман Гродецкий очень обстоятельно проанализировал отношение князей, рыцарей и духовенства к наплыву немецких переселенцев на польские земли в XIII—XIV вв., их реакцию на территориальные захваты Бранденбурга и орде-

на, их отношение к отличиям в обычаях, к самоволию иностранного клира, к попыткам «превратить Польшу в Саксонию», как было сказано в посланной папе жалобе синода польских епископов в 1285 г. в Ленчице. Этот же ленчицкий синод постановил, чтобы «для сохранения и поддержки польского языка в отдельных кафедральных и монастырских школах назначались учителями только такие лица, которые в совершенстве знают польский язык, дабы они могли объяснять детям авторов на польском языке». Защита языка правильно понималась как защита культурной субстанции. Критерий языка, язык как определитель народности (в позднем средневековье читаем уже попеременно и о «lingua», и о «natio», и о «gens Polonica») свидетельствует о том, что уже достаточно широкая масса людей осознает различие между своим и иноземным, связывает с ним единое чувство гнева и ненависти, размышления и солидарность. Эту черту польский XIV в. разделял со всем континентом. На церковном процессе, возбужденном в 1306—1308 гг. против врага Владислава Локетка епископа Яна Мускаты, полностью онемеченного силезца, польская сторона в своей аргументации чаще всего именовала его как «преследователя польского народа». Подобные эпитеты выходят из-под пера хронистов по адресу князей, чуждых мысли объединения королевства в польском варианте. Бунт войта Альберта в 1311 г. был в восприятии краковского клира и рыцарства национальным конфликтом, что верно отражено в дополнении к латинской песне об этом восстании, написанной в виде предостережения полякам.

Государства одной народности имели в XIV и XV в., несомненно, больше шансов окрепнуть, чем такие, как кратковременно блиставшее, скроенное из лоскутков Бургундское королевство. Но те же самые столетия принесли немалые осложнения, особенно заметные в Центральной и Восточной Европе, например развитие многонациональных держав, в которых должны были сосуществовать воспитанные в разных условиях культурные и общественные элиты с их сильной подосновой разных языков и обычаев. Возникшие в результате этого напряжение и соперничество проявились в полной мере в период нового времени, когда стали вырисовываться и различные пути выхода из этих открытых или скрытых конфликтов.

РОЛЬ РЫЦАРСКИХ ОРДЕНОВ В ПРИБАЛТИКЕ (XIII—XIV ВВ.)

Г. Ловмянский

В истории Восточной и Центральной Европы рыцарские ордена сыграли непродолжительную, но видную роль и в известный момент явились одним из самых важных факторов сложного и шаткого политического уклада, возникшего в период феодальной раздробленности на обширном пространстве между Балтийским и Черным морями. Эти ордена представляли собой одно из самых удивительных явлений средневековья. Они использовали религиозные воззрения своей эпохи для расширения немецкой феодальной экспансии на новые отдаленные заморские территории и завладели прибрежной полосой Балтийского моря, включавшей польское Восточное Поморье, Пруссию, Латвию и Эстонию, временно занимали также Жемойть. Они вели захватническую политику под предлогом борьбы с последними оставшимися в Европе язычниками и основали в Прибалтике колониальные государства, не лишенные сходства с государственными образованиями норманнских завоевателей IX—XI вв., но следовавшие скорее всего примеру государств, основанных крестоносцами на Востоке. В Прибалтике действовало несколько рыцарских орденов. Большею частью они были эфемерными образованиями; руководящая роль в феодальной экспансии принадлежала только двум из них, основанным на рубеже XII и XIII вв. и слившимся в 1237 г. в один, — Тевтонскому и Ордену меченосцев.

Родиной рыцарских орденов была, как известно, Палестина, где в начале XII в. появились тамплиеры и иоанниты, преследовавшие первично благотворительные цели по отношению к паломникам и крестоносцам, исполнявшие также некоторую военную функцию, а благодаря скоплению несметных богатств — и политическую, но не создавшие самостоятельной государственной организации. Не создал государства на Востоке и третий основанный там (именно в Аккопе) в 1197—1198 гг. Тев-

тонский орден, а утверждение В. Хубача, что Герман фон Зальца намеревался организовать при содействии Фридриха II государственные владения на острове Кипр (1229 г.), лишено основания¹. Первая идея организации орденского государства возникла на севере, и единственно там можно говорить вообще о существовании орденских государств.

Хотя государственность рыцарских орденов возникла первоначально в Палестине, завоевательные тенденции и государственная программа немецких орденов ведут начало из Саксонии, которая с X в. стремилась подчинить себе северо-западных славян и частично осуществила эту задачу уже в X в., завоевав сербо-лужицкие земли, а после продолжительного перерыва, в следующем столетии, возобновила наступление против стодоран и в начале XII в. — против лужичей. Успехи крестовых походов произвели сильное впечатление на саксонских феодалов, но их не привлекало непосредственное участие в этих походах; они видели перед собой более близкую и практическую цель. Пример крестоносцев побуждал их к усилению борьбы со славянскими язычниками, к завоеванию и колонизации их стран. В 1108 г. появилось воззвание саксонских феодалов с магдебургским архиепископом Адельготом во главе, обращенное к немецкому духовенству — и за его посредством к населению, — с намерением втянуть его в борьбу со славянами. Хотя воззвание было в действительности литературным произведением, в нем тем не менее нашла отражение политическая программа саксонских феодалов по отношению к славянским племенам. Они ссылались на пример «галлов» (французов), одержавших блестящую победу на «крайнем Востоке», и провозглашали беспощадную борьбу с местными (славянскими) язычниками, требовали их истребления и захвата их земли, весьма пригодной для заселения². Однако в Саксонии не привилась форма крестовых походов в борьбе со славянскими язычниками. Единственный поход был предпринят в 1147 г., но он не удовлетворил саксонских феодалов, которые предпочитали продолжать борьбу собственными средствами, не рассчитывая на чужую, в известном отношении стеснительную помощь. Пример крестовых походов, а вслед за тем концепция рыцарских орденов нашли на саксонской почве другое применение: воодушевили местных феодалов на

осуществление более сложной и трудной задачи — завоевания отдаленной Прибалтики³. Успех крестоносцев в Палестине указывал на реальность заморских завоеваний, однако в первую половину XII в. восточное побережье Балтийского моря было в Германии почти неизвестно и недоступно для немецкого мореплавания. Только основание Нового Любека (1158 г.) открыло немецкому судоходству выход на Балтийское море.

Первые саксонские купцы исследовали балтийские берега, проникли в верховья Двины и вступили в торговый обмен с местным населением. Они, несомненно, первые осознали возможность сближения с этим населением (чего требовали также интересы торговли) путем идеологического воздействия, а затем и политического. Вероятно, по их почину в Ливонию направились в 80-е годы XII в. немецкие миссионеры. Вскоре возникло епископство во главе с Мейгардом, а после его смерти — Бертольдом, который в 1198 г., предводительствуя крестовым походом, погиб в бою с ливами. Таким образом, уже на первом этапе наметилось противоречие между миссией и местными жителями, вызванное, конечно, попытками духовенства обложить население повинностями в пользу служителей церкви и ее нужд. Из этого следует, что успех миссии зависел от организации государственного аппарата, который бы мог принудить население к несению повинностей. Такой аппарат был создан, но он несколько отличался от аппарата государств, основанных крестоносцами на Востоке. Там возникла система исключительно светских государств: королевств, княжеств, графств, в то время как в пределах Латвии, Эстонии, Пруссии нашла распространение не светская, а духовная модель государства, возникли епископские и орденские владения, за исключением территории города Риги и временно завоеванной датским королем части Эстонии. Но суть дела оставалась та же: государство везде исполняло те же основные функции. Тем не менее отсутствие светских государств указывает на то, что инициатива принадлежала не крупным саксонским феодалам, а главным образом духовенству, под его руководством действовали светские феодалы средней руки и министерялы.

Духовный характер прибалтийской государственности имел также более общие политические последствия,

Епископы были обыкновенно лучшими хозяевами в своих владениях, чем большинство светских феодалов, но они не могли сравняться с последними, как командиры феодальных ополчений. Уже из этого наблюдения вытекает особая роль рыцарских орденов во внутренней политической структуре Прибалтики. В хозяйственном отношении они не уступали епископам, а в военном деле даже превосходили светских феодалов. Превосходство орденов в Прибалтике объяснялось еще тем фактом, что в их руках сосредоточилась большая часть государственной территории. Орден стал главным политическим фактором на побережье Балтийского моря.

Первым организатором ливонской государственной системы был преемник Бертольда епископ Альберт, основатель города Риги (1201 г.) и Ордена меченосцев (1202 г.). В момент его смерти (1229 г.) большая часть Латвии и Эстонии находилась уже в зависимости от немецких и в известной мере от датских феодалов. Но особенного внимания заслуживает факт передачи Альбертом $\frac{1}{3}$ епископских владений Ордену меченосцев в 1207 г.⁴ Точно так же и другие епископы уступили ордену $\frac{1}{3}$ своей территории (на правом берегу Двины). В результате этого дележа возникло первое орденское государство (с 1207 г.), ставшее моделью для других создаваемых Тевтонским орденом государств.

В 1211—1225 гг. можно отметить попытку ордена обосноваться в Трансильвании и превратить земельные владения по р. Борзе, полученные от венгерского короля Андрея II, в самостоятельное государство. Тевтонский орден был приглашен этим королем для защиты Венгрии от набегов куманов (половцев). Роль посредников сыграли, вероятно, немецкие колонисты, которые стекались в Трансильванию со времен царствования Гейзы II (1141—1162 гг.)⁵. Гроссмейстер Тевтонского ордена фон Зальца имел, как видно, широкие политические планы. В 1222 г. он добился королевской концессии на завоевание закарпатской территории, лежавшей вдоль Дуная. Интересно, что в это самое время Константинополь находился в руках крестоносцев, основавших Латинскую империю. Нельзя исключить, что Тевтонский орден помышлял достигнуть берега Черного моря и вступить в связь с Латинской империей. Что главное — он передал свои трансильванские владения под непосредственное покровительство

папы. Поняв угрожающую верховенству Венгрии опасность, Андрей II немедленно изгнал рыцарей Тевтонского ордена из пределов своего государства (1225 г.). Первая попытка Германа фон Зальца создать орденское государство потерпела полную неудачу.

Изгнание Тевтонского ордена из Трансильвании имело роковые последствия для Прибалтики, куда направились со временем все силы, какими располагал этот орден. Он обладал большими материальными средствами благодаря многочисленным пожалованиям земельных владений, расположенных главным образом в Германии. Организованные в особые комплексы (балей или баливаты) ⁶, эти владения были вместе с тем центрами орденской пропаганды, вербовки молодых людей для пополнения рядов ордена, а также организации крестовых походов против «неверных» в Прибалтике. В мобилизационном отношении Тевтонский орден во многом превосходил Орден меченосцев, поэтому появление его у берегов Балтийского моря и переброска туда его главных сил имели решающее значение для дальнейшего хода немецкой колониальной политики в Прибалтике. Ордену это облегчало взаимоотношения с местными политическими элементами. Призыв к Герману фон Зальца шел от мазовецкого князя Конрада I, который уже раньше поддержал миссию цистерцианцев, направленную в Пруссию, имея при этом в виду подчинение Мазовии соседних прусских племен; аналогичную политику вели поморские князья. Эти усилия не увенчались успехом, они вызывали лишь ответные опустошительные набеги пруссов на Мазовию и даже потерю Хелминской земли. Борьба затянулась, против пруссов были организованы крестовые походы.

Глава миссии цистерцианцев монах Христиан, назначенный в 1215—1216 г. прусским епископом, подсказал, вероятно, Конраду, каким образом найти выход из затруднительного положения и по крайней мере организовать защиту Мазовии от прусских набегов. Для этой цели была нужна помощь рыцарей Тевтонского ордена, лишенного в то время своих владений в Трансильвании. По всей вероятности, Конраду стал известен конфликт ордена с Андреем II, однако это не способствовало особой предусмотрительности. Призывая орден, Конрад предвидел, кажется, использование его услуг лишь для оборонительной цели — прикрытия мазовецкого наступления на Пруссию.

Он не считался с возможностью самостоятельного завоевания орденом Пруссии. В подлинных грамотах Конрада I, пожалованных ордену в 1228 и 1230 гг., не упомянуто участие ордена в покорении Пруссии. Мазовецкий князь не обратил должного внимания на статью Золотой буллы, пожалованной Тевтонскому ордену императором Фридрихом II в 1226 г. в Римини, где за орденом было признано право на завоевание Пруссии и завоеванная земля заранее передавалась во владение рыцарей⁷. Точно так же подложная грамота Конрада I, якобы изданная в 1230 г. в Крушвицах и том же году подтвержденная папой, передала Пруссию во владения ордена⁸. Оба документа составлены в 1230 г.— до того, как тевтонские рыцари начали борьбу с пруссами, и намечают политическую программу ордена, подготовленную еще до прибытия рыцарей в Хелминскую землю. Защита мирных жителей Мазовии от прусских набегов и обращение язычников в христианство были лозунгом, но не существенной целью Тевтонского ордена: точно так же Орден меченосцев и принимавшие участие в завоевании Прибалтики саксонские феодалы руководствовались прежде всего практическими мотивами, а не альтруистическими (как это пытаются доказать некоторые буржуазные историки)⁹.

Мирные ливы и латгалы не представляли собой никакой угрозы для Саксонии, тем не менее они стали в первую очередь мишенью для завоевательных ударов со стороны крестоносцев. Вскоре обнаружилось, что главной заботой миссионеров было создание государственного аппарата и эксплуатация подвластного населения. Иннокентий III порицал меченосцев в их споре с эстонским епископом за равнодушие к распространению христианства и стремление лишь к приобретению новых домов и полей¹⁰; но взятый папой под защиту епископ преследовал те же цели. Документы и хроника Генриха Латгальского наглядно показывают, что население было обременено чрезмерными повинностями в пользу рижского епископа Альберта и других епископов¹¹. К чему стремился Тевтонский орден, вытекает из Золотой буллы 1226 г., подчеркнувшей его право на порабощение Пруссии. В аренде этой буллы император как будто бы полемизировал с мнением, что главной задачей в Прибалтике является обращение жителей в христианство, и утверждал, что для него не менее важно покорение язычников. Тевтонский орден был

призван Конрадом для защиты Мазовии от пруссов (нападения которых на Мазовию ставятся некоторыми историками под сомнение), но в действительности эта функция стала для ордена предлогом, а не фактической задачей деятельности, направленной на создание в Прибалтике могущественного государства.

Э. Каспар высказывал мнение, что Тевтонский орден руководствовался принципом истребления и германизации пруссов¹². В этом имеется известное преувеличение, так как истребление жителей не соответствовало интересам завоевателей; можно лишь говорить о политике порабощения прибалтийских племен с целью создания немецкого государственного порядка (попытка обеспечить известные права туземцам по христианскому договору 1249 г. была скорее тактическим приемом и не привела к прочному результату).

Эта цель была достигнута саксонскими феодалами и в особенности орденами, причем главную роль сыграл Тевтонский орден, который реализовал в возможно полном объеме модель орденского государства, созданную впервые меченосцами. В 1237 г. меченосцы были даже включены в состав Тевтонского ордена, несмотря на то что он появился в Прибалтике позже, а меченосцы владели уже более $\frac{1}{3}$ (35%) завоеванной немцами Прибалтики.

В историографии причиной ликвидации Ордена меченосцев считается сокрушительный удар, нанесенный литовцами в 1236 г. под Шауляем ливонскому крестовому походу с меченосцами во главе. Несомненно, в этом поражении можно видеть непосредственный повод к ликвидации ордена, но не ее существенную причину. В сражении погибла приблизительно половина орденских рыцарей и были почти целиком утрачены владения ливонских феодалов на левом берегу Двины. Однако положение меченосцев было не безнадежно. Они сохранили в своих руках обширные территории на правом берегу реки. Кроме того, приток новых рыцарей из Саксонии в ряды ордена не мог прекратиться. Если, несмотря на это, меченосцы решили отказаться от самостоятельной организации, то, несомненно, руководствовались другого рода соображениями. Во-первых, Тевтонский орден превосходил меченосцев в организационном отношении: располагал более значительными средствами пропаганды, более развитым административным аппаратом и громадной материальной ба-

зой, особенно в Германии, а также пользовался большим политическим авторитетом в международных отношениях. В тяжелый момент поражения меченосцев создалась такого рода ситуация, что они и Тевтонский орден, только что приступивший к завоеванию Пруссии, нуждались в мобилизации новых феодальных сил, вследствие чего вырисовывалась альтернатива соперничества или соглашения. Самым лучшим решением вопроса было организационное объединение обоих партнеров. Во-вторых, меченосцы находились в вассальной зависимости от ливонских епископов и получили от них только $\frac{1}{3}$ территории. Присоединение к Тевтонскому ордену значительно повысило авторитет и укрепило положение Ливонского ордена, ставшего главным политическим фактором в Ливонии.

Тевтонский орден после слияния двух главных составных частей не являлся монолитом. Пруссия и Ливония действовали как отдельные государства или скорее системы государств. Широким клином раскалывало их территории Литовское государство, которому принадлежала Жемойть. Ливония пользовалась политической автономией, вела самостоятельную политику; с одной стороны, оба ордена, и прусский, и ливонский, преследовали общие цели, с другой — они осуществляли и особые, местные задачи. Главным фактором, способствовавшим усилению их политической роли в Центральной и Восточной Европе, была феодальная раздробленность. На фоне общей немецкой, а в особенности саксонской экспансии они удачно использовали это явление и вытекающее из него политическое ослабление Польши и Руси. Не будь феодальной раздробленности, возникновение сильных немецких колоний в Прибалтике было бы немыслимо.

Вероятно, с IX в. латвийские и эстонские племена вступили в тесную связь с русскими политическими центрами в Полоцке, Пскове, а затем и в Новгороде и вошли в дипломатические отношения с ними. Саксонская агрессия явилась для русских князей точно такой же неожиданностью, как и монгольское нашествие. Сначала они не отдавали себе отчета в угрожающей им опасности. Полоцкий князь Владимир выразил согласие на миссионерскую деятельность Мейнгарда среди ливов. Все три упомянутые русские центра действовали разрозненно, и это помешало им отразить неприятельское наступление. Другого рода картина получилась, когда ливонские феодалы

перешли в наступление на русские земли, улучив для этого удобный момент — годы монгольского нашествия, и одновременно со шведами, которых, впрочем, отбил Александр Невский (1240 г.), заняли Изборск и Псков; это был их единственный, но недолговечный успех¹³, аннулированный уже в 1242 г. вследствие поражения, которое они потерпели на скованном льдом Чудском озере. Заключенный тогда же новгородско-ливонский мир установил границу, которая сохранилась без существенных изменений по XVI в.¹⁴ Ликвидация феодального раздробления Руси предрешила судьбу ливонской государственной системы, которая не могла удержаться как самостоятельная. Сложная международная обстановка замедлила разрешение ливонского вопроса в XVI—XVII вв.; завершение борьбы принесла только Северная война (1700—1721 гг.), не нарушив, однако, результатов колониальной иммиграции, которая привела к образованию двух новых в социальном и отчасти этническом отношениях групп: феодальных владельцев и мещан¹⁵.

Точно так же Тевтонский орден в Пруссии был обязан своим появлением на берегах Вислы феодальной раздробленности Польши. Обоснование на этих землях орденовских рыцарей было маловероятно в условиях существования единого Польского государства, которое в правление Болеслава Кривоустого сумело успешно сдерживать нападения пруссов. Не исключено, что борьба с ними могла принять такой же оборот, как и борьба с Западным Поморьем. Приход ордена совпал с моментом раздробленности и ослабления государственной структуры. На первых порах здесь было меньше поводов для разногласия с местными князьями, чем в Ливонии, так как до прибытия ордена Польша своей экспансии в Пруссию еще не развернула. Отношения с мазовецкими князьями были корректны, вспыхнула лишь война со Святополком поморским. Однако соотношение сил с Тевтонским орденом было для Польши менее благоприятно, чем для Руси с Ливонией. Прусский орден обладал большими материальными средствами, чем Ливонский, в то время как политический и экономический вес отдельных мазовецких и поморских княжеств был меньше по сравнению с Новгородом или Великим княжеством Литовским, включившим в свой состав Полоцк. На русской границе агрессивные действия Ливонского ордена были приостановле-

ны в самом их начале, тогда как у Польши после продолжительной борьбы была отобрана Восточная Померания, причем прусский орден использовал трудное положение, в котором оказалась Польша вследствие агрессии Бранденбургии в Померании и Любушской земле, а также чешской экспансии в Силезии. В Западной Померании скрестились интересы Бранденбургии и ордена, однако в сущности оба партнера стремились к достижению одной цели: расширению своих владений за счет Польши и установлению между собой общей границы. Хотя прусский орден не находился в такой тесной генетической связи с саксонскими феодалами, как ливонцы, в силу своего географического положения он стал главным сообщником саксонской агрессивной политики на востоке. Впоследствии произошло, так сказать, закономерное соединение двух однородных по своей политической функции центров: орденового в Пруссии и саксонского в Бранденбургии. Общей чертой этих центров была также всесторонняя немецкая колонизация завоеванной территории с привлечением не только феодалов-рыцарей и городского населения, как в Ливонии, но и крестьянских колонистов. Приток в Пруссию крестьянских немецких поселенцев продолжался около 30 лет (1283—1310 гг.), но осевшие здесь крестьяне активно участвовали в освоении земель страны¹⁶ и содействовали ее германизации, что в дальнейшем способствовало упрочению немецкого феодального владычества в этой стране. Уже в начале XV в. немецкие поселенцы составляли около половины всего населения Пруссии (между Вислой и Неманом). Потомки древних пруссов подвергались постепенной германизации и в течение XVII в. окончательно потеряли свой первичный этнический характер, отказавшись от родного языка¹⁷.

Преодоление феодальной раздробленности и образование Польского централизованного государства значительно ухудшили положение ордена и способствовали прекращению его агрессивной политики по отношению к польскому соседу. Калишский мир 1343 г. установил между ними временный *modus vivendi*, орден направил свои усилия против Литовского государства, борьба с которым началась с первого появления немецких феодалов в Прибалтике. Уже тогда намечался процесс объединения в рамках одной государственности литовцев, латгалов и се-

мигалов, а также Полоцкой земли. Пожалование Миндовгом ордену северо-восточных прусских земель вместе с ятвягами (не имеет значения, подлинное или подложное) указывает на то, что объединительный процесс охватывал частично и третью ветвь балтов. Немецкая агрессия остановила процесс создания балто-русского государства, хотя не смогла помешать образованию литовско-русского государства.

Возникновение обширного литовско-русского государства являлось первым этапом на пути политической консолидации стран, имевших основание опасаться агрессивных усилий Тевтонского ордена или стремившихся к возвращению себе захваченных им территорий. Другим этапом на том же пути было восстановление Польского объединенного (частично) государства, а третьим этапом — заключение Польско-литовской унии (1386 г.), которая привела к объединению в одном лагере большей части противников ордена. Если появление могущественного орденового государства в Прибалтике было следствием феодальной раздробленности, то обратный процесс политической консолидации славянства и литовцев должен был вызвать обратные последствия. Правда, был достигнут только ограниченный успех: ни Грюнвальдское (1410 г.) и Вилкомирское (1435 г.) сражения, ни Торуньский мир (1466 г.) не привели к полному крушению политической системы, созданной в Прибалтике орденами. Эта система являлась чуждым элементом в ходе местных исторических процессов в Прибалтике и вообще в Центральной и Восточной Европе. Лишь частично она была устранена благодаря Северной войне, но в Пруссии стала форпостом дальнейшей германской экспансии до момента окончательной ее ликвидации в результате второй мировой войны и победы над фашизмом.

¹ *W. Hubatsch. Der Deutsche Orden und die Reichslehn-schaft über Cypern. «Nachrichten der Akademien der Wissenschaft in Göttingen», 1955, S. 245—303, в особенности стр. 260—272.*
В действительности орден

получил только земельные владения, пожалованные кипрским королем Генрихом I в 1229 г.: «de Clavodie cum omnibus pertinentiis suis» (см. там же, стр. 293).

² «Urkundenbuch des Erz-

- stifts Magdeburg», Т. 1. Magdeburg, 1937, N 193, S. 249—252.
- ³ Уже после первого крестового похода установлено: «*annone mensuram de quolibet aratro ad expensas cuiuscunque sacerdotis*». См.: «*Heinrici Chronicon Livoniae*», t. II. Würzburg, 1959, cap. 7, S. 14. Литература к вопросу образования ливонской колонии: *F. Benninghoven*. Der Orden der Schwertbruder. Köln — Graz, 1965, S. 12—54; *В. Т. Паушто*. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 227; *Н. Biezais*. Bischof Meinhard zwischen Visby und der Bevölkerung Livlands. «Kirch und Gesellschaft im Ostseeraum und im Norden vor der Mitte des 13. Jahrhunderts». Göteborg, 1969, S. 77—97. О зависимости ливов и латгалов от Полоцка см.: *Н. А. Казакова*. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X — начале XIII века. «Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию В. В. Мавроди-на». Л., 1971, стр. 82—92.
- ⁴ «*Heinrici Chronicon Livoniae*», t. II, cap. 3.
- ⁵ *F. Zimmermann, C. Werner*. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen 1. «Hermannstadt», 1892, N 19, S. 11 и сл. Литература вопроса: *M. Tumler*. Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400. Wien, 1955, S. 181—194; *W. Kuhn*. Ritterorden als Grenzhüter des Abendlandes gegen das östliche Heidentum. «Ostdeutsche Wissenschaft», Т. 6. München, 1959, S. 16—22.
- ⁶ *M. Tumler*. Указ. соч., стр. 54—178.
- ⁷ «*Preussisches Urkundenbuch. Politische Abteilung 1/1*». Königsberg, 1882, N 56, S. 51—53.
- ⁸ Там же, № 78, стр. 59 и сл.
- ⁹ *M. Hellmann*. Über die Grundlagen und die Entstehung des Ordensstaates in Preussen. «Nachrichten der Giesener Hochschulgesellschaft», Т. 31, 1962, S. 108—126. На бесосновательность этого взгляда указал Г. Лабуда (*G. Labuda*). «*Zapiski Historyczne*», Т. 29, N 4, 1964, str. 68—70. См. также: *E. Weise*. Der Heidenkampf des Deutschen Ordens. «Zeitschrift für Ostforschung», Т. 12, 1963, S. 420—473; Т. 13, 1964, S. 1—20).
- ¹⁰ «*Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*» (далее — LECU), Т. 1, 1853, N 36, Sp. 42.
- ¹¹ *H. Łowmiański*. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Wilno, 1932, str. 296.
- ¹² *E. Caspar*. Vom Wesen des Deutschordensstaats. Königsberg, 1928, S. 17.
- ¹³ Загадочное известие буллы Клементия (LECU, Т. 2, 1855, N 630, Sp. 50) о пожаловании Полоцка рижскому епископству относится, вероятно, ко времени Миндовга. Летописные известия о взятии Полоцка литовцами в 1307 г. (ПСРЛ, т. 17. СПб., 1907, стб. 469) в действительности относятся к 1387 г.
- ¹⁴ *В. Т. Паушто*. Указ. соч., стр. 297, ср. стр. 357, прим. 15.
- ¹⁵ Попытка привлечь в Ливонию также немецких крестыян (1261 г.) не имела успеха (LECU, Т. 1, N 362,

Sp. 462). Ср.: *M. Hellmann*. Das Lettenland im Mittelalter. Münster — Köln, 1954, S. 215. Неизвестно о других аналогичных планах.

¹⁶ Подробнее об общем ходе колонизации см.: *E. Kasiske*. Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens

im östlichen Preussen bis zum Jahre 1410. Königsberg. 1934. Последний обзор: «*Historia Pomorza*». t. 1, cz. 1. Poznań, 1969, str. 455—457, 614—622.

¹⁷ *M. Pollakówna*. Zanik ludności pruskiej. «*Pomorze średniowieczne*». Warszawa, 1958, str. 160—207.

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ В СИЛЕЗИИ

Р. Хек

В раннее средневековье Силезия составляла одну из важнейших частей государства Пястов. Она играла роль надежного щита, заслонявшего Польшу от вторжений германских императоров Генриха II и Генриха V, и являлась исходной базой в борьбе пястовской монархии с Германией и Чехией. Население Силезии принимало активное участие в ее внутривластной жизни, свидетельством чему служила история борьбы Владислава Германа с его сыновьями Збигневом и Болеславом. Привязанность этого населения к Польскому государству проявилась в героической обороне Немчи в 1017 г. и Глогова, а также в начавшейся в 1109 г. партизанской борьбе силезского крестьянства против германских императорских войск¹. Полуторавековые связи Силезии с государством первых Пястов прочно сплотили ее население с населением других польских земель в единую раннефеодальную польскую народность. В начале XII в. Галл Аноним считал жителей Силезии поляками, а Вроцлав называл одной из главных столиц Польского королевства². Его современник чешский хронист Козьма Пражский считал Силезию исконной частью Польши³.

Широко известно также, что Силезия играла важную роль в политической истории Польши в эпоху феодальной раздробленности. Здесь в XIII в. имели место попытки объединения распавшейся на многочисленные уделы страны. Именно вроцлавские князья Генрик I Бородатый, Генрик II Благочестивый и Генрик IV Справедливый выступили с планами коронации и восстановления Польского королевства. Однако планы эти не были реализованы, а Силезия, распавшаяся на большое число мелких княжеств, попала под власть соседнего, сильного тогда Чешского королевства. Роль Силезии в тот период привлекала внимание польских историков, существует немало работ, посвященных ее истории в переломную эпоху

XIII—XIV вв. Много написано о заселении Силезии, ее экономике и политике. Созданы также фундаментальные, обобщающие исследования, в которых собран богатый фактический материал⁴. Тем не менее до сих пор нет специального исследования, посвященного проблеме феодальной раздробленности в Силезии на фоне общих закономерностей феодальной раздробленности в Польше⁵.

Даже установление хронологических рамок эпохи феодальной раздробленности в Силезии является не таким уж легким делом. Возникает необходимость нахождения критериев определения черт, характерных именно для этой эпохи. Несомненно, их может быть много. Думается, однако, что два из них являются наиболее бесспорными:

1) распад данной территории на мелкие феодальные государства.

2) отношение этих мелких государств к верховной государственной власти.

Основываясь на этих критериях, эпоху феодальной раздробленности в Силезии правомерно отнести к периоду 1138—1526 гг., приняв за начальную дату отделение Силезского удельного княжества от государства первых Пястов, а за конечную — начало правления Габсбургов с их характерными централистскими тенденциями, когда силезские княжества утратили свое политическое управление.

Эпоха феодальной раздробленности в Силезии делится на два периода. Первый из них (1138—1348 гг.) — период классической феодальной раздробленности. В целом он характеризуется: а) типичным для этого времени преобладанием натурального хозяйства, а потом его изживанием, что способствовало экономическому прогрессу и накоплению предпосылок к ликвидации политической разобщенности; б) тенденцией к распаду Силезии на все большее количество мелких княжеств; в) проявлением феодальной анархии и развертыванием борьбы силезских князей друг с другом; г) активной связью этих феодальных силезских княжеств с политической жизнью Польши и важной ролью, которую сыграли некоторые силезские князья в попытках восстановить объединенное Польское королевство.

Второй период, охватывающий 1348—1526 гг., — период постепенного формирования единого политического орга-

низма в рамках Силезии как провинции Чешской короны. Общие черты, характерные для этой эпохи: а) дальнейшее развитие товарно-денежного хозяйства, осложнявшееся, однако, рядом различных экономических и политических кризисов; б) зависимость силезских князей от чешских королей; в) образование общесилезских институтов, охватывавших все силезские княжества.

В дальнейшем в статье будет рассматриваться главным образом первый период, являющийся наиболее типичным и представляющий наибольший интерес для исследования вопроса в связи с феодальной раздробленностью в других польских землях. Однако в отдельном фрагменте будут затронуты также (в самой сжатой форме) некоторые проблемы второго периода с целью показать специфические черты развития Силезии того времени.

Анализ эпохи феодальной раздробленности в Силезии следует начать с истории ее заселения и демографических вопросов. Здесь эта эпоха характеризовалась, как и в других польских землях и соседних странах, значительным увеличением числа поселений. При этом следует подчеркнуть, что в Силезию входили относительно густо заселенные старые (по крайней мере с XI в., если не ранее) районы⁶. Несмотря на это, рост поселений был здесь в период классической феодальной раздробленности очень интенсивным. Если до начала XIII в. (до 1204 г.), по данным силезских письменных и археологических источников, насчитывалось 530 поселений, то к 1342 г. число их возросло до 3325⁷. Безусловно, следует учитывать тот факт, что многие из упоминавшихся в XIII и XIV вв. поселений существовали уже значительно раньше, тем не менее приведенные выше цифры свидетельствуют о несомненном увеличении числа поселений в Силезии.

Возникновение поселений шло самыми различными путями. Этот процесс был стихийным, какой-либо определенный тип права не применялся. Просто сельское население в лесах, на пустошах и в уже возникших деревнях отгораживало новые усадьбы и захватывало для обработки новые земли⁸.

Возникали также новые деревенские поселения, основанные на специфическом новом польском праве. К. Малечиньский утверждал, что сохранились сведения о су-

ществовании еще до 1300 г. 110 поселений на территории Силезии, основанных на этом праве⁹. Не в этом заключается, однако, специфика Силезии. В основе ее лежит более ранний по сравнению с другими польскими землями переход поселений на «немецкое право». Так, на этом праве возникли или перешли на него в 1-й половине XIII в.: в Силезии — 70 деревень, в Великой Польше — 22 деревни, в Малой Польше — 8 деревень¹⁰. Преобладание такого рода поселений в Силезии совершенно очевидно. Силезия имела также абсолютный перевес по общей сумме поселений на «немецком праве» в сравнении с другими польскими землями. По данным, которыми располагает современная наука, к 1333 г. на «немецком праве» в Малой Польше было основано 284 деревни, в Великой Польше — около 300 деревень, в Средней Польше (Серадзская, Легницкая земли, Куявия и Добжинская земля) — 166 деревень, а в Силезии к 1342 г. было 628 деревень¹¹.

Поскольку введение «немецкого права», связанного тогда с такими явлениями, как комасация земель (ликвидация чересполосицы), трехпольная система, раздел и наследственное владение землей крестьянами, наконец, переход к высшим формам феодальной земельной ренты вплоть до денежной, являлось в тот период прогрессивным, постольку соответственно Силезия с введением прогрессивных форм в производственные отношения стала ведущей частью Польши в масштабе всей страны.

Силезия в своем развитии шла впереди еще и до широкого распространения «немецкого права», о чем свидетельствуют знаменитые тшебницкие документы 1203—1208 гг.¹² Они неопровержимо доказывают, что во владениях тшебницкого князя под Вроцлавом уже тогда существовало организованное на основе польского права высокоразвитое сельское хозяйство, возникли элементы денежной ренты и наблюдалось четкое экономическое расслоение среди сельского населения, внутри которого появились, с одной стороны, зажиточные хозяева, а с другой — малоземельные и безземельные «коморники»¹³.

Разумеется, уровень экономического развития деревни не был одинаков по всей Силезии. Наиболее развитой была Нижняя Силезия, имевшая плодородные почвы, высокую плотность населения и более распространенные про-

грессивные нормы «немецкого» и польского права, в то время как Верхняя Силезия оставалась явно позади по плотности населения, технике производства и в области установления новых социальных отношений.

Специфической чертой отношений в Силезии являлось слабое развитие крупной феодальной светской собственности. Новейшие исследования показывают, что силезские крупные земельные собственники (можновладцы) в этот период были немногочисленны, а их владения не превышали нескольких деревень. Сказочный богач XII в. Петр Влостовиц составлял исключение, но и его земельные богатства были весьма скромными¹⁴. Значительные по размерам земельные владения находились в руках вроцлавского епископства и монастырей. Имена церкви относительно быстро росли. Так, например, имения вроцлавского епископства насчитывали в 1155 г. — 50, в 1245 г. 170, а к началу XIV в. — свыше 386 поселений; монастыря в Любензе: в 1175 г. — 15, а в 1227 г. — 29 деревень; монастыря в Тшебнице: в 1203 г. — 14, а в 1227 г. 29 деревень¹⁵.

Богатства князей систематически уменьшались вследствие передачи их духовенству или рыцарству. Интенсивнее этот процесс шел в Нижней Силезии, в то время как верхнесилезские князья на протяжении столетий продолжали оставаться собственниками крупных земельных владений.

Типичными для подавляющего большинства светских феодалов были мелкие владения, составлявшие одну деревню, чем Силезия напоминала Великую Польшу и отличалась от Малой Польши, где было больше крупных земельных собственников. По крайней мере, с конца XIII — начала XIV в. во владениях силезского рыцарства существовало сильно развитое фольварочное хозяйство. Известные нам с 1-й половины XIV в. в массовом масштабе рыцарские аллоды-фольварки во Вроцлавском и Глоговском княжествах насчитывали, как правило, 5—8 ланов земли и ориентировались на производство рыночной товарной продукции¹⁶. Эта специфика Силезии сочеталась с развитием силезских городов, особенно нижнесилезских. Другим воздействием города на структуру феодальной земельной собственности был частый переход земель в руки горожан. Наиболее распространено было это явление на территории Вроцлавского княжества, где в середи-

не XIV в. половина всей земли оказалась в руках вроцлавского городского патрициата¹⁷.

Города уже в период феодальной раздробленности играли важную роль во всей социально-политической жизни Силезии. Если переход города на «немецкое право» или соответственно — на польское считать существенным этапом в его развитии, то в этом отношении Силезия шла намного впереди остальных польских земель. Оставляя в стороне сложный и недостаточно ясный вопрос о возникновении городов на основе польского права¹⁸, перейдем к городам с «немецким правом».

В Силезии они возникли раньше, чем в других польских землях. В первой половине XIII в. новое «немецкое право» выступало здесь в Злоторые (1211 г.), Львовке (1217 г.), Нысе (ранее 1223 г.), Сроде Силезской (1223—1235 гг.), Вроцлаве (1241 г.), Стшегоме¹⁹. Неудивительно, что позже получение городских прав такими городами, как Познань (1253 г.), Краков (1257 г.), опиралось на силезские образцы — Сроды или Вроцлава²⁰. Значительной по тем временам численности достигало население в силезских городах: Вроцлаве — 13—15 тыс.; Легнице и Львовке — 9—11,5 тыс.; Глогове — 8,9—9,9 тыс.; Свиднице — 8—9,5 тыс.; Зембице, Дзежонове, Сроде, Бжеге и Нысе — около 5 тыс. жителей в каждом²¹. По численности населения они значительно превосходили ряд крупнейших польских городов. К началу XV в. Вроцлав был больше Кракова, в котором насчитывалось 14 тыс. жителей (в 1-й половине XIV в. их было 8—10 тыс.); Познань, насчитывавшая 4 тыс. жителей, или Сандомеж со своими 2 тыс. не могли равняться с Глоговом, Свидницей или Легницей²². Снова, однако, следует подчеркнуть разницу между изобилующей многолюдными городами Нижней Силезией и Верхней Силезией, где было меньше городских поселений, к тому же они были ниже по численности населения и беднее.

Разница в численности населения, несомненно, являлась отражением разницы в экономическом развитии между силезскими городами и городами других княжеств Польши. Здесь мы не будем подробно говорить о развитии ремесел в силезских городах, отметив только, что уровень их развития был достаточно высок. Определенным показателем этого уровня является очень раннее возникновение цеховых организаций, существовавших в

Силезии со 2-й половины XIII в.²³ По свидетельству источников XIV в., Силезия ввозила из других польских земель и Руси сырье и продовольственные продукты: шерсть, кожи, меха, кошениль, хлеб, скот и соль, а вывозила ремесленные изделия: сукна, металлические изделия, — и пиво²⁴.

Для экономического развития Силезии важное значение имела характерная для средних веков транзитная торговля, чему способствовало выгодное расположение Силезии на пересечении торговых путей из Германии через Польшу — на Русь и из Италии — через Австрию, Чехию и польские земли — к Балтийскому морю. Вроцлавские купцы в XIII и XIV в. торговали с Кёльном, Нюрнбергом, Венецией, Прагой, Краковом, Львовом, Познанью, Торунем и Гданьском. Об оживленном товарообмене свидетельствует развитая сеть торговых путей и значительное число таможен, основанных в XIII и XIV в. отдельными силезскими князьями²⁵.

Еще одним из богатств Силезии были месторождения ценных металлов: свинца, меди, серебра и золота, а также железные руды. Правда, в европейском масштабе это были сравнительно скромные месторождения, но на территории Польши — самые крупные. Уже в XIII—XIV вв. в Силезии существовало хорошо развитое горное дело, Нижняя Силезия находилась в привилегированном положении, так как здесь были сосредоточены центры по добыче золота в районе Злоторыи и Львовека, серебра и золота — около Сребрней Гуры, меди — около Медзянки. А серебряные, свинцовые и железные рудники Верхней Силезии в районе Бытома и Пекар не могли приносить таких доходов²⁶.

При изучении феодальной раздробленности в Силезии XIII в. следует обратить внимание на происходившие тогда изменения в национальном составе населявших ее жителей. Еще в XII в. сюда прибывали представители духовенства, рыцарства, ремесленники — валлийцы, фламандцы, итальянцы, немцы, но их численность была незначительна и, за исключением в первую очередь орденских объединений, они не создавали обособленных национальных групп. Это положение изменилось в XIII в., когда начался постепенно все усиливающийся приток немцев. Главным образом он был направлен в более богатую и расположенную западнее Нижнюю Силезию, осо-

бенно в сравнительно мало заселенное Судетское предгорье. В то же время немецкая иммиграция в города Верхней Силезии была значительно слабее. Численность немецких сельских поселений в Верхней Силезии была ничтожной. Отдельные попытки некоторых немецких историков, старающихся доказать, что эти поселения были здесь значительны, не выдерживают критики²⁷.

Количество немецких переселенцев в масштабе всей Силезии и их численное соотношение с коренным населением установить трудно. Старая гипотеза А. Майтцена о прибытии в этот период на территорию Силезии около 150 тыс. немцев польской наукой решительно отвергнута²⁸. Как показал К. Тыменецкий, около четверти солтысов в силезских деревнях, известных в XIII в., носили славянские имена, еще четверть — общехристианские, и только около половины — немецкие²⁹. Если учесть, что среди населения деревень с «немецким правом» процент поляков должен был быть значительно выше, чем среди солтысов, то можно полагать, что подавляющее большинство жителей этих поселений являлось поляками. Случалось даже, что при пожаловании князем «немецкого права» оговаривалось, что в данной деревне должны селиться по новому, «немецкому праву» только поляки, а не немцы³⁰. Следует также учитывать, что в большинстве силезских деревень (в пределах 62—75%) до середины XIV в. существовали старые, не измененные никакими нововведениями отношения и что в них проживало чисто польское население³¹. Если попытаться определить соотношение между чужеземными немецкими колонистами и всеми жителями силезской деревни в первой половине XIV в., то следует, вероятно, признать, что число колонистов не превышало 10—15% общего числа сельских жителей всей Силезии.

Несомненно, более интенсивным был приток немцев в города. Население городов, особенно нижнесилезских, в которых немецкие переселенцы постепенно после перехода города на «немецкое право» захватывали в свои руки доминирующие позиции в экономической и административной жизни, становилось смешанным, при этом определенно с преобладанием немцев среди патрициата, типично смешанным ремесленным простонародьем («поспольством») и преобладанием поляков среди бедноты. Несомненно, что подавляющее большинство рыцарства и

в дальнейшем оставалось польским. Вот несколько имен рыцарей, возглавлявших отряды, оборонявшие важнейшие силезские замки, — Собеслав (Вроцлав, 1209 г.), Пшецлав (Глоггов, 1218 г.), Богуслав (Бардо, 1262 г.), Гжимислав (Козле, 1304 г.)³².

Такое экономическое развитие Силезии привело к тому, что она стала играть важную роль в политической жизни страны. Уже при Болеславе Кривоустом заметно доминирующее политическое положение Силезии, выразившееся, в частности, в назначении силезского магната Петра Влостовица на пост княжеского воеводы и в выборе Силезского княжества удельным владением для старшего сына Болеслава — Владислава, прозванного Изгнанником. Силы удельной Силезии являлись, несомненно, главной опорой в борьбе Владислава с бунтовавшими младшими братьями. На это указывает тот факт, что конфликт с вроцлавским воеводой и правителем округа Петром Влостовицем ослабил его позиции; лишенный поддержки силезского рыцарства, он не мог уже успешно вести борьбу с коалицией младших братьев и вынужден был покинуть страну.

Катастрофа первого сеньора сразу же поставила Силезию на некоторое время в один ряд с удельными княжествами, которыми управляли наместники старшего из оставшихся в стране сыновей князя Болеслава Кудрявого, осуществлявшего верховную власть в Польше.

Только после смерти Владислава Изгнанника (30.V 1159) его сыновья Болеслав Высокий, Мешко (Platonogi) и Конрад смогли вернуться на родину. Старший из них, Болеслав, получил Нижнюю и Среднюю Силезию с городами Вроцлавом и Ополе, среднему — Мешко — досталась южная часть Верхней Силезии с Рацибожем и Козле. Оба силезских князя должны были признавать власть сеньора, отряды которого размещались в их удельных владениях. Возможно, силезские князья пытались избавиться от контроля дяди, и это послужило причиной их изгнания из Силезии в 1172 г. По крайней мере такая интерпретация событий 1172—1173 гг. представляется наиболее правдоподобной. Только вмешательство Фридриха Барбароссы вернуло в 1173 г. силезским князьям их владения.

В 1177 г. вспыхнула первая война между силезскими князьями. Оба они были вовлечены в общепольскую

борьбу за краковский престол, которая велась между сеньором Мешко Старым и сандомирским князем Казимиром Справедливым. Болеслав Высокий встал на сторону Казимира, а Мешко — на сторону Мешко Старого. Мешко удалось захватить весь удел своего брата, однако победа Казимира Справедливого в Малой Польше и потеря Мешко Старым удельной Великой Польши лишили его союзника и вынудили пойти на компромисс. В результате при помощи Казимира Справедливого Болеслав Высокий смог вернуться во Вроцлав, уступив, однако, младшему из братьев, Конраду, Глогов, а своему сыну, позднее ставшему вроцлавским епископом, — Опольскую землю. Отказ от новых завоеваний Казимир Справедливый вознаграждал признанием за рацибожским князем Бытома, Освенцима и Севежа. Таким образом, Силезское княжество оказалось разделенным на четыре части. Вдобавок Ярослав отдал вроцлавскому епископству обширные территории на юге Опольской земли, что укрепило положение епископов, а в будущем привело к образованию там отдельного Ныско-Отмуховского княжества³³.

На рубеже XIII—XIV вв. раздробленная Силезия не могла играть в политической жизни Польши сколько-нибудь важной роли, но силезские Пясты не забывали, что они являются потомками первого сеньора, считали себя продолжателями традиций отца и деда и не отказывались от притязаний на власть над всей страной. Сначала такого рода притязания проявлялись у наиболее энергичного и предприимчивого из сыновей Владислава Изнанника — Мешко. Воспользовавшись смертью Болеслава Высокого и его сына Ярослава (1201 г.), он напал на их наследника Генрика Бородатого с тем, чтобы присоединить к своим рацибожским удельным владениям Опольскую землю.

С попыткой завладеть столичным Краковом Мешко впервые выступил уже в 1194 г., однако вскоре прекратил борьбу и стал поддерживать претендовавшего на престол сеньора Мешко Старого, с которым уже давно имел дружественные отношения. Дружба с великопольскими Пястами была одной из основ политики Мешко. Опираясь на эту дружбу, он стремился обеспечить себе возможность овладеть Краковом. Вероятно, на съезде в Глогове в декабре 1208 г. он заключил перемирие с Владиславом Тонконогим, который согласился на отказ от

прав сеньора в пользу старшего после него потомка Болеслава Кривоустого, которым являлся тогда честолюбивый рацибожский князь. Получив это согласие, Мешко обратился к папе с просьбой о торжественном утверждении в Польше уже поколебленных развитием событий принципов сеньората.

Буллой от 9.VI 1210, данной в ответ на просьбу не упоминавшегося по имени силезского князя, папа Иннокентий III утвердил эти принципы³⁴.

Действительно, на рубеже 1210—1211 гг. Мешко захватил Краков и правил им несколько месяцев до своей смерти (16.V 1211).

Как известно, значение Силезии в общепольском масштабе особенно выросло при правлении двух силезских князей: Генрика I Бородатого и Генрика II Благочестивого. В чем следует искать источник их успехов? Ответить просто и однозначно на такой вопрос нелегко. Несомненно, этим успехам способствовал целый ряд факторов. Первым из них было явное усиление темпа экономического развития Силезии в первой половине XIII в., связанное с развитием горного дела. Другим фактором было благоприятное стечение обстоятельств, благодаря которым вроцлавский князь Генрик Бородатый выдвинулся на передний план среди других польских князей. Смерть Казимира опольского (1223 г.) предоставила ему возможность стать опекуном его малолетних сыновей и распространить таким образом свою власть на Верхнюю Силезию. Смерть Лешка Белого, краковско-сандомирского князя, после которого также остался малолетний наследник, открыла ему путь к власти в Малой Польше. Гражданская война в Великой Польше предоставила удобный случай для захвата власти и в этом княжестве. Создалась объективная возможность для осуществления попытки объединения польских земель.

Необходимо было, однако, наличие и субъективных факторов, что зависело от самих силезских князей. К ним относились: а) обеспечение поддержки активных в политическом отношении слоев общества; б) обеспечение себе достаточно сильной, неограниченной власти; в) обеспечение себе популярности и авторитета во всей стране. Думается, что по всем вышеперечисленным пунктам оба первых вроцлавских Генрика справились со стоявшими перед ними задачами.

Социальной базой, на которую опиралась их власть, являлись рыцарство и города. Социальными группами, способными в тот период ограничить княжескую власть, были светское и духовное можновладство. Как уже говорилось, светские феодалы не имели в XIII в. больших земельных владений и поэтому они не играли в политической жизни Силезии значительной роли. В отношении же церкви Генрик Бородатый решительно проводил курс на защиту полной суверенности княжеской власти в политических вопросах. Он не согласился с распространением на территорию своего княжества привилегий иммунитета, данного польскому духовенству другими князьями на съезде в Божикове (1210). Он занимал твердую позицию в спорах с вроцлавским епископом Томашем I, стремившимся отобрать как можно больше десятин у населения по польскому и «немецкому праву», а также освободить епископское хозяйство от государственных податей. Конфликт с вроцлавским епископом и гнезнимским архиепископом даже привел к отлучению его от церкви папским легатом Вильгельмом из Модены³⁵. Однако в борьбе с высшим духовенством князь старался найти союзников внутри церковной организации, чтобы использовать церковную власть в своих интересах и удерживать честолюбивых епископов от слишком резких выступлений. В этих целях орденам жаловались земли в Силезии, Малой и Великой Польше. В борьбе с вроцлавскими епископами и гнезнимским архиепископом князь не прибегал к слишком суровым мерам, которые могли бы подорвать его авторитет в обществе и в будущем сделать невозможным компромисс, если бы в нем возникла необходимость. Генрик I Бородатый завоевал себе авторитет не только хорошо развитой экономикой в собственном уделе и неподчинением духовенству, но также и вооруженной борьбой в защиту страны. Особенно велики были заслуги Генрика Бородатого в борьбе за защиту Любушской земли от экспансии бранденбургских маркграфов и магдебургских епископов. Когда в 1209 г. бранденбургские войска захватили Любуш, принадлежавший тогда великопольскому князю Владиславу Тонконогому, Генрик I с согласия этого князя и при поддержке силезского рыцарства выгнал оттуда немцев и посадил там своего сына Конрада. Когда же после возвращения Любуша великопольским князьям (1217 г.)

они не смогли удержать его, вроцлавский князь еще раз выгнал из него немцев (1225 г.), а затем в 1229—1230 гг. повел кончившуюся его победой борьбу с магдебургским архиепископом, который намеревался присоединить к своим владениям Любушскую землю, ссылаясь на императорские привилегии 1208 и 1226 г. Так, несмотря на императорские пожалования, благодаря решительным военным действиям Генрика I, Любушская земля осталась за Польшей³⁶. Во имя интересов всей страны Генрик I вместе с другими польскими князьями вел борьбу с Пруссией — в 1222 г. участвовал в предпринятом против нее крестовом походе.

Названные выше благоприятные факторы давали вроцлавскому князю основания рассчитывать на то, чтобы играть главную роль в масштабе всей Польши. Думается, что первоначально идеей, которая вдохновляла политические действия Генрика I, была теория уважения к традициям завещания Болеслава Кривоустого и содержащимся в нем принципам сеньората. То, что первый сеньор придерживался этой теории, вполне понятно, тем более, что Генрик I принадлежал к старейшим пястовским князьям своего времени и мог надеяться на то, что принципы сеньората принесут ему право на власть в Кракове.

Поэтому Генрик I Бородатый проводил также в принципе политику сотрудничества с сеньорами пястовской династии, сначала с Мешко, а затем с великопольским князем Владиславом Тонконогим. Первым конкретным успехом Генрика I на этом пути было присоединение к заключенному в 1217 г.³⁷ договору о взаимном наследовании между Владиславом Тонконогим и краковским князем Лешком Белым. Как будущий наследник удельных княжеств Малой Польши после Лешка и Тонконового Генрик именовался в договоре титулом «*dux Slesie et Cracovie*»³⁸. В связи с тем, что Лешек не имел потомков по мужской линии, а Тонконогий был уже в преклонном возрасте, стремления имевшего сыновей Генрика представляются обоснованными. В их реализации вроцлавский князь проявлял определенную гибкость. Об этом свидетельствует неожиданная попытка вооруженного захвата Малой Польши в союзе с некоторыми представителями малопольской знати в период дружественных по существу отношений с Лешком Белым в 1225 г. Позднее,

после смерти Лешка, Генрик I Бородатый будет поддерживать в соответствии с договором 1217 г. направленные на Краков устремления Владислава Тонконового, чтобы затем самому недолго править Краковом в 1228 г.

Здесь нет возможности описывать дальнейшие известные события, которые привели, наконец, к захвату Генриком I в 1232 г. на продолжительное время власти в Кракове. Умерший в изгнание в Силезии Владислав Тонконогий (3.XI 1231) письменно подтвердил передачу Генрику прав на Великую Польшу, которой владел тогда Владислав Одонич. Бунт рыцарства, настроенного против власти Одонича, окружившего себя церковниками и жаловавшего широкие привилегии духовенству, открыл Генрику I Бородатому путь к этому княжеству. Великопольские светские феодалы обратились к Генрику I за помощью, и в результате двух войн (1233—1235 гг.), ведшихся при поддержке силезского и великопольского рыцарства, он захватил большую часть княжества, оставив Одоничу северные районы с Гнезно, Накло и Устьем. Таким образом, в границах созданного Генриком I государства под его непосредственной властью оказались Нижняя Силезия, Любушская земля, Краковское княжество и большая часть Великой Польши, а в форме опеки над местными малолетними князьями — Сандомирская земля (которой правили вдова Лешка Белого Гжимислава и ее сын Болеслав), а также Верхняя Силезия (которой правили малолетние князья Мешко II и Болеслав). Обширная территория созданного таким образом государства Генрика I простиралась от Бобра на западе до Буга на востоке и от Спревы и Варты на севере до Судетских и Карпатских гор на юге.

При дворе Генрика I Бородатого хорошо понимали, что это государство представляло собой конгломерат разных княжеств, отдельных мелких феодальных государств со сложившимися уже собственными традициями независимого существования. Было ясно, что совершеннолетие рацибожско-опольских князей и Болеслава Стыдливово положит конец власти вроцлавских князей над Верхней Силезией, Сандомирским княжеством, а возможно, и Краковом. Надо было искать средства, которые обеспечили бы вроцлавской ветви Пястов постоянное превосходство над другими ветвями. Это могла быть только коронация королевской короной.

Поэтому можно считать вполне достоверной запись в Польской хронике, говорящую, что Генрик I Бородатый хотел сделать своего сына Генрика II Благочестивого королем Польши³⁹. Образцами для такого решения вопроса о политическом устройстве раздробленной на уделы Польши, при котором бы удельные князья подчинялись осуществлявшему верховную власть королю, служили хорошо известные при вроцлавском дворе немецкие и чешские отношения. Женой Генрика Бородатого была княжна Ядвига из Мерана, а женой Генрика Благочестивого — чешская принцесса Анна. Если принять во внимание, что в начале XIII в. Чешское королевство получило от Фридриха II твердое подтверждение наследственной передачи королевской власти, то идея воспользоваться таким решением вопроса для Польши кажется вполне понятной. При таком объяснении высказываемые некоторыми историками сомнения в отношении планов коронации королевской короной при поддержке императора не выглядят обоснованными⁴⁰, а старый тезис М. Лодыньского о попытке коронации Генрика II при согласии императора Фридриха II звучит весьма убедительно⁴¹. Однако, более чем вероятно, вроцлавский князь одновременно (около 1235 г.) предпринимал меры к получению согласия императора и папы на коронацию своего сына. Вероятно, этим объясняется связь Генрика I Бородатого с императором, с одной стороны, и протекционистская булла папы Григория IX (от 22.VI 1235) — с другой.

Неудача планов коронации королевской короной в значительной степени предрешила неудачу вообще всех действий первых силезских Генриков, направленных на объединение страны. Хотя Генрик Благочестивый добился в период своего непродолжительного самостоятельного правления (1238—1241 гг.) некоторых успехов, присоединив земли Владислава Одонича на севере Великой Польши, однако он утратил власть над Верхней Силезией и Сандомирским княжеством в связи с совершеннолетием их князей, опекуном которых являлся. Поэтому трудно считать гибель князя в битве под Легницей (9.IV 1241) главной причиной падения так называемой монархии силезских Генриков. Его смерть, несомненно, сыграла определенную роль, облегчив действия другим польским князьям, которые ждали случая стать независимыми и отделить земли, объединенные правителями Вроцлава.

Если после Легницкой битвы освобожденные из-под власти силезских князей Малая и Великая Польша развивались в основном как удельные княжества, а имевшие место в Великой Польше разделы были временными и не делили ее на дробные мелкие феодальные княжества, то Силезия погружалась в пучину все более глубокой раздробленности и междоусобиц. Еще недавно сильное Вроцлавское княжество распалось на мелкие княжества: Вроцлавское, Легницкое и Глоговское, которые постепенно подвергались дальнейшему дроблению. Аналогичный процесс шел и в Верхней Силезии. В результате в первой половине XIV в. число силезских княжеств дошло до двадцати. Такого дробления не было ни в одной из остальных польских земель.

В ходе междоусобных войн постоянно ссорившиеся друг с другом силезские князья сводили на нет завоевания двух первых вроцлавских Генриков, упуская из виду важнейшие национальные интересы. Так, например, в 1249 г., легницкий князь Болеслав Рогатка, чтобы получить помощь от немецкого рыцарства для борьбы со своим братом Генриком III вроцлавским, уступил магдебургскому архиепископу половину Любушской земли, что привело в дальнейшем к долговременному отрыву этой территории от Польши. Слабые силезские князья оказывались в сфере влияния сильного во второй половине XIII в. Чешского государства: князь Генрик IV Справедливый воспитывался при пражском дворе. Они оказывали поддержку чешским королям в их войнах против Венгрии, чем отличались от Пястов других польских земель, стоявших на ее стороне. Именно силезские Пясты во главе с вроцлавским князем Генриком IV помогли чешскому королю Пшемиславу II, используя славянские лозунги, привлечь большинство польских удельных князей на сторону Чехии и прислать для борьбы с Рудольфом Габсбургом многочисленные подкрепления, которые приняли участие в знаменитой битве при Сухих Крутах 25.VIII 1278 г.⁴²

Связи силезских Пястов с Чехией во второй половине XIII в. не вели, однако, к разрыву их связей с Польшей. Так, Генрик IV, в 1269 г. захвативший Краков и пытавшийся короноваться королевской короной, несомненно, представлял польские политические интересы, хотя опирался на помощь уже частично онемеченного го-

родского населения Вроцлава. При этом знаменательно, что Генрик IV Справедливый, как когда-то Генрик Бородатый, столкнулся с оппозицией вроцлавского епископа. Даже если отвергнуть созданную О. Бальцером теорию о так называемой коалиции четырех удельных князей (Лешка Черного, Генрика IV Справедливого, Генрика глоговского и Пшемыслава II великопольского), возникшей в 1287 г. и имевшей целью объединение страны⁴³, следует считать огромной заслугой Генрика IV его завещание, наметившее путь к объединению польских земель Пшемыславом II, великопольским князем, и Генриком III глоговским⁴⁴.

Генрик III глоговский энергично и настойчиво стремился провести в жизнь планы Генрика IV Справедливого и, несмотря на ряд неудач, добился к концу своей жизни успехов, присоединив в 1306 г. к своему обширному Глоговскому княжеству Великую Польшу. Символом этих стремлений служило употребление им титула «наследник Польского королевства и князь Силезии»⁴⁵.

Укреплявшиеся на рубеже XIII—XIV вв. контакты Силезии с Чехией вели к постепенному возрастанию опасности распространения власти чешских королей на Силезские земли. Уже Генрик IV Справедливый в определенный момент своего правления намеревался сделать своим наследником чешского короля Вацлава II⁴⁶, что, однако, не было включено в его окончательное завещание. Зато в 1289—1292 гг. в зависимость от Вацлава II попали княжества: Бытомское, Цешинское, Опольское и Рацибожское, а в начале XIV в. чешский староста появился во Вроцлаве в качестве опекуна малолетних вроцлавско-легницких князей. Как же следует рассматривать экспансию Вацлава в Силезию — была она направлена на подчинение этой земли Чешской короне или же входила в более широкие планы, целью которых являлось объединение всей Польши под властью Пшемыслов? Некоторые польские ученые хотели видеть в действиях силезских князей подчинение не Чешской короне, а только лишь Вацлаву как наследнику столичного польского города Кракова и будущему правителю Польши.

Документы соглашений, заключенных между ними и Вацлавом, ясно свидетельствуют о том, что речь шла о связи с чешским королем и Чешским королевством⁴⁷.

Положение не изменилось и в период правления Яна Люксембургского, который также выступал с программой захвата польских земель и титуловал себя польским королем, однако стремился прежде всего присоединить к Чехии Силезию. Он отчетливо представлял причины крушения чешского правления в Польше в 1306 г. и укрепившиеся позиции Владислава Локетка после его коронации королевской короной в 1320 г. Сильное беспокойство в Праге должны были вызвать действия Локетка в Силезии в 1322—1323 гг., когда ему на некоторое время удалось поставить в вассальную зависимость бжегского князя Болько, намысловского князя Конрада и вроцлавского Генрика VI. Последний из них вынужден был даже завещать свое княжество Локетку, которому, однако, пришлось вернуть его обратно⁴⁸.

Беспокойство чешского двора вызывали и родственные связи польского короля с князьями свидницкой ветви — брак его дочери Кунегунды с Бернардом, свидницким князем, а также дочерей того же Бернарда Констанции и Эльжбеты с Пшемко, глоговским князем, и Болько, опольским князем.

Однако положение Польши при Локетке было трудным. Угроза со стороны крестоносцев, Бранденбурга и Чехии заставляла отдавать все силы на борьбу с опасными соседями. Таков был фон событий 1327 г., решивших судьбу Силезии. В феврале 1327 г. Ян Люксембургский предпринял вооруженный поход на Краков. Верхнесилезские князья, через земли которых проходили чешские войска, не отважились оказать сопротивления. Подчиняясь силе чешского короля, ему присягнули в верности: Болько немодлинский, Казимир цешинский, Владислав козельский, Лешек рацибожский и Ян освенцимский. Холды пяти верхнесилезских князей рассматривались в Праге как первый шаг на пути к подчинению всей Силезии.

Важное место в планах Чехии занимал Вроцлав. Ян Люксембургский склонил на свою сторону вроцлавского князя Генрика VI, пожаловав ему в пожизненное владение Клодскую землю и назначив ежегодную пенсию в размере 1000 гривен. На решение Генрика, несомненно, повлияла сложившаяся политическая ситуация и позиция немецкого вроцлавского патрициата, видевшего выгоду как в поддержании связей с богатой Чехией, так и в многочисленных привилегиях, которые обещал дать горо-

ду ловкий Ян Люксембургский. В результате Генрик VI не только признал верховные права Яна Люксембургского, но и передал чешским королям наследственные права на Вроцлавское княжество. В соответствии с актом от 5.IV 1327 г. после смерти последнего вроцлавского Пяста (1335 г.) столица Силезии перешла непосредственно к правителям Чехии. В сложившейся ситуации, при которой в зависимости от Чехии оказались ряд верхнесилезских князей и Вроцлавское княжество, во Вроцлаве принес вассальную присягу Яну Люксембургскому также и Болько опольский.

Остальные князья, однако, не спешили отказываться от своей самостоятельности. Только новые успехи Яна Люксембургского в борьбе с Польшей, ослабившие позиции Владислава Локетка и усилившие авторитет чешского короля, позволили ему добиться дальнейших успехов в Силезии. В 1329 г. после победоносной войны коалиции Яна Люксембургского и крестоносцев против Польши в результате которой орден занял Добжинскую землю, а Ян получил верховные права над Плоцким княжеством в Мазовии, чешский король приехал в Силезию, где угрозами вынудил Яна сукнавского, Конрада олесницкого, Генрика жаганьского и Болеслава легницкого (апрель — май 1329 г.) признать его власть.

После 1327—1329 гг. в Силезии еще продолжал существовать лагерь, враждебный программе подчинения Чехии, в который входили сильные княжества: Свидницкое, Яворское и Глоговское, не капитулировавшие перед натиском чешского короля. Владели этими княжествами Пясты, связанные родственными узами с польским королем, сын дочери Локетка Кунегунды Болько II свидницкий, ее шурина Генрик I яворский и женатый на дочери Кунегунды Пшемко глоговский. Их сопротивление носило поэтому ярко выраженный пропольский характер. Князей поддерживали богатые города их уделов, которые в противоположность пролюксембургски настроенному Вроцлаву были противниками идеи объединения Силезии с Чехией.

С некоторым опасением к чешскому господству в Силезии относился также вроцлавский епископ Ян Нанкер (был вроцлавским епископом в 1326—1341 гг.). Ревностно отстаивая интересы церкви, он оказывал содействие сборщикам церковных десятин в Силезии, особенно воз-

росших тогда на территории гезвинской архиепископии. Взимание десятин в соответствии с новыми нормами в Силезии формально подчеркивало связь этой земли с Польшей, но на деле могло оттолкнуть от нее силезцев. Таким образом, эту сторону деятельности Нанкера трудно оценить однозначно как в высшей степени полезную для польских национальных интересов. Тем не менее некоторые его шаги соответствовали этим интересам. К ним относятся протест против занятия Яном Люксембургским Милича (1339 г.), важного стратегического замка-крепости вроцлавского капитула на границе Силезии с Великой Польшей, введение поляков во вроцлавский капитул, наконец, внесение во вроцлавские конституции в 1327 г. епархиальных польских синодальных статуты, разрешающих занимать пасторские посты только лицам, знающим польский язык ⁴⁹.

Характерным свидетельством связей, существовавших между силезским лагерем и Польским королевством, явились события 1331 г., когда крестоносцы и Ян Люксембургский запланировали совместный поход против Польши. Сильная армия крестоносцев должна была соединиться под Калишем с чешскими войсками. В это время проходившие через Силезию чешские отряды натолкнулись на сопротивление Болько II свидницкого и потратили много времени на осаду Немчи. Затем на пути в Великую Польшу чешские войска задержались под Глоговом. В начале 1331 г. умер, не оставив потомков, глоговский князь Пшемко. Ян решил воспользоваться этим и занять Глогов. Однако город, принадлежавший вдове Пшемко Констанции и находившийся под опекой Болько II, не захотел подчиниться чешскому королю. Только измена городского старосты привела к капитуляции Глогова. Констанция выехала в Польшу.

Польское государство, не имевшее достаточно сил для борьбы против коалиции чехов и крестоносцев, пыталось найти пути для соглашения с Люксембургами. Поэтому спустя четыре года после переговоров, ведшихся в 1335 г. в Тренчине и Вышеграде, Казимир Великий, понимая неизбежность конфликта с орденом и планируя в будущем поход на Русь, решил принять 9. II 1339 г. в Кракове акт об отказе от притязаний на силезские княжества, ставшие с 1335 г. вассалами Люксембурга ⁵⁰. Однако этот отказ предполагал, что польский король не отре-

кался от верховных прав на вассальные земли, такие, как княжества Свидницкое, Яворское, Ныско-Отмуховское епископство, или ставшие вассальными позднее — как Зембицкое княжество (1336 г.). Правда в 1345—1348 гг. Польша вела войну с Чехией из-за Силезии, где на стороне Польши выступали князья Болько II свидницкий и Владислав бытомский, но завершивший эту войну Намысловский мир (22.IX 1348 г.) положил конец попытке вернуть Силезию и подтвердил Краковский отказ 1339 г. Поляки в XIV и XV вв. не забывали о Силезии, что нашло отражение в трудах польских историков того времени, осуждавших силезских князей за их переход под чужеземное господство и выдвигавших программу воссоединения этих земель с родиной — Польшей. Так, Янко из Чарнкова утверждал, что силезские князья «свои силезские княжества, свободные и никому никак не подчинявшиеся, ... превратили в лены, к стыду и позору королевства Польши. Навлекли они на себя тем вечный позор и сколь долго они будут оставаться вассалами Чехии, ни один из них не может быть выбран, если трон будет свободен, королем Польши»⁵¹.

Выдающийся польский средневековый хронист Ян Длугош писал: «... был бы еще счастливее, если бы дождался возвращения милостью божьей и объединения с Польшей Силезии, Любушской и Слупской земель... с радостью сошел бы я в могилу и безмятежно там почивал»⁵².

В самой Силезии на протяжении XIV—XV вв. продолжало сохраняться польское национальное и политическое самосознание. Польские политические интересы отразил крупнейший силезский историографический памятник XIV в., описывающий историю силезских князей, столь характерно озаглавленный: «*Chronica principum Poloniae*», составленная Петром из Бычины⁵³. Цешинский князь Болеслав II (ум. в. 1452 г.) открыто заявлял, что он жаждет присоединить при своей жизни Силезию к Польскому королевству, которому эта земля когда-то принадлежала⁵⁴. Следует, однако, отметить, что в национально неоднородной Силезии среди немецкого населения росло немецкое национальное самосознание, что нашло отражение, в частности, в «Любенжских стихах» (XIV в.) и трудах вроцлавского городского хрониста Петра Эшенлоэра (XV в.)⁵⁵.

Специфическое положение Силезии, которая в XIII—XIV вв. распалась на многочисленные уделы, была соседом Чехии и Германии, подверглась немецкой колонизации, оказало влияние на политическое устройство и правовые отношения этой части польских земель. В начальный период эпохи феодальной раздробленности в XII в. организация административного управления, военных и судебных властей силезских княжеств напоминала их организацию в других польских княжествах. Со временем, однако, в Силезии начали появляться определенные черты, характерные именно для нее.

Сначала в силезских княжествах существовала, как и в других польских княжествах в XII—XIII вв., развитая чиновничья иерархия, охватывавшая придворных служащих (воевода, канцлер, казначей, коморник, подचाший, конюший и т. д.), а также чиновников, осуществлявших административную, судебную и военную власть в отдельных меньших округах, — каштелянов. С ростом раздробленности сохранение такого рода иерархии в мелких княжествах становилось излишним. На рубеже XIII—XIV вв. в нижнесилезских княжествах ряд этих должностей во главе с должностью воеводы исчезает. В Верхней Силезии они сохраняются несколько дольше. В результате чешского влияния в Силезии с начала XIV в. появляется институт старост, представлявших княжескую власть. Должность старосты имела больший вес в княжествах, непосредственно принадлежавших короне, где старосты представляли сильную, а вместе с тем далекую королевскую власть.

Примерно в это же самое время в Силезии исчезают каштеляны. Их функции в период войны перешли к осуществлявшим попечение над отдельными замками бурграфам.

Административные и судебные округа, в пределах которых действовали каштеляны, постепенно заменялись вайхбильдами (Weichbild), охватывавшими несколько деревень, а иногда и небольших городов с «немецким правом», сконцентрированных вокруг более крупного города, права которого служили образцом и от которого они перенимали соответствующие правовые нормы. В вайхбильде появилась специальная должность «земского войта» (Landwogt). Земский войт совместно с членами магистрата в качестве верховной судебной инстанции раз-

решал споры сельского населения на основе «немецкого права»⁵⁶.

Сначала, как и в других польских землях, судом высшей инстанции специально для рыцарства был княжеский суд. В Силезии в связи с распространением западного ленного права, с одной стороны, и с сохранением прежних польских прав — с другой, получили развитие отчетливо выступающие в 1-й половине XIV в. двойного рода суды: вассальные суды с «немецким правом» и суды с польским правом, называвшиеся «чудами»⁵⁷. И те, и другие рассматривали главным образом (хотя и не только) споры, касавшиеся рыцарских земельных владений; «чуды» руководствовались польским обычным правом. В княжествах с более сильным немецким влиянием «чуды» исчезали быстро. «Чуда» во Вроцлавском княжестве перестала существовать в 1337 г., в то время как в некоторых восточных районах Силезии, например, в Глоговском, Оленицком княжествах, «чуды» сохранялись еще на протяжении ряда столетий⁵⁸.

Каковы же характерные закономерности и какова специфика классической эпохи феодальной раздробленности в Силезии? Ответ на этот вопрос можно сформулировать в следующих пунктах.

1. Закономерными были в принципе рост поселений и реформы в деревне с западным правом, связанной с очиншеванием, причем это развитие было более ранним и более интенсивным, чем в других польских землях.

2. Специфическими для Силезии были крупные фольварочные хозяйства, характерные не только для монастырских владений, но в первую очередь именно для рыцарских.

3. Характерным для этой земли было отсутствие крупных феодальных владений możновладцев и весьма большое количество быстро разраставшихся монастырских владений, громадный комплекс епископских хозяйств.

4. В отношении развития городов Силезия, имевшая сеть богатых и многолюдных городских поселений, решительно опережала другие польские земли.

5. Охарактеризованная выше экономическая специфика нашла свое отражение в области политики. Наличие многочисленных городов делало возможным существование мелких феодальных княжеств, хотя развитие товарного хозяйства в городах этого времени должно было бы вести

к образованию более крупных государственных структур. В Силезии этот вопрос не стоял, однако, так просто. Многие силезские города ориентировались на производство для ограниченного местного рынка, и только в некоторых из них — таких, как Вроцлав или Свидницы, развивались высокоспециализированные ремесла, продукция которых предназначалась для отдаленных рынков. В результате местные правители могли видеть в своих городах определенный источник дохода, однако собственные интересы отдельных городов скорее затрудняли, чем облегчали действия по объединению Силезии под властью одного из силезских пястовских князей. Особенно это относится к концу XIII — началу XIV в.

6. Если в период феодальной раздробленности типичным явлением была борьба крупных феодалов, как светских, так и церковных, с княжеской властью, то в Силезии с XIII в. решающую роль в борьбе с князьями играло исключительно сильное феодальное духовенство — вроцлавские епископы. Только в XII в. можно говорить о серьезном сопротивлении можновладцев, проявлением чего был конфликт Петра Влостовица с Владиславом Изгнанником.

7. По сравнению с другими польскими землями в Силезии имелись специфические черты в политическом устройстве, вызванные контактами с чешскими и немецкими соседями, смешанным в национальном отношении населением и большим политическим значением городов. В частности, характерными отличительными чертами являлись: территориальное разделение на вайхбильды, двоякого рода рыцарское судопроизводство, постепенно превращавшееся в земское судопроизводство (ленные суды и «чуды»), а в будущем — значительное участие горожан в сословном представительстве в силезских сеймах.

8. Характеризуя причины феодальной раздробленности в Силезии, не следует упускать из виду основного фактора, каким являлось разрастание местной ветви Пястов, не имевшее ничего подобного ни в одной из других пястовских ветвей в Польше. Об этом говорит число живых потомков по мужской линии первых польских удельных князей, живших до 1526 г. От правителя Силезии Владислава Изгнанника произошло 122 князя, от первого правителя Мазовии Болеслава Кудрявого — 1, от великопольского князя Мешко Старого — 8, от Генрика сандо-

мирского — ни одного, от Казимира Справедливого — 49 малопольских, мазовецких, куявских, серадзских, ленчицких князей и польских королей. Это широкое разрастание силезской ветви Пястов вызывало потребность в разделе их вотчины, на которую каждый из них имел, в соответствии с принятыми тогда взглядами, повсеместно и всеми признаваемые права.

В заключение хотелось бы сформулировать несколько замечаний, касающихся второго этапа феодальной раздробленности в Силезии, охватывающего 1348—1526 гг. Этот этап имел свои характерные черты, хотя во многих отношениях не был однородным периодом. Если во 2-й половине XIV в. Силезия длительное время не вела войн, то в XV в. она стала ареной многих военных битв, в частности, продолжительной борьбы с гуситами (1420—1434 гг.), конфликта с Иржи Подебрадом, войны между Мацеем Корвином и Владиславом Ягеллончиком, а также многочисленных столкновений между отдельными силезскими князьями. В связи с этим экономическое развитие, по-прежнему оживленное в XIV в., в XV в. сильно затормозилось. На развитие и специфику феодальной раздробленности в Силезии в эту эпоху оказывали влияние не столько экономические отношения, сколько изменчивые и сильные по своему воздействию политические события.

В это время мы наблюдаем две противоположные тенденции в развитии внутреннего устройства Силезии. Первая из них вела к дальнейшему углублению феодальной раздробленности, а вторая — к сплочению мелких силезских княжеств в единое политическое образование.

Проявлением первой тенденции следует признать дальнейший распад более крупных по размеру княжеств на мелкие княжества, наиболее яркими примерами которого являются раздел Олесницкого княжества на несколько уделов после смерти Конрада III (1413 г.) и Освенцимского княжества после смерти его правителя Казимира (1433 г.). Не остановило этого процесса даже угасание отдельных пястовских ветвей. Правда, как уже говорилось выше, после смерти последнего вроцлавского князя (1335 г.) Вроцлавское княжество стало непосредственным владением чешских королей, а позднее, после смерти княжны Агнешки (1392 г.), то же самое произошло с объединенным Свидницко-Яворским княжеством, однако

оба эти княжества не имели общих органов власти, а свидницко-яворские сословия нередко проводили политику, отличную от политики Вроцлавского княжества.

В XV и начале XVI в. чешские короли уже не включали опустошенных силезских ленов непосредственно в Чешскую корону, а предназначали их для членов своих семей и приближенных. В середине XV в. Иржи Подебрад от короля Чехии Владислава получил Зембице, Зомбковице и близлежащую Клодскую землю. Впоследствии, когда сам он занял королевский престол, он передал их своим сыновьям Викторину, Генрику и Хынку, которые на основании этого получили княжеские титулы. После угасания ветви олесницких Пястов (1492 г.) Подебрады, зембицкие князья, получили от Владислава Ягеллончика Олеснице. Мацей Корвин отдал своему сыну Яну Корвину объединенное в это время с Силезией Опавское княжество (1485 г.). Владислав Ягеллончик подарил своему брату Яну Ольбрахту Глоговское княжество (1491 г.), а когда тот стал польским королем, несколько лет спустя, передал это же Глоговское княжество своему другому брату Зыгмунту (1499 г.). Зыгмунт Старый позднее получил Сыцов и Опавское княжество (1500—1501 гг.).

Наряду с сохранением прежних средневековых княжеств дальнейшим проявлением феодальной раздробленности было образование на рубеже XV—XVI вв. так называемых «сословных государств» (городов-государств). Сословные государства занимали, как правило, небольшую по размерам территорию, которая выделялась из территории прежних княжеств. Их владельцы «*panowie stanowi*», хотя и не были князьями, а оставались юридически шляхтой, получали княжеские полномочия в своем государстве и подчинялись в качестве вассалов непосредственно чешскому королю. Первыми городами-государствами были Смогожов (возник в 1492 г.), Милич (с 1494 г.), Пщина (с 1517 г.)⁵⁹.

Проявлением феодальной раздробленности были также упоминавшиеся выше (а в XV в. очень частые) войны между отдельными силезскими князьями. Иногда они были связаны с внесилезскими событиями, как, например, конфликт козельского Конрада Белого с его братом Конрадом, вроцлавским епископом, в 1440-х годах, прямо связанный с борьбой польского короля Владислава III за Венг-

рию⁶⁰, или военные действия Яна II жаганьского на севере Силезии во 2-й половине XV в.⁶¹

Наряду с продолжавшимися сохраняться явлениями феодальной раздробленности медленно пробивала себе дорогу тенденция к объединению мелких княжеств-государств (каждое из которых порознь подчинялось власти чешских королей) в единую общесилезскую политическую организацию. Эта тенденция шла из двух источников и носила двойственный характер.

Одним из путей реализации программы по объединению здешних мелких княжеств в более крупное явились союзы силезских княжеств. Эти союзы возникали еще в XIV в. (в 1387, 1397 и 1399 гг.) в целях сохранения мира внутри самой Силезии. Союз, заключенный в 1402 г., предусматривал уже совместное руководство в лице легницкого князя Рупрехта и немодлинского князя Бернарда. Очередной союз 1427 г., целью которого была борьба против чешских гуситов, предусматривал уже не только совместное руководство вроцлавского епископа Конрада и бжегского князя Людвика, но и создание институтов, отдела и совета, в состав которых входили также представители рыцарства и княжеств Короны (Вроцлавского и Свидницко-Яворского). Позднее аналогичный союз был заключен в 1435 г. Все вышеупомянутые союзы заключались для ближайших конкретных целей и имели ограниченный срок действия. Эти союзы представляли собственно силезский путь снизу к объединению сил феодальных княжеств и были направлены на сохранение мира внутри Силезии или на борьбу с гуситами.

Вышеупомянутая тенденция к объединению разделенной на ряд княжеств Силезии сочеталась с силезским сепаратизмом по отношению к Чехии. Этот сепаратизм носил своеобразный характер: он был направлен не против принадлежности к Чешской короне вообще, с чем примирилось в XV в. большинство силезских князей, рыцарства и горожан, а против гуситского движения в Чехии и против тех сословий, которые не допускали силезцев к выборам королей и к участию в принятии решений, касавшихся всего Чешского королевства. Поэтому силезские сословия также не признавали выборности королевской власти, а высказывались за ее наследственность и хотели, чтобы местом принесения вассальной присяги чешским королям была не Прага, а Вроцлав. У ниж-

несилезских немцев этот сепаратизм соединялся в определенной степени с антиславянскими настроениями нарождавшегося национального антагонизма в отношении чехов-славян.

Наряду с этими тенденциями к единству Силезии существовал и другой путь — сверху, при котором инициатива исходила от королей, заинтересованных в распространении и укреплении власти над всей силезской провинцией. В этих целях в 1471 г. король Мацей Корвин учредил институт надстароста для Силезии и Лужиц. При нем этот институт просуществовал недолго и претерпел ряд изменений. Только со времени правления Владислава Ягеллончика, с 1490 г., король стал регулярно, только для Силезии назначать надстаросту, власть которого распространялась как на Нижнюю, так и на Верхнюю Силезию. По Великому привилею, данному в 1498 г., король обязывался назначать на эту должность непременно одного из силезских князей⁶². Принятие этого принципа вело к появлению определенной двойственности в функциях силезского надстаросты. По существу он являлся королевским чиновником, но в то же время по отношению к королевской власти представлял интересы провинции, находившейся под его управлением, и таким образом с этой стороны силезский надстароста уподоблялся земскому начальнику⁶³.

Следующим институтом, способствовавшим объединению Силезии, был возникший во второй половине XV в. силезский сейм, называвшийся обычно «княжеским сеймом». На рубеже XV—XVI вв. он состоял из трех коллегий — княжеской, шляхетской и городской. В компетенцию созывавшегося надстаростой сейма входило решение вопросов о королевских податях, о мире внутри Силезии, о майоратах и т. д. Постановления сейма были обязательны для всех силезских княжеств, даже для тех, представители которых не принимали участия в соответствующих сеймовых заседаниях. Институт сейма, созывавшегося по указу короля и возглавлявшегося надстаростами, значительно ограничивал удельную самостоятельность силезских князей⁶⁴.

Важным событием в процессе объединения Силезии было создание в соответствии с привилеем 1498 г. короля Владислава Верховного княжеского суда, который под предводительством надстаросты решал спорные вопросы

между силезскими князьями и владельцами городов-государств с монархом. Состав этих судов был аналогичен составу вышеупомянутого силезского сейма⁶⁵.

Характерно, что названные выше общесилезские институты — надстароство, княжеские сеймы, Верховный княжеский суд — были введены во второй половине XV в. королями Мацеем Корвином и Владиславом Ягеллончиком для усиления, упрощения и сосредоточения в одном лице управления всей Силезией. Немецкая историография считает, что это явилось результатом деятельности главным образом Мацея Корвина⁶⁶. Такая точка зрения не представляется, однако, правильной, поскольку при его правлении новые институты надстароства и силезский сейм не были еще едиными для всей силезской провинции. Только Великий привилей Владислава Ягеллончика 1498 г. ясно показал их значение и стал своего рода конституцией Силезии, основные пункты которой действовали на протяжении нескольких столетий.

Таким образом, на рубеже XV—XVI вв. формировалось нового рода единство Силезии в рамках Чешской короны. В связи с этим в исторической литературе появилось даже сформулированное Ф. Рахфалом определение создавшейся тогда местной модели политического устройства как «общесилезского государства» (*der schlesische Gesamtstaat*) или силезской «государственной целостности» (*Staatsganzes*)⁶⁷.

Ф. Рахфал относил возникновение более глубокого единства Силезии только лишь к габсбургскому периоду, особенно к эпохе правления Фердинанда I⁶⁸. Это весьма справедливо, хотя следует подчеркнуть, что основы этого единства зародились в корвинскую и ягеллонскую эпоху, а в габсбургский период дальнейшее ее формирование опиралось не только на постепенную ликвидацию прав отдельных силезских княжеств, но и на подчинение всей Силезии централистским устремлениям Вены как в области политической, так и экономической. Поэтому тогда же в рамках многонациональной Габсбургской монархии феодальная раздробленность в Силезии теряет свое прежнее значение. Политические и экономические права князей и сословных владельцев подвергаются со временем такому ограничению, что их положение уподобляется в значительной степени положению обычных крупных землевладельцев в соседних странах. Несомненно, некоторые

пережитки феодальной раздробленности еще и в дальнейшем продолжали играть существенную роль в ряде важных областей жизни, однако анализ экономических и политических отношений того времени выходит за рамки данной статьи.

- ¹ См. по этому вопросу: *W. Korta. Z dziejów obrony Śląska przed feudałami niemieckimi w XI i XII w. «Szkice z dziejów Śląska», t. I. Warszawa, 1953.*
- ² *G. Anonymi. Cronica et gesta ducum sive principum Polonorum. «Monumenta Poloniae Historica». Nova series, t. II. Kraków, 1952, ks. II, r. 8.*
- ³ *C. Pragensis. Chronica Bohemorum. «Monumenta Germaniae Historica, Script. Rer. Germ.», Nova series, t. II. Berlin, 1923, ks. III, r. 1.*
- ⁴ «Historia Śląska od najdawniejszych czasów do roku 1400», t. I—III. Kraków, 1933—1939; «Historia Śląska», t. I, cz. 1—2. Wrocław, 1960—1961.
- ⁵ Нужно помнить, что много сравнительного материала содержит монография Башкевича. (*J. Baszkiewicz. Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przełomie XIII i XIV wieku. Warszawa, 1954.*)
- ⁶ Интересные данные по этой теме содержит статья Тышкевича (*L. Tyszkiewicz. Ze studiów nad osadnictwem wczesnofeudalnym na Śląsku. «Sobótka», t. XII, 1957.*)
- ⁷ Данные К. Малечиньского «Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 240—244).
- ⁸ Описание этой категории поселений содержит кн.: «Księga Henrykowska». Poznań-Wrocław, 1949, str. 296—297 и сл.
- ⁹ «Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 395.
- ¹⁰ Там же, стр. 428.
- ¹¹ Сводка Р. Хека содержится в коллективной работе «Historia chłopów polskich», t. I. Warszawa, 1970, str. 168—169. Ее основой были данные из работ: *A. Gąsiorowski. Ze studiów nad szerzeniem się tzw. prawa niemieckiego we wsiach ziemi krakowskiej i sandomierskiej (do roku 1333). «Roczniki Historyczne», t. XXVI, 1960; T. Tyc. Początki kolonizacji na prawie niemieckim w Wielkopolsce (1200—1333). Poznań, 1924; J. Masłowski. Kolonizacja niemiecka wiejska na prawie niemieckim w województwach, sieradzkim łęczyckim, na kujawach i w ziemi dobrzyńskiej. «Roczniki Historyczne», t. XIII, 1937; «Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 428.*
- ¹² Последний раз эти документы опубликовал К. Малечиньский («Codex diplomaticus nec non epistolaris Silesiae», t. I. Wrocław, 1956, N 103, 104; t. II, Wrocław, 1959, N 129, 130).
- ¹³ Об отношениях в тшебницком ключе писали: *R. Grodecki. Książęca włość trzebnicka na tle organizacji majątków książęcych w*

- Polsce XII w. «Kwartalnik Historyczny», t. XXVIII, 1913; *K. Tymieniecki*. Najdawniejsza polska ustawa dworska. «Studia z historii społecznej i gospodarczej poświęcone F. Bujakowi». Lwów, 1931; *K. Buczek*. W sprawie interpretacji dokumentu trzebnickiego z 1204 r. «Przegląd Historyczny», t. XLVIII, 1957.
- 14 Дела средневековых феодальных владений Силезии основательнее всего исследовал в своей монографии Корта (*W. Korta*. Rozwój wielkiej własności feudalnej na Śląsku do połowy XIII wieku. Wrocław, 1964).
- 15 «Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 277.
- 16 Сведения по этому вопросу дают податные описи княжеств Глогувского 1315 г. и Броцлавского 1353 г. Описи исследовал под этим углом зрения Р. Хек (*R. Heck*. Uwagi o gospodarce folwarcznej na Śląsku w okresie Odrodzenia. «Sobótka», t. XI, 1956, str. 161 и сл.)
- 17 *O. Schwartz*. Stadt und Fürstentum Breslau in ihrer politischen Umwelt im Mittelalter. «Zeitschrift des Vereins für Geschichte Schlesiens», T. LXV, 1931, S. 71.
- 18 *K. Buczek*. Targi i miasta na prawie polskim. Okres wczesnośredniowieczny. Wrocław, 1964.
- 19 Данные из сводок К. Малечиньского («Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 449).
- 20 «Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa», t. I. Kraków, 1879, N 1.
- 21 «Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 249.
- 22 Данные для Кракова, Познани и Сандомежа почерпнуты из издания: «Miasta polskie w tysiącleciu», t. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, str. 33.
- 23 См. вступительную статью и опубликованные Корном документы: *G. Korna*. Schlesische Urkunden zur Geschichte des Gewerberechts insbesondere des Innungswesens aus der Zeit vor 1400. «Codex Diplomaticus Silesiae», t. VIII. Wrocław, 1867.
- 24 Из работ, освещающих торговлю Силезии в этот период, надо назвать: *H. Wendt*. Schlesien und der Orient. Wrocław, 1916; *S. Kalfas-Piotrowska*. Stosunki handlowe śląsko-polskie za Kazimierza Wielkiego. «Roczniki Towarzystwa przyjaciół Nauk na Śląsku», t. V. Katowice, 1936; а также: *M. Scholz-Babisch*, *H. Wendt*. Quellen zur schlesischer Handelsgeschichte bis 1526. Wrocław, 1940.
- 25 *J. Nowakowa*. Rozmieszczenie komór celnych i przebieg dróg handlowych na Śląsku do końca XIV wieku. Wrocław, 1951.
- 26 Общую характеристику тогдашнего силезского горного дела содержит работа: *A. Steinbeck*. Geschichte des schlesischen Bergbaues, seiner Verfassung, seines Betriebes, T. I—II. Wrocław, 1857; *J. Piernikarczyk*. Historia górnictwa i hutnictwa na Górnym Śląsku, t. I—II. Katowice, 1933 — 1934; *K. Maleczyński*. Z dziejów górnictwa śląskiego w epoce feudalnej.

- «Szkice z dziejów Śląska», t. I. Warszawa, 1955.
- 27 См.: *W. Krause*. Zur Volkstums und Herkunftsfrage den oberschlesischen Bauern des Mittelalters. «Zeitschrift des Vereins für Geschichte Schlesiens», T. LXXI, 1937; *W. Kuhn*. Siedlungsgeschichte Oberschlesiens. Würzburg, 1954, S. 141—151 и полемику с этими работами *P. Хека* («Historia Śląska», t. I, cz. 2, str. 35—36).
- 28 *A. Meitzen*. Urkunden schlesischer Dörfer. Zur Geschichte der ländlichen Verhältnisse und der Flureinteilung insbesondere. «Codex Diplomaticus Silesiae», t. IV. Wrocław, 1863, Wstęp, str. CIII.
- 29 *K. Tymieniecki*. Kolonizacja a germanizacja Śląska w wiekach Średnich. Katowice, 1937, str. 27.
- 30 См. документ вроцлавского епископа Томаша I от 6.XII 1248 г.: «Regesten zur schlesischen Geschichte», T. I. Wrocław, 1875, N 686.
- 31 По мнению *К. Малечиньского*, в Силезии в середине XIV в. существовало 2820 привилегий для 3324 поселков, из них на «немецком праве» основано 628. («Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 244, 248).
- 32 *R. Heck*. Śląsk w Polsce dzielnicowej i jego rozstanie z Macierzą. Opole, 1966, str. 7.
- 33 Дело не очень ясно. Может быть, речь идет только о расширении тех поселений или узаконении положения епископства в отмуховской каштелянии. См.: *T. Silnicki*. Dzieje i ustrój kościoła katolickiego na Śląsku do końca w. XIV. Warszawa, 1953, str. 52—53.
- 34 Опубликован в кн.: «Кодекс дипломатyczny Małopolski», t. I. Kraków, 1876, N 6. В реконструкции текста чаще принимается концепция *К. Малечиньского* («Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 337—338), отличающаяся от положения *Р. Гродецкого*, который в этом силезском князе, инспираторе всего дела, видел Генрика Бородатого. (Там же, стр. 196 и сл.).
- 35 *S. Smolka*. Henryk Brodaty. Ustęp z dziejów epoki Piastowskiej. Lwów, 1872, str. 71; *T. Silnicki*. Dzieje i ustrój..., str. 156.
- 36 Датировка борьбы за Любуш неубедительна. Обзор литературы составил *К. Малечиньский* («Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 346, prz. 55).
- 37 В действительности, в источниках нет об этом точных сведений; гипотеза, высказанная об этом деле *К. Малечиньским* («Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 340—341), кажется убедительной.
- 38 *К. Малечиньский* здесь отвергает (возможно, справедливо) сомнение в подлинности документа («Codex diplomaticus nec non...», t. II, N 178), выдвинутое ранее *О. Бальзером* (*O. Balzer*. Walka o tron krakowski w latach 1202 i 1210/11. «Rozprawy Wydziału Histor.-Filozof. AU.», t. XXX, 1894, str. 52).
- 39 «Monumenta Poloniae Historica», t. III, str. 647.
- 40 *E. Maleczyńska*. Próby odbudowy państwowości polskiej w oparciu o Śląsk. «Szkice z dziejów Śląska», t. I, str. 102; *J. Baszkie-*

- wicz. Указ. соч., стр. 75; «Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 350—351.
- ⁴¹ *M. Łodyński*. Polityka Henryka Brodatego i jego syna w latach 1232 — 1241. «Przegląd Historyczny», t. XIV, 1912, str. 141 и сл.
- ⁴² Большое мужество польских подкреплений оценил хронист Генрик Гамбургский, писавший: «Congressus autem ipsi in prelium fugientibus Bohemis et Moravis, heu occisus est ille magnificus rex Otto cum multis Polonis». «Fontes Rerum Bohemicarum», t. III. Praha, 1882, str. 316—317.
- ⁴³ *O. Balzer*. Królestwo Polskie 1295—1370, t. I. Lwów 1919, str. 272 и полемика с этой концепцией в кн.: *J. Baszkiewicz*. Указ. соч., стр. 387 и сл.
- ⁴⁴ «Urkunden zur Geschichte des Bisthums Breslau im Mittelalter». Wrocław, 1845, N 251; «Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski», t. II, N 645.
- ⁴⁵ «Historia Śląska», t. I, cz. 1, str. 531.
- ⁴⁶ Известие об этом содержит документ Рудольфа Габсбурга — Вацлаву II от 25.IX 1290 г. См.: «Lehns- und Besitzurkunden Schlesiens und seiner einzelnen Fürstenthümer im Mittelalter», T. I. Leipzig, 1881, S. 63.
- ⁴⁷ См. об этом выводы Башкевича (*J. Baszkiewicz*. Указ. соч., стр. 206—207).
- ⁴⁸ Об этих событиях писали: *A. Kłodziński*. Ślady zwierzchnictwa Łokietka nad Śląskiem w r. 1322/23. «Sprawozdania PAU», 1919, N 4; *J. Kochanowska-Wojciechowska*. Stosunek Śląska do Polski i Czech w latach 1321—1339. «Roczniki Historyczne», t. IV, 1928. Известие о передаче княжества Локетку написал Янко из Чарнкова («Monumenta Poloniae Historica», t. II, str. 688).
- ⁴⁹ Больше всего сведений о деятельности Нанкера содержит монография Т. Шилницкого (*T. Silnicki*. Biskup Nanker. Warszawa, 1953).
- ⁵⁰ Акт уступки прав Казимира Великого опубликовали *C. Grünhagen* и *H. Markgraf* в кн.: «Lehns- und Besitzurkunden Schlesiens», T. I, S. 4—6). Дело подробно описал Ю. Домбровский (*J. Dąbrowski*. «Historia Śląska», t. I, str. 434). Из литературы по вопросу о захвате Силезии Чехией среди других внимания заслуживают: *J. Włodarski*. Polityka Jana Luksemburskiego wobec Polski za czasów Władysława Łokietka. «Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie». «Wydział», t. 11. Lwów, 1933; *R. Grodecki*. Rozstanie się Śląska z Polską. Katowice, 1938; *M. Vach*. Slezska politika Jana Lucemburského a její pozadí. Opava, 1960.
- ⁵¹ «Monumenta Poloniae Historica», t. II, str. 645—646.
- ⁵² *J. Długosz*. Opera omnia, t. XIV. Kraków, 1878, str. 473—474. См. также работу Кучиньского: *S. M. Kuczynski*. Długosz wobec polskiej granicy zachodniej. «Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19—22 września 1948», t. I. Warszawa, 1948.
- ⁵³ О польской направленности этой хроники писали не-

- мецкие историки (W. Schulte. Die politische Tendenz der Chronica principum Poloniae. Wrocław, 1906).
- ⁶⁴ J. Długosz. Указ. соч., т. XIV, стр. 128.
- ⁵⁵ W. Wattenbach. Monumenta Lubensia. Wrocław, 1861, стр. 14 и сл.; P. Eschenloer. Historia Wratislaviensis. Wrocław, 1872; P. Eschenloer. Geschichten der Stadt Breslau oder Denkwürdigkeiten, Т. I—II. Wrocław, 1827.
- ⁵⁶ F. Rachfahl. Die Organisation der Gesamtstaatsverwaltung Schlesiens vor dem dreissigjährigen Kriege. Leipzig, 1894, S. 65 и сл.
- ⁵⁷ H. Loesch. Die Verfassung im Mittelalter. «Geschichte Schlesiens», Т. I. Wrocław, 1938, S. 300 и сл.
- ⁵⁸ Там же, стр. 304. Более подробно об этих судах писали: P. Diels, R. Kobner. Das Zaudengericht in Böhmen, Mähren und Schlesien. Wrocław, 1935.
- ⁵⁹ F. Rachfahl. Указ. соч., стр. 55—56; St. Sreniowski. Historia ustroju Śląska. Katowice — Wrocław, 1948, стр. 90.
- ⁶⁰ R. Heck. Tabor a kandydatura Jagiellońska w Czechach (1438—1444). Wrocław, 1964, стр. 231 и сл.
- ⁶¹ «Historia Śląska», т. I, cz. 2, стр. 261.
- ⁶² Текст привилея опубликован в кн.: «Lehns und Besitzurkunden Schlesiens», Т. I, N 29, S. 49 и сл.
- ⁶³ St. Sreniowski. Указ. соч., стр. 107.
- ⁶⁴ О делах силезского сейма см.: St. Sreniowski. Указ. соч., стр. 113—140; H. Berthold. Schlesiens Landesvertretung und Landeshaushalt von ihren Anfängen bis in der neuste Zeit. Orawa, 1909.
- ⁶⁵ St. Sreniowski. Указ. соч., стр. 134—142.
- ⁶⁶ F. Rachfahl. Указ. соч., стр. 117 и сл.
- ⁶⁷ Там же, стр. 138—139.
- ⁶⁸ Там же, стр. 140.

БРАНДЕНБУРГ, КРЕСТОНОСЦЫ И ПОТЕРЯ ПОЛЬШЕЙ ЗАПАДНОГО ПОМОРЬЯ

К. Мыслинский

Западное Поморье играло исключительно важную роль в истории древнепольских земель. Через него и его северные порты Польша времен первых Пястов поддерживала связи со всеми районами Балтийского моря, от Скандинавии на западе до Руси на востоке, а при ее посредничестве — с арабскими странами, торговые пути из которых шли через русские земли. Эти контакты носили преимущественно не военный, а торговый характер и были чрезвычайно выгодны для польской экономики. В XII в., когда Германия не имела прямого выхода к морю, это давало возможность Польше изыскивать в этом районе и материальные, и политические средства, необходимые для противодействия натиску со стороны Германской империи.

Но речь идет не только о роли Поморья в качестве посредника. Экономика этого края и других польских земель взаимно дополняли друг друга. Существование обмена между ними подтверждается оживленными торговыми путями, шедшими из Познани и Гнезно к устью Одры, а также наличием одинаковых ремесленных изделий, найденных при археологических раскопках по обе стороны пограничной линии, отделяющей Поморье от остальной части Польши. Подтверждают это также свидетельства письменных источников, например Галла Анонима. Особенно развитыми были контакты между Поморьем и Великой Польшей, как это убедительно показано в двух монументальных польских исторических работах последних лет: «Истории Великопольши», вышедшей под редакцией Ежи Топольского, и «Истории Поморья», изданной под редакцией Герарда Лабуды¹.

Отношения между Западным Поморьем и Польшей установились рано. Их проявлением было то, что Поморье вошло в состав пястовского государства уже при Мешко I. Окончательное их оформление в государственно-

правовом отношении произошло при Болеславе Кривоустом и Вартиславе в двадцатых годах XII в. С тех пор Западное Поморье было ленным владением Польши, а это означало, что, сохраняя собственную правящую династию и в значительной степени будучи самостоятельным, оно входило в сферу польской государственности. Результатом явилось дальнейшее расширение и укрепление взаимоотношений в экономической, общественной, культурной и политической жизни, а их внешним проявлением стали родственные связи между правящими династиями Польши и Западнопоморского княжества.

В конце XII в. произошло событие, противоречившее предшествующей линии развития отношений между обеими странами: Западнопоморское княжество внезапно разорвало сложившиеся отношения с Польшей и пошло на сближение с немецкими политическими силами, особенно с империей и Саксонским княжеством, а затем с Данией. Дальнейший ход событий в следующем столетии привел к окружению Западного Поморья немецкими княжествами во главе с Бранденбургом, угрожавшими ему полным поглощением.

Это в высшей степени неблагоприятное развитие событий объяснялось в польской исторической науке главным образом агрессивностью Бранденбурга, затем государства крестоносцев, затем ростом могущества немецкой Ганзы на Балтийском море и наплывом немецких переселенцев в поморские города и деревни. Обращалось также внимание на иммиграцию немецкого рыцарства и рост его влияния в политической жизни страны. Таким образом, считалось, что причиной разрыва связей между Польшей и Поморьем была немецкая экспансия.

Это объяснение представляется слишком узким и односторонним. Его следует дополнить общей характеристикой международного положения того времени, когда Бранденбург был только одним из действующих лиц, и, кроме того, обратиться к рассмотрению внутреннего развития самой Польши и здесь искать ответа на вопрос, почему была невозможна мобилизация сил и средств, способных защитить единство Поморья и Польши от опасности извне. Надо выяснить, почему Бранденбург, который являлся наиболее сильной угрозой для Польши, не смог окончательно поглотить Поморье и в конце концов был вынужден отказаться от полученных им ранее сю-

зеренных прав в отношении княжества. Настоящая статья является попыткой сконцентрировать материал, который помог бы ответить на эти вопросы.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ЗАПАДНЫМ ПОМОРЬЕМ И ПОЛЬШЕЙ В XII В.

Отношения между Польшей и Поморьем в XII в. продолжали развиваться на тех же основах, что и в X—XI вв., но к ним добавились и новые, возникшие в результате изменений, имевших место на территории между Лабой и Одрой на рубеже XI и XII вв. Источником этих изменений было иное соотношение сил между Польшей и империей, а также между Польшей и теми германскими государствами, которым удалось распространить свое господство на полабские земли. Определенную роль сыграла и новая позиция, занятая Данией на Балтийском море, которая во второй половине XII в. добилась здесь несомненной гегемонии².

Главным среди этих событий был распад Великого союза, одного из наиболее сильных политических организмов, существовавших на территории между Лабой и Одрой, распад, который окончательно завершился в начале XII в. Значительная часть Велецких земель оказалась тогда в составе Западнопоморского княжества. Когда впоследствии, в 1121—1122 гг., Болеславу Кривоустому удалось подчинить себе Поморье, эти земли также оказались в сфере политического влияния Польши. Вскоре эта сфера была расширена за счет территорий по Гавеле и Spreve. Есть основания полагать, что ленным владением Польши в 1127 г. стало Копаницкое княжество, о князе которого Яксе бранденбургский хронист середины XII в. Генрик Антверпский писал, что он был «in Polonia principans». Поскольку же упомянутый Якса был дядей (avunculus) Пшибыслава, правившего в соседнем Бренне-Бранденбурге, то не слишком вольным будет утверждение, что политическое влияние Польши распространялось вплоть до Лобы. Если говорить о проблемах церкви, то, вероятнее всего, Копаницкое княжество было связано с польской церковной организацией, а именно с созданным в 20-е годы XII в. Любушским епископством. Следствием явилось быстрое развитие экономических отношений меж-

ду Польшей и этими землями, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что монеты Яксы Копаницкого были найдены и на территории Польши³.

Все это было безразлично для складывания отношений между Польшей и Западным Поморьем. Усиливая свое политическое и военное влияние, Польша стала также соседом Западнопоморского княжества и на территориях, расположенных за Одрой, и могла оказывать здесь политическое давление. Это тоже было одной из причин, в силу которых, несмотря даже на определенное сопротивление со стороны князя Вартислава, происходило взаимное сближение, ведущее к вассальной зависимости княжества от Польши. Следует также учитывать существовавший тогда польско-датский союз, укрепление которого способствовало установлению династических связей. Следствием этого союза явилось то, что Западнопоморское княжество, как со стороны суши, так и со стороны моря, оказалось в сфере воздействия польской политики⁴.

После смерти Болеслава Кривоустого в 1138 г. положение не изменилось. Его старший сын и преемник Владислав II был заинтересован в продолжении той же внешнеполитической линии на западе. Об этом свидетельствует создание в 1140 г. (или несколько раньше) Поморского епископства в Волине и его связь с митрополией в Гнезно. О заинтересованности Владислава II в распространении польского влияния на земли по Спреве могут также свидетельствовать загадочное пребывание его советника, силезского магната Петра Власта, при дворе императора Конрада в Магдебурге и переговоры с магдебургским архиепископом Фридрихом⁵.

После изгнания из страны Владислава положение не изменилось. Правда, очередной правитель мазовецкий князь Болеслав Кудрявый больше занимался прусскими делами, однако переход в его руки Силезии автоматически превращал его в какой-то мере в продолжателя политики Владислава за Одрой. Там он действовал совместно со своим братом — великопольским князем Мешко Старым, удельные интересы которого прежде всего были направлены на Западное Поморье и земли за Одрой. Доказательством того, что они действительно стремились сохранить здесь все, что удалось захватить их отцу, был поход Мешко на Щецин в 1147 г. Видимо, он сыграл решающую роль в выводе оттуда войск крестоносцев, ру-

ководимых маркграфом Альбрехтом Медведем и гавельбергским епископом Анзельмом. Более отдаленным следствием этого похода было свидание польских князей с маркграфом Альбрехтом и магдебургским архиепископом Фридрихом в Крушвице, в Куявии в 1148 г., и переговоры, которые явно касались вопросов разграничения политического влияния в славянских землях по Спреве, особенно в Бренне-Бранденбурге и в Копанике. Не следует думать, что события 1157 г. должны были коренным образом изменить ситуацию на землях за Одрой. Поход императора Фридриха Барбароссы, как сейчас принято считать, был направлен не на Познань — владение Мешко Старого, а на Силезию, возвращение которой Владиславу было одной из целей похода. На западе же, по Спреве, маркграф Альбрехт, несомненно, уже прочно занял Бренну-Бранденбург, в то время как Копаник оставался, всего вероятнее, и впредь в руках князя Яксы, связанного в дальнейшем с Польшей. Из всего этого следует, что вплоть до 60-х годов XII в. позиции Польши на западе скольконибудь серьезно ослаблены не были.

Центр тяжести этой политики, однако, быстро перемещался в сторону Великой Польши, особенно при князе Мешко Старом. Это отвечало актуальным интересам великопольского можновладства и соответствовало политической традиции династии Пястов. Усилия Мешко в 60-х и 70-х годах были направлены на дальнейшее объединение западнопоморских князей, преемников Вартислава, с Великой Польшей. К тому времени положение их значительно ухудшилось в результате экспансии со стороны Дании и Саксонского герцогства. От Польши ожидали помощи и обращались к ней с просьбой оказать ее. Все, однако, зависело от того, окажется ли эта помощь достаточной.

Сначала события развивались благоприятно. В 1173 г. после смерти брата Мешко Старый стал сеньором и получил кроме Великой Польши краковский престол. Тем самым ему предоставлялись несравненно большие, чем его предшественникам, возможности заняться вопросами укрепления польского политического влияния за Одрой и в Поморье, во всяком случае он располагал необходимыми вооруженными силами и не зависел в своих действиях от поддержки других удельных князей.

Поэтому период правления Мешко в Кракове харак-

теризуется наиболее сильным единением западнопоморских князей, особенно Богуслава I, с Польшей, которое приобретает форму продолженных и обновленных родственных и государственно-правовых ленных связей. В 1177 г. Богуслав принял участие в съезде польских князей в Гнезно⁶.

В то время имел место факт, оказавший огромное влияние на дальнейшее развитие событий. Бунт можновладства вынудил Мешко отказаться от княжеского престола в Кракове и покинуть страну. А новый краковский князь Казимир Справедливый, полностью зависевший от малопольского можновладства, которое посадило его на престол, был не в состоянии оказать помощь западнопоморским князьям. Более того, как он сам, так и его преемники на краковском престоле занимались с тех пор главным образом внутривнутриполитическими вопросами, а во внешней политике — делами восточными.

Мешко Старый вскоре вернул себе престол в Великой Польше, который передал затем своему сыну Владиславу Тонконогому, но это не могло уже изменить ход событий. Западное Поморье в результате агрессии находившихся в союзе сильных соседних держав было вынуждено порвать ленные отношения с Польшей и попало в вассальную зависимость сначала от императора Фридриха Барбароссы, а затем от датского короля⁷.

Когда поражение Дании в 1227 г. коренным образом изменило ее положение на Балтике, великопольские князья не смогли использовать это обстоятельство, так как в Великой Польше шла гражданская война.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что Великая Польша была наиболее (среди других польских земель) заинтересована в связях с Западным Поморьем. В период существования единого государства первых Пястов, когда в проведении политической линии доминирующую роль в государстве играла Великая Польша, эти связи укреплялись и ослабевали лишь тогда, когда верх одерживала Малая Польша. В эпоху феодальной раздробленности и вплоть до падения Мешко Старого в Кракове в 1177 г. Великая Польша вновь выдвинулась на передний план и ее интересы привели к укреплению контактов с Западнопоморским княжеством, которые в этот период становятся наиболее развитыми. Разрыв наступает вместе с потерей Великой Польшей решающего

значения в государстве, в момент, когда действительным политическим центром государства снова становится Малая Польша.

Именно этот момент, по нашему мнению, имеет особое значение, если говорить о сближении, а затем о внезапном прекращении непосредственных ленных отношений между Польшей и Западнопоморским княжеством в XII в. Если бы не изменения в расстановке сил в самой Польше, экспансия Саксонского герцогства и Дании в Поморье не достигла бы таких существенных результатов.

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ БРАНДЕНБУРГА В XII И XIII ВВ. И ЕГО ПЛАНЫ В ОТНОШЕНИИ ЗАПАДНОГО ПОМОРЬЯ

Бранденбург начинает играть политическую роль лишь с момента, когда в 50-х годах XII в. маркграф Альбрехт Медведь захватил столичный пункт Стодоранского государства Бренну-Бранденбург, расположенный на территории между Лабой и Одрой, уже заселенной славянами. Дальнейшее развитие марки шло также на этой территории. Она расширялась за счет славянских земель, а направление ее территориальной экспансии было обусловлено географически — на восток, к Одре.

На этом пути маркграфы встречались с рядом преград. На севере главной преградой было Западнопоморское княжество, которое в начале XII в. аннексировало ряд земель распадавшегося Великого союза; на востоке — Копаницкое княжество Яксы, связанное с Польшей. В результате событий 50-х годов XII в. маркграфам удалось занять Бренну, однако у нас нет данных о том, что тогда же был занят и Копаник. Последний, вероятнее всего, и в дальнейшем оставался в польской сфере влияния, а власть в нем удерживал Якса.

Такое положение сохранялось до конца 70-х годов XII в.⁸ Политический переворот в Польше и изгнание Мешко Старого из Кракова парализовали западную политику Польши. Западное Поморье оказалось в 1180 г. в ленной зависимости от империи, а несколько позднее — от Дании. Именно в эти годы должно было произойти то, к чему издавна стремились маркграфы: занятие Копани-

ника и всех территорий, расположенных по юго-западной границе Поморского княжества. Дорога по Одру была открыта.

Последний факт заслуживает упоминания также и в другой связи. Занятие Бранденбургами земель за Одрой и ликвидация там польского влияния лишили польскую политику возможности прямого выступления на стороне Западнопоморского княжества перед лицом агрессии с запада. Это также наряду с представленными выше моментами, особенно переворотом в Польше, должно было воздействовать на поморских князей и содействовать их сближению с немецкими политическими силами.

Среди германских князей следует в первую очередь назвать саксонского герцога Генриха Льва, экспансия которого на территории между Лабой и Одрой имела наибольшее значение для сложившегося тогда положения. Он намеревался сделать западнопоморских князей своими вассалами⁹. Когда в связи с событиями в Польше 1177—1180 гг. для немецких феодалов создалась чрезвычайно благоприятная ситуация в Поморье, Генрих Лев не смог воспользоваться своими прежними успехами. Он потерпел поражение в борьбе с императором Фридрихом, и в результате не ему, а императору в 1181 г. князь Богуслав принес вассальную присягу. В свою очередь Фридрих, не имея особых интересов в Поморье или будучи занят другими делами, не смог укрепить здесь своих позиций, и в 1185 г. Богуслав вынужден был признать себя в ленной зависимости уже от датского короля. Так продолжалось до 60-х годов XIII в.

Бранденбургским маркграфам не удалось в тот период добиться каких-либо преимуществ в Поморье. Они не участвовали в той игре, которую вели две наибольшие силы Германии того времени, и не были в состоянии оказать противодействие датскому королю. Время, однако, работало на них. После захвата земель по Спреве их владения граничили уже непосредственно с Западным Поморьем. Польша была оттуда вытеснена. Оба немецких соперника вскоре сошли со сцены, а Дания в 20-х годах XIII в. утратила гегемонию на Балтийском море и потеряла Поморье как своего вассала.

Наконец, еще одно едва ли не самое важное обстоятельство: единая до тех пор Германская империя распалась фактически на ряд мельчайших политических орга-

низмов, независимых в политической, хозяйственной и военной областях от центральной власти императора; такое положение вещей было подтверждено правовыми актами, данными в 20-х и 30-х годах XIII в. Фридрихом II. Бранденбург также получил статус самостоятельной политической единицы, и с тех пор маркграфы могли, не оглядываясь на королей и императоров, по собственной инициативе вести такую внешнюю политику, какую считали наиболее выгодной для себя и марки. В этой ситуации окончательно вызревал план, главным пунктом которого была аннексия Западного Поморья и получение выхода к морю, которого до сих пор марка была лишена.

Утрата Данией гегемонии на Балтике и новое положение княжеств в Германии не являются единственными фактами 20-х годов XIII в., которые в дальнейшем имели влияние на расстановку сил и ход событий в районе Нижней Одры. В это же время возникли условия для создания в ближайшем соседстве с Западным Поморьем и Польшей нового политического образования — государства крестоносцев в Пруссии. Первоначально оно не имело большого значения, однако вскоре должно было получить его, и это было важным моментом, который в будущем должен был еще ухудшить международное положение Западнопоморского княжества.

В 20-е годы XIII в. в Польше также произошли существенные изменения. В 1227 г. погиб краковско-сандомирский князь Лешек Белый, а его смерть означала окончательное упразднение принципа главенства краковских князей по отношению к другим удельным князьям. С тех пор внутривосточные вопросы, особенно борьба за престол в Кракове, начинают явственно доминировать над вопросами внешнеполитическими. Из них на первый план выдвинулись отношения с Востоком. Сама Великая Польша становится ареной гражданской борьбы.

Итак, мы рассмотрели дополнительные моменты, благоприятствовавшие планам Бранденбурга, во всяком случае ведущие к ситуации, в которой Бранденбург мог протянуть свои руки к землям, расположенным в устье Одры.

ПРОДВИЖЕНИЕ БРАНДЕНБУРГА НА ВАРТУ И НОТЕЦЬ, ОТТОРЖЕНИЕ ПОМОРЬЯ ОТ ПОЛЬШИ

Уже в начале XIII в. маркграфы предприняли попытку выйти за Одру. Их агрессивные действия были направлены на главный польский город на этой реке — Любуш, который источники того времени называли «ключом от Польского королевства», и увенчались его захватом в середине столетия¹⁰. Вся Любушская земля досталась Бранденбургу. Территории, расположенные по Нижней Варте и Нотеци, представлявшие собой слабо заселенную полосу лесов и пустошей, предмет многолетних споров между великопольскими и западнопоморскими князьями, поочередно становились легкой добычей маркграфов, сначала до р. Дравы, затем до р. Гвды, притоков Нотеци. Наиболее упорная борьба велась за город Санток, который в конце концов был подчинен маркграфам¹¹. Захваченные территории вдоль Нотеци получили название Новой марки.

Экспансия Бранденбурга вдоль Нотеци шла еще дальше, преследуя цель занять земли в восточной части этого района: Слупское Поморье и Гданьское Поморье. Однако успехи были временны, Бранденбургу не удалось удержать за собой эти земли. Так, расположенное в устье Вислы Гданьское Поморье оставалось независимым и сохраняло власть собственных князей, а после того как было достигнуто соглашение между ними и великопольскими князьями, находилось под властью последних.

Новая марка, однако, не расширила своей территории настолько, чтобы отрезать все Поморье от Польши. Она отделила только Западное Поморье от Великой Польши. Западнопоморское княжество оказалось окруженным бранденбургскими владениями по всей южной границе, по ту и другую сторону Одры, лишенным связи с единственным союзником — Польшей. Политикой Бранденбурга были созданы необходимые предпосылки для оказания давления на Западное Поморье с тем, чтобы рано или поздно вынудить его князей признать себя в вассальной зависимости от Бранденбурга, что в дальнейшем привело бы к наследственной передаче маркграфам Поморья и к его полной аннексии.

Планы маркграфов в этом отношении стали ясны, когда в 1231 г., т. е. спустя лишь несколько лет после лик-

видации вассальной зависимости Западного Поморья от Дании, они получили формальное признание их верховных прав на эти земли¹².

Эту цель преследовало их участие в коалиции, боровшейся прежде против Дании. Верховные права Бранденбурга вынуждены были признать западнопоморские князья, и один за другим, сначала Вартислав III в 1236 г., а затем Барним I в 1250 г., они принесли присягу на верность маркграфам. Это было огромным успехом политики Бранденбурга, который не умаляется тем обстоятельством, что позднее верховные права Бранденбурга фактически не признавались поморскими князьями и носили лишь номинальный характер. Содержавшийся в них расчет на наследственную передачу Поморья маркграфам и на его аннексию оставался перспективой на будущее¹³.

Маркграфы сразу же приняли меры к тому, чтобы максимально усилить свое влияние в Поморье. Отсюда идет их поддержка переселенческого движения из Германии, а также из марки Бранденбург в Западное Поморье и возникавших на основе «немецкого права» деревень и городов. Наблюдался также приток немецкого рыцарства, что приветствовалось князьями, модернизовавшими систему обороны страны. Часть рыцарей получила должности при княжеском дворе и оказывала влияние на политические мероприятия. Процесс наплыва немецких переселенцев в Поморье особенно заметен во второй половине XIII в. В значительной степени процесс германизации охватил церковь и ее институты, а также светское духовенство, особенно ордена. Так, доминиканцы, прежде принадлежавшие к польской провинции ордена, в 1280 г. отошли от нее. Таким образом постепенно складывались основы для будущей аннексии этой территории¹⁴.

Эта политика сопровождалась деятельностью немецкой Ганзы. На протяжении XIII в. к ней присоединились крупнейшие портовые города Поморья во главе со Щецином и Дымином, а также Грыфия и Анклам, Волин и Старгард. При их посредничестве и менее крупные города оказались в орбите влияния Ганзы. Следствием этого было развитие торговых отношений со Скандинавией, Фландрией, Англией и другими западными странами. Из этих стран шли готовые изделия, в обмен Поморье находило здесь рынок сбыта для своего хлеба и сельско-

хозяйственных продуктов. В результате этих контактов в поморских городах значительно возросло число немецких переселенцев, особенно среди купечества. Одновременно уменьшились контакты с Польшей, что означало дальнейшее ослабление связей между двумя странами. О таком направлении этой эволюции говорит следующий факт: при заключении мирного договора между маркграфами и поморскими князьями в 1278 г. несколько поморских городов выступили в качестве поручителей, заявив, что в случае нарушения соглашения князьями они присягнут маркграфам¹⁵.

Росту влияния Бранденбурга способствовали также социально-политические изменения, а именно процесс укрепления феодального строя. Следует обратить внимание хотя бы на возникновение территориального владения каменных епископов в восточной части княжества. Они стали почти независимыми владельцами, а их отношение к князьям сводилось по существу лишь к признанию их верховной власти. Такое положение дало епископам возможность передать некоторые из их собственных территорий в Поморье маркграфам, что облегчило последним дальнейшую экспансию в направлении Гданьского Поморья. Совместные действия епископов-немцев с маркграфами значительно ослабили обороноспособность княжества. Западное Поморье оказалось в конце XIII в. под прямой угрозой потери своей государственной независимости (со стороны соседнего Бранденбурга).

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

ЗАПАДНОПОМОРСКОГО КНЯЖЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIII—XIV ВВ.

К счастью для поморских князей, расширение путем насилия территории Бранденбурга, нарушившее равновесие сил на Балтике, вызвало беспокойство в соседних государствах, которые готовы были сделать все, чтобы положить конец его экспансионистским устремлениям. Так, в 1283 г. ряд ганзейских городов, а также мекленбургские, ругийские и западнопоморские князья заключили военный договор, направленный против Бранденбурга. В ходе борьбы Бранденбург занял часть западнопоморской территории, однако был остановлен поморскими войсками, поддержанными ганзейским Любеком¹⁶. На сторо-

не князей выступил также император, и в результате Бранденбург должен был возвратить захваченные территории.

Однако все это не обеспечивало княжеству прочной безопасности. Оно должно было искать союзника, которому бы, как и Поморью, грозила бранденбургская экспансия, а также стараться временную помощь заменить постоянной. В этих условиях после многолетнего перерыва вновь было заключено соглашение между западнопоморскими князьями и правителями Великой Польши. Его первым выражением был брак познаньского князя Пшемислава II с Людгардой, внучкой поморского князя Барнима, состоявшийся в 1273 г. Несомненно, при этом должен был быть заключен какой-либо неизвестный до сих пор политический договор, направленный против Бранденбурга, поскольку в ответ с его стороны последовало одновременное нападение на Великую Польшу и Западное Поморье. Но сближение продолжалось, и Пшемислав II делал все, чтобы остановить бранденбургское продвижение на своей северной границе. В этих целях он заключил соглашение прежде всего с гданьским князем Мстиславом II, получив по заключенному в 1282 г. в Кемпне договору право наследовать Гданьское Поморье после смерти Мстивоя. Договор ликвидировал таким образом возможность захвата этой территории маркграфами. И тем самым открывалась перспектива создания сильного государственного образования, способного противостоять Бранденбургу и расстроить его планы отделения Западнопоморского княжества от востока. Наконец, в 1287 г. был заключен союз между Богуславом IV, западнопоморским князем, и Пшемиславом и Мстивоем, направленным против Бранденбурга¹⁷.

После смерти Мстивоя Пшемислав действительно получил Гданьское Поморье, и таким образом идея создания сильного государства в низовьях Вислы была реализована. Коронация Пшемислава еще более укрепила положение. Нет ничего удивительного в том, что маркграфы вели враждебную политику по отношению к Пшемиславу, поддержали покушение на его жизнь, кончившееся его гибелью и грозившее перечеркнуть все его политические успехи.

Следует отметить важную роль, которую сыграла и на этот раз Великая Польша своим активным вмешатель-

ством в бранденбургско-поморский конфликт. Без ее военной и политической помощи Западнопоморское княжество, вероятнее всего, уже в конце XIII в. стало бы жертвой политики экспансии, проводимой Бранденбургом.

Решающим для княжества был вопрос, кто в конце концов удержится в Гданьском Поморье. До тех пор, пока после смерти Мстивоя II оно оставалось ленным владением Польши, княжеству не угрожала опасность с этой стороны. Однако вскоре польское господство было здесь подорвано. Еще при правлении Вацлава II большое влияние в Гданьском Поморье получили сильные местные можновладцы Свенцове, которые, будучи сторонниками Бранденбурга, начали переговоры с маркграфами. После смерти Вацлава они выступили против власти Локетка и впустили в страну бранденбургские войска, которые в 1308 г. подошли к Гданьску. Решался вопрос огромной важности. Захват Гданьского Поморья Бранденбургами создал бы такое положение, при котором надолго сделалось бы невозможным самостоятельное существование Западнопоморского княжества.

Однако и на этот раз маркграфы не достигли своей цели. Но не Польша расстроила их планы. Против них выступило государство крестоносцев в Пруссии, граничащее с Гданьским Поморьем на востоке, за помощью к которому обратился в сложившейся ситуации Владислав Локетек.

ОБРАЗОВАНИЕ И РОСТ ГОСУДАРСТВА КРЕСТОНОСЦЕВ В ПРУССИИ И ЗАПАДНОЕ ПОМОРЬЕ

В 1308 г. крестоносцы вынудили бранденбургские войска отступить из-под Гданьска, затем, однако, сами овладели замком и городом и вскоре после этого всем Гданьским Поморьем, которое стало таким образом составной частью государства крестоносцев. Крестоносцы дошли вплоть до границы Западнопоморского княжества, стали его непосредственным соседом. Этот факт мог бы быть более или менее безразличен правителям Западного Поморья, если бы отношения между Бранденбургом и государством крестоносцев складывались враждебно, и, напротив, должен был бы приобрести первостепенное значение в случае установления между ними дружбы и сотрудни-

чества. Возникает, таким образом, вопрос о взаимоотношениях между Бранденбургом и крестоносцами в XIII — начале XIV в.

Прежде всего необходимо отметить, что государство крестоносцев в Пруссии еще раньше оказывало влияние на судьбы Западного Поморья. Возникнув как немецкая колония среди народов негерманского происхождения, оно могло сохранить свою жизнеспособность только при условии постоянного притока свежих сил из Германии, особенно рыцарства, готового принимать участие в ведущихся орденом войнах. Морской путь не мог обеспечить достаточного притока, требовалась сухопутная дорога, и в XIII в. она действительно появилась. Дорога проходила из Германии на восток, через Новую марку, по низовью Вислы и далее в Пруссию. Усилия маркграфов, направленные на захват земель по Варте и Нотеци, приносили выгоду не только им одним, в равной мере от этого выигрывали и крестоносцы. Вполне допустимо, что правители и Бранденбурга, и государства крестоносцев это хорошо понимали и что это также понимали в Германии. Возможно, благодаря многосторонней поддержке маркграфам удалось за столь короткое время овладеть этой территорией¹⁸.

После захвата Новой марки оставалась только одна преграда на пути к созданию непосредственного сухопутного звена, соединившего бы Пруссию с Германией, — Гданьское Поморье. Маркграфы неоднократно пробовали овладеть им, последней попыткой был поход на Гданьск в 1308 г. Их неудача не означала краха самой идеи. Она все-таки была проведена в жизнь, когда Гданьское Поморье попало под власть ордена, и таким образом территории Германии и Пруссии оказались непосредственно соединенными по суше, через бранденбургские владения. Этот факт имел два исключительно важных последствия. Польша, которая в предшествующие века граничила с Германией на западе, теперь сталкивалась с ней и на своей северной границе. Она оказалась перед лицом явной угрозы, и было ясно, что она не в состоянии ликвидировать бранденбургский клин, который образовался на севере в виде Новой марки. Другим последствием захвата крестоносцами Гданьского Поморья явилась возросшая угроза для Западнопоморского княжества. Бранденбург опоясывал его полностью с юга, а государство

крестоносцев — с востока. Прямое нападение могло быть совершено и с той, и с другой стороны, но вероятнее было, что оно произойдет одновременно с обеих сторон.

Делая самый общий вывод, следует сказать, что уже в течение XIII в., по крайней мере во второй его половине, государство крестоносцев наряду с Бранденбургом представляло собой действительную угрозу независимому существованию Западнопоморского княжества. Оно так же, как и Бранденбург, превратилось в значительную преграду на пути к его воссоединению с Польшей. Если упоминавшиеся соглашения и союзы западнопоморских и польских князей второй половины XIII в. не дали результатов и не вышли за рамки временных политических мероприятий, то главным образом это было результатом активизации политики крестоносцев в отношении Польши на рубеже XIII—XIV вв., ярким примером которой явился захват Поморья в 1309 г.

ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В ОТНОШЕНИИ БРАНДЕНБУРГСКО-ПОМОРСКОГО КОНФЛИКТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV В.

Все вышесказанное относится к периоду феодальной раздробленности. На рубеже столетий Польша, однако, вступила в полосу восстановления государственного единства, а к середине XIV в. этот процесс можно считать в основном закончившимся. Возникает вопрос, в какой степени централизованная монархия последних Пястов воздействовала на ситуацию, сложившуюся на ее северной границе, и, в частности, каким образом она влияла на реализацию планов Бранденбурга в отношении Западнопоморского княжества.

В 1295 г. Бранденбург вспомнил о своих верховных правах в отношении Западного Поморья и получил от императора формальное подтверждение своих давних титулов. Одновременно маркграфам удалось привлечь к себе щецинских князей, в то время как вологодские князья проводили политику, враждебную по отношению к Бранденбургу и дружественную — к Польше. Это обуславливалось в определенной степени географическим фактором: растянувшееся вдоль побережья Балтийского моря Вологодское княжество не было в такой степени подстав-

лено под удар Бранденбурга, как Щецинское, расположенное на юге страны и непосредственно граничащее с бранденбургскими владениями. И в 1308 г. маркграфы не преминули предпринять походы против вологоских князей.

В начале XIV в. произошли изменения в общем политическом положении марки. Ее быстрый территориальный рост всегда возбуждал опасения у соседей, и когда в 1315 г., стремясь приобрести свой собственный морской порт, маркграфы заняли Стшалов (Штральзунд), это привело тогда к образованию антибранденбургской коалиции, в первых рядах которой оказались Дания и Польша, т. е. те самые государства, которые некогда имели политическое влияние в Западном Поморье и утратили его в результате бранденбургской экспансии. Ход войны с коалицией был для Бранденбурга неблагоприятным.

Это повлекло за собой отказ Бранденбурга от некоторых ранее захваченных территорий. Немало выгадали и поморские князья, не принимавшие, впрочем, участия в коалиции: вологоские князья снова получили во владение Слупскую, Славянскую и Дарловскую земли, щецинские — в числе других Свидвицкую землю¹⁹. Эти приобретения существенным образом вытесняли Бранденбург с наиболее продвинутых на восток позиций в Поморье.

Третьим ударом по позициям Бранденбурга была смерть последнего представителя Асканской династии в 1320 г. После нескольких лет внутривластической борьбы маркграфским престолом овладели Виттельсбахи, т. е. династия, одновременно обладавшая и императорским титулом. С одной стороны, это обстоятельство еще более усиливало стремления новых маркграфов восстановить верховные права марки на Западное Поморье, с другой же стороны, вело к подчинению интересов марки общей династической политике Виттельсбахов.

Эти события привели к борьбе между западнопоморскими князьями и новыми правителями Бранденбургской марки. Князья использовали антагонизм между Виттельсбахами и папством и приняли сторону последнего. Оказавшись в том же лагере, что и Локетек, они в 1325 г. заключили с ним формальный договор, предусматривавший совместные действия против Новой марки и захват ее, после чего ее западная часть должна была отойти

поморским князьям, а восточная, от р. Дравы,— Польша²⁰. Польша в союзе с Литвой действительно вторглась в 1326 г. в Новую марку, и этот поход значительно ослабил позиции маркграфов на землях по Нотеци. До захвата этой территории силами союзников дело, однако, не дошло. Зато маркграфы вынуждены были ненадолго отказаться от своих планов в отношении Западного Поморья. В период войны Польши с крестоносцами, когда западнопоморские князья не могли рассчитывать на помощь со стороны Польши, император Людвиг Виттельсбах призвал их подчиниться Бранденбургу, а в следующем, 1329 г. началась бранденбургско-поморская война за верховные ленные права, шедшая с переменным успехом и закончившаяся лишь в 1338 г.

Результатом этой войны был договор 1338 г., подтвердивший права Бранденбурга на наследование Щецинского княжества в случае отсутствия у князя Барнима III наследников. Но одновременно маркграфы отказались от своих верховных прав в отношении княжества²¹. Барним дождался сына, и вопрос о наследовании отпал. Отказ Бранденбурга от верховных прав в отношении Поморья остался, однако, в силе, и, когда в 1348 г. Виттельсбахи оказались перед лицом борьбы с папством и Люксембургам, маркграф Людвиг Виттельсбах дал согласие на то, чтобы оба западнопоморских княжества были признаны непосредственным леном империи. Тем самым от имени марки он отказался от собственных верховных прав на Поморье²².

Итак, Поморье вышло победителем из длительной борьбы за независимость от Бранденбурга. В ходе ее были также благоприятно разрешены некоторые более мелкие территориальные вопросы²³.

Успех не был, однако, полным. Расходы на войну вынудили щецинского князя Барнима обратиться за займом к крестоносцам, взамен которого он должен был уступить Слупскую землю, прилегающую на западе к Гданьскому Поморью, уже тогда являвшемуся частью государства крестоносцев. Опасность со стороны Бранденбурга в этот период отошла на задний план перед опасностью со стороны крестоносцев.

Среди причин, вынудивших Бранденбург отказаться от верховных прав на Западное Поморье, которым номинально он владел более ста лет, историки указывают в

первую очередь на политические трудности, вставшие перед новой правящей династией Виттельсбахов²⁴. Превозносятся также таланты князя Барнима III, который сумел использовать эти трудности в интересах своей страны²⁵.

Думается, что недооценивается та роль, которую играло в этом вопросе объединенное Польское государство Локетка и Казимира Великого.

Положение, в каком оказались польские земли в период феодальной раздробленности, было исключительно выгодным для Бранденбурга. Непосредственный сосед Новой марки — Великая Польша, всегда тесно связанная с Поморьем, была не в состоянии не только пресечь, но хотя бы ограничить планы Бранденбурга на ее северной границе. Не угрожала она этим планам и в период правления Вацлава чешского, а затем глоговского князя Генрика, так как оба они придерживались дружественной политики в отношении Бранденбурга. Только когда в 1314 г. Локетек занял Великую Польшу и включил ее в свое уже сильное к тому времени государство, Бранденбургу стало ясно, что с этой стороны ему может грозить опасность. Вскоре Польша проявила свою заинтересованность во всем комплексе этих проблем, войдя в 1316 г. вместе с Данией и другими политическими силами в состав антибранденбургской коалиции. С тех пор Бранденбург вынужден был считаться с этим фактом при проведении своей политики в отношении Поморья и свои планы в отношении соседнего Поморья всякий раз ставить в зависимость от возможной реакции со стороны Польши.

Позднее, в годы внутривнутриполитической борьбы в Бранденбурге, в связи с угасанием династии Асканьчиков Бранденбург перестал угрожать Поморью и в сколько-нибудь серьезном вмешательстве Польши необходимости не возникало. Иначе обстояли дела после перехода маркграфства (марки) в руки Виттельсбахов, когда их претензии на реальное осуществление верховных прав в отношении Поморья стали выдвигаться с удвоенной силой. Это привело к объединению всех сил, враждебных Виттельсбахам, и в 1325 г. образовался блок, в который вошли Польша, западнопоморские князья, Литва, Венгрия. Для Польши это вместе с тем означало столкновение с орденом, которому открыто покровительствовал император.

Целью начавшейся вскоре войны было не допустить, чтобы Виттельсбахи захватили Бранденбургскую марку, а для Локетка, кроме того, — ликвидировать базу для существования на северной границе Польши постоянной угрозы со стороны Бранденбурга и крестоносцев. Война не помешала Виттельсбахам укрепиться в Бранденбурге, но значительно ослабила бранденбургское крыло в блоке Бранденбурга и крестоносцев. Таким образом сложилась более благоприятная ситуация для борьбы Поморья против бранденбургских планов, направленных на подчинение поморских княжеств. Для Польши это было началом борьбы с крестоносцами, ставшей непрерывной с 1327 г. Польше не удалось, правда, добиться на этом участке успехов, однако она связывала все силы крестоносцев, тем самым лишая блок Бранденбурга и крестоносцев возможности совместных эффективных выступлений против поморских князей.

В 1329 г. был заключен так называемый Ландсбергский мир между Польшей и Бранденбургом, свидетельствовавший о том, что Польша, прежде находившаяся в блоке государств, выступавших против Виттельсбахов, теперь пошла на сближение с ними. Это сближение не следует рассматривать как неблагоприятный для Западного Поморья поворот в политике его польского союзника. Напротив, оно говорит о том, что маркграфы, в особенности Виттельсбахи, были очень заинтересованы в Польше и ни в коем случае не желали падения Локетка и захвата власти в Польше Люксембургскими, что в принципе оказалось бы вполне возможным при поражении Польши в войне с крестоносцами, которых поддерживала Чехия. Несомненно, Бранденбург в своей политике учитывал и тот момент, что Виттельсбахи и Польша имели общие интересы, и в связи с этим не выдвигал далеко идущих целей в отношении Западного Поморья. А позднее, когда конфликт между Виттельсбахами и Люксембургскими вырос до размеров главной проблемы того времени, с Польшей следовало считаться как с реальной силой, способной оказать серьезное воздействие на его решение. Правда, в дальнейшем, уже при Казимире Великом, отношения между Виттельсбахами и Польшей ухудшились, Виттельсбахи пошли на сближение с Люксембургскими и необходимость в польской помощи отпала. Однако они не хотели окончательно порвать с ней, и в

1338 г. между императором Людовиком и королем Казимиром велись переговоры о заключении брака между их детьми²⁶. Позднейшее соглашение Казимира с Люксембургами (1340—1341 гг.) заставляло Виттельсбахов и впредь считаться с мнением Польши в поморских делах. Особенно должны были считаться с ним после заключения прочного мира в 1343 г. между Польшей и Орденом крестоносцев. Бранденбург не мог уже ожидать помощи от крестоносцев в случае, если бы между ним и Польшей разыгрался конфликт.

Именно тогда Казимир Великий подчеркнул свою заинтересованность в вопросе о политическом положении западнопоморских князей. В 1343 г. он заключил долговременный военный союз с вологоскими князьями. Одновременно были установлены близкие династические связи — дочь Казимира Эльжбета была выдана замуж за князя Богуслава V. В нашей литературе подчеркивается прежде всего одна из целей этого союза: желание оказать давление на орден накануне заключения Калишского договора. Вологоские князья, которые незадолго до этого вернули себе Слупскую землю, отданную когда-то крестоносцам, были теперь непосредственными соседями государства крестоносцев и получили возможность прямого нападения на него в случае войны. Не менее важным мотивом заключения этого союза было желание Польши показать, что она занимает самостоятельную позицию в споре между Бранденбургом и Западным Поморьем. Из этого следовало, что Польша не согласится на решение поморского вопроса в соответствии с планами Бранденбурга и более того — предпримет вооруженные действия в случае конфликта, к чему ее прямо обязывал договор с вологоскими князьями.

В 1345 г. снова наступило сближение между Польшей и Виттельсбахами, вызванное, с одной стороны, обострением польско-чешских отношений из-за Силезии, а с другой — угрозой, возникшей перед Виттельсбахами со стороны их противников. Казимир обязался оказать императору вооруженную помощь, а сын императора Людвик, баварский князь и бранденбургский курфюрст, женился на дочери Казимира Кунегунде²⁷. Соглашение оказалось непрочным и не смогло предотвратить дальнейшего ухудшения положения Виттельсбахов, особенно когда внезапная смерть императора открыла его противникам Люксем-

бургам путь к престолу. Они намеревались воспользоваться этой возможностью для окончательного изгнания Виттельсбахов из Бранденбурга.

В 1348 г. на съезде в Намыслове было заключено важное соглашение между Казимиром Великим и новым императором Карлом IV Люксембургом и подписаны договоры, регулировавшие различные спорные вопросы. Император обязывался, в частности, оказывать Польше помощь в возвращении всех ее земель, захваченных Бранденбургом²⁸. Упоминалось в нем о возвращении каких-то территорий на севере, что, очевидно, должно было привести к восстановлению общей границы между Польшей и Западным Поморьем. Однако в это время бранденбургско-поморский спор о сюзеренных правах был в принципе уже решен. Бранденбург отказался от своих притязаний в отношении Поморья.

Итак, в период правления последних Пястов Польша почти постоянно проявляла свою политическую заинтересованность в судьбах Западного Поморья. Можно даже сказать, что эта заинтересованность росла из года в год. Не без оснований можно утверждать, что такая политика предопределила столь выгодное для Поморья решение бранденбургско-поморского конфликта из-за сюзеренных прав. В свою очередь это должно было послужить началом реализации крупнейшего плана польской политики, которым предусматривалось прочное объединение Западного Поморья с Польшей. Окончательно он был уточнен в позднейшие годы правления последнего представителя династии Пястов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует сделать оговорку, что из всех польских земель наиболее заинтересованной в связях с Поморьем была Великая Польша. Польские земли тогда еще не являлись настолько сплоченным единым экономическим организмом, чтобы все они могли быть равно заинтересованы в Поморье. Традиционной стала для польской государственной политики эта идея во второй половине X в., когда Поморье оказалось под властью Пястов, а позднее, в период феодальной раздробленности, когда центр тяжести переместился на юг, в Краков, ее унаследовали удельные великопольские князья. В соответствии

с этой генеральной политической линией при Мешко I и Болеславе Храбром существовали самые тесные связи между Польшей и Поморьем, позднее они ослабли или даже прервались, но снова были восстановлены при Кривоустом, когда при княжеском дворе решающую роль играли великопольские Авданыцы. При его преемниках, особенно при Мешко Старом, наступило полное сближение Великой Польши и Западнопоморского княжества, диктовавшееся как угрозой Поморью с запада, со стороны Саксонского княжества и Дании, так и в не меньшей степени — сильной позицией Польши на землях за Одрой.

События, имевшие место в конце 70-х годов XII в., — бунт краковского можновладства, падение Мешко Старого, принципат краковских князей по ветви Казимира Справедливого — открыли в истории Польши период, в который Великая Польша переживала трудные времена — разделенная, терзаемая внутренней борьбой, попавшая на некоторое время под власть силезских князей. Так продолжалось до середины XIII в. Только во второй половине столетия она вышла из этого состояния, окрепла и под руководством выдающихся князей-политиков, особенно Пшемислава II, вернулась к прежней политике, направленной на восстановление общей границы и тесных связей с Западным и Восточным Поморьем, проводила ее сама, без помощи других удельных князей, занятых своими собственными делами. В результате этой политики Гданьское Поморье объединилось с Великой Польшей и с Западным Поморьем были заключены соглашения и союзы.

Тем не менее о полном присоединении Западного Поморья Великая Польша думать уже не могла. Между ней и Западным Поморьем лежали бранденбургские владения, Новая марка, а с начала XIV в., после захвата Гданьского Поморья, — и владения крестоносцев.

Черпая силы из постоянного контакта с Германией, Бранденбург и государство крестоносцев настолько усилились, что стали представлять угрозу уже для самой Великой Польши и смогли овладеть ее пограничными крепостями и землями.

Прежде всего под угрозой оказалось Западнопоморское княжество, которому Бранденбург хотел навязать свое господство, намереваясь постепенно поглотить его и получить доступ к Балтийскому морю.

Его претензии были выдвинуты в 1231 г., но впоследствии ввиду сопротивления западнопоморских князей, поддерживаемых Великой Польшей, они не имели реального значения и вновь проявились только в XIV в. у новых правителей марки Виттельсбахов.

Однако и теперь Бранденбургу не удалось реализовать своих планов в отношении Поморья. В XIII в. этому помешала Великая Польша, в XIV в. — объединенное Польское государство Локетка и Казимира Великого, которое на своей западной и северной границах продолжало проводить политическую идею, зародившуюся еще в свое время в Великой Польше. Основой этой идеи и программы ее осуществления теперь, однако, являлись интересы не только одного удельного княжества, а всего государства, для которого устье Одры было необходимо взамен захваченного крестоносцами устья Вислы. Заинтересованность целого государства создавала для идеи объединения Западного Поморья с Польшей сильнейшую экономическую основу.

Наступивший в Польше удельный период ослабил отношения между ней и Поморьем, но не свел их на нет, так как узы, которые связывали Поморье с Великой Польшей, продолжали сохраняться и оказывали постоянное воздействие, распространившись в XIV в. на все Польское государство.

В XIII в. Бранденбургская марка сделала важные территориальные приобретения, захватив земли по Варте и Нотеци, однако ей никогда не удавалось там полностью ликвидировать великопольское влияние и более того — ее собственные планы присоединения Западного Поморья наталкивались на решительное сопротивление князей, которые в критические моменты обращались за помощью к своим польским соседям. Государство крестоносцев в XIII в. укреплялось еще только в Пруссии, а в XIV в. было вовлечено в конфликт с Польшей, который не позволял вести активную политику в отношении Западнопоморского княжества.

Можно утверждать, что в столь трудное время сохранялось единство интересов всех польских земель и что все Поморье, Западное и Восточное, несмотря на сепаратистские тенденции отдельных земель, оставалось все-таки частью единой Польши. Если же в дальнейшем Западное Поморье в отличие от Гданьского Поморья не было сно-

ва и полностью объединено с Польшей, то это обуславливалось структурой и политикой Ягеллонской монархии, при которой перевес можновладства и интересы династии требовали от польской политики не замечать интересов государства на землях вдоль Одры, чтобы отстаивать их на Днестре.

¹ «Historia Pomorza», t. 1, cz. 1, Poznań, 1969; там же, cz. 2. Poznań, 1969; «Dzieje Wielkopolski», t. 1. Poznań, 1969.

² В литературе наиболее полно освещены эти вопросы в кн.: *L. Koczy. Polska i Skandynawia za pierwszych Piastów*. Poznań, 1934; из последних работ следует отметить: «Historia Pomorza», t. 1, а также: *B. Zientara. Polityczne i kościelne związki Pomorza Zachodniego z Polską za Bolesława Krzywoustego*. «Przegląd Historyczny», t. 61, z. 2, Warszawa, 1970.

³ Литература вопроса очень богата. Из новейших работ следует отметить: *H.-D. Kahl. Slawen und Deutsche in der brandenburgischen Geschichte des XII. Jahrhunderts, die letzten Jahrzehnte des Landes Stodor*. Köln — Graz, 1964; «Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert». Berlin, 1970, S. 313. См. также: *K. Myśliński. Słowiańska Brenna-Brandenburg i jej przejście pod rządami margrabiów w połowie XII wieku*. «Rocznik Lubelski», t. 10. Lublin, 1967.

⁴ См.: *L. Koczy*. Указ. соч., стр. 152 и сл.; *B. Zientara*. Указ. соч., стр. 202 и сл.

⁵ Об этом весьма запутанном вопросе см.: *St. Zakrzewski. Okres do schyłku XII wieku*. «Historia polityczna Polski», cz. 1. Warszawa, 1920, str. 154. Существует также мнение, что копанский князь Якса был женат на дочери Петра Власта. См.: *G. Labuda. Jakska z Koranicy*. «Polski Słownik Biograficzny», t. 10, str. 339.

⁶ *K. Мыслинский (K. Myśliński. Bogusław I książę Pomorza Zachodniego*. Bydgoszcz — Gdańsk — Szczecin, 1948, str. 30 и сл.) защищает ту точку зрения, что Западное Поморье было постоянным леном Польши со времен Кривоустого до конца 70-х годов XII в. Однако другого мнения придерживается Довиат (*J. Dowiāt. Ekspansja Pomorza Zachodniego na ziemię wielekoobodrzyckie w drugiej połowie XII wieku*. «Przegląd Historyczny», t. 50. Warszawa, 1959, str. 172), а также *B. Зентара (B. Zientara. Stosunki polityczne Pomorza Zachodniego z Polską w drugiej połowie XII wieku*. «Przegląd Historyczny», t. 61. Warszawa, 1970, str. 558). Они считают, что в 1164 г. Западное Поморье попало в вассальную зависимость от саксонского князя Генриха Льва и только в 1177 г.

- снова перешло к Польше.
- 7 *K. Myśliński*. Polska a Pomorze Zachodnie po śmierci Krzywoustego. «Roczniki Historyczne», t. 17. Poznań, 1948, str. 22, 29.
 - 8 В списке свидетелей в акте поморского епископа Конрада (1178 г.) dominus Jaczo упоминается ранее поморских князей Богдана и Казимира, этот факт интерпретируется следующим образом: он должен быть князем-сюзереном. См.: «Pommersches Urkundenbuch», Bd. 1. Stettin, 1868, S. 49, N 74, а также: *G. Labuda*. Jakaś z Koranicu.
 - 9 «Die Slawen in Deutschland...», S. 328, Anm. 6.
 - 10 *G. Labuda*. Wielkie Pomorze w dziejach Polski. Poznań, 1947, str. 8 и сл.
 - 11 *T. Тус*. Walka o kresy zachodnie w epoce Piastów. Warszawa, 1948, str. 67 и сл. См. также: «Dzieje Wielkopolski», t. 1, str. 234; *K. Olejnik*. Obrona polskiej granicy zachodniej (1138—1358). Poznań, 1970, str. 134 и сл.
 - 12 «Codex Pomeraniae diplomaticus», Bd. 1. Greifswald, 1862, N 190, S. 431. Документ сообщает, что сюзеренные права в отношении Западного Поморья осуществлял в соответствии с волей императора уже Альбрехт Медведь. Поскольку, однако, доказательства этого в документах, которые должны были быть в таком случае представлены, отсутствуют (а также нет ясного упоминания об этом в документе 1231 г.), мы вынуждены отклонить эту версию и считать, что в 1231 г. бранденбургские притязания были выдвинуты в первый раз.
 - 13 «Historia Pomorza», t. 1, cz. 2, str. 142 и сл.
 - 14 Там же, стр. 132.
 - 15 Там же, стр. 136 и сл.
 - 16 Там же, стр. 135.
 - 17 «Historia Polski», t. 1, cz. 1, Warszawa, 1957, str. 418; «Dzieje Wielkopolski», t. 1, str. 297 и сл.
 - 18 *G. Labuda*. Wielkie Pomorze..., str. 11.
 - 19 «Historia Pomorza», t. 1, cz. 2, str. 206.
 - 20 Там же, стр. 211.
 - 21 Там же, стр. 213. См. также: «Historia Polski», t. 1, str. 438. Договор касался Щецинского княжества, Вологоское позднее признало главенство цезаря.
 - 22 «Historia Pomorza», t. 1, cz. 2, str. 213.
 - 23 Там же, стр. 214, 215. См. также: *M. Wehrmann*. Geschichte von Pommern, Bd. 1. Gotha, 1919, S. 140 и сл.
 - 24 «Historia Pomorza», t. 1, cz. 2, str. 215.
 - 25 Там же.
 - 26 «Historia polityczna Polski», cz. 1, str. 322; *R. Grodecki*, *St. Zachorowski*, *J. Dąbrowski*. Dzieje Polski średniowiecznej, t. 2. Kraków, 1926, str. 22. О польско-бранденбургских договорах 1329 и 1331 гг. см.: *St. Zajczkowski*. Polska a Zakon Krzyżacki w ostatnich latach Władysława Łokietka. Lwów, 1929, str. 166, а также: *A. Czacharowski*. Społeczne i polityczne siły w walce o Nową Marchię w l. 1319—1373. Poznań, 1968, str. 123 и сл.
 - 27 *A. Czacharowski*. Указ. соч., стр. 128.
 - 28 *R. Grodecki*... «Dzieje Polski średniowiecznej», t. 2, str. 53.

МАЗОВЕЦКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XIII—XVI ВВ.)

С. Руссоцкий

1. 1. Мазовия, сравнительно рано (вероятнее всего, в начале X в.) включенная в возникшее государство Пястов, являлась одной из его важнейших частей. В ее территорию входили земли северной и северо-восточной Польши, политическим центром которых был Плоцк. Возросшая с XIII в. колонизация постепенно расширяла ее территорию в северо-восточном направлении, к границам Ятвягов, Подлясья и Литвы. На протяжении следующего столетия, после того как от Мазовии отошли Добжинская, Ленчицкая и Куявская земли, она распалась на две основные части: западную — с центром в Плоцке и восточную — со столицей сначала в Черске, а затем в Варшаве.

За исключением десятилетнего периода 1037—1047 гг., когда в условиях общего кризиса раннепястовской монархии предпринимались попытки, опираясь на Мазовию, создать государственное образование¹, соперничающее с гнездинско-познанским, рассматриваемые нами в данной статье земли являлись составной частью Польского раннефеодального государства и входили в общую сферу существовавшего тогда управления, в основе которого лежала система разделения на провинции и городские (замковые) округа. Столица Мазовии — Плоцк, находившийся временами, начиная с XI в., в руках отдельных членов правящей династии, не переставал исполнять функции одной из столиц Королевства (*sedes Regni principales*)².

Зачатки самостоятельной государственности можно отметить на этой территории в момент распада Польши на удельные княжества при Болеславе Кривоустом в 1138 г., после чего Мазовия стала самостоятельным уделом одного из сыновей князя (Болеслава Кудрявого), заняв положение, аналогичное Великой Польше, Силезии, Сандомирской земле. Однако считать упомянутую дату моментом зарождения мазовецкой государственности было

бы чисто формальным решением. Политически самостоятельную жизнь отдельные польские земли начали вести не ранее, чем с 20-х годов XIII в. Усилению чувства единства способствовала борьба за принципат — внешний символ единства верховной власти, — наличие в отдельных княжествах институтов, созданных ранее по единому образцу, а также феодальная элита, сложившаяся до конца XII в. еще из общепольского можновладства³. Итак, за начальную дату исследуемого периода мы принимаем 1247 г., когда князь Конрад I поделил свой домен между сыновьями, отделив при этом Мазовию от Куявии и Ленчицкой земли. С тех пор мазовецкими землями (целиком или частями) владели потомки Конрада, вплоть до 1526 г., когда последняя из них была включена в Корону.

Таким образом, Мазовия сложилась как самостоятельное государственное устройство в рамках общего для Польши процесса развития феодального строя, вступавшего в период феодальной раздробленности. При этом от остальных польских земель ее отличало то, что они в рамках восстанавливающего единство королевства вступали в новый этап своего развития, называющийся периодом централизации сословного государства, а Мазовия продолжала сохранять форму правления, основанную на принципе полиархии.

1. 2. Высказываемые здесь соображения могут быть использованы в нескольких аспектах. В первую очередь они касаются истории той части Польши, в изучении которой почти сто лет не делалось попыток (хотя бы в общей форме) создать обобщающее исследование, рассматривающее весь комплекс структуры государственного строя Мазовии в период правления удельных князей. Прогрессивный в свое время труд К. Дунина — «Старое мазовецкое право» (1880)⁴ устарел после появления специальных исследований. Более того, тенденции развития, на первый взгляд, касающиеся одного района и не представляющие первостепенной важности, имеют иногда общепольское значение. Это определяется следующими причинами.

Во-первых, сохранявшаяся в Мазовии значительно дольше политическая раздробленность нашла отражение в многочисленных и разнообразных источниках, количество которых неудержимо возрастает с XIV в.⁵ Это позво-

ляет исследователям, при соответствующем осторожном подходе, путем аналогий детальнее уяснить механизм отношений в Великой Польше, Малой Польше и в Силезии XIII в. Таким образом, мы подходим к более ясному пониманию методических основ К. Тыменецкого, который, в частности, вел поиски источников в восточной Мазовии с целью использования их для изучения развития феодальных отношений в Польше периода первых Пястов⁶.

Во-вторых, тщательный анализ процесса эволюции мазовецкой государственности в XIV и XV в. свидетельствует о характере изменений, которым подвергались в конце средневековья государственные образования, возникшие в результате политической раздробленности в типичной для средневосточной Европы форме, чего нельзя проследить ни в Короне, ни на Руси. Предварительно следует отметить, что Мазовия в рассматриваемый период вступила на путь создания государственного устройства, известного в условиях империи под названием «провинциальные власти». Исследуя аналогии и различия между этими образованиями, возникшими как путем захвата публичной власти местными правителями, так и вследствие разделов территории страны между членами одной правящей династии, мы открываем новые возможности для проведения сравнительных исследований проблем развития феодального строя в масштабе Европы.

В-третьих, анализ политико-правовых институтов независимой Мазовии открывает широкие возможности для исследования генезиса, обусловленности, а также процесса восприятия чужих институциональных или нормативных образцов.

В-четвертых, наконец, последовательное прослеживание фаз мазовецкого партикуляризма и сепаратизма по отношению к Короне⁷, с которой Мазовия была связана различного рода этническими, экономическими и культурными узами, может показать нам в несколько ином свете расстановку социальных сил, способствовавших политическому объединению Польши.

I. 3. Состояние науки в настоящее время и цель данной статьи не позволяют дать такой обобщающий очерк проблематики, который в свое время подготовил М. Счапецкий о Западном Поморье⁸. Наши соображения, возникшие при попытке решить хотя бы отдельные вопросы

«спора о средневековой Мазовии», носят скорее характер общих размышлений, главной целью которых является приблизить момент создания современного очерка истории древней Мазовии⁹. Если же эти мысли окажутся также полезными в исследовании истории феодальной раздробленности в Польше или вообще в Средне-Восточной Европе, то это будет дополнительной наградой для пишущего эти строки и одновременно стимулом к продолжению изучения затрагиваемых здесь вопросов.

II. 1. Социальный субстрат мазовецкой государственности имеет много специфических черт по сравнению с положением, которое складывалось в других польских землях, начиная с середины XIII в.

Крупная феодальная собственность, не считая церковных институтов, играла в Мазовии незначительную роль; размеры феодальных владений не превышали обычно нескольких деревень. В то же время исключительно многочисленным было мелкое рыцарство Мазовии, постепенно превращавшееся в шляхту. Шляхта объединялась в различного рода родственные группы, каждая из которых, владея, как правило, частью деревни, нередко обрабатывала свой участок земли собственными руками. Вопрос, каким образом сложилось такое положение, остается в науке спорным. Было ли оно следствием политики местных правителей, которые, преследуя цель защиты страны от нападения соседей, способствовали появлению «значительного числа свободных людей, зависевших только от князя, непосредственных сельскохозяйственных производителей, обрабатывавших землю собственными руками и обязанных только нести военную службу и платить общие подати князю», как считает А. Гейштор и за ним Г. Ловмянский?¹⁰ А может быть, это разрастание местной шляхты было результатом пауперизации когда-то богатого рыцарства, в большинстве своем жившего в трудных условиях лесистой местности с малоурожайными песчаными почвами. Не исключено влияние и обоих факторов¹¹.

Во всяком случае внутреннее расслоение этого рыцарства шло стихийно, как и его превращение в формально однородное шляхетское сословие. Эта последняя деталь социальной структуры Мазовии появилась лишь накануне включения ее в Корону и весьма вероятно способствовала ускорению этого процесса,

Позднее, привилегии, которые с середины XV в. стала получать в целом шляхта отдельных земель, а не единичные ее представители, как прежде, способствовали тому, что и в дальнейшем основной формой социальных связей здесь оставалась общность, выросшая из чувства родства — фактического или вымышленного (гербового). Это положение сказывалось в различных мелких войнах (кровной вражде), длившихся годами между ссорившимися из-за пустяков рыцарскими родами¹².

Об определенном отставании по сравнению с другими землями Польши, а может быть, просто несколько ином направлении развития свидетельствует процесс складывания на территории Мазовии слоя феодально зависимого крестьянства. Слабое развитие светской крупной земельной собственности, которая, опираясь на иммунитет, стремилась бы к созданию твердой власти, способствовало появлению в период развития чиншевого хозяйства значительного числа безземельных, лично свободных, подлежащих государственным судам крестьян — кметей, стремившихся преимущественно поодиночке получить участок земли на основе соглашения, близкого к неограниченному во времени пользованию, — так называемого «земельного договора». Осевший на земле кметь сохранял право свободного ухода, очевидно, при условии выполнения соответствующих повинностей. Только около середины XV в. в Мазовии появляются попытки привязать крестьян к земле и превратить их в подданных. В таком положении значительно раньше оказались крестьяне, осевшие на землях церковных и светских феодалов, которые получили иммунитет и право на владение крупным поместьем по образцу «немецкого права» (явление, более распространенное в Мазовии, чем это издавна признано в литературе)¹³.

Общее обнищание и отсталость этого района способствовали тому, что в его границах вне зависимости от политики князей, направленной на активизацию местной экономической жизни, свободней развивались города и городское население. Расплывчатость сословных барьеров вела к тому, что шляхта в городе не теряла своего привилегированного положения. Горожане же владели землями, считавшимися шляхетскими, еще в XVI в., и это считалось нормальным явлением¹⁴. Нет ничего удивительного в том, что мазовецкое городское население как со-

циальная группа не играло в рамках существовавшего строя значительной политической роли.

II. 2. На протяжении почти трехсот лет (1247—1526 гг.) мазовецким Пястам удавалось непрерывно представлять политическую организацию местных феодалов. Располагая многочисленными личными помощниками, они еще не имели ни при себе, ни направленных против себя институтов, обеспечивавших участие в осуществлении власти и управления всего господствующего класса. Князя считались наивысшим органом власти в государстве: они давали распоряжения, создавали правовые формы, вершили суд и были главными военачальниками. Только они одни (хотя фактически при совете знати или даже при ее согласии) имели право раздавать привилегии, жаловать земли или отбирать их в определенной ситуации¹⁵. Постоянно менявшееся политическое деление района, зависевшее от того, сколько сыновей оставалось у очередного умершего правителя, свидетельствует о том, что государство считалось вотчинным владением династии, землей князя или «княжеским княжеством» (*Księstwo Księże*)¹⁶. При этом полностью отсутствуют данные об участии местного рыцарства в выборах правителей или об оказании им сопротивления. А ведь не иначе как в виде тирана представил нам Янко из Чарнкова образ властителя всей Мазовии в 1370—1374 гг.— Земовита III¹⁷.

Неудивительно мнение, утвердившееся в старой литературе, что мазовецкие князья, начиная с Конрада I, имели более сильные позиции по сравнению с другими удельными князьями. Некоторые исследователи (Ф. Козловский) говорили даже об абсолютистском характере их правления. Эта точка зрения основывалась, в частности, на незначительном количестве упоминаний о местных съездах князей и рыцарства (вече), более длительном сохранении в области финансов так называемого «бремени княжеского права» в отношении рыцарства и якобы более сильно развитом институте прерогатив монарха¹⁸. В действительности дело представляется несколько иначе. Как свидетельствуют результаты новейших исследований, уже Конрад I решал важнейшие государственные вопросы вместе со своими приближенными и устраивал публичные съезды-вече, на которых вершил суд, оглашал новые законы или же получал представление о мнении собрав-

шегося рыцарства по наиболее существенным вопросам; к этому мы еще вернемся в дальнейшем ¹⁹. Как он, так и его преемники, подобно всем средневековым правителям, исполняли свои государственные функции, разъезжая по стране, потребляя в местах остановок предварительно заготовленные запасы. Еще работы К. Тыменецкого показали, а новейшие исследования по земельной собственности в Мазовии подтвердили, что княжеские прерогативы, особенно земельные, были здесь целью, политической программой, к достижению которой стремились, а отнюдь не пережитками прошлого. Князь Конрад III Рыжий в конце XV в. был вынужден признать, что без согласия совета знати он не будет жаловать земли княжеского домена ²⁰.

Уже из нескольких приведенных здесь примеров можно сделать вывод о том, что мнимый «абсолютизм» мазовецких Пястов был результатом своеобразного «оптического обмана» у исследователей, которые на местной политической сцене не замечали сильных феодалов или их группировок, ведших борьбу против династии или отдельных ее представителей. В то же время относительно скромные материальные ресурсы последних, вдобавок значительно сократившиеся на протяжении XV в., несмотря на попытки социальных реформ, делали невозможным для князей длительный отрыв от «общества» и навязывание ему при помощи приближенных княжеского авторитета. Это находит свое отражение хотя бы в записях местных судебных книг, регистрирующих многочисленные случаи выступления князей перед судом в качестве одной из сторон имущественных споров со шляхтой. Характерной, например, является реляция возного (приказный в суде), вписанная в эти книги (1463 г.) и утверждающая, что вызванный княгиней шляхтич отклонил вызов в суд, заявив: «*mordavit vos canis cum istis citationibus*», что не повлекло за собой возбуждения процесса против вспыльчивого мазура за оскорбление монарха ²¹. Даже широко раздаваемые земельные надель на «квази-ленных» условиях не обеспечивали местным правителям прочной политической поддержки мелкого рыцарства ²².

В XIV—XVI вв. в Мазовии наблюдается специфическое равновесие политических сил внутри господствующего класса. Оно было вызвано слабостью, как правящей группы, так и слоя, занимавшего привилегированное положение

ние в обществе, не осмелившегося решиться на резкие выступления в целях обеспечения себе большей доли участия в политической жизни. Укреплению такого положения равновесия могла способствовать политика самих князей. Стремясь к интенсификации экономического развития страны, опекая социальные группы, которые содействовали этому развитию²³, князья находили в них если не повиновение, то одобрение, основанное на убеждении, что они выполняют функцию организаторов жизни общества.

II.3. Полностью следует согласиться с мыслью, сформулированной когда-то К. Тыменецким, что в условиях Мазовии в то время единственным путем к продвижению вверх по общественной политической лестнице была служба князю, заведование по его поручению какой-либо отраслью управления²⁴.

Уже с начала XIV в. мы наблюдаем в мазовецких княжествах стремление к перестройке управления аппарата, опирающегося на традиционные образцы. Прежде всего перестройка коснулась замково-каштелянской системы управления страной, начав с изменения территориального деления. Многочисленные и относительно небольшие уделы князей, не совпадавшие с делением на замковые округа, были превращены, по примеру Силезии и Великой Польши²⁵, в округа, образованные вокруг значительного местного центра — так называемые дистрикты. В связи с тем, что названия всех дистриктов выступают в княжеских титулах (Рава, Сохачев, Гостынин, Плоцк, Визна, Черск, Варшава, Вышеград, Закрочим, Цеханов), А. Вольф приходит к выводу, что «*districtus*», выросший из политического деления, был прежде удельным владением. С конца XIV в. в Мазовии, как и в Короне, начало утверждаться деление на земли и повяты, связанное с реорганизацией судопроизводства на лично-территориальном принципе (определенные категории лиц, живших вокруг важнейшего центра, в котором вершилось правосудие, подлежали данному суду). Это новое деление лишь частично совпадало с прежним делением на дистрикты. Разнились отдельные единицы этого деления, особенно земли, линейные границы, а также отдельные иерархии чиновников, состоявшие из каштелянов (звание, а не функция), подкормчих, судей, подсудей (их помощников), писарей, возможно, хорунжих и войсковых,

а также низшего вспомогательного персонала — возных или помощников писарей ²⁶.

Стоит подчеркнуть здесь то обстоятельство, что местное «общество», хорошо осознающее обособленность самой Мазовии по отношению к Короне, полностью подчинялось постоянным политическим изменениям внутри Мазовии, всякий раз ведущим к передаче отдельных земель очередным правителям.

Значительно запоздавший процесс консолидации местного рыцарства заставляет считать мазовецкие земские и повятовые суды органами княжеской власти, исполнявшими одну из ее функций, а не институтами сословного самоуправления, как это еще ранее имело место в Короне. Как и в XIII в. в Чехии, «земля» до того, как стала географической базой сословной интеграции, трамплином для попыток ограничения княжеской власти, сама была порождена этой последней. Причиной, вызвавшей ее возникновение, являлась, кажется, попытка четкого подчинения все более многочисленной массы населения, чего не могли осуществить ограниченные иммунитетом каштеляны ²⁷. Сохранившиеся привилегии середины XV в. сообщают нам, в частности, о ходе процесса постепенного ограничения функций каштелянов в Мазовии ²⁸.

Вне компетенции вновь созданных земских судов осталось население городов, как правило, с «немецким правом», и деревень, образованных на тех же принципах.

Административно-хозяйственные функции каштелянов, преобразованных в земских правителей, в Мазовии перешли к старостам. Находившиеся в тесной зависимости от князей, призванные исполнять свои обязанности в течение короткого времени, они осуществляли управление доменом, и, как в Короне, в их обязанности входило рассмотрение некоторых видов преступлений, особенно опасных для общественного порядка (насилие, разбой, поджоги, вторжение в чужой дом) ²⁹. Постепенно разрастался и управленческий аппарат в области финансов. Из-под начала канцлера удалось освободиться казначеям. В то же время финансовые функции на территории, находящейся вне княжеского домена, стали исполнять земские писари ³⁰. Более умеренное, чем в Короне, жалование иммунитетов и разрешение на освобождение от податей (при бедности естественных ресурсов территории) созда-

вало для правителей Мазовии, по крайней мере теоретически, возможности целесообразнее распорядиться казной.

Как следует из приведенного выше обзора, XIV и XV века были свидетелями существенных перемен, происходивших в Мазовии в области методов осуществления государственной власти.

Так, прежде всего привлекает внимание заметное по сравнению с предыдущим периодом разрастание аппарата власти, постепенная его специализация, а также насыщение территории носителями управленческих функций, особенно в области судопроизводства. Эффективность деятельности этих институтов может быть оценена различно. Если, с одной стороны, они не были, например, в состоянии пресечь упоминавшуюся выше вражду или обеспечить авторитет княжеских прерогатив, то, с другой, — когда в этом возникала необходимость, княжеские чиновники эффективно осуществляли контроль как за юридическим оформлением имущества, находившегося во владении рыцарства, так и за соответствием размеров этого имущества юридическим принципам³¹.

Численный рост аппарата власти имел в известной степени двоякое значение. С одной стороны, увеличивались возможности деятельности правящей группы, а с другой — облегчалось вхождение в ее состав наиболее видным представителям рыцарства.

Говоря об усилении функции власти, нельзя упускать из виду ту роль, которую играли как автономные местные органы, так и органы власти, созданные в феодальных имунитетных владениях.

Если в сословной монархии форма большинства созданных ею институтов является своего рода равнодействующей, с одной стороны, централистских устремлений монархов, их окружения, а с другой — притязаний, все более заметных в политической жизни сословий, то княжескую Мазовию нельзя считать государством сословным. Функция инициатора и реализатора всех изменений осуществлялась исключительно династией, при этом действующей в согласии с местными политическими силами, поддержкой которых она пользовалась. Правильность вышеприведенного наблюдения подтверждает то, что нам известно по вопросу о путях развития мазовецкого парламентаризма.

II.4. Существенную роль в политической жизни средневековых государств играли собрания, определявшиеся в источниках различными терминами: «colloquium»; «cunctia», «concilium», «placitum». Способ их организации, деятельность, их компетенция проливают свет на характер государственности, в рамках которой они действовали.

Независимо от происходивших со временем терминологических изменений, замены слова «colloquium» словами «termini generales» или «conventio generalis», а термина «вече» — «сеймом», съезды, имевшие место в Мазовии с середины XIII до конца XV в., следует признать однородными с точки зрения их сущности, функций и состава представительства. В нашей литературе все они носят общее название «вече». Управленческий характер «вече» вытекает из того, что Мазовия в тот период не имела, кроме государственных или земских чиновников, иных реальных политических сил. Первая группа чиновников, а также некоторые лица из представителей второй группы составляли собственно княжеский совет, действовавший постоянно при правителе. При проведении съездов его состав расширялся за счет всех прибывших, голоса которых «считались».

Среди вопросов, решавшихся на такого рода «вече», на первый план выдвигаются: вершение правосудия и тесно с ним связанное законодательство. Установление круга этих вопросов Б. Сободем является исключительно ценным вкладом в разработку проблемы происхождения польского парламентаризма: в целом автор рассматривает его учреждения, как категории, сопоставимые с аналогичными западными институтами³².

Выполнение судебной и законодательной функций требовало особенно большого количества собравшихся. Их присутствие, сводившееся порой лишь к молчаливому одобрению, обеспечивало судьям и законодателям уверенность в правильности принятого решения. Кроме того, в соответствии со средневековым образом политического мышления, правящая группа могла рассчитывать на то, что присутствующие и поддерживающие решение в момент его формирования будут в дальнейшем его реализовывать.

Участников этих съездов, прибывавших не индивидуально, по собственной инициативе, а присланных отдель-

ными землями (по поручению князя), мы впервые встречаем в 1502 г. Преобразование княжеской «сигія» в расширенном составе в представительское собрание происходило в Мазовии скорее сверху, по инициативе правителя, чем под влиянием давления снизу политически слабо объединенных шляхетских масс. Более того, последние не спешили принимать участие в земских съездах — сеймиках или, в общих съездах, считая их дополнительной повинностью, накладываемой на них князем³³.

Вопрос о том, каковы были причины, заставившие мазовецких князей с рубежа XV и XVI в. стремиться к сословному представительству, ждет окончательного выяснения.

II.5. Еще несколько слов следует посвятить законодательной деятельности мазовецких князей. Об «уставах», издававшихся князем Конрадом I и его сыновьями, из-за отсутствия источников нам известно немного. Собственную законодательную деятельность удается начать правившему некоторое время всей Мазовией Земовиту III не без влияния аналогичной деятельности Казимира Великого. При участии своих сыновей, владевших Плоцком и Черском, а также многочисленных приближенных, в 1377 г. он издал первый местный статут, регулировавший самые различные сферы правовых отношений. Вплоть до 1526 г. очередные преемники и Земовита III, в частности, его сыновья Земовит IV и Януш I Старший, совместно создали около сорока аналогичных актов. Хотя, как и первый, они были выработаны «в княжеском совете», инициатива их возникновения должна была исходить прежде всего от придворных кругов. Вышеуказанную точку зрения мы основываем, в частности, на следующих моментах: прежде всего, в отдельных положениях этих статутов чаще провозглашаются новые принципы, чем подтверждаются старые нормы обычного права. Кроме того, кто же, как не князь, мог выдвигать нормы, касавшиеся непривилегированных социальных групп, сплошь да рядом распространявшиеся на лиц или ситуации, которые не должны были представлять особого интереса для местной элиты³⁴.

Другие, старые, возможно, противоречащие «княжескому праву» нормы, отражающие необязательно идентичное с ним «правовое самосознание общества» (так называемое «старое доброе право»), оставались в сфере не-

описанных обычаев. К незамедлительной их редакции приступили только после присоединения Мазовии, когда на повестку дня встал вопрос о сохранении в рамках Короны местной судебно-правовой обособленности. Эти обычаи вместе с некоторыми княжескими статутами восточной Мазовии образовали называемые по имени главных редакторов своды прав Пражмовского и Горыньского. Борьба за сохранение зафиксированного таким образом как «старого, доброго», так и княжеского права стала в 30-е годы XVI в. фактором, объединяющим и усиливающим местных сторонников партикуляризма³⁵.

II.6. В момент зарождения самостоятельного политического существования в середине XIII в. Мазовия представляла собой одну из земель Польши. Ее своеобразие, думается, не выходило за рамки того, что можно было бы определить понятием межрегиональных неравномерностей развития. Однако постепенно процесс дифференциации углублялся. Он вел не только к усилению различий в темпе развития феодального общества, но и к различному их характеру или направлению. На это оказывал влияние целый ряд факторов, как, например: периферийное положение по отношению к тем главным центрам, где в XIII—XIV вв. шли изменения, большая подверженность нападению извне. Не нашла значительного отклика в Мазовии того времени политическая борьба, делившая общественные круги польских земель на сторонников присоединения к Чехии при помощи Локетка. Можно согласиться с мнением Беняка, что позицию, занятую мазовшанами, скорее надо считать проявлением партикуляризма, а не сепаратизма, при условии, однако, что мы ограничимся периодом до начала XIV в.³⁶ Ибо потом, не без влияния ордена и Люксембургов, стремившихся противопоставить Локетку и Казимиру Великому мазовецких князей, политика последних все более отчетливо начинает приобретать черты сепаратизма. Это направление усиливалось развивавшейся со 2-й половины XIV в. экономической экспансией со стороны поморских городов, захваченных тогда крестоносцами (Торунь, Гданьск, Эльблонг). Скупая местные продукты, заключая договоры об их поставках, предоставляя соблазнительные кредиты, они все сильнее втягивали Мазовию в сферу своего экономического влияния³⁷.

Проявления политического партикуляризма в Мазовии

можно проследить в двух областях: внутренней и внешней политике. Втиснутой между тремя сильными соседями — Короной, орденом и Литвой, ценившими прежде всего стратегическое положение мазовецких владений Пястов, Мазовии удалось при помощи постоянно меняющихся альянсов, а также умения мазовецких князей искусно выигрывать от споров между соседями³⁸ сохранить относительно независимую позицию. Над узами этнического характера, связывавшими Мазовию прежде всего с Польшей, все чаще одерживали верх экономические расчеты, толкавшие местных Пястов, владевших в основном Плоцком, на сближение с орденом, всегда готовым предоставить заем, на что нельзя было рассчитывать при краковском дворе³⁹. В этой же связи, в очередных мазовецких актах на жалование ленных владений, которые стали выдаваться при Казимире Великом, можно прежде всего видеть усиление ограничения политически независимых княжеств. «Княжеский лен мазовецкий» до середины XV в. следует относить скорее к категории политической программы Короны, чем — реального ограничения мазовецкого суверенитета, особенно в отношении внутривластной жизни. Затем, в критические моменты, когда польские короли предпринимали попытки осуществлять в действительности свои верховные права, местные князья каждый раз выдвигали аргумент, что ленная зависимость была им навязана⁴⁰.

Думается, что начатые, в частности Земовитом III, действия по проведению социально-политических реформ явились дополнительным фактором, способствовавшим единению мазовшан и их правителей. В противном случае трудно было бы понять сопротивление, часто вооруженное, которое они оказывали попыткам инкорпорации, несмотря на то, что присоединение к Короне открывало перспективу радикального улучшения их социально-политического положения вследствие приравнивания к коронной шляхте.

Не последнюю роль, как представляется, в этих реформах играло восприятие иноземных образцов, отбиравшихся применительно к местным нуждам и возможностям. Хотя основным источником являлись образцы Короны (например, организация земель и повятов, институт староства, законодательство)⁴¹, однако это не ограничивало в значительной степени местного политиче-

ского партикуляризма, тем более что его усилению способствовало принятие одного за другим чужеземных образцов, например, в области организации воинской повинности рыцарства — шляхты ⁴².

В международном аспекте положение мазовецких Пястов можно сравнить с тем, какое занимали на территории империи отдельные территориальные правители, что еще давно было отмечено Э. Малечиньской ⁴³. К внутреннему аспекту этого сравнения мы вернемся в дальнейшем, при формулировании заключительных выводов.

Если говорить о внутренних причинах политического сепаратизма, то мы связываем его с позицией, которую занимала находившаяся у власти мазовецкая шляхта в отношении перспектив включения в Корону. К тому же местные княжеские дворы, удельная и земская управленческая и административная иерархия обеспечивали большинству из них не только высокое социальное положение, но прежде всего предоставляли источники высоких доходов. Объединение с Коронай грозило сокращением этого аппарата (а в дальнейшем — медиатизацией определенной части феодалов). Ввиду этого уже после присоединения местная шляхта упорно отстаивала существование отдельного мазовецкого судопроизводства и права. Осуществление этих функций, как известно, приносило сравнительно большие доходы. Несколько тверже, вероятно, звучал выдвигаемый шляхтой аргумент, обосновывавший дальнейшую независимость Варшавского удела после 1526 г., когда она утверждала, что не связана актами о хольдах с князьями, поскольку те «*nobilitatem liberam non possent absque eorum mandato et consensu infeodare*» ⁴⁴. Здесь употреблены понятия, хорошо известные коронной шляхте, но которые были неприменимы в местных условиях, о чем уже неоднократно говорилось. Что же касается факторов, постепенно разрушавших мазовецкий сепаратизм, кроме наиболее часто отмечающегося усиления мощи Короны в середине XV в., следует обратить внимание еще на один момент. В результате победы над орденом, зафиксированной в Торуньском мире 1466 г., к Короне были присоединены те города ордена, которые прежде оказывали сильное влияние на экономику Мазовии. Таким образом, эта территория оказалась в двойной зависимости от Короны. Значительно было ослаблено давление ордена на местных князей, толкавшее их

на антипольские выступления. Во-вторых, Мазовия была втянута в сферу влияния постепенно воссоединявшегося с Польшей Поморья. При такой расстановке сил попытка Габсбургов на рубеже XV и XVI в., стремившихся еще раз противопоставить Мазовию Ягеллонам, не увенчалась успехом⁴⁵.

III. 1. Вместо подведения итогов изложенных выше отдельных наблюдений мы хотели бы попытаться сформулировать некоторые выводы общего характера, которые можно сделать в результате проведенного анализа. Они будут концентрироваться вокруг трех крупных комплексов проблем: генезис и движущие силы феодальной раздробленности; типология государственных образований, возникших в результате этого процесса; факторы, стимулировавшие и тормозившие утверждение политического партикуляризма и сепаратизма в масштабе Польши.

III.2. Еще полвека назад О. Хинтце отмечал, что возникавшие на протяжении IX и X вв. европейские монархии, охватывавшие обширные территории (в том числе и польская), в условиях господства натурального хозяйства, слабого развития средств сообщения, т. е. вследствие отсутствия возможности эффективного осуществления на деле централизованной власти, имели отчетливо выраженный «экстенсивный» характер. К более «интенсивной» форме государственной организации, отвечавшей потребностям развивавшегося феодального общества, можно было прийти только путем замены первоначального единовластия монарха полиархией⁴⁶.

В европейских условиях цель эта была достигнута двумя путями: в Западной Европе и частично в ее средней полосе — путем постепенного перехода функций центральной власти ко все более самостоятельным местным правителям; в Средне-Восточной — путем раздела территории государства на удельные княжества, которыми управляли члены той же династии. Факторы, ведущие к централизации власти, в первом случае представляются ясными, и в литературе предмета по этому вопросу существует единая точка зрения. Иначе обстоит дело с генезисом уделов. Если даже оставить в стороне объяснения старой историографии, сводившей весь вопрос к игре случая, приводившего в тот или иной момент к разрастанию господствующего дома, то, однако, и современное

объяснение этого явления не представляется полностью убедительным. В 1958 г. А. Ветулани писал: «...несколько упрощенным кажется мне объяснение, что ...затянувшийся распад Польши на удельные владения потомков Болеслава Кривоустого был вызван тем, что сильная центральная власть начала становиться невыгодной для крупных феодалов, поскольку затрудняла дальнейший, свободный рост земельной собственности...»⁴⁷ К сожалению, упомянутый исследователь не развил подробнее высказанного им сомнения, в то время как его оппонент в дискуссии Ю. Бардах продолжает придерживаться ранее принятого объяснения⁴⁸.

Результаты новейших исследований по изучению социально-политических отношений раннефеодальных монархий в Средне-Восточной Европе, генезиса феодальной раздробленности на Руси, а также мазовецкой государственности периода удельной раздробленности дают основания по-иному взглянуть на исследуемые здесь процессы. Начнем с русской истории. Как правильно отметил Б. А. Рыбаков, раннефеодальная монархия являлась переходной формой политического строя. Ее осуществление было обусловлено наличием внешней угрозы, а также начальной стадией развития феодальных отношений. Усиление государственной власти было возможно в тот период только в микромасштабе. Аппарат, которым располагали киевские князья, был не в состоянии оказывать эффективную помощь боярам удаленных от центра земель. Они нуждались в «ближней власти», постоянной и легко достигаемой⁴⁹.

Достижения чешских и польских исследователей за последние годы представляют в новом свете материальную базу и внутреннюю организацию формировавшегося класса феодалов. Эти феодалы вместе с правящей династией составляли относительно немногочисленную, тесно связанную различными способами, привилегированную группу, монополизировавшую власть и совместно эксплуатирующую остальное население, которому вменялись в обязанность различного рода повинности. В таких условиях, если принять во внимание факт, что не земли, а назначения на управленческие должности приносили различные доходы, то становится ясным, что просто не было места для крупной собственности типа латифундий, особенно светской⁵⁰.

Наконец, все, что нам известно о социально-экономическом устройстве Мазовии в период ее политической независимости, говорит о том, что эгоистические интересы крупных феодалов не могли играть решающую роль в занявшемся политическом расколе.

Эти интересы, несомненно, оказали серьезное влияние на процесс формирования местных органов управления, возникавших на развалинах обширных государств Запада. Фактическая несостоятельность центральной власти в отношении столь значительных территорий проявлялась в игре частных интересов местных правителей, узурпировавших привилегии монарха. Могли ли действительно крупные феодалы в Польше, Чехии и на Руси быть заинтересованы в ломке уклада, обеспечивавшего им такое высокое положение в обществе? Если признать справедливым мнение Беняка, то мазовецкий Маслав-Мецлав также не старался создать собственное государство, а скорее, воспользовавшись ситуацией, при которой «власть валялась на улице», попытался создать общепольское государственное устройство вместо того, которым временно не могли управлять Пясты⁵¹. Так же палатин Сецех, ограничивая деятельность Германа, не сходил с позиций централистского понимания организации государственной власти, что вызывало, впрочем, резкие возражения со стороны его противников⁵². Кроме того, наряду с усилением в конце XII в. удельной раздробленности наблюдается ослабление общепольского можновладства старого типа. На политической арене появляются новые семьи и роды. Их политические горизонты также подвергались значительному сужению⁵³.

Раннефеодальная монархия, расширяя и охраняя от внешних врагов границы государства, создавала возможности и для его дальнейшего внутреннего развития, роста населения, колонизации новых территорий. Военные и административные потребности государства вели к численному увеличению низших слоев привилегированного класса. Постепенное численное увеличение все более дифференцировавшегося в материальном и социальном отношении населения делало необходимым «насыщение» территории органами власти. Возможно, под влиянием того, что пережили монархии франков или Священной Римской империи, правители государств Средне-Восточной Европы предпочитали назначать правителями отдельных

провинций членов династии⁵⁴. Процесс их превращения в независимых правителей стимулировался, как представляется, двумя сходными между собой тенденциями. Во-первых, немалую роль могли играть личные политические качества отдельных князей. Во-вторых, как княжеский двор, так и отдельно созданный в каждом уделе аппарат управления, создавали реальные перспективы социального продвижения для местного мелиората. Безусловно, определенное значение имело также постоянное присутствие правителей и их помощников, обеспечивающее сохранение «внутреннего мира», понимавшегося как осуществление справедливого правосудия и упрочение власти феодалов в отношении зависимых групп населения. Наконец, знаменательно, что в период удельной раздробленности наблюдается не только рост владений отдельных светских феодалов, чего следовало бы ожидать при учете того, что центральная власть тормозила этот процесс, но и возрастает общее число лиц, владеющих землей на основах, характерных для феодализма.

Таким образом, мы подходим к формулированию предположения, что феодальная раздробленность, объективная историческая необходимость в развитии Европы проявлялись в форме отражения интересов двух социальных групп: носителей власти в масштабе провинции и так называемых «средних слоев».

III.3. Децентрализация общественной власти, имевшая место в различных государствах, в принципе вела к возникновению самостоятельных политических образований, вне зависимости от формального титула возглавлявших их правителей. Как те, которые возникли в результате узурпации прав правителями, так и те, которые образовались в итоге внутрдинастических разделов, обнаруживают много общих черт. Среди них в первую очередь следует выделить проходившую в рамках этих правлений основательную перестройку экономической и социальной структуры, в результате чего формировались социальные группы, основанные на корпоративно-сословных принципах. Во-вторых, вышеупомянутые процессы, имевшие место на относительно небольших территориях, приводили к новым формам социальной общности, вытекавшим из местных принципов. Их символическим выражением становилась «земля» — территория, находившаяся во власти одного суверена, имеющая свои границы,

круг собственных обычаев и правовых норм, население, сознающее свою обособленность, и прежде всего политическую.

Характерно, что выроставшая на основе интересов отдельной «земли» общность не вытесняла межземельных связей, возникших из понимания этнической общности.

В то же время провинциальные управления обоих регионов Европы существенно различались по способу организации аппаратов власти. На Западе значительно раньше проявляются стремления отдельных правителей, направленные на создание управленческого аппарата нового типа, исключительно им подчиненного, легко сменяемого, узкоспециализированного и организованного на территориальных основах. При возраставшем значении сословий эти преобразования представляли верховным правителям большую свободу маневрирования, облегчали им обеспечение первенствующей роли. В конфликтных ситуациях привилегированные сословия могли воздействовать только на отдельные звенья такого аппарата, прежде всего в правосудии, не разрушая всей структуры. В то же время удельные княжества сохраняли, как правило, традиционные организационные принципы. Они проявлялись в осуществлении центральной власти княжеским двором, а на местном уровне — компетентными во всех вопросах, с традицией личной верности князю правителями замковых округов. Тенденции, аналогичные тем, которые имели место в Западной Европе, возникают в Восточной Европе только на базе объединенной монархии в виде попытки подчинить централизирующемуся государству отдельные его составные части — «земли». Трудно сказать, объясняет ли вышеприведенное утверждение причины, по которым стало возможно объединение Польши или Руси, в то время как аналогичные попытки на территории Германской империи окончились неудачей.

Исключение в Восточной Европе составляет только Мазовия. Здесь, как и в западной части Европы, изменения, вызывавшиеся интересами «земель», происходили в период удельной раздробленности. Насколько можно судить, только неразвитость района и слабость правителей привели к тому, что, несмотря на отсутствие сопротивления сословий, впрочем политически несостоятельных, в Мазовии не возникли сильные территориальные управления. Однако даже то, что удалось сделать в Мазовии,

было достаточно для упрочения местного политического сепаратизма.

Попутно стоит отметить, что анализ мазовецких отношений может дать дополнительную аргументацию к полемике, ведущейся немецкими учеными по вопросу: возникла ли «земля» в результате организационных действий ее правителей или же с самого начала она являлась возникшим независимо от правителей союзом прежде всего политически активного слоя населения (шляхты), который противодействовал правителю, опираясь при этом на местное обычное право⁵⁵. Как и в Тюрингии или во владениях Веттинов, а также в Чехии⁵⁶, возникновение мазовецких «земель» явилось результатом реформаторских устремлений правителей, пытавшихся наиболее эффективным и современным образом организовать систему управления. Местное управление землями приобрело отчетливо выраженный самостоятельный, шляхетский характер только после присоединения к Короне.

III. 4. Цитировавшиеся выше работы Беняка обоснованно доказывают, к каким ошибочным выводам может вести отождествление противников и сторонников политического объединения с определенными слоями феодального общества⁵⁷. Следует также вновь подвергнуть анализу выдвинутый Башкевичем тезис, в соответствии с которым быстрее экономическое развитие отдельных регионов является основополагающим фактором, ориентирующим население этого региона на идеи объединения⁵⁸. Придерживаясь такого понимания вопроса, мы не сможем объяснить, почему длительный внутренний политический раскол имел место в развитой экономически во всех отношениях Силезии и отсталой, и не только по сравнению с ней, Мазовии?

А может быть, этот феномен является следствием того, что в обеих польских землях реорганизация аппарата власти, а вслед за ней — рамок политической жизни, проходила в рамках княжеских удельных владений, вызывая к жизни направленные против объединения силы, преодоление которых могло наступить только сверху, под влиянием применения силы со стороны объединителя?

В заключение, наконец, еще один знак вопроса, требующий дальнейших исследований, также связанный с наблюдениями, сделанными Беняком: могло ли среднее рыцарство XIII и XIV в. (социальная группа, совер-

пенно отличная от средней шляхты позднейшего периода), находящееся в плену своих частных интересов и узких политических горизонтов, действительно представлять самостоятельную силу в борьбе за объединение Польши?

- ¹ *J. Bieniak*. Państwo Mięclawa. Warszawa, 1965, str. 67 и сл.
- ² *Galli Anonymi*. Cronika... «Pomniki Dziejowe Polski». Seria II, t. 2. Kraków, 1952, str. 74 (ks. II, cap. 7), а также: *A. Gieysztor, S. Herbst, K. Dziewoński*. Mazowsze, nazwa i treść pojęcia w ciągu dziejów. «1962 — Rok Ziemi Mazowieckiej» (b.d., b.m.), str. 67 и сл.
- ³ *S. Russocki*. Region mazowiecki w Polsce średniowiecznej. «Przegląd Historyczny» (далее — PH), t. 54, z. 3, Warszawa, 1963, str. 399.
- ⁴ *S. Russocki*. Указ. соч., стр. 389 и сл.
- ⁵ Подробнее об этом см.: *H. Patze*. Neue Typen des Geschäftsschriftgutes im 14. Jahrhundert. «Der Deutsche Territorialstaat im 14. Jahrhundert». Sigmaringen, 1970, S. 9 и сл.
- ⁶ *K. Tymieniecki*. Procesy twórcze formowania się społeczeństwa polskiego w wiekach średnich. Warszawa, 1921, str. 99; он же. Pisma wybrane. Warszawa, 1956, str. 5 и сл.
- ⁷ Здесь мы не согласны с разъяснением понятий, сделанных в книге Беньяка: *J. Bieniak*. Wielkopolska, Kujawy, ziemie Łęczycka i Sieradzka wobec problemu zjednoczenia państwowego w latach 1300—1306. Toruń, 1969, str. 279 и сл.
- ⁸ *M. Szczaniecki*. Główne linie rozwoju feudalnego państwa zachodnio — pomorskiego. «Czasopismo Prawno-Historyczne» (далее — СРН), t. VII, N 1, 1955; t. VIII, N 1, 1956.
- ⁹ «Cztery wieki Mazowsza. Szkice z dziejów 1526—1914». Warszawa, 1968.
- ¹⁰ *A. Gieysztor*. Указ. соч., стр. 69, прим. 2; он же, Mazowsze. «Słownik Starożytności Słowiańskich», t. III, cz. 1. Wrocław, 1967, str. 188; *H. Łowmiański*. Początki Polski, t. III. Warszawa, 1967, str. 430 и сл.
- ¹¹ Проблемы рассматривались в работе: *S. Russocki*. «Spory o średniowieczne Mazowsze». «Rocznik Mazowiecki», t. IV, 1971.
- ¹² Эти вопросы применительно к истории Польши XIII—XV вв. поднимают Беньяк (*J. Bieniak*. Wielkopolska..., str. 284 и сл.), а также Русинский (*H. Rusiński*. Początki i rozwój szlacheckiej reprezentacji stanowej na Kujawach od końca XIV do początków XVI wieku. «Prace Komisji Historii III, Bydgoskie Towarzystwo Naukowe». Seria C, N 4. Bydgoszcz, 1966, str. 11 и сл.). Относительно Мазовии из новых

- работ см: *S. Russocki*. Mazowieckie rody gniazdowe. Kilka uwag w sprawie ich genezy i charakteru. PH, t. 52, z. 1, 1961, str. 1 и сл., а также < полемические высказывания Тыменецкого (*K. Tymieniecki*. Genezyzm czy feudalizm. Там же, z. 3, str. 547; он же. Pisma wybrane..., str. 311 и сл.).
- 13 *S. Russocki*. Spory ...
- 14 Подробно освещает эти вопросы Руссоцкий: (*S. Russocki*. Formy władania ziemią w prawie ziemskim Mazowsza (koniec XIV — połowa XVI w.). Warszawa, 1961, str. 141 и сл.).
- 15 *K. Dunin*. Dawne mazowieckie prawo. Warszawa, 1880, str. 40 и сл.
- 16 *J. K. Kochanowski*. Próba ujęcia hermeneutycznego pojęć o «ziemi» i «obycaju», «księciu» i «przywileju» w świetle praktyki sądowej na Mazowszu i schyłku wieków średnich. «Sprawozdania Towarzystwa Naukowego Warszawskiego», t. VIII, 1915. Wydział II, z. 2, str. 25.
- 17 «Pomniki Dziejowe Polski». Seria I, t. II, str. 694.
- 18 *S. Russocki, J. Senkowski*. Uwagi o społeczno-prawnym zróżnicowaniu rycerstwaszlachty na Mazowszu. «Kwartalnik Historyczny» (далее — КН), t. 67, z. 1, 1960.
- 19 См. ниже.
- 20 *S. Russocki*. Formy władania..., str. 82 и сл., а также: *K. Dunin*. Указ. соч., стр. 47.
- 21 *J. K. Kochanowski*. Próba..., str. 42.
- 22 Новую постановку вопроса см.: *S. Russocki*. Nadania ziemi «ad servitia communia» a obowiązki służby wojskowej na Mazowszu. «Miscelanea Iuridica złożone o darze Karolowi Koran-giemu». Warszawa, 1961, str. 111 и сл.
- 23 Итоги исследований по этому вопросу см.: *S. Russocki*. Spory ...
- 24 *K. Tymieniecki*. Procesy twórcze..., str. 201 и сл.; он же. Pisma..., str. 202.
- 25 *A. Gąsierowski*. «Districtus» w Wielkopolsce początków XIV wieku. «Roczniki Historyczne», t. 32, 1966, str. 173 и сл., а также: *J. Walachowicz*. Landwójtostwo na Pomorzu Zachodnim. Poznań, 1969, str. 253 и сл. Здесь разбираются реформы местного управления в Европе в XIII—XIV вв.
- 26 *A. Wolff*. Studia nad urzędnikami mazowieckimi 1370—1526. Wrocław, 1962, str. 11 и сл.
- 27 Затрагивая эту проблему, возвращаемся к более ранним наблюдениям Тыменецкого: *S. Russocki*. Czesi — Kronika Czechów — Ziemia Czeska. PH, t. 59, 1970, z. 2, str. 313.
- 28 Его текст опубликован: *A. Wolff*. Указ. соч., стр. 306 и сл.
- 29 *A. Wolff*. Указ. соч., стр. 114.
- 30 Подробнее об этом см.: *J. Senkowski*. Skarbowość Mazowsza od końca XIV wieku do 1526 roku. Warszawa, 1965, str. 226 и сл.
- 31 *S. Russocki*. Formy ..., str. 87 и сл.; *Senkowski*. Skarbowość ..., str. 101.
- 32 *B. Sobol*. Sejm i sejmiki ziemskie na Mazowszu książęcym. Warszawa, 1968, а также: *S. Russocki*. Parlamentaryzm udzielnego Mazowsza. PH, t. 60, 1969, z. 2, str. 390 и сл.;

- A. *Swieżawski*. Wiek, rada książęca i sejm na Mazowszu. PH, t. 61, 1970, z. 3, str. 490 и сл.
- 33 B. *Sobol*. Sejm..., str. 34 и сл.
- 34 S. *Russocki*. Z badań nad statutami książąt mazowieckich z XIV i XV wieku. CPN, t. VIII, N 2, 1956, str. 227 и сл.
- 35 S. *Russocki*. Z dziejów prac przygotowawczych do ostatecznej redakcji zwodu prawa mazowieckiego z 1540 r. CPN, t. IX, N 1, 1957, str. 9 и сл., а также: B. *Sobol*. O podstawie prawnej stosowania statutów i zwyczajów sądowych na Mazowszu w latach 1532—1540. Там же, стр. 47 и сл.; он же. Sprawa sankcji zbioru Prażmowskiego w nieznanej zapisce sądowej z 1542 r. CPN, t. X, N 1, 1958, стр. 79 и сл.
- 36 J. *Bieniak*. Wielkopolska..., str. 19 и сл., 280 и сл.
- 37 Подробнее об этом см.: M. *Biskup*. Zjednoczenie Pomorza Wschodniego z Polską w połowie XV w. Warszawa, 1959, стр. 47 и сл., а также: S. *Russocki*. Region..., стр. 405 и сл.
- 38 Вышеуказанные вопросы поднимает: A. *Swieżawski*. Polityka mazowiecka Kazimierza Wielkiego. «Rocznik Mazowiecki», t. III, 1970, стр. 167 и сл.
- 39 S. *Russocki*. Region..., стр. 417.
- 40 E. *Maleczyńska*. Książęce lenno mazowieckie 1351—1526. Lwów, 1929, стр. 87.
- 41 См. прим. 26, 34, 35.
- 42 См. прим. 22.
- 43 E. *Maleczyńska*. Książęce lenno..., стр. 156 и сл.
- 44 Там же, стр. 87.
- 45 S. *Russocki*. Spory ...
- 46 O. *Hintze*. Staatenbildung und Verfassungsentwicklung, изд. 1-е, 1902; он же. Staat und Verfassung, gesammelte Abhandlungen... Goettingen, 1962, S. 34 и сл.
- 47 A. *Vetulani*. Nowe spojrzenie na dzieje państwa i prawa dawnej Rzeczypospolitej. CPN, t. X, N 2, 1958, стр. 319.
- 48 J. *Bardach*. Historia państwa i prawa Polski, t. 1. Warszawa, 1964, стр. 155 и сл.
- 49 Б. А. *Рыбаков*. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 49 и сл.
- 50 H. *Łowmiański*. «Początki Państwa Polskiego», t. II. Poznań, 1962, стр. 15 или A. *Gieysztor*. En Pologne médiévale. Problèmes du régime politique et de l'organisation administrative du X-e au XIII-e siècle. «Annali della Fondazione Italiana per la storia Amministrativa», vol. I. Milano, 1964, p. 135, а также: W. *Korta*. Rozwój terytorialny wielkiej świeckiej własności feudalnej w Polsce do połowy XIII wieku. «Śląski kwartalnik Historyczny». Sobótka, t. 16, 1961, z. 4, стр. 528 и сл.
- 51 J. *Bieniak*. Państwo Miecława..., стр. 67 и сл.
- 52 H. *Łowmiański*. Dynastia Piastów we wczesnym średniowieczu. «Początki Państwa Polskiego», t. 1. Poznań, 1962, стр. 152.
- 53 Поставленный выше вопрос еще ждет исследования. См. указанную литературу, а также наблюдения Руссоцкого (S. *Russocki*. Region..., стр. 399.)
- 54 Эту мысль в общих чертах

развивает Довиат (*J. Dc-wiat*). Polska — państwem średniowiecznej Europy. Warszawa, 1968, str. 224. и сл.). Аргументы в ее поддержку приводятся также в работе Лалика (*T. Lalik*). Organizacja grodowo-prowincjonalna w Polsce XI i początków XII wieku. «Studia z dziejów osadnictwa», t. V. Wrocław, 1967, str. 5 и сл.; он же. Sandomierskie we wczesniejszym średniowieczu. Prowincja, księstwo, województwo. «Studia Sandomierskie». Warszawa, 1967, str. 41 и сл.

- ⁵⁵ Наиболее полно развил эту теорию Бруннер (*O. Brunner*. Land und Herrschaft (переиздавалось в 1939—1964 гг.).
- ⁵⁶ Критический анализ выводов Бруннера есть во

многих работах, среди них особенного внимания заслуживают: *H. Patze*. Die Entstehung der Landesherrschaft in Thuringen, T. I. Koeln, 1962, S. 546 и сл.; *L. Genicot*. Le XIII-e siècle européen. «Nouvelle Clio», t. 18. Paris, 1968, p. 139, 351 и сл. См. также: *S. Russocki*. Czesi..., str. 313 и сл.

- ⁵⁷ *J. Bieniak*. Wielkopolska...
- ⁵⁸ *J. Baszkiewicz*. Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przełomie XIII i XIV wieku. Warszawa, 1954, str. 90 и сл. О роли Силезии во время объединения см.: *S. Trawkowski*. W sprawie powstania zjednoczonego państwa polskiego w XIII i XIV wieku. PH, t. 47, z. 3, 1956, str. 531 и сл.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НА РУСИ В КОНЦЕ XIII—НАЧАЛЕ XV В.

В. В. Мавродин

Одним из важнейших факторов, способствовавших формированию русской, или великорусской, народности и образованию Русского государства, является развитие национального самосознания.

Термин «национальное сознание» мы употребляем в смысле сознания единства людей, принадлежащих к определенному этническому образованию, в данном случае к народности, единства ее исторических судеб, материальной и духовной культуры, бытового уклада и традиций, психического склада.

Исследования Б. Д. Грекова, Д. С. Лихачева, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, В. П. Адриановой-Перетц, А. М. Сахарова, Н. Н. Воронина и др. подчеркнули огромное значение пробуждения и развития национального самосознания в истории русского народа конца XIII — начала XV в.

Авторский коллектив двухтомных «Очерков истории русской культуры», изданных Московским университетом, значительно продвинул и обобщил материалы и исследования в области не только истории русской культуры, но и развития национального самосознания.

Сознание единства всех восточных славян, всего «словенск язык на Руси» характерно было для времен древнерусской народности и Древнерусского государства, для времени Киевской Руси.

Достаточно беглого взгляда на наши источники, — а они отражают мысли людей древней Руси, — достаточно даже поверхностного знакомства с устным творчеством русского народа, — а он отражает идеологию народа, — для того чтобы убедиться в том, насколько развито было у наших предков чувство единства народа, чувство патриотизма, само понятие Родины, земли Русской, насколько большое, всеобъемлющее понятие вкладывали они в слова «Русь», «Русская земля».

Яркими памятниками древнерусского патриотизма являются и Повесть временных лет («Откуда есть пошла Руская земля, кто в Кieve нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть»), и «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, и «Память и похвала» Иакова Мниха, и «Слово о полку Игореве», и другие жемчужины древнерусской литературы.

Они проникнуты чувством любви к земле русской и с гордостью говорят о русском народе, о его славных богатырских делах, сознанием единства Русской земли, единства русского народа от «Червенских градов» до Тму-таракани, от Ладоги и до Олешья.

Это сознание единства является величайшим вкладом киевского периода в историю всех трех братских славянских народностей Восточной Европы, имевших одного общего предка — древнерусскую народность времен Владимира, Ярослава и Мономаха.

Феодальное раздробление Руси, княжеские усобицы, «которы» и «брани» не привели к утрате сознания единства всей Русской земли, всего восточного славянства.

Говоря об истории русского народа, Н. Г. Чернышевский отмечает, что есть страны, где «части одного и того же народа готовы жертвовать областному интересу национальным единством. У нас этого никогда не было (за исключением разве Новгорода): сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями...»¹.

Развивая эту мысль, Н. Г. Чернышевский считает необходимым подчеркнуть, что «распадение Руси на уделы было чисто следствием дележа между князьями..., но не следствием стремлений самого русского народа. Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда и не имела корней в его сердце...»².

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность с уверенностью утверждать, что носителями сепаратизма и изолированности, «которы» и «нестроения», противниками единства Руси, единства русского народа, отрицавшими необходимость национальных уз, были удельные князья и боярская знать вечевых городов, в то время как широкие народные массы и в городе и в деревне стремились к объединению, выступали против фео-

дальной раздробленности, никогда не теряли чувства единства всех русских людей.

Нашествие Батыева опустошило русские земли, подорвало производительные силы Руси, ослабило русскую государственность, нанесло жестокий удар материальной и духовной культуре Руси, изменило ее международное положение.

В борьбе с игом Золотой Орды, в процессе экономического возрождения после Батыева нашествия, дальнейшего экономического развития, экономической и политической интеграции русских земель и объединения Руси вокруг Москвы возрождалось, росло и крепло национальное сознание русских людей.

Чувство единства Руси и русских отнюдь не умирало среди народа, и никакие бури удельной поры и разорения, даже татаро-монгольское нашествие и иго Золотой Орды, не могли вытравить из народа чувства единства всех людей.

В. И. Ленин подчеркивает значение пробуждения национального сознания в историческом развитии народов. В своей работе «Тезисы реферата по национальному вопросу» он подчеркивает «Сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение etc.) и создание национального государства»³.

К началу объединения русских земель Москвой, точнее ко 2-й половине XIV в., относится заря национального пробуждения. Искра национального самосознания была только прикрыта пеплом княжеских усобиц, удельных порядков и татарского ига. И она возгорелась, ее раздула в полымя Куликовская битва. Первая попытка всенародной борьбы, попытка с оружием в руках сбросить ненавистное татарское иго, сыграла большую роль в развитии национального самосознания. Воспрянул духом русский народ, пробудилось патриотическое чувство, а чувство патриотизма является, как указывал В. И. Ленин, одним из глубоких чувств. В развитии национального сознания оно имеет очень большое значение.

Куликовская битва дала толчок подъему самосознания русских людей и явилась величайшим фактором идеологической подготовки образования русской народности и ее государства.

Национальное пробуждение, последовавшее за Кули-

ковской битвой, стимулировало развитие русской культуры. Это последнее идет в ту пору по линии установления общерусских норм и форм, стремления к «живству», отка за от условностей предшествующих времен. Наиболее яркое отражение эта тенденция к реализму, к «живству» если речь идет об изобразительном искусстве, нашла в творчестве Андрея Рублева. Естественные ландшафты, элементами перспективы, человеческие фигуры и лица а также светотень, отход от условного, мрачного, появление в живописи повествовательных и психологических моментов, яркость и разнообразие красок — все эти особенности творчества Андрея Рублева и новгородской фресковой живописи 2-й половины XIV в. (церкви в Волокове, Ковалево, Федора Стратилата, Спаса на Ильине) свидетельствуют о больших переменах в мировоззрении русских людей.

Национальное пробуждение времен Дмитрия Донского связано с развитием интереса к прошлому, к истории Руси. Этим объясняется реставрация древних архитектурных памятников (Успенский собор во Владимире, собор в Переславле-Залесском).

В области летописания очень характерно стремление московских князей и «книжных» людей создать общерусские летописные своды. Областные летописи, летописи князей и княжеств, городов и земель перерабатываются, переоформляются и используются для составления летописей «всая Руси». Эта идеологическая работа московских летописцев подчас предупреждала и опережала рост политического значения Москвы и свидетельствовала о росте сознания общерусских интересов среди «книжных» людей Руси, о росте сознания единства земли русской среди народа еще в те времена, когда эти идеи только возникали в политических планах московских князей.

Первым летописным сводом «всая Руси» был так называемый «Летописец великий русский», составленный в конце XIV в. Но в нем идея общерусского единства еще только намечалась. По-настоящему она отразилась в московском летописном своде 1408 г. — в так называемой «Троицкой летописи». Свод Фотия в этом отношении еще ярче, пронизывающая его идея единства переплетается с отчетливыми демократическими тенденциями, что находит отражение в подчеркивании роли народа, москов-

ских посадских людей в обороне своего города («Повесть о нашествии Тохтамыша»).

Летописи пробуждали интерес к прошлому Руси, прославляли ее единство во времена киевских князей, призывали к нему, воспитывали патриотическое чувство, развивали национальное сознание.

К середине XV в. окончательно складывается киевский цикл русского былинного эпоса с его идеей единства и независимости Руси. Былины, возникавшие в разных местах на основе местного исторического припоминания, сохранявшие лишь туманные воспоминания о древнем единстве киевских времен, вместе с ростом сознания общерусского единства теряют локальные черты и поднимаются до идеи «одиначества» земли, власти и народа, становятся достоянием всего русского народа, что объясняется эволюцией его исторических воззрений. Глубоко был прав Максим Горький, когда писал, что от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории.

Вторая половина XIV в., время Куликовской битвы были периодом подъема литературного творчества на Руси. Русская литература той поры отражала сдвиги, происшедшие в жизни русского народа, и была целиком подчинена задачам создания единого государства и слиянию русского населения отдельных земель и княжеств в единую великорусскую народность. Патриотизм, жизнерадостность, уверенность, пышность, торжественность характеризуют русскую литературу времен создания могущественного Русского государства.

Литература все более и более приобретает общерусский характер.

Древние русские книжники первые отразили в своих произведениях стремление народа к единению, к сохранению самостоятельности Русской земли, его патриотические чувства. Так записано было народное предание о борьбе с татарами Чолхана Тудановича — знаменитая «Щелкановщина». Новгородцы создают два чудесных памятника, отразивших борьбу с немцами и шведами, — «Сказание о великом князе Александре Невском» и «Рукописание Магнуша, короля свейского».

Борьба с татарами отразилась в «Слове о погибели русской земли», «Задонщине», написанной в подражание известному древнерусскому патриотическому памятнику — «Слову о полку Игореве», в повести о Мамаевом побои-

ще. Но если «Слово о полку Игореве» говорило о поражении русских дружин на Каяле, то «Задонщина» воспевала победу русского воинства на поле Куликовом. Не «тоска», как в «Слове о полку Игореве», а «веселие и буйство» распространились по земле, не «готские красные девы» звенели «русским» золотом, а «русские жены» — «татарским». По «Задонщине», Куликовская битва — это расплата за Каялу, за Калку, за все то, что пришлось снести Руси от полудиких орд кочевников.

Идея русского единства была столь сильна в Москве и так прочно завоевала литературу того времени, так овладела умами образованных людей и государственных деятелей Руси, что ее не вытеснили ни теория «Третьего Рима» со своим призраком «всемирной власти» и «вселенского царства», ни идея Москвы — наследницы Византии, оплота истинного христианства, распространенная среди русского духовенства со времен брака Ивана III с Софьей Палеолог. Государи московские были прежде всего государями «всёя Руси», а не восточнохристианскими монархами призрачного царства. Они были «изначала государи на своей земле» и, по выражению Максима Грека, «искали своих», а не добивались престола порфирородных византийских императоров, верили «не в греков, а в Христа», боролись не за престол императора восточнохристианского царства, а за «отчины» и «дедины» — старинные русские земли, «за наследство» не Палеолога и Константина Мономаха, а Святослава и Владимира, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Отсюда, из стремления обеспечить полную самостоятельность русского государства вытекало различие византийских и русских придворных обычаев, церковных обрядов и взаимоотношений царя и митрополита. Изменения в титуле «государя всея Руси», пышность придворного церемониала, гордый и независимый тон русских дипломатических актов времен Ивана III связаны отнюдь не с женитьбой его на Софье Палеолог, а прежде всего с освобождением от татарского ига, с установлением независимости Руси от византийского влияния.

Идея объединения и независимости Руси, идея единства русского народа проявляется во всех сторонах духовной культуры. Хотя в быту и обычаях, порядках и нравах русских людей на разных концах Русской земли остается еще много местного, специфического, процесс

нивелировки идет все быстрее. В быт и нравы русских людей проникают черты быта и нравов ближних и дальних соседей. По всей Русской земле распространяются одинаковые поверья и обычаи, единый эпос.

Идея единства Русской земли и русского народа отражается и в памятниках материальной культуры. В XV в. происходит объединение различных русских архитектурных направлений и школ, местных архитектурных традиций (псковской, тверской, новгородской) в единое русское зодчество, призванное отныне возводить величественные здания в столице «всея Руси» — Москве, ставшей центром национальной жизни русского народа.

Развитие национального сознания явилось одним из важных факторов складывания русской (великорусской) народности.

Но говоря о процессе формирования русской (великорусской) народности, мы не должны забывать и того обстоятельства, что данный процесс, как и наметившийся тогда процесс становления украинской и белорусской народностей, происходил не в условиях якобы «извечной» обособленности и конфронтации этих народностей, как тщетно пытались доказать М. С. Грушевский и его последователи, а в обстановке сохранявшегося сознания их единства и общности, того самого исторически устойчивого сознания, которое помогало этим народам сначала отстаивать восточнославянский характер их культуры перед натиском воинствующего латинства и оказавшегося в турецких руках православного Константинополя, а потом вести борьбу за свое воссоединение в рамках единого восточнославянского государства.

¹ *Н. Г. Чернышевский.*
Полн. собр. соч., т. III. М.,
1947, стр. 570.

² Там же.

³ *В. И. Ленин.* Полн. собр.
соч., т. 24, стр. 385.

К ИСТОРИИ СООТНОШЕНИЯ СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ НА РУСИ В XII—XIV ВВ.

Я. Н. Шапов

XII—XIV века на Руси — это время значительного развития производительных сил в городе и деревне, усиления классовой дифференциации и поляризации общества, победы и господства феодальных отношений на старых территориях государства и распространения их на подвластных землях, время роста церковных и боярских вотчин, расцвета города как одной из форм социально-политической жизни средневекового общества. Это — время, когда политическая (и юридическая) власть переходит к группам феодалов, которые являются первичными звеньями эксплуатации крестьянства, что приводит к политическому дроблению государственной территории и власти. Особенности этого периода являются также монгольское разорение, установление завоевателями особого финансового и политического режима в южных, центральных и восточных землях Руси, переход под власть литовских и польских феодалов западных ее земель. К концу интересующего нас периода появляются тенденции к политическому объединению ряда земель вокруг новых центров и к использованию в этих целях церковных организаций.

Церковь к XII—XIII вв. значительно изменила свое экономическое и политическое положение. Важным источником ее материального обеспечения вместо отчислений десятины от княжеских даней и судебных пошлин становится земельная собственность. Она формируется как из княжеских волостей, так и из сел и незаселенных, но культурно освоенных территорий (пожней, озер и пр.), переданных ей в дар и по завещанию. Церковь и самостоятельно осваивает села и территории, не входящие в состав вотчин, но находящиеся лишь под верховной юрисдикцией князя. Эта собственность церковных организаций была бессрочной, а корпоративный характер собственника, принадлежность его к верхним слоям государственной церковной организации наряду с нормами права

христианской церкви, перенесенными на Русь, оберегали церковную собственность и способствовали ее необратимому расширению в течение нескольких веков.

Церковные феодалы обладали правом суда над принадлежащим им на началах феодальной собственности населением не только по церковным делам, но и по гражданским и уголовным, как об этом можно судить по косвенным данным, перенося на вотчины кафедр основы феодального устройства монастырских вотчин и учитывая постепенные ограничения в судебном иммунитете московской митрополичьей кафедры в XV в.¹ С появлением в первой половине XII в. этих феодальных организмов и увеличением в течение следующих веков их числа расширяется юрисдикция кафедр, как феодальных вотчинников.

От XI в. кафедры сохранили и расширили древнейшие сферы своей юрисдикции: над всем христианским населением Руси по определенным делам, не подлежащим княжескому суду («тяжи епископские», или «церковные суды», по терминологии источников), и над некоторыми группами этого населения независимо от территории, где они жили, но уже по всем делам («церковные люди», по той же терминологии).

Важным средством формирования феодальной зависимости от церкви было распространение ее юрисдикции на те группы населения, которые оказывались вне традиционных, зависимых от князя групп раннеклассового строя. Если в XI в. в числе церковных людей мы встречаем лишь монахов, церковнослужителей и членов семей последних, а также людей, участвовавших в отправлении культа (проскурница, пономарь), то в XII—XIII вв. этот перечень значительно возрастает. Среди церковных людей в княжеских уставах появляются упоминания крестьян, непосредственных производителей, которые становятся феодально зависимыми от церкви (задушный человек, прикладник, прощенник), людей, в подчинении которых церковь была заинтересована (лечец, паломник, сторонник, калика), наконец, людей, лишенных средств существования по своим физическим данным (слепец, хромец и пр.), которые жили на средства церкви и служили пропаганде ее идеологии.

Значительным источником обеспечения церкви в то время стала и другая, общегосударственная сфера ее юрисдикции — суд по семейным и брачным делам. Число этих

дел в ведении церкви в XII—XIII вв. расширилось на имущественные споры супругов, дела о нецерковных и иноцерковных религиозных культах, о применении опыта народной медицины, смешанной с языческой магией, и на случаи смерти, вызванные применением этих средств («зелья и душегубства»), нормы жизни и деятельности церковников. Расширяется и круг дел, уже принадлежавших епископскому суду ранее: на браки и контакты с лицами нехристианских исповеданий, взаимоотношения внутри семьи и пр.

Развитию церковной юрисдикции способствовали укрепление и уплотнение ее структуры, выразившиеся в создании новых кафедр и дроблении территории епархий. Это членение не поспевало за дроблением княжеской власти в процессе усиления феодальной раздробленности на всей территории Руси, но следовало за ним, и при благоприятном для данного князя соотношении политических сил на Руси столица его, а иногда и территория княжества совпадали с новой епархией.

Параллельно с возникновением новых кафедр и епархий, опережая и дополняя его, шел процесс развития церковной организации — на периферии епископий, в центрах не получивших церковной автономии княжеств и в крупных городах появились владычные наместники, представители епископского управления и суда. Возникновение этого института, как в городах епархии, так и на кафедрах, при самих епископах, можно отнести к XII в., хотя некоторые исследователи предполагают его существование еще в конце XI в.², а другие относят его возникновение к концу XIII в.³ Владычные наместники впервые упоминаются в новгородских и суздальских документах 20—30-х годов XIII в., но они выступают в них не как какой-либо новый, а как известный и признанный институт⁴. Источники XIII—XIV вв. характеризуют владычных наместников как чиновников, несущих функции церковного суда и управления. Возможно, эта должность при кафедрах возникла специально для отправления судебных функций в пору значительного роста юрисдикции церкви на Руси в XII в. Владычные наместники терминологически не связаны с византийскими патриаршими должностями, и это также позволяет видеть в них институт, вызванный местными особенностями, причем появившийся не с начала возникновения церковной

организации, а со времени формирования ее структуры, приспособленной к условиям древнерусского общественно-государственного строя⁵.

Для государственной церковной организации на древнерусских землях, подпавших под власть Золотой Орды, большое значение имела своеобразная религиозная инертность завоевателей. Используя ее, русской церкви удалось значительно укрепиться, расширить вотчинную и государственную юрисдикцию и получить соответствующие гарантии не только от русской княжеской власти, но и непосредственно от Орды.

Экономическое и политическое развитие древнерусских земель в XII—XIII вв., эволюция органов власти, управления и суда приводили к столкновению церковной и светской юрисдикций, их конкуренции и перераспределению, к слиянию ведомств или к вытеснению одних ведомств другими.

Рассмотрим эту конкуренцию церковного и светского судов в трех сферах государственной юрисдикции, там, где она оставила зримые следы в документах. Это, во-первых, суд по наследственным делам, во-вторых, по уголовным и, в-третьих, ведомственная принадлежность службы мер и весов и суд по этим делам. Вне нашего анализа останется четвертая большая сфера постоянной конкуренции — случаи, когда конфликты возникали между людьми различной ведомственной принадлежности (светской и церковной), когда требовалось участие «общего», смешанного суда.

Пространная Правда содержит большую группу статей о праве наследования и относит все наследственные дела к ведомству княжеского суда, не оговаривая какое-либо участие церковного ведомства в рассмотрении споров о наследстве. Устав князя Владимира относит некоторые споры о наследстве («заднице») к суду митрополита и епископов, причем в различных текстах устава объем и значение этих дел различаются. Так, в редакциях Синодально-Волынской группы, возникших во второй половине XIII—XIV в., к церковному суду отнесен казус, когда «братья или дети тяжются о задницу». Так же говорит о принадлежности этих дел церковному суду основывающийся на уставе Владимира новгородский устав Всеволода XIV в. В последующих обработках этого текста, принадлежащих XV в., формула изменена. В ней говорится

о тяжбе «братних детей», т. е. племянников (Софийский извод Варсонофьевской редакции). Другая обработка того же текста — Толстовский вид, находящийся в тех же рукописях, что и Сокращенная редакция Русской Правды, опускает указание на причину спора и оставляет в ведении церковного суда дела о спорах вообще между младшими членами большой семьи, не указывая, о каких. В более ранних текстах рубежа XII—XIII вв. (Оленинская редакция, сохранившаяся в списках XV—XVI вв.) также говорится о принадлежности споров по наследственным делам церковной юрисдикции, и есть все основания видеть аналогичную формулу и в архетипе устава XII в.⁶

Таким образом, противоречия в ведомственной принадлежности споров о наследовании имущества в двух важнейших кодексах несомненны.

В изложении ст. 108 Пространной Правды, говорящей об обращении братьев по наследственному спору к княжескому суду («аже ростяжются перед князем о заднице»), чувствуется какой-то уступительный характер, как будто по этому делу можно было «растяжиться» и перед кем-либо другим. Очевидно, это и был епископский суд. М. Ф. Владимирский-Буданов считал, что ведомству князя принадлежали дела о дележе имущества в случае, если сами тяжущиеся пожслают обратиться к его ведомству⁷. А. Е. Пресняков признавал в княжеском чиновнике роль третейского судьи, т. е. относил фактическое решение этих дел к светской власти, а в статьях устава Владимира видел скорее выражение стремлений и притязаний духовенства, чем кодификацию норм действующего права⁸.

Сущность этого конфликта можно видеть в стремлении церкви в XII—XIII вв. участвовать в разрешении споров при наследовании имущества на нижней, семейной, их стадии до передачи дела в ведение публичной, княжеской, власти. На такое разделение ролей церкви и княжеского суда кроме формулы ст. 108 Правды указывают также подробная разработка норм наследственного права в этом светском княжеском судебнике и отсутствие всякого упоминания о регулировании наследственного права в государственном судебнике церковного ведомства — уставе Ярослава.

О стремлении церкви сохранить в своем ведении суд низшей инстанции по наследственным делам в дальней-

шем говорят только церковные полемические памятники конца XIII—XIV в., посвященные защите традиционных десятин, земельных владений, судебных и других привилегий церкви: «Правило о церковных людях» и «Другое слово» о церковных судах. Оба памятника возникли, очевидно, во Владимиро-Суздальской Руси и в соответствующих местах восходят к уставу Владимира Синодально-Волынской группы редакций. При этом одна из переработок «Правила о церковных людях» XIV—XV вв. заменяет формулу «братья или дети» на другую: «сестры, или дети, или племя» (Крестининский извод)⁹, что, с одной стороны, расширяет круг лиц, подведомственных в наследственных делах церкви, а с другой — выставляет на первое место наследниц — женщин. Возможно, в этом памятнике отразились тенденции к расширению круга наследников и признанию права наследования за дочерьми как общая норма, отличная от Русской Правды и сближающаяся с нормами судебника 1497 г.

В своеобразной форме участвовал в суде по наследственным делам в Новгородской земле XV в. владыка, однако нет оснований видеть в нормах этого времени нововведения. Документы XV в. говорят, что в компетенции владычного управления находился суд по земельным спорам, связанным с осуществлением права наследников на выкуп земель, принадлежавших в свое время их предкам, но проданных на сторону. Именно в актах такого рода, и только в них, указывается, что владыка (как и князь) получает неустойку в случае нарушения ряда¹⁰. Участие владычных органов в этих наследственных делах в XV в. показывает, что притязания церкви на такое участие не были безрезультатными и в определенных исторических условиях могли превратиться в признанную правовую норму, отразившуюся в актах.

Сложную картину взаимоотношений светской и церковной юрисдикций рисуют памятники XII—XIII вв. относительно уголовных дел — краж, убийств, побоев и оскорблений.

Пространная Правда фиксирует нормы права XII—XIII вв. о преследовании за убийства мужчин и женщин, членовредительство, оскорбления мужчин действием, за кражи в различных формах и другие покушения на имущество. Здесь нет установлений и норм, касающихся оскорбления действием женщин, изнасилований, оскорб-

ления мужчин и женщин словом и некоторых других дел. Однако все эти дела с соответствующими пенитенциальными нормами перечислены в церковных уставах Владимира, Ярослава и Всеволода, а большая их часть — и в Смоленской уставной грамоте Ростислава 1136 г. Одни из дел, такие, как изнасилования, оскорбления женщин действием и словом, принадлежат наиболее ранним текстам этих памятников, относящимся к XI—XII вв., другие появляются позже, уже в XII и XIII вв. Это соответствие дел, зафиксированных в двух — светской и церковной — группах памятников права Руси XI—XIII вв., подтверждает существование сфер юрисдикции, принадлежавших двум большим ведомствам управления и суда.

Вместе с тем существует немало дел, которые дублируются и соприкасаются в светских и церковных кодексах, обнаруживая совпадение или большую близость в сферах интересов этих ведомств.

Близость и соприкосновение, но не противоречия светской и церковной юрисдикций обнаруживаются в особых случаях убийства, оскорблений действием, краж и ограблений. Так, в уставах Владимира и Ярослава ведению церковного суда принадлежат убийства в особых условиях: в результате употребления зелий и во время традиционных свадебных обрядов-игр, т. е. те случаи, когда эти убийства не представляли большой социальной опасности для феодального общества. В текстах устава Владимира конца XII — начала XIII в. появляются дела о видах ограбления, не подведомственных княжеской юрисдикции: кража из церкви и ограбление трупов. Наконец, ведомству епископа принадлежали избиения детьми родителей, драки между женщинами и некоторые другие проступки, также отсутствующие в светских кодексах, но включенные в церковные.

Наряду с этим кругом дел, сопрягающихся с кругом княжеской юрисдикции Русской Правды и не противоречащих ему, есть целый ряд таких, которые прямо дублируются в светских и церковных кодексах и свидетельствуют о существовании конфликтов или конкуренции. Это, во-первых, кражи продуктов сельского хозяйства и домашнего промысла, а также одежды, относимые в уставе Ярослава к ведению епископа, в то время как Русская Правда, немногочисленный актов материал и памятники конца XIV—XV в. единогласно рассматривают все

случаи кражи принадлежащими светской юрисдикцией. Во-вторых, это поджог двора или гумна, который отнесен к ведению епископа в уставе Ярослава, но по другим памятникам права принадлежит к ведению княжеской власти и даже, судя по средствам наказания («поток и грабеж»), — более ранней, общинной юрисдикции. В-третьих, это похищение девушки в целях заключения брака («тяжа уволочская»). Последнее правонарушение, по уставам Владимира и Ярослава, принадлежит нераздельной юрисдикции епископа, в Русской Правде оно вовсе не упоминается, но в Смоленской уставной грамоте неожиданно отнесено к смешанному суду светской власти (князя или посадника) и епископа.

Противоречия показаний источников могут быть объяснены как различным социальным значением правонарушений, так и особенностями возникновения самих памятников. Включение в устав Ярослава некоторых дел о краже и поджоге свидетельствует о стремлении церковной организации принять участие в рассмотрении этих дел не только как грехов, нарушений этических принципов, включенных в христианское учение, но и как уголовных действий, караемых продажей в пользу митрополита. При этом значение названных дел в претензиях церкви на юрисдикцию различно.

Кража конопли, льна, жита, полотен и одежды — это наименее опасные формы нарушения собственности. В перечисленные объекты не входят ни орудия труда, ни скот, ни кони, эти нарушения не касаются границ земель, они не сопровождаются открытым насилием. Не случайно, очевидно, обе статьи в уставе называют нарушителем не только мужчину, но и женщину: в Пространной Правде ничего не говорится о нормах процесса и наказания при нарушении собственности женщинами, в какой степени распространялись на них общие нормы этого кодекса. В некоторых позднейших обработках устава Ярослава появляется указание, что речь идет о краже женой у своего мужа и наоборот, т. е. о краже в семье. Очевидно, церковная власть претендовала на юрисдикцию по делам о кражах лишь в особых случаях, когда ответчицей выступала женщина или когда объектом нарушения были предметы потребления, находившиеся в доме, причем нередко эти конфликты ограничивались кругом семьи в моменты ее кризисного состояния.

Иначе обстоит дело с поджогом. Статья о поджоге инородное тело в группе статей устава Ярослава о браке и блуде. Помещена она между статьями о блуде с кумой и сестрой и включена в устав позже, чем другие статьи группы, — тогда, когда основной его текст уже сложился. Можно датировать появление статьи в уставе XII в. временем возникновения церковной земельной собственности и вотчинной юрисдикции церкви и связывать ее с этой сферой. В дальнейшей истории текстов устава статья о поджоге никогда не опускается, не изменялось отнесение этого дела к церковному ведомству и в северо-восточных обработках XIV—XV вв., в которых, как будет показано ниже, прослеживается ограничение церковной юрисдикции в пользу княжеской власти по важнейшим уголовным делам.

Принадлежность смешанному суду дел о нарушениях христианских форм заключения брака, об «уволочении» — особенность Смоленской уставной грамоты, не имеющая аналогий в других памятниках XII—XIII вв. Если эта норма не результат позднейшей вставки (грамота сохранилась в единственном позднем списке XVI в., а расширение светской юрисдикции на традиционные церковные ведомства на землях, входивших в XV—XVI вв. в состав Великого княжества Литовского, известно), то она отражает местные особенности Смоленского княжества, которые нелегко объяснить. Возможно, они связаны с поздним учреждением местной епископии (1136 г.), слабостью церковного судебного ведомства в Смоленской земле в XI — первой половине XII в., когда эта земля принадлежала юрисдикции переславских епископов, и переходом в связи с этим некоторых дел о ликвидации языческих обычаев к светской власти в лице самого князя или его смоленского наместника — «посадника»¹¹. В других частях Руси, прежде всего в Киевской земле, с которой связан происхождением устав Владимира, дела о языческих формах заключения брака безраздельно принадлежали церковной компетенции.

Изучение соотношения юрисдикции светских и церковных ведомств в XII—XIII вв. показывает, что в процессе развития общественного и государственного строя и укрепления церковной организации продолжали расширяться границы церковной юрисдикции. Распространяя свою судебную власть по стране вслед за княжеской властью,

древнерусская церковь наложила руку на новую большую группу институтов раннеклассового общества, не встретив в большинстве случаев противодействия со стороны государства, но объективно помогая государственной власти в укреплении классового феодального строя. Вместе с тем в ряде случаев расширение церковной юрисдикции приходило в столкновение с княжеской юрисдикцией. Результатом этого являлись вынужденные компромиссы, выразившиеся в учреждении смешанного суда по отдельным делам в Смоленске, в стремлении сохранить суд низшей инстанции по некоторым делам о кражах и о наследстве в церковной компетенции и в фиксации этой конкуренции ведомств не только в полемических памятниках, но и в актах.

Условия государственной жизни на Руси в XII—XIII вв.— существование единой централизованной церковной организации с центром в традиционном Киеве, определенное политическое единство древнерусских княжеств, совместно наследовавших земли Древнерусского государства и структуру власти на них, тесные политические связи княжеств и ряд других факторов, — несмотря на феодальную раздробленность, способствовали тому, что направление эволюции церковной юрисдикции в различных частях Руси в XII—XIII вв. при отдельных нюансах типа смоленского было относительно единым.

Это единство в некоторых сферах прослеживается и в следующий период развития государственной организации — в XIV в. Такова ведомственная принадлежность некоторых городских институтов, связанных с юрисдикцией епископа, в частности службы мер и весов.

Наблюдение за правильностью мер и весов и хранение эталонов мер впервые в памятниках древнерусского права появляется на рубеже XII—XIII или в начале XIII в. в архетипе Синодально-Волынской группы редакций южного, киевского, происхождения. Ни в текстах устава Владимира XII в., ни в Смоленской уставной грамоте 1136 г. об этой службе ничего не говорится. Тексты устава Владимира относят контроль за мерами и весами к компетенции епископа¹², о хранении их эталонов в кафедральном смоленском соборе говорит и договор Смоленска с Ригой 1229 г.¹³ У нас мало сведений для того, чтобы судить, возникла ли служба мер и весов на Руси сразу как церковное учреждение или перешла в ведение

епископий и кафедральных храмов от каких-то других, княжеских или городских властей¹⁴.

Эволюция принадлежности этой службы весьма показательна. Мы располагаем свидетельствами о ведомственной принадлежности городских мерил на двух далеко отстоящих друг от друга территориях Руси: в Новгороде в конце XIII и начале XIV в. и в Турове и Пинске в середине XIV в. Оба они показывают утрату епископиями монопольного права эксплуатации городских мерил и переход большей части этих прав к другим ведомствам. Так, в Новгороде, судя по церковному уставу князя Всеволода, развивающему нормы устава Владимира в новых условиях республиканского Новгорода XIII—XIV вв., торговые весы и мерилы номинально продолжают принадлежать епископу, который несет за них ответственность «в день великого суда». Фактически же, судя по порядку раздела конфискованного имущества нарушителя правильных мер, это ведомство принадлежит наряду со «святой Софией» еще двум республиканским организациям — купеческому «Иванскому сту» и новгородским сотским¹⁵. Здесь епископия, игравшая в республиканском управлении важную роль, сохранила номинальную ответственность за эту службу, но утратила две трети реальных доходов от ее эксплуатации.

В другой части Руси, в Турово-Пинской земле, ко времени включения ее в состав Великого княжества Литовского в середине XIV в. местный епископ сохранил лишь право на получение небольшой доли ($1/26$) пошлин при пользовании мерами и весами в течение двух недель в году¹⁶. К кому перешли в течение XIII—XIV вв. юрисдикция и основные доходы, связанные с этим ведомством, указаний нет. Это могли быть представители городской администрации, например туровские старосты, которые значительно позже, в XVII в., нарушали права епископа на его доходы¹⁷, или княжеские чиновники, поскольку князь в XIV в. обладал правами на другие городские доходы, например на поступления с корчем.

Особенности эволюции этого ведомства в XIV в. в Северо-Восточной Руси не отражены источниками. Однако более поздние свидетельства середины XVI в., говорящие о принадлежности городских мерил к ведению царских чиновников¹⁸, позволяют считать, что основное направление в развитии института было таким же,

Значительно больше расходятся пути эволюции соотношения светской и церковной юрисдикций в различных частях Руси XIV в. в других сферах. Проследим эту эволюцию по трем основным регионам: в Новгородской земле, в Северо-Восточной и Юго-Западной Руси.

Перераспределение административных и судебных функций светских и церковных ведомств в Новгороде в XIII—XIV вв. было вызвано республиканским строем Новгородского государства, в котором церковные организации составляли важную и неотъемлемую часть. Это были новгородский владыка, выполнявший важнейшие государственные функции, организация черного духовенства во главе с архимандритом новгородским¹⁹, организация новгородских соборов. Для Новгородской республики, более чем для каких-либо других феодальных государств, было характерно сращивание светской и церковной администраций и слияние мирских и конфессиональных функций в руках некоторых церковных институтов.

Важным в этом плане является расширение юрисдикции новгородского владыки на дела, не связанные с традиционными функциями и интересами церковных организаций. Можно выделить несколько сфер общественной жизни Новгорода, которые в XIII—XIV вв. переходят в ведение владыки. Таковы внешнеполитические ведомства республики, активное участие владыки в регулировании государственных отношений с другими странами и русскими князьями, нашедшее отражение в утверждении епископом договоров, а затем и в заключении договоров от его имени вместе с другими высшими представителями республики. Далее — это вторжение кафедры в лице самого владыки и владычных наместников в широкую сферу суда по гражданским делам, прежде никогда не принадлежавшую церкви.

Об этих новых функциях владыки в последнее время собраны значительные и интересные, хотя и противоречивые свидетельства. Большая часть их относится к XV в., но формирование и укрепление тех же явлений принадлежат более раннему времени. Таковы прямое указание на посреднический суд владыки Алексея в светском земельном споре 60—80-х годов XIV в.²⁰ и целый ряд косвенных сфрагистических данных: появление в третьей четверти XIII в.²¹ или не позднее рубежа XIII и XIV вв.²² серии анонимных печатей новгородских архи-

епископов, которыми утверждались документы, очевидно, от имени этого института; возникновение в 30-х годах XIV в. новых функций новгородского наместничества — утверждения актов поземельных отношений²³.

Расширение владычной юрисдикции на светский суд показывает также Новгородская редакция устава Владимира, сохранившаяся в списках середины XIV в. и более поздних, но датируемая XIII в.²⁴, скорее последней его четвертью²⁵. Здесь среди добавлений к древнему тексту устава XII в. находятся распоряжения (также, естественно, от имени князя Владимира) не судить церковные суды без владычного наместника и делить судебные пошлины между князем и церковью²⁶. В несколько более поздней обработке этой редакции, Крестининском изводе, который можно отнести к первой половине XIV в., эти требования церковного ведомства, вложенные в уста князя Владимира, звучат более определенно: «не судити наших (т. е. княжеских) судов без судьи владычня», «из судов из городских давать девять частей князю, а десятая часть святой церкви». Здесь содержится прямое требование делить княжеский и торговый суды с владыкой, производить их в присутствии владычного наместника.

Наконец, новой сферой юрисдикции владычного ведомства стали управление и суд от имени Новгорода на некоторых территориях Новгородской земли, которые осуществлялись владычными наместниками. Таково Ладожское владычное наместничество, функционировавшее в последней четверти XIII в., Новоторжское в XIV в. и Двинское, сформировавшееся только к XV в.²⁷

В Северо-Восточной Руси в XIV в. основные сферы церковной юрисдикции, зафиксированные в источниках XII—XIII вв., остаются неизменными. Перенос на рубеже XIII и XIV вв. в Северо-Восточную Русь митрополичьей кафедры способствовал укреплению церковной организации и увеличению ее роли в начавшемся процессе сложения централизованного государства. Дробление епархий и возникновение новых епископий в XIV в. почти приостановились. В конце XIV в. на части Пермской земли, захваченной миссионером Стефаном, была основана новая епархия. Епископ Стефан Пермский стал своеобразным наместником московского великого князя, объединявшим в своих руках светские и церковные функции управления и суда. Памятником этой широкой юрисдикции перм-

ских епископов можно считать так называемое «Правосудие митрополичье»²⁸.

Во взаимоотношениях светских и церковных властей в Северо-Восточной Руси в XIV в. можно проследить тенденции к ограничению судебных прав церкви по некоторым наиболее важным и опасным преступлениям: душегубству и татьбе, а также изнасилованию. Эти тенденции являются частью более широкого процесса усиления власти великих князей, шедшего на различных территориях Руси накануне сложения Русского централизованного государства. Они впервые проявились во взаимоотношениях между московским великим князем и монастырем в 1330-х годах, когда дела о татьбе, разбое и душегубстве в принадлежащем московской администрации городе Волоке были изъяты из судебного иммунитета Юрьева монастыря и переданы княжескому суду²⁹. Постепенный переход уголовных дел в вотчинах местных феодалов к местным и московским князьям происходит, судя по сохранившимся грамотам, в процессе укрепления нового государства в XV—XVI вв.

В XIV и XV вв. приходит конец тем судебным правам епископов, которые существовали в течение нескольких веков феодальной раздробленности страны. В обработке устава Ярослава, известной под названием Краткой его редакции, традиционные статьи о краже продуктов сельского хозяйства и одежды, о конфликтах во время свадебных и других игр получают важные дополнения, гласящие, что «вина», т. е. штраф, следуемый власти, платится не только владыке, а владыке и князю «на полы», а вира за убитого в свадебных боях — не только владыке, а князю и владыке также «на полы»³⁰. Краткая редакция устава вместе с другими памятниками русского церковного права имеет в рукописях подтверждение великого князя Василия и митрополита Киприана 1402 г. и принадлежит времени до этой даты, т. е. XIV в. На основании анализа всего комплекса статей ее можно датировать серединой XIV в.

Подобное же ограничение в пользу княжеской власти испытывает церковная юрисдикция и по такому делу, как изнасилование. Анонимная уставная запись северо-восточного происхождения, известная под названием «Ряд и суд первых князей», которая может быть отнесена также к XIV в., традиционно включает «пошибание» в число

«церковных орудий», т. е. дел. Однако некоторые списки XV—XVI вв. содержат важную вставку «а с князем на полы» («пошибание»), которая говорит о частичной уступке юрисдикции по этому делу в пользу княжеской власти³¹. Таким образом, во второй половине XIV и в XV в. происходят важные изменения в соотношении юрисдикции церковной и светской, княжеской, власти, заключающиеся в появлении контроля со стороны последней за епископским судом по наиболее опасным уголовным преступлениям.

Особым путем шло развитие церковной юрисдикции на юго-западных землях Руси, включенных в XIV в. в состав соседних государств — Польского и Литовского. Усиление феодальной раздробленности на этих землях и рост фактической власти светских феодалов сопровождалось ослаблением церковной организации и нередким выпадением целых ее звеньев — как высших органов церковного управления, епископов и митрополитов, так и низших — священников. Об этих явлениях говорят источники более позднего времени — XV в., но начало их относится к XIV в. Перенос митрополии во Владимир-на-Клязьме, а затем в Москву сделал митрополитов политическими деятелями ограниченной, хотя и большей части Руси, где шел процесс формирования нового государства. Попытки организации митрополичьих кафедр на западных землях Руси были малоуспешны, хотя и предпринимались неоднократно. В Галицкой Руси местными князьями, а затем польским королем митрополия в течение XIV в. создавалась три раза, а на белорусских землях литовскими великими князьями — два раза. Значение этих попыток в начале XIV в. и в более позднее время было различным, а соотношение политических сил в Восточной Европе не способствовало длительному функционированию митрополичьих кафедр, что приводило к ликвидации церковной организации на некоторых территориях Руси. Когда в 1371 г. в Галиче в четвертый раз была восстановлена митрополичья кафедра, все четыре подведомственные ей епархии — Холмская, Туровская, Перемышльская и Владимирская — не имели епископов и новый митрополит Антоний должен был одновременно исполнять их обязанности³². Изменения в соотношении светской и церковной юрисдикций в сторону сужения последней в таких условиях были неизбежны.

Это сужение можно проследить в различных сферах. В одной из поздних обработок устава Владимира конца XIV — начала XV в., которую можно связать с территорией Великого княжества Литовского, в списке церковных людей, подведомственных суду епископа, исчезают такие традиционные для древнерусского права объекты, как поп и попадья. Это является отражением перехода юрисдикции над причтом ктиторских церквей к князьям и боярам, известного по памятникам права Великого княжества Литовского. Они рисуют такое состояние церковной организации в государстве, когда епископы не подчинялись власти митрополита, чему способствовали светские феодалы, также не признававшие никакой его юрисдикции, светские собственники церквей, содержавшие их на свои средства, не считались с нормами деятельности церковной организации, осуществляли суд над священниками, сами ставили их в свои церкви, а то и исполняли их функции. Суд по делам о браках и разводах находился в ведении светских феодалов, а сама форма заключения браков была мало связана с церковными нормами, что дало исследователям возможность говорить о светском характере брачного права на белорусских землях Великого княжества Литовского³³ в XV—XVI вв.

Возникший в этих условиях в первой четверти XV в. полемический памятник, называемый «Свитком Ярославлем», имел целью восстановить распавшуюся церковную организацию и сделать ее одним из звеньев феодального государства. Он стремился закрепить в церковном ведомстве суд только по трем делам из всего того, что когда-то ему принадлежало: разводы, блуд и еретичество. При этом по делам о разводах для суда над феодалами, обладавшими нередко большей властью, чем епископ и митрополит, в «Свитке» оговорено существование второй, великокняжеской инстанции.

Изучение сфер церковной юрисдикции и их эволюции на Руси в XII—XIV вв. позволяет глубже понять общие черты развития древнерусских земель в период феодальной раздробленности, причины особенностей в их политическом и государственном строе.

- 1 С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М.—Л., 1947, стр. 401—412.
- 2 А. Поппе. Учредительная грамота смоленской епископии. «Археографический ежегодник за 1965 г.» М., 1966, стр. 69—71; А. Поппе. Fundacja biskupstwa smoleńskiego. «Przeгляд Historyczny», т. 57, з. 4, 1966, стр. 552—555.
- 3 В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II. М., 1970, стр. 86.
- 4 И. И. Срезневский. Древние памятники русского языка и письма (X—XIV вв.). СПб., 1882, стб. 106; «Киево-Печерський патрик». Київ, 1930, стр. 102.
- 5 Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, пол. 1. М., 1901, стр. 385; А. Поппе. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, стр. 203—205. О византийских патриарших чиновниках см.: Н. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 68—69, 99—103.
- 6 Подробнее см.: Я. Н. Шапов. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972, стр. 38—121.
- 7 М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1. Киев, 1908, стр. 64, прим. 152.
- 8 А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. 1. М., 1938, стр. 117—118.
- 9 «Устав святого великого князя Владимира о церковных судах и десятинах». Пг., 1915, стр. 48.
- 10 Грамоты Великого Новгород и Пскова (далее — ГВНиП). М.—Л., 1949, № 122, 130, 221.
- 11 В смоленской Похвале князю Ростиславу конца 1160-х годов говорится, что этот князь «прииде первое в град в Смоленск на княжение и виде смолинскую церковь сущую под Переяславлем и негодова» этим подчинением. См.: Я. Н. Шапов. Похвала кн. Ростиславу Мстиславичу, как памятник литературы Смоленска XII в. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (далее — «Труды ОДРЛ»), т. 28. Л., 1973, стр. 59. Возможно, что это негодование объяснялось не только церковно-политической зависимостью Смоленска от другого центра, но и состоянием внутренних дел в Смоленской земле в составе Переяславской епархии.
- 12 «Устав святого великого князя Владимира...», стр. 22, ст. 11.
- 13 Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, стр. 24—50.
- 14 Подробнее см.: Я. Н. Шапов. Из истории городского управления Древней Руси (служба мер и весов). «Города феодальной России». М., 1966, стр. 101—102.
- 15 Памятники русского права, вып. 2. Сост. А. А. Зимин. М., 1953, стр. 164.
- 16 Я. Н. Шапов. Туровские уставы XIV в. о десятине. «Археографический ежегодник за 1964 г.» М., 1965, стр. 260, 272.
- 17 «Археографический сборник», т. VI. Вильна, 1869, № 113, стр. 266.

- ¹⁸ Дополнения к актам историческим, т. I. СПб., 1846, № 45, 95, 98 (1550—1556 гг.).
- ¹⁹ В. Л. Янин. Из истории высших государственных должностей в Новгороде. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 118—127.
- ²⁰ ГВНиП, № 110, стр. 167.
- ²¹ П. А. Шорин. Анонимные печати новгородских архиепископов. «Советская археология», 1964, № 3, стр. 256—267.
- ²² В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II, стр. 58.
- ²³ Там же, стр. 87.
- ²⁴ С. В. Юшков. Исследования по истории русского права, вып. 1. Саратов, 1925, стр. 94; Памятники русского права, вып. 1. М., 1952, стр. 236.
- ²⁵ Я. Н. Щапов. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси, стр. 45.
- ²⁶ «Устав святого великого князя Владимира...», стр. 14—16, 18—20.
- ²⁷ В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II, стр. 51—87.
- ²⁸ М. Н. Тихомиров. Правосудие митрополичье. «Археологический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 44.
- ²⁹ ГВНиП, № 86, стр. 143; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 116.
- ³⁰ Памятники русского права, вып. 1, стр. 261 (ст. 27 и 26).
- ³¹ «Устав святого великого князя Владимира...», стр. 56.
- ³² Русская историческая библиотека, т. VI. СПб., 1908, прилож., стр. 132.
- ³³ J. Bardach. Świecki charakter zwyczajowego prawa małżeńskiego ludności ruskiej Wielkiego księstwa Litewskiego (XV—XVII). «Czasopismo Prawno-Historyczne», t. XV, z. 1, 1963, str. 85—150.

К ВОПРОСУ О БОЯРСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ НА РУСИ В XII—XIII ВВ.

О. М. Рапов

Боярство было одним из основных сословий Киевского государства. Оно играло большую роль как во внутренней, так и во внешней политике. Особенно усиливается это сословие с распадом Руси на ряд самостоятельных княжеств-государств.

На чем же основывалось боярское могущество? Этот вопрос давно волнует историков.

Еще в дореволюционной России многие исследователи высказывали мысль о том, что древнерусские бояре являлись крупными землевладельцами. Так, И. Д. Беляев в 1859 г. заявлял, что с XI столетия в русских землях существовали боярские вотчины. Бояре-вотчинники, по мысли И. Д. Беляева, являлись полными собственниками земель, поскольку имели право их отчуждать и продать на них всех желающих, никого не спрашиваясь. В их вотчинах работали наймиты и закупы¹.

Другой историк — Н. И. Хлебников в работе «Общество и государство в домонгольский период русской истории» писал, что уже в X—XI вв. русские бояре представляли собой «местных землевладельцев», входивших в состав княжеских дружин и пользовавшихся большим почетом. Н. И. Хлебников категорически отрицал возможность пожалования земель русским боярам их военными предводителями-князьями — в эпоху, предшествующую монгольскому нашествию².

Отмечали наличие в Древней Руси боярской собственности на землю Е. Е. Голубинский³, Г. Ф. Блюменфельд⁴, В. О. Ключевский⁵, Н. И. Павлов-Сильванский⁶, П. И. Беляев⁷, А. Е. Пресняков⁸ и некоторые другие историки.

Однако серьезного исследования боярского землевладения в дореволюционной России не появилось. Большинство историков основывали свои выводы на одном-двух примерах, почерпнутых из летописей.

После Октябрьской революции проблема древнерусского

боярского землевладения также в достаточной мере не изучалась. О боярских вотчинах и селах есть отдельные упоминания в работах М. Н. Покровского⁹, Н. А. Рожкова¹⁰, С. В. Юшкова¹¹, В. В. Мавродина¹². Более подробно о боярской земельной собственности говорил и писал Б. Д. Греков. В 1932 г. он сделал доклад в Академии Наук СССР на тему «Рабство и феодализм в Древней Руси», в котором предпринял попытку доказать, что бояре, упоминаемые в договорах Руси с Византийской империей, являлись не родовой знатью, а землевладельческим классом. Он заявил, что дружинник XII столетия представляется ему «в качестве землевладельца»¹³. Б. Д. Греков привел в своем выступлении довольно большое количество летописных упоминаний о боярских селах¹⁴. Спустя 20 лет, в итоговой работе по генезису русского феодализма, Б. Д. Греков писал: «Сейчас мы можем не сомневаться, что все эти знатные и облеченные властью «мужи» (упоминаемые в договорах.— *О. Р.*) были крупными землевладельцами. И, что особенно важно для нас сейчас подчеркнуть,— землевладельцами не со вчерашнего дня, а имеющими свою длительную историю, успевшими укрепиться в своих вотчинах»¹⁵.

Проведя археологические исследования предместий Чернигова, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что население этого города в IX—X вв. хоронило своих покойников на выездных путях из крепости. Черниговский некрополь был растянут на очень большое расстояние. Только вниз по Десне курганы дружинников тянулись на протяжении 18 км. «Такая рассредоточенность дружинных погребений,— писал Б. А. Рыбаков,— может быть объяснена, как мне кажется, появлением у дружинников земельных владений вокруг города, часть которых известна нам по именам (Гюричев, Семьнь и др.)»¹⁶. Исследователь считал, что только «владение землей, необходимость быть в селах, прочная связь с пригородными вотчинами могли создать такую яркую картину рассредоточения черниговского некрополя»¹⁷.

Б. А. Рыбакову же принадлежит мысль о том, что именно боярская усадьба, возникшая в эпоху распада родо-племенного строя у восточных славян, придала затем возникшему в Восточной Европе феодальному строю некоторую устойчивость. Распад родовых общин привел к возникновению отдельных самостоятельных дворов-хо-

зайств, устойчивость которых перед стихийными бедствиями была невелика. Появившиеся одновременно с малыми семьями боярские усадьбы обладали крупными стадами скота, амбарами, наполненными зерном, запасами железных дорогостоящих орудий производства, сработанных руками усадебных мастеров. Во время стихийных бедствий, голода, неурожая малые семьи-хозяйства могли получить кое-какую помощь от владельцев этих усадеб и продолжить производство на своих земельных участках. Конечно, за оказанную помощь приходилось дорого платить. По мнению Б. А. Рыбакова, боярская усадьба сразу же после своего возникновения стала важнейшей ячейкой феодального общества — «здесь накапливались людские и материальные резервы и создавались условия для расширенного производства»¹⁸.

В книге В. Т. Пашуто, посвященной древней истории Галицко-Волынской земли, было показано, что боярское землевладение XI—XIII вв. в этом крае было трех типов: 1) условное пожизненное (бенефициальное), 2) условное наследственное (ленное), 3) полное безусловное (аллоидальное). В XII—XIII столетиях происходило массовое превращение пожизненных владений в наследственные вотчины. В. Т. Пашуто удалось доказать, что дворы галицких и волынских бояр в этот период времени являлись средоточием челяди, были арсеналами оружия и складами различных изделий и продуктов, созданных трудом феодально зависимых ремесленников и крестьян¹⁹.

Вот в основном и все, что сделано по проблеме боярского землевладения.

Задача настоящей работы — нарисовать в самых общих чертах картину боярского землевладения в XII — первой половине XIII в.

В исследуемый период времени русские бояре делились на «великих» и «меньших». «Великие бояре» иногда самостоятельно управляли огромными областями с помощью собственных дружин и «меньших бояр». Так, например, известный киевский боярин Георгий Шимонович (Симонович), которого Владимир Мономах послал вместе со своим сыном Юрием в Ростово-Суздальскую землю, спустя много лет был поставлен Юрием Долгоруким наместником в Суздальском княжестве («Седе Георгии Володимеречь Киеве, тысяцькому же своему Георгиеви, яко отцю, предасть область Суждальскую»²⁰). Этот боярин

обладал колоссальными богатствами. Однажды ему вздумалось оковать гроб «святого» Феодосия печерского драгоценными металлами. Он послал в Киев одного из своих подручных бояр по имени Василий, дав ему для этого дела 500 гривен серебра и 50 гривен золота ²¹.

Летописцы неоднократно рассказывают на страницах своих произведений о боярском богатстве. Так, например, в 1136 г., после изгнания из Новгорода великого князя Всеволода Мстиславича несколько его приятелей из числа бояр было оштрафовано. Общая сумма штрафа достигла 1 500 гривен серебра! Деньги эти пошли на содержание новгородского войска ²².

Около 1140 г. новгородцы изгнали князя Святослава Ольговича. Уходя, он тайно забрал с собой посадника Якуна и его брата Прокопия. Новгородцы догнали беглецов, избили Якуна до полусмерти и собирались сбросить его с моста в Волхов. Но архиепископ не разрешил им этого сделать. Тогда новгородцы взяли штраф с посадника в размере 1000 гривен серебра, а с Прокопия — 500 гривен серебра, а затем заточили обоих ²³.

В 1146 г. князь Изяслав Мстиславич, войдя в Киев, взял «великий окуп» с бояр, «доброхотных князю Игорю Ольговичу — Данила Великаго, Юрия Прокопьевича, Игоря Юрьевича и многих других» ²⁴.

В 1218 г. князь Мстислав Мстиславич Удалой, придя в Торжок, «поимал» боярина Борислава Некошича и «великое богатство его разграбил» ²⁵.

Естественно, что такое «великое богатство» могло возникнуть только на базе собственного домениального боярского хозяйства. По Пространной Русской Правде, боярское хозяйство уже хорошо прослеживается. Так, в ст. 1-й Пространной Правды наряду с княжескими тиунами упоминаются и боярские тиуны, за убийство которых полагается штраф 40 гривен серебра. Следовательно, ко времени возникновения этого законодательства (а оно было составлено не позднее 1-й трети XII в. ²⁶) уже повсеместно существовали боярские земельные владения, управление которыми было поручено боярским тиунам.

Ст. 2-я Пространной Русской Правды гласила: «А в сельском тивуне княже или ратаинемь, то 12 гривень. А за рядовича 5 гривень. Тако же и за боярьскъ*» ²⁷.

* З здесь и далее выделено нами.— О. Р.

Данная статья убедительно свидетельствует в пользу существования боярских сел, управляемых сельскими и пашенными старостами, а также мелкими административными агентами — рядовичами. Все эти люди были несвободными. Штрафы, которые взыскивались за их убийство, намного меньше по своим размерам, чем штрафы за убийство свободных людей.

В ст. 42-й Пространной Русской Правды говорится о боярских холопах. Если эти холопы являлись татями, то князь не имел права «казнить» их продажей, поскольку они были несвободны. В этом случае боярин — хозяин холопа должен был «двоиче» (вдвойне?) платить истцу за нанесенную ему обиду²⁸.

Большой интерес вызывает ст. 86-я — о наследстве («заднице»), оставшемся после смерти боярина или дружинника: «Аже в боярехъ, любо въ дружине, то за князя задница не идетъ; но оже не будетъ сыновъ, то дщери возьмутъ»²⁹. По этой статье, все оставшееся после смерти боярина или дружинника имущество — дворы, села, челядь, деньги и т. д. — подлежало разделу между ближайшими родственниками умершего.

Боярские тиуны прослеживаются и в летописях. Так, в Ипатьевской летописи под 1171 г. рассказывается о бегстве из Киева князя Мстислава Изяславича вместе с дружиной. Во время этого бегства был захвачен в плен врагами тиун крупного киевского боярина Иванка Творимовича по имени Род³⁰.

У русских бояр в XII—XIII вв. существовали свои собственные дружины. Они довольно часто упоминаются в наших источниках. Впервые о боярской дружине говорится в Повести временных лет, под 945 г., где речь идет об отроках Свенельда³¹. Гораздо чаще боярские дружинники встречаются на тех страницах летописей, которые повествуют о событиях XII—XIII вв. Так, например, в Лаврентьевской летописи под 1127 г. упоминаются отроки бояр Вротислава и Иванка Вячеславича, въехавшие, по приказанию своих сюзеренов, в занятый неприятелем город Изяславль Полоцкий³². Под 1138 г. упоминается псковский боярин Жирята, который «думает» со своей дружиной о том, как бы изгнать из Новгорода Великого князя Всеволода Мстиславича³³. В Ипатьевской летописи под 1167 г. рассказывается о киевском боярине Шварне, которого половцы взяли в плен под

Переславлем Русским, а «*дружину его избивша*»³⁴. Новгородский летописец под 1169 г. записал сообщение о боярине Даниславе Лазутиниче, ходившем вместе со своей дружиной на Волок собирать дань³⁵. В «Сказании о походе князя Игоря Святославича на половцев» говорится об «отроках боярских»³⁶. В 1219 г. венгерский воевода «величавый Филя» был взят в плен «паробком» галицкого боярина Добрыни³⁷. В 1231 г. к Даниилу Романовичу галицкому пришел на помощь боярин Мирослав со своими отроками³⁸.

Итак, русские бояре в XII—XIII вв. обладали не только собственными административными аппаратами, с помощью которых управляли владениями, но и собственными военными дружинами, необходимыми им как для подавления недовольства и восстаний внутри боярских «домов», так и для обогащения путем грабежа чужих земель.

Из чего же состояли боярские домениальные владения? Прежде всего — из их дворов, которые часто упоминаются в наших летописях.

Больше всего боярских дворов упоминается в Новгородской I летописи старшего и младшего изводов: под 1137 г.— Нежатин и Кснятин, под 1195 г.— Саввин (Савкин), под 1209 г.— Мирошкин и Дмитров, под 1228 г.— Андреичев, Богуславов, Вячеславов, Давыдков, Душильцев, Судомиров, под 1230 г.— Борисов, Водовиков, Даньславль, Прокшин, Михалев, Семена Борисовича, под 1231 г.— Вышковичев, Творимиров³⁹.

В других летописях дворы упоминаются значительно реже. В Ипатьевской летописи под 1147 и 1169 гг. говорится о дворах киевских бояр Мстислава и Радила, а под 1229 г.— о дворе боярина Судислава под Галичем⁴⁰. В Никоновской летописи под 1151 г. отмечен двор боярина Борислава, находившийся между Золотыми и Жилдовскими воротами, и под 1215 г. двор боярина Якуна в Новгороде⁴¹. Почти совсем нет упоминаний о боярских дворах в Лаврентьевской летописи.

Большой интерес вызывает краткое описание в Ипатьевской летописи двора галицкого боярина Судислава Бернатовича. Когда князь Даниил Романович со своей дружиной «взял его на щит», то обнаружил там большое количество вина, овощей, различных кормов, копий и стрел. По-видимому, этот двор представлял собой нечто из ряда

вон выходящее, ибо даже видавший виды княжеский летописец заявляет, что ему было «пристраньно видити» такое богатство ⁴².

Украинские археологи, проводившие разведки и раскопки в окрестностях города Галича, полагают, что двор Судислава Бернатовича находился на месте ныне полуразрушенного городища у с. Гробысково. Городище занимало площадь около 0,5 га и было окружено со всех сторон валами и глубокими рвами. К городищу примыкали многочисленные сельские поселения, которые и являлись «жизнью» галицкого боярина ⁴³.

Археологами обнаружены и многие другие боярские дворы под Галичем, расположенные к востоку от древнего города. К дворам примыкали усадьбы и селища. Большой интерес представляет Юрьевское урочище, где, по мнению В. И. Довженка, находилась усадьба боярина Юрия Прокопьевича (возможно, Юрия Домажирича). Усадьба располагалась на высокой горе и была обнесена валом и рвом. На поселении были обнаружены наземные жилища, ювелирные мастерские, кузницы ⁴⁴.

В 5 км от Галича, недалеко от с. Викторов археологами раскопано поселение XII—XIII вв. В центре его найден большой развал поливных плиток, изготовленных не позднее 1-й половины XIII в. В. И. Довженок считает, что на этом месте находились боярские хоромы, полы которых были выстланы поливной плиткой ⁴⁵.

В Ипатьевской летописи под 1230 г. упоминается резиденция великого галицкого боярина Филиппа — замок Вишня, расположенный между Звенигородом и Перемышлем. В Вишню боярин Филипп зазывал князя Даниила Романовича с тем, чтоб его там убить ⁴⁶. Замок Вишня был раскопан в 50-е годы украинским археологом А. А. Ратишем. В центре поселения размещался феодальный двор, имевший размеры около 0,5 га. Холм, на котором помещался детинец, отделялся широким рвом от подола (4—5 м шириной). На подоле располагался посад. По всему валу, окружавшему холм, шли деревянные стены, в основании которых лежали мощные городни. Городни служили также и подсобными хозяйственными помещениями. В них были обнаружены жернова для помола зерна, глиняные горшки, кости домашних животных. При раскопках верхних слоев поселения нашли орудия труда, предметы быта, оружие, остатки конской сбруи и многие другие

вещи, явно принадлежавшие рыцарскому сословию. Замок возник на рубеже X—XI вв. и просуществовал до начала XII в. В XII в. по соседству с этим поселением, на мысу, между речкой Вишной и безымянным ручьем, в урочище «на Чвороках» возникает новый замок, также имевший солидные укрепления. Вот это-то поселение и было, по всей видимости, резиденцией боярина Филиппа в 20—30-е годы XIII в. Построено оно было по типу современных ему военных крепостей — Райкова, Колодяжина, Городка (на территории Украины). В замках подобного типа проживали бояре вместе со своими дружинниками и придворной челядью. Кроме того, обычно внутри таких городищ помещались производственные и хозяйственные постройки. Взять их штурмом было непросто. В 1240 г. монголы не смогли овладеть Колодяжином даже с помощью 12 таранов.

Примерно в 1 км от второго замка Вишни было найдено богатое женское погребение⁴⁷.

В Ипатьевской летописи под 1232 г. говорится, что Даниил Романович галицкий осадил город Плиснеск, принадлежавший боярам Арбузовичам. Князь захватил боярский город и «великъ полонъ прия»⁴⁸.

Арбузовичи были влиятельными боярами. В Галицкой земле и до сих пор существует урочище под названием «Арбузовичи», которое, по-видимому, также принадлежало этому боярскому роду.

Боярский город Плиснеск был расположен на границе между Галицким и Волынским княжествами. Еще в VII в. на этой территории возникло сельское поселение волынян (дулебов). В IX—X вв. там появляется городище. В XI в. на южной окраине поселения возникает укрепленный двор феодала — владельца города. Двор был обнесен валом, рвом и крепостной стеной. Во время раскопок там были вскрыты остатки деревянной башни, воздвигнутой на каменном фундаменте. Размеры двора — 0,35 га. По соседству с ним был раскопан некрополь, где имелось 6 богатых захоронений. В некоторых могилах были похоронены воины вместе с рабынями. В одном из таких парных погребений, среди мужского инвентаря были найдены меч и инкрустированная золотом, серебром и медью кольчуга, в другом — меч в разукрашенных серебром ножнах и боевая секира. По мнению производившего раскопки М. П. Кучеры, в этом могильнике были

похоронены дружинники боярина — владельца двора⁴⁹. В XII—XIII вв. площадь городка расширяется. Увеличивается и площадь детинца до 3,5 га. На северной стороне его появляется посад размерами более чем в 15 га, территория которого интенсивно заселяется. Во время раскопок посада было найдено большое количество разнообразного крестьянского сельскохозяйственного инвентаря, а также остатки ремесленного производства. В Плиснеске этого периода было сильно развито гончарное, ювелирное, деревообделочное, стекольное и особенно кузнечное дело. На территории детинца было раскопано 24 жилища, принадлежащих боярам и их дружинникам. В развалинах жилищ были найдены фрагменты поливной декоративной плитки, шпоры, бронебойные стрелы, перекрестье меча и многие предметы воинского снаряжения XII—XIII вв.⁵⁰ Плиснеск бояр Арбузовичей был не только крупным ремесленным и торговым городом, но также являлся и административно-хозяйственным центром для окрестного крестьянского населения. Кроме посада, в котором частично проживало сельскохозяйственное население, к Плиснеску примыкали 4 крупных по размерам селища, в развалинах которых найдены обломки домонгольской керамики. Вот эти-то селища и были «жизнью» бояр Арбузовичей⁵¹.

Две феодальные боярские усадьбы замкового типа XII—XIII вв. (Воинщина и Бородинское городище) были раскопаны в 50-е годы В. В. Седовым на Смоленщине. Усадьба Воинщина принадлежала, как выяснил В. В. Седов, боярину Воину. Усадьба Бородинское городище также принадлежала роду бояр или дружинников. Оба поселения имели сравнительно небольшие размеры. Территории замков, на которых размещались и дворы феодалов, были укреплены деревянными стенами, валами и рвами. При раскопках было обнаружено разнообразное оружие XII—XIII вв. (бронзовая булава, наконечники копий, ромбовидные стрелы), а также куски железных кольчуг, стремяна, шпоры и другие предметы снаряжения всадников. Там же были найдены золотые, серебряные и бронзовые украшения. На небольшом расстоянии от городищ располагались сельские поселения, за счет эксплуатации жителей которых и существовали владельцы усадеб со своей придворной челядью⁵².

В крупных городах русским боярам и их дружинникам

иногда принадлежали целые кварталы, концы и улицы, где располагались не только их собственные хоромы и дворы, но и дворы их ремесленников и придворной челяди. В древнем Новгороде, например, в XII — первой половине XIII в. существовали Добрынина, Даньславля, Лукина, Михайлова (Михайлицы), Хревкова, Чудинцева, Чеглова и Яковля улицы⁵³.

По летописным источникам хорошо прослеживаются отдельные боярские области, волости, города и села.

Так, в Никоновской летописи под 1138 г. записано, что многие из новгородцев, собравшись тайно, учинили заговор против Святослава Ольговича и его приверженцев. Они разграбили *дома и села* бояр, которые придерживались ориентации на Святослава Ольговича, и уехали в Псков ко князю Всеволоду Мстиславичу⁵⁴.

В 1171 г. сын Андрея Боголюбского Мстислав ходил с большим войском в Новгородскую землю «и многа зла сътвориша, *села* (новгородских бояр и мужей.— *О. Р.*) взяша и пожгоша, и люди исекоша, а жены, и дети, и имение, и скоты поимаша»⁵⁵.

В 1177 г. дружина Всеволода Большое Гнездо нанесла крупное поражение войскам ростовских бояр «и Добрыню Долгого убиша, и Иванка Степанова, и иных многих ростовских бояръ и воеводъ, и слугъ их побиша, а иных поимаша, и *села* ростовских бояръ пограбиши»⁵⁶.

В том же году князь Глеб рязанский вошел во Владимиро-Суздальскую землю «и *села* пожже боярские»⁵⁷.

Из летописных сообщений нам известны имена некоторых бояр — владельцев сел и других земельных владений. Так, в Новгородской летописи под 1209 г. сообщается, что новгородцы учинили расправу над братьями посадника Дмитра Мирошкинича за то, что те повелели «сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло»⁵⁸. Новгородцы ограбили их дворы, а затем подожгли, «а житие их поимаша, а *села* их распродаша и челядь...»⁵⁹. Во время разграбления дворов и сел Мирошкиничей новгородцы установили, что те обладали огромнейшими богатствами, «... а сокровища их [Мирошкиничей.— *О. Р.*] изискаша и поимаша бещисла, а избыток разделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу, и на щит; аще кто потаи похватилъ, а того единъ богъ ведаеть, а от того мнози разбогатеша; а что на дъщъкахъ, а то князю оставиша»⁶⁰.

В 1230 г. после того, как новгородский князь Ростислав Михайлович вместе с посадником Внездом покинули город и ушли в Торжок, новгородцы начали расправляться с их сторонниками. Девятого декабря они убили боярина Семена Борисовича, «домъ его весь разграбиша и села..., также и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисовъ тысячьскаго, и Творириць, иныхъ много дворовъ»⁶¹.

Довольно часто в летописях встречаются названия сел, городов, местностей, явно образованные от имен их владельцев. Например, села: Кучково на реке Мьскве, Мирославское на Днепре, возле города Витичева, Шелвово в Киевской земле, Янцино, Мелтеково, Кудиново, Мерликово, урочище Ратмирова дубрава в Переяславском княжестве; местечко Нежatina Нива; города Нежатиин с селами вокруг него в Черниговской земле, Гуричев на реке Снови, Городец Радилон на Волге и некоторые другие⁶².

Князей с именами Кучка, Мирослав, Шелв, Ян, Мерлик, Ратмир, Нежата, Гурята, Радил мы не встречаем на страницах русских летописей. Зато известны знатные бояре, тысяцкие, княжеские тиуны, носившие эти имена. Несомненно, все перечисленные географические пункты были собственностью бояр и дружинников.

Хорошо прослеживаются по летописям и боярские волости.

В 1167 г. новгородцы изгнали князя Святослава Ростиславича, который был вынужден бежать во Владимиро-Суздальскую землю к Андрею Боголюбскому. Тот дал изгнаннику свое войско, с помощью которого Святослав опустошил *волости* и *села* новоторжских бояр⁶³.

В 1177 г. Всеволод Большое Гнездо захватил *волости* и скот ростовских бояр, которые подбивали народ на мятеж⁶⁴.

В 1196 г. новгородцы посадили у себя князя Ярополка Ярославича черниговского. Однако Всеволод Большое Гнездо потребовал, чтобы Ярополк покинул пределы Новгородской земли. По этому поводу в Новгороде возникли разногласия. Одни бояре выступали за то, чтобы оставить князя и начать войну со Всеволодом Юрьевичем, другие заявляли: «Ко Ольговичем же мы ничем не обязаны и для чего за них будем *области* своя разорять»⁶⁵.

В Никоновской летописи под 1213 г. говорится о при-

ходе литовцев на «Петрово говенье» в Псковскую область, которые повоевали и пожгли многие *волости* и *села* псковских бояр ⁶⁶.

В 1216 г. Мстислав Удалой вместе со своей дружиной и новгородцами совершил поход под Тверь, где пограбил и пожег боярские *волости* и *села* ⁶⁷.

В Новгородской I летописи под 1233 г. рассказывает о захвате немцами боярина Кирилла Синклинича в городе Тесове, который был его собственностью ⁶⁸.

Очень часто князя жаловали своих бояр областями, городами и селами.

В 1234 г. князя Даниил и Василько Романовичи подошли с войсками к Галичу и встали на берегу Днепра. Многие из галицких бояр перешли на их сторону «И прия (князя.— *О. Р.*) землю Галичьскую,— говорит летописец,— и розда *города* бояромъ и воеводитомъ, и беша корма у них многа» ⁶⁹.

Иногда бояре, получив от благодетелей-князей земли, переставали слушаться своих сюзеренов. В Ипатьевской летописи под 1240 г. записано: «... бояре же галичьстии Данила княземъ себе называху, а сами *всю землю держашу*. Доброславъ же вокняжилъся бе и Соудъичъ поповъ внукъ и грабяше всю землю и въшедъ в Бокоту все Позисовье прия безъ княжа повеленья. Григорьи же Васильевичъ себе горную страну Перемышльскую мышляша одержати, и бысть мятежъ великъ в земле и грабежъ от них» ⁷⁰.

Узнав о расхищении княжеских домениальных земель боярством, Даниил Романович послал своему наместнику в Галич боярину Доброславу стольника со словами: «Князь вашъ азъ есмъ, повеления моего не творите, землю грабите; черниговских бояръ не велехъ ти, Доброславе, приимати, но дасти волость галичькимъ, а Коломыйскую соль отлучити на мя» ⁷¹. Доброслав согласился с княжескими словами, но не предпринял ничего, чтобы изменить положение дел в Галицкой земле. Как раз перед приездом княжеского стольника Доброслав без всякого согласия со стороны Даниила Романовича отдал Коломью двум своим боярам — Лазарю Домажиричу и Ивору Молибоговичу. Посланник Даниила стольник Яков спросил у Доброслава: «Како можеши безъ повеления княжа отдати ю сима, яко велиции князи держать сю Коломью на раздавание оружьникомъ? Си бо еста не достойна ни

Вотьнина (село.— *О. Р.*) держати!»⁷² Боярин Доброслав в ответ только усмехнулся.

Когда Яков доложил князю о положении в Галицкой земле, тот «скорбеше и молишася богу о отчине своей, яко нечестивымъ симъ держати и обладати»⁷³.

Вскоре после этих событий боярин Доброслав потребовал от боярина Григория Васильевича, захватившего «горную страну Перемышльскую», чтоб тот убирался вон из своего владения, «яко неверень ти есть»⁷⁴. (Тут следует пояснить, что Григорий Васильевич оказался неверен не князю Даниилу, а галицкому наместнику.) Перемышльский владетель ответил отказом на требование Доброслава, начались военные действия⁷⁵.

Бояре часто предавали своих сеньоров. Так, в 1231 г. могущественный галицкий боярин Климата — владетель местности, имевшей название Голые горы, «убежа от князя Данила [Романовича.— *О. Р.*] ко королеви и по немъ бояре галичъстии предашася...»⁷⁶.

Каждый князь, вступая на княжеский стол, «укреплялся ротою» с местным боярством. Бояр и дружинников за умышленный обман своего князя обычно прогоняли со службы, предварительно лишив имущества. В 1161 г. черниговский князь Святослав Ольгович узнал, что он поссорен с князем Ростиславом Мстиславичем смоленским напрасными наговорами своих собственных бояр, не желавших мира между князьями. После этого дома клеветников были ограблены, а сами они изгнаны из Черниговской земли⁷⁷.

Изгнанные бояре иногда поступали на службу к другим сюзеренам. В 1170 г. князь Мстислав Изяславич изгнал двух бояр Петра и Нестора Бориславичей, чьи холопы воровали для своих господ коней из княжеских табунов. Оба боярина были приняты на службу врагом Мстислава Давыдом Ростиславичем⁷⁸.

В течение XII и первой половины XIII в. русские князья постоянно приглашали к себе на службу отряды торков, берендеев, «черных клобуков», половцев. Число приглашенных иногда достигало нескольких тысяч человек. Длительность их службы была различна. Иногда они привлекались только на время походов на какое-либо княжество. В этом случае князья не наделяли их землей, а платой за вооруженную помощь служили трофеи и контрибуция с населения захваченных областей. Однако вой-

ска кочевников привлекались и на более длительные сроки, и тогда их военачальники наделялись земельными угодьями и городами. В 1159 г. военачальники берендеев предложили князю Мстиславу Изяславичу принять их вместе с конными отрядами на службу. До этого они служили князю Изяславу Давыдовичу. Берендеи послали к князю Мстиславу своего гонца со словами: «Аже на хощеси любити, якоше ны есть любиль отецъ твои, и *по городу* ны даси по лепшему, то мы на томъ оступимъ отъ Изяслава»⁷⁹. Летописец отмечает, что Мстислав Изяславич был очень рад этому предложению, принял их на службу, скрепив договор «ротою», и дал им то, что они просили. Имена этих военачальников — Тудор Сатмазович, Каракоз Мнюзович и Карас Кокей⁸⁰.

Некоторые из бывших кочевников прочно осели в Киевской, Переяславской и Черниговской землях еще в первой половине XII в. Когда тот же Мстислав Изяславич в 1169 г. захватил киевский великокняжеский стол, он привел к присяге не только русских бояр, но и всех военачальников берендеев, торков, печенегов и «черных клобуков», обосновавшихся на территории Киевского княжества⁸¹.

С легкой руки Олега Святославича («Гориславича») русские князья начали приглашать к себе на службу и половцев. Вначале половцы выступали только как союзники князей, но затем им стали раздавать земли для кормления, рассаживать по городам. Сын Олега «Гориславича» Святослав жаловался в 1159 г., что соседние князья хотят лишить его семи «пустых» городов, в которых сидят лишь псары да *половцы*. Этими городами были Моравийск, Любеч, Оргощ, Всеволож и другие помельче⁸².

Были половецкие отряды и у черниговского князя Изяслава Давыдовича: «... и дошедь Изяславъ Мунарева, ту ждаше сыновца своего, послал бо бяше противу половцемъ дикимъ, веля имъ поехати къ себе вборзе»⁸³. Город Мунарев был, по-видимому, также половецким владением.

Интересные сведения о взаимоотношениях берендейского князя Кондудыя с русскими князьями содержатся в Ипатьевской летописи. Кондудый был держателем города Торческа, вассалом великого киевского князя Святослава Всеволодовича. В 1190 г. его оклеветал перед Святославом другой крупный берендейский военачальник Чюр-

най. Святослав Всеволодович приказал схватить Кондудвдя и посадить под стражу. Об этом узнал сват киевского князя Рюрик Ростилавич, который предложил Святославу Всеволодовичу отпустить Кондудвдя, «зане бо мужь дерзь и надобен въ Роуси». Великий князь принял это предложение, но прежде чем отправить Кондудвдя обратно в Торческ, «водивъ его къ роте». Последний не смог стерпеть «сороба» и бежал к диким половцам. Те обрадовались ему, предложили начать совместные военные действия против людей, его осрамивших. Кондудвдый во главе половецкого отряда «взял на щит» острог, которым владел оклеветавший его воевода Чурнай, сжег Чурнаев двор и захватил в плен двух жен Чурнаевых и большое количество его челяди. После этого Кондудвдый стал нападать с половцами на пограничные русские земли. Только спустя два года Рюрику Ростилавичу удалось привлечь его к себе на службу. Чтобы задобрить оскорбленного воеводу, Рюрик дал ему в собственность город Дверен, расположенный на реке Роси⁸⁴.

Фактически и Кондудвдый, и Чурнай, будучи степняками по своему происхождению, являлись русскими феодалами-боярами, руководившими обороной южного пограничья. В силу своего служебного положения они владели городами и местностями в пограничном районе.

Русские князья принимали к себе на службу и других влиятельных и могущественных мужей иностранного происхождения. В 1164 г. прибежал к Ярославу Владимировичу Осмомыслу в Галич брат византийского императора Андронник вместе со своими людьми. Князь принял его «с великою любовью» и дал ему для кормления несколько собственных городов⁸⁵.

В XII—XIII вв. русские бояре нередко жаловали свои земли церквам и монастырям. Большой интерес в этом отношении представляют две дарственные грамоты одного из богатейших новгородцев Антония Римлянина — основателя Антоньева монастыря в Новгороде Великом. Оба документа датируются первой половиной XII в.

В первом говорится о передаче Антонием монастырю земель, купленных им до этого у Смехна и Прохна Ивановых, посадничьих детей. Передаваемые земли хорошо выделяются на местности: «...от Волхова Виткою ручьем ввѣрх, да на Лющик, да Лющиком ко кресту, а от креста на коровии прогон, а коровьем прогоном на олху,

а от олхи на еловый куст, а от елового куста на верховье на Донцовое, а Донцовым внис, а Донец впал в Деревяницу, а Деревяница впала в Волхов»⁸⁶.

Вторая грамота является завещанием Антония Римлянина. Антоний завещает основанному им монастырю земли и рыбные угодья, приобретенные им ранее за 70 гривен серебра, а также с. Волховское вместе с крестьянами Тудором, Волосом, Василием, их женами и детьми, купленными в свое время за 100 гривен серебра⁸⁷.

Тудор, Волос, Василий и члены их семей были, вероятно, крепостными Антония Римлянина.

Все земли, рыбные угодья и люди передавались Антонием монастырю в «одерень», т. е. в полную собственность»⁸⁸.

Таким образом, боярское землевладение хорошо прослеживается по летописям для XII — первой половины XIII в. Боярский домен охранялся специальным законодательством — Пространной Русской Правдой. Обладая многими областями, волостями, замками, городами и селами, бояре уже могут себе позволить содержать крупные военные отряды (дружины), с помощью которых они пытаются оказывать давление на княжескую и великокняжескую власть. Неудобных князей они изгоняют из отчин и заставляют скитаться по Руси в поисках земельных наделов. Иногда они организуют заговоры на жизнь князей-притеснителей и убивают их. Князья тоже не остаются в долгу и временами предают казни по 500 и более непослушных их воле бояр⁸⁹. В этой борьбе принимают активное участие военачальники торков, берендеев, «черных клобуков» и половцев, имеющие на Руси собственные волости, замки, города, села и дружины.

¹ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. М., 1903, стр. 17.

² Н. И. Хлебников. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872, стр. 223.

³ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1. М., 1880, стр. 448.

⁴ Г. Ф. Блюменфельд. О формах землевладения в древней России. Одесса, 1884, стр. 103—104, 127—128.

⁵ В. О. Ключевский. Соч., т. 1. Курс русской истории, ч. 1. М., 1956, стр. 275—276.

⁶ Н. И. Павлов-Сильван-

- ский. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907, стр. 146—147.
- 7 П. И. Беляев. Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение. «Журнал Министерства юстиции», № 8—9, 1916.
- 8 А. Е. Пресняков. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, стр. 154, 294—297.
- 9 М. Н. Покровский. Избранные произведения, т. 1. М., 1966, стр. 104.
- 10 Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. 1. Л.—М., 1928, стр. 157—159.
- 11 С. В. Юшков. Феодалные отношения в Киевской Руси. «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. III, вып. 4. 1925, стр. 9; он же. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 51—52.
- 12 В. В. Мавродин. Древняя Русь. Происхождение русского народа и образование Киевского государства. Л., 1946, стр. 138—139.
- 13 «Известия Государственной академии истории материальной культуры», вып. 86, 1934, стр. 32—33, 35.
- 14 Там же.
- 15 Б. Д. Греков. Генезис феодализма в России. В кн.: «Киевская Русь». М.—Л., 1953, стр. 524.
- 16 Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. «Материалы и исследования по археологии СССР». № 11, 1949, стр. 51.
- 17 Там же, стр. 52.
- 18 «Очерки истории СССР III—IX вв.» М., 1958, стр. 852—854.
- 19 В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 152.
- 20 Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 189.
- 21 Там же, стр. 62.
- 22 В. Н. Татищев. История Российской, т. II. М.—Л., 1963, стр. 148—149.
- 23 Там же, стр. 153.
- 24 Там же, стр. 165.
- 25 В. Н. Татищев. Указ. соч., т. III. М.—Л., 1964, стр. 207.
- 26 «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», т. 1. М., 1966.
- 27 М. Н. Тихомиров. Посobie для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 90.
- 28 Там же, стр. 96.
- 29 Там же, стр. 106.
- 30 ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стб. 544.
- 31 ПВЛ, под 6453 [945] г.
- 32 ПСРЛ, т. 1. М., 1962, стб. 298.
- 33 Там же, стб. 305.
- 34 ПСРЛ, т. 2, стб. 527.
- 35 Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 33.
- 36 ПСРЛ, т. 2, стб. 642.
- 37 Там же, стб. 737.
- 38 Там же, стб. 764.
- 39 НПЛ, стр. 24, 41, 51, 66—67, 69, 70, 71.
- 40 ПСРЛ, т. 2, стб. 352, 534, 758.
- 41 ПСРЛ, т. 9, М., 1965, стр. 187; т. 10, стр. 68.
- 42 ПСРЛ, т. 2, стб. 758.
- 43 В. И. Довженок. Селища и городища в окрестностях древнего Галича. «Краткие сообщения Института археологии АН СССР», вып. 4, 1955, стр. 12—13.
- 44 Там же, стр. 12.
- 45 Там же.
- 46 ПСРЛ, т. 2, стб. 762.

- 47 *О. О. Ратич.* Результати досліджень древнеруського городища замчиська в м. Судова Вишня Львівської області в 1957–1959 рр. «Матеріали дослідження з археолог Прикарпаття і Волині» (далее — МД АПВ), вып. 4. Київ, 1962, стор. 106, 108, 119, 121.
- 48 ПСРЛ, т. 2, стб. 770.
- 49 *М. П. Кучера.* Основни етапи розвитку стародавнього Плиснеська. МД АПВ, вып. 2. 1959. Київ, стор. 134–139.
- 50 Там же, стр. 142–144.
- 51 Там же, стр. 144.
- 52 *В. В. Седов.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 92. М., 1960, стр. 51–125.
- 53 НПЛ, стр. 20, 23, 35, 37, 41, 44, 355.
- 54 ПСРЛ, т. 9, стр. 361.
- 55 Там же, стр. 241.
- 56 ПСРЛ, т. 10, стр. 3.
- 57 ПСРЛ, т. 1, стб. 383.
- 58 НПЛ, стр. 51.
- 59 Там же.
- 60 Там же.
- 61 Там же, стр. 70.
- 62 ПСРЛ, т. 2, стб. 291, 331, 380, 512, 424, 600; т. 1, стб. 338, 364; т. 9, стр. 158, 180; ПВЛ под 6586 [1078] г.
- 63 ПСРЛ, т. 9, стр. 234.
- 64 *В. Н. Татищев.* Указ. соч., т. III, стр. 177.
- 65 Там же, стр. 165.
- 66 ПСРЛ, т. 10, стр. 65.
- 67 Там же, стр. 69.
- 68 НПЛ, стр. 72.
- 69 ПСРЛ, т. 2, стб. 771.
- 70 Там же, стб. 789.
- 71 Там же, стб. 789–790.
- 72 Там же.
- 73 Там же, стб. 790–791.
- 74 Там же.
- 75 Там же.
- 76 Там же, стб. 765.
- 77 *В. Н. Татищев.* Указ. соч., т. III, стр. 76.
- 78 ПСРЛ, т. 2, стб. 511.
- 79 Там же, стб. 501.
- 80 Там же.
- 81 Там же, стб. 532.
- 82 Там же, стб. 501–502.
- 83 Там же, стб. 500.
- 84 Там же, стб. 668–674.
- 85 Там же, стб. 524.
- 86 Памятники русского права, вып. II. М., 1953, стр. 105.
- 87 Там же.
- 88 Там же, стр. 106.
- 89 ПСРЛ, т. 2, стб. 659, 727, 920.

ОСОБЕННОСТИ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XII В. *

(Тезисы)

Г. Г. Литаврин

XII столетие было ознаменовано глубокими переменами во внутренней и внешней политической истории двух крупнейших восточнохристианских государств. Внешняя политика Древней Руси утратила былое единство. Политика Византии в отношении Руси приобрела маневренный и избирательный характер: империя избавилась от угрозы непосредственного нападения русских и задачи ее дипломатии сводились отныне к попыткам привлечь Русь к борьбе со своими врагами и удержать ее от участия во враждебных империи коалициях.

В течение всего XII в. Византия стремилась сохранить наиболее тесные связи с Киевским княжеством, как самым старшим в русской иерархии княжеств, и с Галицкой Русью, как своим наиболее реальным военным союзником. Однако в первые четыре десятилетия XII столетия отношения Руси и Византии были натянутыми, так как в правление Алексея I Комнина (скорее всего в период между 1097 и 1105 гг.) империя утвердила свое господство в принадлежавшем до того русским Тмутараканском княжестве. Особую заинтересованность в этом районе Византия проявила потому, что остро нуждалась тогда в источниках нефти для производства «греческого огня». Воспользовавшись ослаблением связей Тмутаракани с Русью и оказав поддержку сосланному в империю князю-изгою Олегу Святославичу в возвращении Тмутаракани, Византия по договору с ним получила впоследствии от него этот район, и ее господство продержалось здесь почти до самого конца XII столетия.

Поход войск Владимира Мономаха в 1116 г. на Дунай может быть расценен как ответное мероприятие русских:

* См. статью, написанную на основе данных тезисов: *Г. Г. Литаврин. Русь и Византия в XII веке. «Вопросы истории», 1972, № 7, стр. 36—52.*

Алексей I оказал помощь врагу Владимира Мономаха Олегу, а затем занял Тмутаракань,— Владимир поддержал врага Алексея Лжедиогена и занял ряд городов империи на Дунае. Это единственное в XII в. столкновение Руси и Византии не было результатом противоречий между ними в Нижнем Подунавье, хотя русские, теряя свои позиции в Крыму и Приазовье, стремились в то время упрочить свое влияние в низовьях Днестра, Прута и Дуная. Но поскольку эти меры предпринимала здесь прежде всего Галицкая Русь, потенциальный союзник империи, и поскольку влияние Руси уменьшало угрозу половецких набегов в глубь Балкан, Византия не препятствовала русскому проникновению в этот соседний с империей район.

Напряженность в русско-византийских отношениях продолжала ощущаться до начала 40-х годов XII в., однако уже за 10 лет до этого положение стало постепенно все более нормализоваться. В полном смысле новый период в развитии русско-византийских связей наступил в середине столетия, когда центр политической активности империи переместился в Европу, в частности — на север Балканского полуострова. Ведя почти 20-летнюю войну с Венгрией, Византия остро нуждалась в союзе с Галицкой Русью, лежавшей по соседству с Венгрией и способной препятствовать ее союзнику — киевскому князю — помогать Венгрии своим войском. И Галицкая Русь, и впоследствии Суздаль оказались в одной коалиции с империей не столько в силу успехов ее дипломатии, сколько в результате объективно сложившейся ситуации: Галич и Суздаль вели упорную борьбу с Киевом, находившимся в союзе с Венгрией, а Византия, воюя с нею, становилась естественной союзницей Галича и Суздаля и врагом Киева. Однако ясных свидетельств реальной военной помощи русских Византии против Венгрии источники не содержат и для этого периода.

Новый этап затухания активных политических отношений Византии и Руси приходится на 70—80-е годы XII в., чему способствовали основание II Болгарского царства и возобновление половецкого натиска на Русь.

Существенные перемены сравнительно с предшествующей эпохой произошли в XII в. и в области торгово-экономических связей двух держав. Возрастало значение менее длинного и менее опасного торгового пути из

Галиции, пролежавшего в то время не только по морю (с низовой Дуная), но и по суше (через болгарские земли).

Русь увеличивала вывоз в империю не только сырья, но и ремесленных изделий, в торговлю с Византией втягивался широкий круг русских городов. Наиболее важным было, однако, изменение степени заинтересованности сторон в торговле друг с другом. В X—XI вв. менее заинтересованной в этом была империя, делавшая торговые уступки русским главным образом из политических соображений. Напротив, для Руси торговля с Византией имела тогда огромное экономическое, социальное и политическое значение, и обеспечение для нее выгодных условий было одной из важнейших задач государственной власти.

В XII в. торговля русских приобрела широкий размах — они торговали уже почти со всей Европой; византийский и восточный рынки перестали служить почти исключительным источником высокосортных товаров и предметов роскоши. С конца XI в. торговля в самой столице империи, а затем во всем черноморском бассейне все более переходила под контроль Венеции и Генуи. Условия для торговли русских в империи не могли быть прежними — исключительными привилегиями пользовались теперь не они, а итальянское купечество. И сами русские князья в новых условиях не проявляли об этом особых забот. Хотя потребности Византии в товарах с Понта выросли, она уже была не в состоянии обеспечить русским выгодные условия торговли. Такой важный элемент внешнеполитических контактов, как торговля, выпал из общей системы официальных связей Руси и Византии.

В качестве подлинного и единственного средства политического воздействия на Русь в распоряжении империи в XII в. оставалась лишь русская церковь, зависимая от константинопольского патриарха. Однако влияние этой зависимости на политическую жизнь Руси нередко преувеличивается в историографии. Лишь в условиях непосредственного соседства христианизация и церковная зависимость подготавливали почву для политического верховенства и даже экспансии. В отношениях Руси и империи церковь была способна осуществить только такое политическое влияние, главной целью которого было не столько подчинить Русь интересам византийского двора,

сколько обезопасить себя с ее стороны и отвлечь от союзов с врагами империи.

Старый тезис об агрессивных происках Византии на Руси в XII в. не может быть ныне признан состоятельным. В эпоху, когда проблема выживания стояла перед империей более остро, чем вопрос об осуществлении реальной экспансионистской доктрины, византийская дипломатия проводила сугубо практический курс. Византия упорно не давала никому из русских князей согласия на учреждение митрополичьей кафедры, помимо киевской, потому что с дальнейшим ослаблением единства Руси (а такая мера неминуемо привела бы к этому) угроза половецкой степи стала бы угрозой и для империи.

Византия тем не менее упорно стремилась к сохранению своего церковного влияния, противодействуя двум развивавшимся на Руси тенденциям: к поставлению на митрополичью кафедру удобного по политическим соображениям кандидата для киевского князя и к выдвижению на престол митрополии не греческого, а русского единопольничного владыки. Империи удалось отстоять древнюю традицию. Киевский князь был готов и впредь принимать традиционный порядок вещей, ожидая митрополита из Константинополя. Но он хотел в соответствии с сознанием своей власти и в согласии с самим византийским образцом пользоваться правом выбора кандидатуры митрополита, как это делал император при выборах патриарха и как позволяла осведомленность князя о политической ориентации и личных качествах деятелей византийского духовенства.

Сохранившаяся церковная зависимость Руси от Византии не может быть приравнена к политической. Феодальная раздробленность давала империи больше поводов для политических демаршей на Руси, но ослабляла глубину и длительность влияния Византии.

До середины XI в. система договорных отношений Византии и Руси охватывала все сферы внешнеполитических контактов и была обязательной для обеих сторон также в целом. Теперь эта система ушла в прошлое. Основой прежних договоров служила взаимная заинтересованность в них. Византийцы нуждались в русской военной помощи — и русские могли ее оказывать, соглашаясь оплачивать кровью свои исключительные торговые привилегии в Византии. Ныне Русь, утратив свои владения на

Черном море, не могла защищать находившиеся здесь колонии империи; не была Русь расположена и к расточению своих воинских сил в эпоху усобиц и половецкого натиска; договоры с Русью уже не могли быть на этот счет всеобщими, а следовательно, не могли обещать и помощи в крупных масштабах. Византия, наконец, была теперь неспособна оплатить помощь прежними торговыми льготами, само значение которых для Руси резко снизилось. Интерес к воинской помощи русских упал и в империи: с конца XI в. наем иноземцев в войско облегчился, империя более нуждалась во флоте, а Русь его не имела.

На смену общерусским договорам с Византией пришли соглашения отдельных княжеств Руси, подчиненные конкретной задаче, непрочные и кратковременные, зависящие от меняющейся международной и внутривосточной обстановки в обеих странах.

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ XII—XIV ВВ.

П. Н. Максимов

Говоря об общенациональных и локальных особенностях русской архитектуры XII—XIV вв. следует помнить, что сохранившиеся до наших дней памятники ее составляют лишь небольшую часть того, что было создано в эти века нашими предками. Нам очень мало известно о деревянных постройках того времени, включавших не только массовое сельское и городское жилье, но и хоромы знатных людей, соборы и крепости больших городов и княжеские замки. Малочисленность и незначительность сохранившихся фрагментов каменных светских построек и оборонительных сооружений также не позволяет судить о названных особенностях. Только каменные культовые постройки XII—XIV вв. сохранились в достаточном количестве и степени, хотя и здесь есть досадные «белые пятна».

Каменные русские церкви XI в. были преемницами таких же построек предшествующего столетия, но не больших пятинефных храмов, подобных Софийским соборам Киева, Новгорода и Полоцка, а меньших по размерам и более простых по композиции шестистолпных, трехнефных крестовокупольных церквей с хорами на западе, притвором под ними, тремя апсидами на востоке, одним куполом и позакомарным покрытием. Такой тип храма (а с середины XII в. и уменьшенный четырехстолпный вариант его) получил распространение по всей Руси, в чем сказались общие для архитектуры русских земель того времени корни в виде архитектуры Древнерусского государства XI в. и одинаковые утилитарные задачи, ставившиеся повсюду перед русскими храмами.

Указанный общерусский тип храма давал возможность успешно решать эти задачи. Он позволял сделать храм достаточно вместительным, давал возможность отделить от остальных богомольцев привилегированную часть, предоставив ей просторные светлые хоры с отдельным ходом,

обеспечивал для всех богомольцев возможность хорошо видеть и слышать богослужение, совершавшееся в восточной части храма, и при достаточно больших размерах алтаря сохранял должное соотношение между площадями последнего и основной частью здания. Притвор, предназначенный для «оглашенных», не принявших еще крещения, и крещальня под хорами к концу XII в. потеряли свое значение, что облегчило переход к не имевшему таких частей уменьшенному четырехстолпному варианту храма.

Общерусскими были и идейно-художественные задачи, ставившиеся перед архитектурой храмов их религиозным назначением. От архитектуры храма требовалось, чтобы она помогала «возносить» мысли входящих в него от «земного к горнему», напоминала ему о «царстве небесном», внушала уважение к храму как к месту совершения таинств, что сказывалось преимущественно в композиции и убранстве интерьеров. Пропорции внутреннего пространства, не позволявшие охватить одним взглядом его высоту, пропорции узких и высоких пролетов между столбами, самих столбов и оконных проемов, лучшее по сравнению с нижней освещением верхней части храма, выделение с помощью формы оконных проемов наиболее яркого освещения средней апсиды и купола с его барабаном и, наконец, известного рода дематериализация поверхностей стен и сводов с помощью монументальной живописи — все эти средства с успехом могли быть применены в общерусском типе храма XII в., о котором идет здесь речь.

Это понятно, поскольку все названные выше задачи стояли и перед строителями более ранних храмов в других странах православного Востока, откуда вместе с христианством пришел на Русь и тип крестовокупольного храма. К XII в. этот тип храма стал на Руси господствующим. Изменения, которым он подвергался, отличали его от таких же построек в других странах. Достаточно указать на завершение основных объемов русских храмов полукружиями закомар, проходящих непрерывным рядом по всему периметру этих объемов, чего не было в то время ни в одной из школ византийской архитектуры, ни у южных славян, ни в Закавказье.

Второй причиной наличия общих черт в русских каменных храмах XII в. были, как отмечалось выше, общие

для архитектуры всех русских земель того времени корни, заложенные в архитектуре Киевской Руси XI в. Уже ко второй половине XI в. киевские зодчие выработали характерный для следующего столетия тип шестистолпного крестовокупольного храма (Успенский собор Печерского монастыря 1073—1078 гг., собор Дмитриевского монастыря 1060 г.). К середине XII в. сложились традиции определенной обработки фасадов: углы основного объема обрабатывались гладкими лопатками, к другим лопаткам были приставлены не тонкие, как в киевском Софийском соборе, но толстые полуколонны, а от полей закомар спускался по стенам арочный пояс. Барабан купола, стоящий на невысоком четырехугольном пьедестале, членился узкими лизенами или полуколонками, каждая пара которых соединялась наверху рядом висячих арочек. Иногда арочные пояски увенчивали апсиды, гладкие или расчлененные узкими полуколонками. Прямоугольный уступ — четверть, обрамляющий снаружи оконные проемы, несколько таких уступов, превращающих дверные проемы (часто имевшие плоские перемычки, отделявшие их от полукруглых тимпанов) в подобие примитивных перспективных порталов, да простая профилировка закомар, состоящая из нескольких полочек, внутренняя из которых сливалась с лопатками, — заканчивали собой сдержанное убранство фасадов.

Такие храмы возводились в разных местах. Собор Кирилловского монастыря в Киеве (середина XII в.) и более ранняя (1132—1136 гг.) церковь Богородицы Пирогощи там же, Георгиевский собор в Каневе (1144 г.) в Киевской земле, Борисоглебский собор (1120—1121 или 1170-е гг.) и собор Елецкого монастыря (середина XII в.) в Чернигове, собор Борисоглебского-на-Смядыни монастыря (середина XII в.) и четырехстолпная Петропавловская церковь (1146 г.) в Смоленске, Успенский собор во Владимире-Волынском (1160 г.) и одна из церквей Старой Рязани, раскопанная в 1949 г. А. Л. Монгайтом (середина XII в.), очень схожи между собой. Те из них, которые сохранили свои стены на всю высоту, а также своды и купола с их барабанами, не оставляют сомнения в их принадлежности к одной архитектурной школе, различия между ними заключаются только в некоторых деталях.

Так, полуколонны на фасадах черниговского Борисоглебского собора имели резные белокаменные капители; арочный поясok в основании закомар собора Елецкого монастыря усложнен проходящим над ним рядом «поребрика», тогда как в соборе во Владимире-Волынском таких рядов два, а в смоленской Петропавловской церкви в этом месте проходит еще ряд «бегунца», т. е. треугольных углублений, обращенных вершинами попеременно вверх и вниз. Одинакова в названных храмах и техника кладки их стен из плинфы, а позднее и из брускового кирпича без заглубленных рядов с довольно толстыми швами. Все это было свойственно архитектуре Приднепровья — Смоленска, Чернигова и прежде всего Киева, значение которого как крупнейшего культурного центра сохранялось в XII в., тем более что до конца XIII в. он был и общерусским религиозным центром. К тому же каждый князь, сумевший овладеть великокняжеским киевским престолом, Мономахович или Ольгович, старался теснее связать себя со столицей, и одним из средств этого было создание родовых усыпальниц, «вотчих монастырей» с каменными храмами. Киевские зодчие в XII в. не оставались без работы и оказывали свое влияние на каменное зодчество не только Приднепровья, но и более далеких Волыни и Рязанской земли.

Монументальными, строгими, монашески-аскетичными были рассмотренные храмы XII в. Однако русская литература того времени создавала не только патерики, но и «Слово о полку Игореве», а живопись знала помимо суровых образов преподобных и исполненные изящества и мужества изображения святых воинов. И в архитектуре было второе течение, героическое, со стройными пропорциями, динамической, устремленной ввысь композицией объема и внутреннего пространства храмов, ярусом закомар и более богатым убранством фасадов, которым, равно как и связи их с окружающим пространством и застройкой, уделялось особое внимание. Это течение получило распространение во второй половине XII — начале XIII в. в Приднепровье, но затрагивало и другие русские земли, и еще в 1150-х годах мастер Иван попробовал в шестистолпном соборе полоцкого Спасо-Евфросиниева монастыря повторить трехъярусное расположение закомар киевского Софийского собора. Первым ярусом он увенчал торцовый фасад пониженной западной части храма, вто-

рым — основной объем его, а четыре неконструктивные, не связанные со структурой сводов, закомары трехлопастной формы украшали основание барабана.

В четырехстолпных храмах фасады нередко завершались не тремя полукруглыми закомарами, создающими свою ось в каждом прысле, но единой трехлопастной кривой, средняя часть которой соответствует своду одной из ветвей планового креста, а боковые четверти круга — половинам цилиндрических сводов, покрывающих пониженные угловые части. Это можно видеть в Михаило-Архангельской церкви в Смоленске (1194—1197 г.), Пятницкой церкви в Чернигове (конец XII — начало XIII в., мастер, возможно, Петр Милонег) и, вероятно, в Пятницкой на Ярославовом дворище церкви в Новгороде (1207 г.). Центричность смоленской и новгородской церквей подчеркивалась наличием трех высоких притворов, придававших вместе со средней апсидой крестообразный вид этим зданиям. Таковы же были планы собора Спаского монастыря в Новгороде-Северском и одной из церквей Старой Рязани.

В черниговской Пятницкой церкви закомары второго яруса были конструктивными. Они скрывали за собой подпружные арки, размещенные выше сводов планового креста, и лишь в третьем ярусе были декоративны, подобно закомарам второго яруса смоленской церкви, форма которых неясна. Еще более неясны формы верха новгородской Пятницкой церкви. В убранстве фасадов этих зданий господствуют вертикальные линии полуколонн, приставленных в Полоцке даже к угловым лопаткам, пучковых пилястр, членящих фасады черниговской церкви и украшающих углы основных объемов и притворов смоленской и новгородской церквей, тонких полуколонок на апсидах и барабанах черниговской и полоцкой построек. Бровки над проемами всех этих построек, горизонтальные полосы углубленного и плоского кирпичного орнамента черниговской церкви и небольшие ниши на ее фасадах (а также в Смоленске и Новгороде) подчинены вертикальным членениям.

Все эти детали выполнены в кирпиче и объединены между собой его модулем, что можно видеть также в храмах, представляющих первое течение архитектуры Приднепровья, где кирпич стал в XII в. основным строительным материалом, во многом определившим особенно-

сти убранства фасадов его построек. О том, что местные строительные материалы были одной из причин возникновения в архитектуре отдельных русских земель собственных им особенностей, и о том, как русские зодчие XII—XIII вв. умели создавать формы, соответствующие свойствам любого строительного материала, убедительно говорит сравнение рассмотренной архитектуры Приднепровья с современной ей архитектурой Владимиро-Ростовской земли.

Здесь, в Северо-Восточной Руси каменные храмы были в основном постройками князей, выходцев из Приднепровья, опиравшихся в своей борьбе против сильного местного боярства на зависящих от них дворян — «милостников» и на торгово-ремесленное население городов. Первые каменные храмы, например собор в Суздале, построенный Владимиром Мономахом в самом начале XII в., по плану и строительным материалам не отличались от современных им приднепровских храмов, и лишь постройки Юрия Долгорукого начала 1150-х годов уже возводились из местного камня. Но они (собор в Переславле-Залеском и церковь в княжеском селе Кидекша близ Суздаля) своей суровостью еще близки к постройкам того времени в Приднепровье, и скупое убранство их фасадов воспроизводит в камне кирпичные детали последних (арочные пояски с поребриком). Лишь верхний облом карниза у апсид переславльского собора говорит о том, что зодчие начали понимать, что из местного плотного мелкозернистого известняка можно выполнять детали с большим, чем в кирпиче, выносом и покрывать их тонким резным орнаментом.

Развитие убранства фасадов в соответствии с местными идеологическими задачами, не столько религиозными, сколько светскими, и свойствами местного камня продолжалось в течение восьми — десяти лет. Типы храмов были здесь такими же, как и в других русских землях, — шестистолпные, с тремя притворами (Успенский собор во Владимире 1158—1160 гг., превращенный перестройкой 1186—1189 гг. в пятинефный; собор в Суздале 1222—1225 гг.), четырехстолпный, также с тремя притворами (соборы в Нижнем Новгороде 1220-х годов и Юрьеве Польском 1230—1234 гг.) или с галереей с трех сторон (церковь Покрова на Нерли 1165 г. и владимирские соборы — Дмитриевский 1194—1197 гг., Рождествен-

ского монастыря 1192—1196 гг. и Княгинина монастыря 1200—1201 гг.). Иногда храмы были связаны с ведущими на хоры пристройками в виде двух симметричных башен или иного характера и через эти башни и переходы соединялись с дворцовыми постройками (замок в Боголюбове 1158—1165 гг., Дмитриевский собор во Владимире).

Но убранство фасадов приобрело здесь своеобразные формы, отличающие постройки Северо-Востока Руси XII—начала XIII в. от всех других построек. Фасады храмов должны были быть нарядными, украшающими город в соответствии с желанием князей сделать более тесным их союз с горожанами. Плоские лопатки превратились в сложные, пучковые, с полуколонками и крупными рельефными уступами, выполненными не в мелком кирпиче, но в крупных блоках белого камня. Под типичным для здешних храмов горизонтальным сливом, отделяющим нижнюю половину стены от более тонкой верхней, появился поясок на арках, а затем колонки с кубическими капителями и клиновидными консолями. Далее капители и консоли стали покрывать резьбой, перешедшей в конце XII в. на стволы колонок и арочки, приобретшие подковообразную и трехлопастную заостренную форму. Прямоугольные уступы дверных проемов превратились в перспективные порталы, в которых резной орнамент во второй половине XII в. заполнил архивольты, а в XIII в. распространился и на колонны.

Резные орнаменты и сюжетные изображения, сначала немногочисленные, покрыли в Дмитриевском соборе всю верхнюю половину стен, а в соборе в Юрьеве Польском орнаментальная резьба покрывала стены храма и притворов от самого цоколя. Цвет имел наибольшее значение на фасадах Успенского собора Андрея Боголюбского, где вызолочены были не только купол, но и простенки и детали карниза барабана, подзоры кровель над закомарами и водометы, часть порталов и колонки аркатурного пояса, между которыми была многоцветная живопись. Такое убранство фасадов придавало зданиям героический характер, хотя композиция их не отличалась от других, имевших аскетический облик. Почти одновременно с Дмитриевским собором был построен во Владимире собор Рождественского монастыря, тоже двухбашенный, с галереей с трех сторон, не имевший не только скульптур, но и

аркатурного пояса и развитых порталов: аскетическая и героическая темы развивались во владимирской архитектуре одновременно (правда, мы не знаем, какими были верхи соборов в Суздале и Юрьеве Польском, но предположения о ярусности этих верхов имеют основания).

Романские перспективные порталы и аркатурные пояса владимирских храмов XII в. в композиции их фасадов играют иную роль, чем в западноевропейских базиликах. Повторение в этих деталях очертаний и профилировки закомар окон, а также полуколонок и арок апсид, барабанов и венчающих последние кокошничков, наконец, куполов и полукуполов апсид создает такую же симфонию больших и малых полукружий, какую можно было видеть уже в киевском Софийском соборе. Романские элементы, выполненные, быть может, иноземцем, органически включены в эту совсем не романскую симфонию, и будет гораздо правильнее говорить об одновременном и самостоятельном развитии этих элементов на Западе и на Руси. То же следует сказать и об арочных поясах и обработке барабанов построек XII в. в Приднепровье: если тонкие лизены и всяческие арочки имелись на апсидах ломбардских церквей уже в IX в., а к XI в. распространились и севернее не только на апсиды, но и башни, то на круглых барабанах такая обработка появляется, пожалуй, впервые на Руси. В Италии она появляется в базилике св. Антония в Падуе 1232—1350 гг., а восточнее Адриатики первым примером такой обработки будет, видимо, церковь в Солончаках, в Сербии, 1260-х годов.

Усиление связей с архитектурой Запада и ослабление таких же связей с византийской архитектурой, объяснимое упадком южной части бывшего «пути из варяг в греки» и внутренним положением Византии, уже подготовлявшим события 1204 г., свойственно всей русской архитектуре XII—XIV вв. Это видно и на примере новгородской архитектуры, развитие которой не было прервано татаро-монгольским нашествием и может быть прослежено на протяжении всех этих трех столетий.

До 1136 г. в Новгороде строились на средства князей — носителей верховной власти — большие шестистолпные соборы, рассчитанные на создание впечатления, поражающего величием. Перед церквями Новгородской вечевой республики такой задачи не стояло: многочисленные, но небольшие, они были своими для возводивших

их бояр или коллективов горожан и должны были быть скромными и уютными при сохранении известной монументальности. Уменьшение размеров и особенно высоты сделало пропорции храмов приземистее, передвижка столбов в четырехстолпных храмах к востоку сделала ритм вертикальных членений боковых фасадов нерегулярным. Ему следовало и размещение окон, а убранство фасадов было сведено к зубчатым карнизам закомар и арочному пояску на барабане (церкви Петра и Павла на Синичьей горе 1185—1190 гг. и Спаса Нередицы 1198 г.).

Затем новгородцы отказались от боковых апсид и членения фасадов лопатками и заменили три апсиды каждого фасада одной трехлопастной кривой, но им, успешно воевавшим против немцев и шведов и расширявшим свои владения на Севере, не была чужда героическая тема. Не меняя композиции своих церквей, они пытались придать им представительность убранством фасадов. Это видно уже в Николо-Липненской церкви 1292 г., но окончательно соответствующая новой композиции зданий система убранства их фасадов сложилась к 1360-м годам, ко времени расцвета Новгородской республики, когда церкви стали больше, их пропорции — стройнее, а фасады снова членились лопатками. Старый прием повторения в декоративных деталях очертаний конструктивных форм (не только полукружий, но и трехлопастных кривых) сочетался и с применением зарубежных стрельчатых перспективных порталов и романских двухъярусных аркад с удвоенным числом арок наверху, украшавших апсиды (церкви Федора Стратилата на Ручью 1360—1361 гг. и Преображения на Ильиной улице 1374 г.).

Отношение новгородцев к зарубежной архитектуре было отношением людей, видевших ее в натуре, но выбиравших из нее только то, что соответствовало общему характеру их построек, не считаясь с тем, является ли это чем-то новым или достоянием прошлого. А их отношение к местным строительным материалам было таким же, как и у других русских зодчих, и выражалось в их умении использовать свойства камня разных размеров и неправильной формы, из которого они клали стены своих храмов для усиления производившегося ими впечатления живописной непринужденности и приветливости. Способствовало этому и сочетание обнаженного кирпича выпуклых деталей с известковой побелкой стен.

Общенациональные черты русской архитектуры XII—XIV вв. были следствием общих для всей Русской земли задач, ставившихся перед ней требованиями культа, и общих для архитектуры всех русских земель того времени истоков — архитектуры Киевской Руси XI в. Местные особенности вытекали из различий в политической жизни и государственном устройстве отдельных русских земель, сказывавшихся и на архитектуре храмов, усиливались применением местных строительных материалов и закреплялись известной оседлостью русских ремесленников, включая и зодчих.

Научные исследования последних десятилетий все более делают условными границы местных школ русской архитектуры. Раскопки Б. А. Рыбаковым Благовещенского собора в Чернигове (1186 г.) показали, что этот храм имел «владимирский» аркатурный пояс с колонками. Раскопки М. К. Каргером церкви на Вознесенском спуске в Киеве обнаружили у нее и пучковые пилястры, и типичную для Западной Руси и Новгорода композицию алтаря. Украшение кирпичных фасадов шлифованными камнями известно не только Гродно, но и Овручу, а приделы на хорах и трехлопастные завершения фасадов были не только в Новгороде, оставившем этому наибольшее число примеров, так как в нем развитие каменной архитектуры не было прервано татарским нашествием.

И другие исследования обнаруживают в памятниках русской архитектуры XII—XIV вв. больше общерусских, чем местных, особенностей и свидетельствуют, что в этой области в эпоху феодальной раздробленности центростремительные тенденции были сильнее центробежных.

КИЕВ И ЮЖНАЯ РУСЬ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

П. П. Толочко

Вопрос о месте и роли Киева в период феодальной раздробленности Руси продолжает оставаться одним из наиболее спорных и дискуссионных. В его решении, которое теснейшим образом связано с выяснением проблемы государственного развития Руси XII—XIII вв., отечественная историография выработала две противоположные концепции. Первая, квалифицируя этот большой этап древнерусской истории как период окончательного распада Киевской Руси на самостоятельные княжества и республики, считает, что Киев в то время теряет свое значение политического, экономического и культурного центра страны. Другая, рассматривая XII—XIII вв. как отдельный этап в жизни Древнерусского государства, столицей его по-прежнему считает Киев.

Здесь нет места для подробного историографического обзора (который представляется чрезвычайно важным и интересным), и все же несколько наиболее характерных мнений историков следует привести.

Н. М. Карамзин, говоря о начале дробления Руси со времен Ярославичей, поворотным пунктом в ее истории считал взятие и разграбление Киева в 1169 г. войсками Боголюбского, который после этого сделался истинно великим князем, а город Владимир, новый и еще бедный по сравнению с древней столицей, заступил ее место. Киев навсегда утратил право называться столицейю отечества¹.

М. С. Грушевский хотя и признавал, что в XII в. князья боролись за Киев, но по существу был сторонником распада Руси на отдельные, независимые от Киева княжества. В отличие от большинства историков он и времена Ярослава Мудрого включил в период распада, первая стадия которого завершилась княжением Мстислава Великого. После этого, по мнению М. Грушевского, начался период полного ослабления и упадка Киева как политиче-

ского центра, а новые силы и влияния образуются уже на другой почве, группируются возле новых центров².

Согласно Б. Д. Грекову, прекращение поступления даней Киеву, а также перемещение торговых путей привели к тому, что города по Среднему Днепру стали глхнуть. Это губительно сказалось и на политическом положении Киева. Уже во второй половине XII в. процесс укрепления и обособления новых политических центров, с одной стороны, и ослабление Киева — с другой, зашел настолько далеко, что Киев не только окончательно перестал быть стольным городом большого хотя и непрочного государства, но и оказался не на первом месте среди городов других княжеств³.

Удивительно, что теория об экономическом запустении городов Среднего Поднепровья в XII—XIII вв., послужившая в свое время одним из решающих оснований для утверждения политического упадка Киева и уже давно опровергнутая трудами советских археологов — Б. А. Рыбакова, В. И. Довженка, М. К. Каргера и других, — снова возрождается некоторыми историками. Так, А. М. Сахаров утверждает, что под давлением кочевников и вследствие потери бывшего значения пути «из варяг в греки» в Среднем Поднепровье в XII—XIII вв. пустели города и села, масса населения переселилась на северо-восток⁴.

Богатейшие археологические источники, находящиеся сейчас в распоряжении науки, позволили Б. А. Рыбакову сделать вывод о том, что Киевщина была одним из цветущих княжеств Руси, а Киев и в конце XII в. представлял собой большой культурный центр. Правда, как считает Б. А. Рыбаков, Киев не управлял больше русскими землями, а сохранял величественность «порфиноносной вдовы»⁵.

В недавно вышедшей книге «Слово о полку Игореве» и его современники» Б. А. Рыбаков значительно углубил и развил тему — Русь и Киев в эпоху феодальной раздробленности. Согласно ему, элементами, связывающими часть с целым, Южную Русь (Киевская, Чернигово-Северская и Переяславская земли) со всей совокупностью русских феодальных государств, были: борьба с общим врагом — половцами, великие киевские князья-соправители, а также сознание того, что Южная Русь — древнее ядро государства — была общей династической собственностью⁶.

Исследователь исторической географии Руси А. Н. Наонов наряду с тенденциями к обособленности, факторами, разъединяющими Русь, отмечал существование тенденций к объединению. Не только при Ярославичах, но и в XII в., согласно ему, южнорусские княжества сохраняли известное господство над другими феодальными полугосударствами⁷.

Специальную работу Киеву эпохи феодальной раздробленности посвятил В. И. Довженок. Он пришел к выводу, что столицей Древнерусского государства, державшегося на единстве материальной и духовной культуры, языка и веры, сознании народного единства и задачах борьбы с общим врагом, по-прежнему был Киев, который до самого монголо-татарского нашествия являлся крупнейшим ремесленно-торговым, культурным и экономическим центром⁸.

Тщательное изучение основных институтов государственной власти Руси (собор, совет, снем, вече, ряд), а также различных форм вассалитета и княжеского суда привело В. Т. Пашуто к мысли, что и после триумvirата Ярославичей, и после Мономаха на Руси сохранялась общерусская форма правления, при которой киевский стол стал объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей. Признание общерусского строя власти, по его мнению, открывает возможности создать, наконец, связную картину ее средневековой политической истории⁹.

С обоснованием идеи государственного единства Руси XII—XIII вв., а также роли Киева как экономического, культурного и политического ее центра выступал и автор этих строк¹⁰.

Следует заметить, что сторонники теории распада Руси на независимые княжества и политического упадка Киева в XII—XIII вв. оказались в трудном положении. Говоря о полном расколе Руси и потере Киевом значения ее столицы, они, во-первых, должны были указать время этого распада, а во-вторых (и это главное), дать определение той политической системе, которая пришла на смену единой Киевской Руси. Почти у каждого историка на этот счет имелось свое особое мнение. Поэтому мы встречаем даты, по существу случайные (1026, 1054, 1068, 1097, 1132, 1169 гг.). Историки, приурочивая распад Руси к названным датам, как правило, исходили из пред-

ставления, что до этих рубежей Древнерусское государство представляло собой чистую монархию с неограниченной властью киевских князей. При таком подходе к проблеме реально было начинать период распада этой монархии от любого великого киевского князя, который, по мнению исследователя, был слабее своего предшественника. Отсюда и предостережение, что с появлением личности сильной (подобной Мономаху, Мстиславу, Святославу Всеволодовичу) процесс распада замедляется, а единство Руси во главе с Киевом восстанавливается.

Между тем Древняя Русь не была «абсолютной» монархией; в ее ранней политической структуре просматривались все те черты, которые стали особенно характерными и определяющими в период феодальной раздробленности. Киевские князья, проводя политику объединения восточнославянских земель в единое Древнерусское государство, не покушались на принципы определенной их самостоятельности, главным образом внутренней¹¹. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить историю ранних взаимоотношений Киева с Полоцком, Новгородом, Черниговом.

Следовательно, Киев стремился не к утверждению монархии, для существования которой на Руси не было условий, а к федерации зависимых от него княжеств, основанной на принципах старейшинства, вассалитета и даннических отношений.

Изучение политической истории Руси XII—XIII вв. с ее сложной и запутанной системой междукняжеских отношений, непрекращающимися усобицами и объединительными съездами, постоянной половецкой опасностью и «крестовыми» походами русских дружин в степь все больше убеждает в том, что именно Киев и его великокняжеский стол являлись тем стержнем, вокруг которого кипела общественно-политическая жизнь всей огромной страны. Традиционная его роль — политической и церковной столицы Руси, честь и право старшинства великокняжеского стола, экономическое могущество и высокий общенародный авторитет делали Киев и в XII—XIII вв. заветной мечтой каждого князя. Согласно В. О. Ключевскому, борьба князей за Киев, их чувства к этому городу передавались населению даже самых отдаленных земель, которое приучалось все чаще думать о городе, где сидел старший князь Русской земли, где жил митрополит всея

Руси, откуда отправлялись в походы в степь «на поганных». Киев, таким образом, был руководителем, источником права, богатства, знания и искусства для всей Руси¹².

Приходится констатировать, что князья в борьбе за Киев не выработали ни четкой политической программы, ни определенности в расстановке сил. Вне зависимости от династической принадлежности и личных качеств удельные князья, едва овладев Киевом, становились из автономистов самыми решительными и последовательными объединителями Руси. Не всем князьям удавалось превращать свое старейшинство в настоящее господство, однако обладание Киевом давало такую возможность. Это одно из главных обстоятельств, объясняющих длительную борьбу князей за Киев. Став киевским князем, вчерашний рядовой владетель удела превращался в распорядителя судеб многих столов. Его власть и влияние распространялись прежде всего на земли, находившиеся во владениях княжеского рода, отчего независимо от династической принадлежности великого князя Киев всегда объединял вокруг себя многие древнерусские земли, и прежде всего — южнорусские.

В рамках небольшого сообщения невозможно проанализировать политическую ситуацию на Руси при каждом великом князе, поэтому мы вынуждены ограничиться лишь констатацией, что реальная власть каждого из них значительно превосходила пределы великокняжеских владений. Пользуясь поддержкой всего рода, великий киевский князь достигал, таким образом, и признания своего старшинства на Руси. Следовательно, Древнерусским государством управлял не только, а порой и не столько великий князь, сколько весь княжеский род, во главе которого он стоял и возвышению которого содействовал.

Такая форма государственного управления не была порождением эпохи феодальной раздробленности Руси; она возникла еще в середине XI в. Умирая, Ярослав Мудрый разделил территорию своего государства между пятью сыновьями, каждый из которых получил отдельное княжение. Князья не были равноправными и независимыми государями, как это иногда утверждается; они вместе под руководством великого киевского князя возглавили Древнерусское государство. Л. В. Черепнин считает, что такая организация правительства была основана на

вассально-иерархических отношениях между членами правящей княжеской фамилии¹³.

Политическое соперничество отдельных княжеских династий Руси породило к середине XII в. систему дуумвирата, одновременного соправительства в Киеве князей двух наиболее сильных княжеских линий, не желавших уступать первенство друг другу. Соправителями были Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович, Вячеслав Владимирович и Ростислав Мстиславич, Ростислав Мстиславич и Мстислав Изяславич, Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, Рюрик Ростиславич и Всеволод Юрьевич. Соправительство на великом киевском столе сыграло положительную роль в политической истории Руси XII—XIII вв. Оно не только способствовало стабилизации великокняжеской власти, но и служило делу объединения древнерусских земель вокруг Киева. При каждом соправительстве в Русской земле, другими словами в Киеве, сидели не безместные князья-изгой, а два князя, владевшие двумя огромными княжествами за пределами Южной Руси. Все это создавало некоторое равновесие сил и, как считает Б. А. Рыбаков, ставило Южную Русь в особое положение, прочно связывая ее со всей остальной Русью¹⁴.

Внешняя политика великих киевских князей XII—XIII вв. носила тот же общерусский, общенациональный характер, что и внутренняя. Со времен Мономаха киевские князья предпринимают энергичные меры для объединения русских князей на борьбу с внешней угрозой. Это они были инициаторами общерусских княжеских съездов. едва ли не на каждом из которых стоял «половечный вопрос». «Поганые всим нам суть обчий ворог», — говорили русские князья и объединяли свои усилия для борьбы с ними. Ведущую роль в ней играла Южная Русь, имевшая вековой опыт борьбы с гуннами и аварами, хазарами и печенегами, а полководцем объединенных дружин выступал великий киевский князь. Оборона государственных границ Руси не была самоцелью. Она способствовала экономическому и культурному процветанию страны, сохраняла ее независимость, пробуждала в народе сознание общности интересов и судеб всех древнерусских земель.

Характерно, что почти все общерусские княжеские съезды происходили или в Киеве, или в одном из городов

Киевской земли. Последний из них собрался в 1223 г., когда к границам Руси приближалась новая волна азиатских кочевников. И снова князья южных и западных земель Руси съехались в Киев, который, как утверждают многие исследователи, к этому времени потерял всякое значение.

Анализ материалов княжеских съездов, многочисленных «рядов» — договоров, а также условий борьбы с внешними врагами свидетельствует, что на Руси XII—XIII вв. междукняжеские отношения носили не союзный (как это нередко утверждается), а вассальный характер. Верховным сюзереном был великий князь, князья-соправители или княжеский род, представитель которого в данный момент занимал киевский стол. Конечно, нормы вассального права не всегда соблюдались, но случаи их нарушения не могли разрушить сложную структуру вассалитета.

В деле защиты южных рубежей Древнерусского государства от половцев важную роль играли тюркские племена: торки, печенеги, берендеи, коуои и другие, известные в русских летописях под общим названием «черных клобуков». Расселенные вдоль южнорусского пограничья и признавшие власть киевских князей, черноклобуцкие племена образовали мощный антиполовецкий заслон. Анализируя взаимоотношения киевских князей с «черными клобуками», достаточно полно освещенные летописью, нетрудно убедиться, что их политика выходила за рамки узкоземельных интересов и имела общерусское значение.

В решении вопроса о политической роли Киева в период феодальной раздробленности Руси большое место занимает церковь, ставшая одной из важнейших сил, осуществлявших в XII—XIII вв. тенденцию к единству Древнерусского государства. В. Сергеевич, рассматривая роль церкви в утверждении московского самодержавия, подчеркивал, что митрополиты, имея общую резиденцию с великим князем московским, одним этим фактором сожителства возвышали его власть над властью других князей¹⁵. Сказанное в полной мере относится и к Руси Киевской. До тех пор пока русская митрополия находилась в Киеве, ни одно древнерусское княжество, сколь бы сильным оно ни было, не могло считать себя вполне самостоятельным политическим организмом. Первым кня-

зем, который понял это, был Андрей Боголюбский, но его попытка учредить в Ростове свою митрополию окончилась неудачей.

Политика киевских митрополитов напоминала политику великих князей. Митрополиты рассматривали Русь как единое целое и посредством проповедей, призывов, посреднического участия в междукняжеских отношениях утверждали идею национального и государственного единства. Когда в 1189 г. венгры оккупировали Галичину и посадили на галицком столе королевича Андрея, митрополит Никифор обратился к великим киевским князьям Святославу и Рюрику с призывом защитить эту землю: «Се иноплеменници отъяли отчину вашу; а лепо вы бы потрудитися»¹⁶.

Интересы государства и церкви в XII—XIII вв. на Руси (что очень хорошо разработано Я. Н. Шаповым¹⁷) настолько тесно переплелись, что порой просто невозможно отличить, где кончается компетенция юрисдикции государственной и начинается — церковной, и наоборот. Уступив церковной администрации целый ряд, казалось бы, чисто государственных функций, князья сохранили за собой значительные права участия в делах церкви. Таким, в частности, было право великого киевского князя на постановление епископов, которое он разделял с митрополитом. Без великого князя и митрополита замещать епископские кафедры редко осмеливались даже наиболее влиятельные и сильные удельные князья. Боголюбский, учредивший в Суздальском княжестве (без согласия Киева) автокефального епископа, в конце концов должен был отказаться от своих замыслов и отправить его на суд в Киев.

«Посла же его (Федора.— П. Т.) князь Андрей к митрополиту Киеву. Митрополить же Константинъ обвини его всеми винами, и повеле его вести в Песий остров, и тамо его осекоша»¹⁸.

Преемник Андрея Всеволод также вынужден был посылать своего кандидата в ростовские епископы на утверждение его как митрополитом, так и великим киевским князем Святославом: «Посла благовернии христорлюбивии великий князь Всеволодъ, сын Гюргевъ... Киеву Святославу ко Всеволодичю и к митрополиту Никифору отца своего духовнаго Иоана на епископство»¹⁹.

Не следует забывать, что отмеченные факты имели место тогда, когда Суздальское княжество пребывало в зе-

ните своего могущества, а его князя претевдовали на руководящую роль в стране.

В заключение несколько слов о событии, после которого, как считают многие исследователи, Киев навсегда утратил право называться столицей государства, а его место заняли Владимир и Галич. Речь идет о взятии и разграблении Киева в 1169 г. войсками Андрея Боголюбского, который будто бы окончательно подорвал старую государственную систему. С. Соловьев считал поступок Андрея событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история начала новый путь, с которого завелся на Руси новый порядок²⁰. Политического реформатора в Боголюбском видели и другие историки²¹.

Что же дало основание считать Андрея государственным деятелем нового типа? Какие общерусские мероприятия или преобразования в Суздальской земле могут подтвердить столь высокую его оценку?

Мы не видим в нем ничего другого, кроме исключительной жестокости, честолюбивого стремления к самовластию в своей земле и старшинству на Руси. Достижение этих целей сопровождалось изгнанием неугодных ему вассальных князей, епископов, бояр и даже разграблением Киева. Подобные явления характеризовали политическую ситуацию и других древнерусских земель. Может, только успехи Андрея были более ощутимы, чем его современников, но ведь и сопротивление ему оказывалось значительно слабее. Ни князья-вассалы, ни могущественная земельная знать, ни епископы еще не успели пустить глубокие корни в молодом Ростово-Суздальском княжестве и не представляли собой такой политической силы, как в Киеве, Новгороде, Галиче и других старых центрах Руси. Боголюбский был более свободен в своих действиях не оттого, что в Суздальской земле, как утверждал М. Грушевский, устранялись старые вечевые порядки²², а оттого, что в XII в. они еще не получили здесь своего развития. При Андрее, как и при его ближайших преемниках продолжался процесс формирования Ростово-Суздальской земли. Ей еще предстояло испытать и пережить и силу боярской оппозиции, и путаницу между княжеских отношений, и политическое соперничество быстро растущих городских центров. Симптомы дробления Суздальщины наметились уже после смерти Боголюбского, т. е. тогда, когда еще не вполне завершился процесс

ее сложения; после Всеволода ее политическая ситуация напоминала ситуацию Южной Руси XII—XIII вв.

Замыслам Боголюбского не суждено было сбыться. Ему не удалось оторвать титул старейшины от места. Взяв Киев, но не оставшись в нем, он не стал сеньором древнерусских князей. Поняв это, Андрей в 1173 снова предпринимает поход на Киев, но терпит поражение и фактически перестает существовать как политическая фигура. Его преемник Всеволод Юрьевич ограничился претензией на соправительство, которое и разделил с Рюриком Ростиславичем.

Что касается Галича, то о его первенстве вообще не может быть и речи. Он оказался на некоторое время центром притяжения интересов многих древнерусских князей не потому, что прочностью своего положения действительно выдвинулся на первое место среди других политических центров и затенил Киев, а потому, что стал жертвой бесконечной княжеско-боярской борьбы и ему (вместе с Галичиной) грозило отторжение от Руси. Волею галицких феодалов Галицкая земля с 70-х годов XII в. была втянута в глубокий кризис, из которого не могла вырваться долгие десятилетия.

Роль столицы государства не подходила Галичу и в силу его географического положения. Все это ясно сознавал один из наиболее талантливых государственных деятелей Руси Роман Мстиславич, видевший Древнерусское государство XIII в. в форме федерации шести наиболее крупных княжеств Руси во главе с Киевом.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1892, стр. 45, 208.

² М. С. Грушевский. Історія України — Русі, т. III. Львів, 1905, стор. 1—2, 126—128.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 506—507.

⁴ А. М. Сахаров. Образование и развитие Российско-

го государства в XIV—XVII вв. М., 1969, стр. 27.

⁵ Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX—XIII вв. «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 33.

⁶ Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 158—162.

⁷ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование тер-

- ритории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 26—27.
- ¹ *В. И. Довженок.* Київ — центр Русі в період феодальної роздрібленості. «Український історичний журнал», 1959, № 6.}
 - ⁹ *В. Т. Пашуто.* Черты политического строя Древней Руси; Особенности структуры Древнерусского государства. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 76, 82.
 - ¹⁰ *П. П. Толочко.* Політичне становище Києва у період феодальної роздрібленості. «Український історичний журнал», 1966, №10; *он же.* Київ в XI—XIII ст.—центр Русі. «Исторична топографія стародавнього Києва». Київ, 1970.
 - ¹¹ *Д. И. Багалея.* История Северной земли..., Киев, 1882, стр. 34; *М. В. Довнар-Запольский.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII ст., Київ, 1891, стр. 69.
 - ¹² *В. О. Ключевский.* Соч., т. I. Курс русской истории. М., 1956, стр. 195—199.
 - ¹³ *Л. В. Черепнин.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. «Древнерусское государство и его международное значение», стр. 169—170.
 - ¹⁴ *Б. А. Рыбаков.* «Слово о полку Игореве» и его современники, стр. 162.
 - ¹⁵ *В. Сергеевич.* Древности русского права, вече и князь. СПб., 1908, стр. 635.
 - ¹⁶ *Летопись по Ипатьевскому списку.* СПб., 1871, стр. 446.
 - ¹⁷ *Я. Н. Шапов.* Церковь в системе государственной власти Древней Руси. «Древнерусское государство и его международное значение».
 - ¹⁸ *Летопись по Ипатьевскому списку,* стр. 377.
 - ¹⁹ ПСРЛ, т. 1. Л., 1926, стб. 408.
 - ²⁰ *С. М. Соловьев.* История России, т. I, стр. 490.
 - ²¹ *М. С. Грушевский.* Очерк истории Киевской земли. Київ, 1899; стр. 222, 225; *Б. Д. Греков.* Киевская Русь, стр. 513.
 - ²² *М. С. Грушевский.* Очерк истории Киевской земли. К., 1894, стр. 220.

НИЖНИЙ НОВГОРОД И НИЖЕГОРОДСКОЕ КНЯЖЕСТВО В XIII — XIV ВВ.

В. А. Кучкин

Письменные источники позволяют проследить историю проникновения восточных славян в Среднее Поволжье начиная с X в. Древнерусские летописные своды и литературные памятники сохранили известия о походе киевского князя Владимира Святославича в страну волжских булгар и о его посольстве туда¹. А еще раньше арабский дипломат и путешественник Ахмед ибн-Фадлан, ездивший с поручением от багдадского халифа к болгарскому царю, записал в своем отчете о встречах с русами, которые приплывали в Булгарию для торговли и у которых были там свои торговые дворы. В течение долгого времени русы появлялись на берегах Средней Волги эпизодически, и только с 60-х годов XII в., когда в Волго-Окском междуречье окрепло и усилилось Владимиро-Суздальское княжество, в Среднем Поволжье стали оседать первые русские поселенцы. Их появление было связано с успехами внешней политики владимирских князей.

Начиная с Андрея Боголюбского и почти до нашествия Батыя князь Северо-Восточной Руси вели напряженную борьбу с Волжской Булгарией за новые территории, за включение в сферу своего влияния мещерских, мордовских и марийских племен, за контроль над Средней Волгой и Нижней Окой — важнейшими торговыми путями, связывавшими Владимиро-Суздальское княжество со странами Востока². Уже первый поход Андрея Боголюбского на Булгарию в 1164 г. привел к подчинению нескольких болгарских городов³.

В тесную связь с распространением власти владимирского князя на часть территории соседнего Булгарского государства следует поставить строительство в Среднем Поволжье первого русского города — Городца. Городец, или Городец Радилев⁴, как он иногда назывался, впервые упоминается в 1171 г.⁵ Город был поставлен на зем-

ле мари (черемисов), находившихся, по-видимому, в зависимости от Булгарии⁶. Владимиро-суздальцы основали Городец не на ближайшем к своей основной территории правом берегу Волги, а на противоположной стороне реки, в том единственном месте, где обычно пологий левый волжский берег вздымается высокой кручей. Мощные земляные валы Городца, остатки которых сохранились и поныне⁷, надежно защищали город от неприятельских нападений. Городец явился щитом, прикрывшим верхневолжские города Суздальщины от болгарских судовых ратей. Если в 1152 г. болгарам «безъ вести» удалось подняться по Волге и осадить Ярославль⁸, то после этого они уже никогда не проникали в глубь суздальской территории. Вместе с тем Городец стал опорной базой владимирских дружин, ходивших завоевывать болгарские земли. Не случайно ранние упоминания Городца в летописях связаны с описаниями военных действий⁹.

С течением времени Городец превратился в центр колонизационного движения русского населения, начавшего осваивать поволжские земли к северу и югу от Городца. Так, по административной связи города Унжи с Городцом в начале XV в.¹⁰ следует полагать, что Унжа (первое упоминание относится к 1219 г.¹¹) была основана и заселялась из Городца. Ретроспективный анализ данных сотной грамоты 1560 г. Заузолской волости Балахнинского уезда, расположенной к югу от Городца, по левому берегу р. Узолы, также свидетельствует о том, что освоение заузольских земель началось из Городца¹². К сожалению, определить исходную дату этого процесса без археологического обследования данного района чрезвычайно трудно. Можно только утверждать, что в XV в. такой процесс уже имел место.

При всем значении, какое приобрел Городец, его удаленность от основных центров Владимиро-Суздальского княжества должна была рано или поздно сказаться. Со стольным Владимиром, например, Радилов связывали переправа через Волгу и длинная сухопутная дорога, пересекавшая, видимо, реки Лух, Тезу и Уводь и выходящая к р. Нерли Клязьминской и Суздаля. Изолированное положение Городца, трудные пути сообщения с ним вызвали необходимость в строительстве нового русского города на Средней Волге в более близком и удобном месте.

В ходе борьбы с Великой Булгарией выявилось стратегическое значение нижнего течения Оки. Дело в том, что только своими силами успешно бороться с Булгарией владимирские князья не могли и вынужены были постоянно прибегать к помощи соседних рязанских и муромских князей. Дружины последних спускались по Оке и там, в устье реки, поджидали владимирцев. Так было в 1171 и 1220 гг.¹³ Путь на Среднюю Волгу и с Волги вверх по Оке и далее по Клязьме был намного короче и удобнее городецкой дороги. И этот путь постепенно осваивался русскими. К 70-м годам XII в. все течение основного притока Нижней Оки — Клязьмы — уже было в их руках¹⁴. Указанные обстоятельства предопределили строительство Нижнего Новгорода.

Непосредственным прологом к закладке города послужили события 1220 г. В отместку за нападение булгар в 1219 г. на Устюг и Унжу русские рати летом 1220 г. осадили и сожгли булгарский город Ошел на Волге, а продвигаясь по Каме, взяли нескольких булгарских городков и сел¹⁵.

Крупный успех летнего похода на Булгарию окрылил владимирского князя Юрия Всеволодовича. Он деятельно начал готовиться к новым военным операциям. Узнав об этом, булгары запросили мира. Но лишь их третье посольство, пришедшее к Юрию «съ мольбою великою и с дары многими и с челобитьем», добилось желаемого¹⁶. Заключенный договор, несомненно, был очень выгоден владимирскому князю. Одним из его условий, видимо, являлся отказ булгар от поддержки мордовских племен. На такой вывод наталкивает то обстоятельство, что после 1220 г. русские при своем продвижении в Среднем Поволжье имели дело уже не с булгарами, как раньше, а исключительно с мордвой¹⁷. Таким образом, к 1221 г. для владимирского князя на восточной границе его владений сложилась благоприятная ситуация¹⁸. Булгары были разбиты и пошли на невыгодный для себя мир, их политическое влияние на средневожские народности было ослаблено. В такой обстановке Юрий Всеволодович и приступил к строительству в 1221 г. города при слиянии Оки с Волгой. Крепость назвали Новгородом¹⁹. Как показали недавние раскопки, она была поставлена прямо на материке²⁰, а не на месте какого-либо древнего поселения, что лишний раз свидетельствует о военно-стратегии-

ческих целях, которые преследовались при основании Нижнего.

Через четыре года после строительства города владимирский князь заложил внутри него каменный собор св. Спаса ²¹; за пределами крепости при Юрии Всеволодовиче был построен Благовещенский монастырь ²². Скорое появление монастыря под стенами Нижнего Новгорода объясняется, видимо, весьма злободневными задачами обращения в христианство местного населения, которые возлагались на монастырскую братию. Впрочем, миссионерская деятельность русских в Среднем Поволжье в течение длительного времени не носила насильственного характера, и даже в начале XVI в. сравнительно недалеко от Нижнего жила еще не крещенная мордва ²³. Сам Нижний в первых летописных упоминаниях о нем выступает как опорный пункт владими́ро-суздальских дружин, воевавших с непокорными мордовскими князьками, и как крепость, в стенах которой русское население спасалось от неожиданных ответных нападений мордвы ²⁴. Так возник Нижний Новгород, которому суждено было стать центром особого княжества и сыграть крупную роль в истории России.

В лихолетье Батыева нашествия Нижний Новгород, по видимому, не пострадал. Во всяком случае летопись, сообщая о захвате татарами в 1238 и 1240 гг. ближайших к Нижнему земель и городов, его не упоминает ²⁵. Однако последующая историческая судьба Новгорода в устье Оки складывалась под опосредствованным или прямым воздействием Орды. Батыев погром и набеги ордынских полчищ на Северо-Восточную Русь во второй половине XIII в. привели к опустошению ее старых, давно освоенных земель. Спасаясь от татарской сабли или неволи, жители центральных областей бежали на западные, северные и восточные окраины старой Владимиро-Суздальщины. Приток населения способствовал росту таких периферийных городов, как Москва, Тверь, Белоозеро, Кострома, Галич Мерский ²⁶. Процесс этот захватил и Среднее Поволжье. Со второй половины XIII в. растет значение Нижнего Новгорода. Этому способствовало также то, что с образованием в низовьях Волги государства Бату и его преемников оживился волжский торговый путь. В середине века начинается чеканка джучидских монет в соседней с Нижним Новгородом Булгарии ²⁷. На Волге появляются куп-

цы из далекого Новгорода Великого²⁸. Симптоматично известие о возобновлении в 1274 г. Владимирской епархии. В числе ее центров наряду со стольными городами Ростовом и Владимиром летописец назвал и Новгород Нижний²⁹. Все эти признаки, хотя и косвенные, свидетельствуют о возросшей экономической роли города, превращавшегося в важный транзитный пункт на волжской и окской речных магистралях.

Хозяйственный подъем Нижнего Новгорода в конечном итоге отразился на его политическом положении. Но произошло это далеко не сразу. Административное главенство в Среднем Поволжье в конце XIII в. принадлежало более древнему Городцу. После 1263 г. на восточной окраине русских земель образовалось княжество, столицей которого стал этот город. Городецкий стол занял третий сын Александра Невского Андрей. Радилов, как город Андрея Александровича, упоминается в летописях под 1283 и 1304 гг.³⁰ Правда, А. Е. Пресняков в свое время считал, что Городец вместе с Новгородом Нижним были выделены в особое владение князю Андрею Ярославичу еще в 1247 г.³¹, однако столь решительное утверждение маститого автора источниками не подтверждается. Городецкое княжество появилось позднее, при Андрее Александровиче.

Формирование первого государственного образования на крайнем востоке тогдашней России — качественный сдвиг в истории местного общества. Он явился результатом многообразных и сложных процессов, протекавших в тамошнем крае. К сожалению, историки, писавшие о Городецком княжестве в конце XIII в., ограничивались констатацией факта его существования и не выясняли причин, способствовавших его возникновению. Отчасти это можно объяснить крайне скудным материалом, имевшимся в распоряжении исследователей. Но только отчасти. Как бы ни были фрагментарны и отрывочны данные, они позволяют указать на основные процессы, послужившие причиной формирования в Среднем Поволжье русского княжества. Это, как уже говорилось выше, прежде всего демографические изменения в Северо-Восточной Руси, вызванные татаро-монгольским игом, а также постепенный экономический подъем лежавших по Волге земель. Можно догадываться, что увеличение населения и хозяйственное развитие края способствовали социальной по-

ляризации местного общества, консолидации феодальной верхушки, итогом чего и явилось становление здесь особого княжения.

В состав этого княжения вошел Нижний Новгород. Свидетельство тому — летописное сообщение 1305 г., согласно которому «въ Новегороде въ Нижнемъ черныи люди побии бояръ; князь Михайло Андреевичъ изъ Орды приехавъ рѣ Новгородъ Нижний, изби вечников»³². Этого Михаила Андреевича исследователи обычно принимали за сына Андрея Ярославича суздальского главным образом потому, что нижегородские князья второй четверти XIV в. происходили от князей суздальских³³. Однако прямых данных, подтверждающих такое мнение, у историков не было. К тому же недавно выяснилось, что у Андрея Александровича был сын Михаил³⁴. Поэтому есть все основания видеть в Михаиле Андреевиче, упомянутом в статье 1305 г., не сына Андрея суздальского, а сына Андрея городецкого. И если сын городецкого князя распоряжался после смерти отца³⁵ в соседнем с Городцом Нижнем, то это явный показатель принадлежности последнего Городецкому княжеству.

Известие 1305 г. о Нижнем Новгороде важно и в других отношениях. Оно свидетельствует о сложившемся нижегородском боярстве, о наличии в городе глубоких классовых противоречий, результатом чего явилось выступление народных масс, создавших свою организацию — городское вече. То, о чем для второй половины XIII в. приходилось лишь догадываться — резкое социальное расслоение местного общества, — для начала XIV в. уже непреложный факт, зафиксированный в источнике. Не случайно, что факт этот относится именно к Нижнему Новгороду. К последнему в XIV в. переходит политическое верховенство в Среднем Поволжье.

Судьба Михаила Андреевича после 1305 г. неизвестна. На нем, очевидно, прекратился род городецких князей. Перестало существовать и Городецкое княжество. В XIV в. столицей княжества становится Нижний Новгород. Под 1311 г. летописи сообщают, что сын великого князя владимирского Дмитрий Михайлович тверской собрал полки во Владимире, намереваясь выступить против московского князя Юрия Даниловича, занявшего Нижний Новгород. Лишь вмешательство митрополита Петра предотвратило столкновение³⁶. Из летописного изве-

ствия 1311 г. вытекает, что Нижний Новгород перешел под власть московского князя. Такой вывод подтверждается и дополняется еще одним, хотя и поздним, но, думается, вполне достоверным свидетельством. Речь идет о листе на гробнице брата Юрия Даниловича Бориса, похороненного во владимирском Успенском соборе. В копии первой четверти XVIII в. с этого листа приведена точная дата смерти Бориса, которая соответствует летописной³⁷. Кроме того, в листе имелось указание на то, что Борис Данилович был «в Нижнем Новгороде на уделном княжении»³⁸. Согласно это ценное известие с разобранным выше летописным сообщением под 1311 г., можно прийти к заключению, что в 1311 г. образовалось Нижегородское княжество во главе с потомками Даниила московского. Факт этот нельзя расценивать как присоединение Нижнего Новгорода к Москве. Нижегородский князь сохранял свой суверенитет, но династические связи могли привести к тесному политическому союзу Нижнего с Москвой. Последнего, видимо, весьма опасались главные соперники Москвы в начале XIV в. — князья тверского дома. Такими опасениями и было вызвано выступление Дмитрия тверского против Юрия московского в 1311 г.

Итак, данные источников свидетельствуют о том, что во 2-м десятилетии XIV в. ведущая политическая роль в Среднем Поволжье перешла от Городца к Нижнему Новгороду. Окрепшее нижегородское боярство пытается создать свою государственность. Но при этом не порываются политические связи с другими областями Северо-Восточной Руси. Местным князем становится представитель московской династии.

Однако возникшее в 1311 г. Нижегородское княжество просуществовало недолго. Вероятно, со смертью Бориса Даниловича в 1320 г. оно прекратило свое существование, а его территория слилась с территорией великого княжества Владимирского, как это происходило с другими выморочными княжескими уделами в XIII — начале XIV в.

Надо полагать, что такое слияние облегчило ордынскому хану Узбеку после жестокого подавления антитатарского восстания в Твери в 1327 г. перекроить политическую карту русского Северо-Востока. Великое княжение Владимирское, которым до 1327 г. обладал непокорный Александр Михайлович тверской, было поделено надвое.

Кострома и Новгород Великий были отданы в 1328 г. московскому князю Ивану Калите, Владимир и Поволжье получил суздальский князь Александр Васильевич, ничего не значивший в политическом отношении³⁹. Умер он в 1331 г.⁴⁰, после чего Владимир и Поволжье были переданы ханом Узбеком Ивану Калите⁴¹. Позднее Калита посадил в Нижнем Новгороде своего старшего сына Симеона⁴².

В политических комбинациях, к которым часто прибегала Орда в конце 20-х — начале 30-х годов XIV в., Нижний Новгород не выступал как самостоятельное целое. Его судьба, как и судьба некогда подвластной ему территории, решалась заодно с судьбами других земель. Поэтому вслед за А. Н. Насоновым нельзя согласиться с А. Е. Пресняковым, считавшим передачу Владимира и Поволжья Александру суздальскому «моментом образования территории Нижегородского великого княжества»⁴³. Периодически возникавшие с конца XIII в. в Среднем Поволжье русские княжества не были еще достаточно стабильны и прочны. Видимо, восточная окраина Северо-Восточной Руси и в экономическом, и в политическом отношении еще в значительной степени зависела от центра. Отсюда — территориальное слияние после 1320 г. Однако сам факт появления в течение трех-четырех десятилетий сначала Городецкого, а затем Нижегородского княжеств знаменателен. Он свидетельствует о возросшем хозяйственном уровне края, формировании здесь феодальной верхушки, все чаще и настойчивей обнаруживавшей центробежные тенденции.

Последнее обстоятельство учитывалось Ордой, стремившейся для сохранения своего господства над Русью к поддержке феодального сепаратизма, к дроблению русских земель. И когда умер Иван Калита, Нижний Новгород вместе с Городцом были переданы ханом Узбеком суздальскому князю Константину Васильевичу, брату упоминавшегося ранее Александра Васильевича. Произошло это в 1341 г.⁴⁴ Этот год и следует считать годом образования Нижегородского княжества во главе с князьями суздальского дома. Правда, посажение в Нижнем Новгороде по ханскому ярлыку Константина суздальского вызвало на первых порах резкое недовольство местного боярства. Стремясь к обособленности, оно все же предпочитало иметь у себя более сильного князя, способного

лучше обеспечить их интересы. И когда в 1343 г. занимавший ранее нижегородский стол Симеон Гордый начал борьбу с Константином Васильевичем за свое прежнее владение, бояре Нижнего Новгорода и Городца поддержали московского великого князя. Однако во внутренние распри двух русских князей вмешался хан, который решил спор в пользу Константина. Крамольные бояре были приведены в Нижний Новгород и подвергнуты торговой казни. Именья их были конфискованы⁴⁵. Суздальский князь прочно утвердился на нижегородском столе.

Владения Константина Васильевича составляли значительную территорию. Точно очертить ее границы вряд ли будет когда-либо возможно, но судить о ее примерной протяженности можно на основании ряда прямых и косвенных данных, относящихся к середине XIV—первой четверти XV в. Восточная граница Нижегородского княжества проходила по правобережью р. Суры⁴⁶. На юге примерной границей служила впадающая в Суру р. Пьяна со своим притоком Парой⁴⁷. Четкой границы от Пьяны на запад и северо-запад не было. Даже в более позднее время здесь росли густые леса и территория была заселена слабо. В середине XIV в. самым крайним пунктом на западе, находившимся в сфере влияния Нижнего Новгорода, был Никольский Дудин монастырь, расположенный на правом берегу Оки. Сохранилось указание, что монастырь имел жалованные грамоты Константина Васильевича, по которым за ним закреплялись рыбные тони в окских притоках и заводах рек Кривой, Кляпоборице, а также Осовце⁴⁸. Тони находились несколько ниже впадения в Оку р. Сеймы⁴⁹. Весь окружающий район был пустынным. Даже в конце XV в. здесь стояли девственные леса, и Дудин монастырь владел громадным лесным массивом от р. Ворсмы до оз. Пырского и р. Пыры площадью в несколько сотен квадратных километров⁵⁰. Таким образом, владения Константина Васильевича шли в основном по правым берегам Оки и Волги. Топкие и лесистые левые берега этих рек осваивались крайне медленно и в более позднее время⁵¹. На так называемой Луговой стороне поселения возникали в местах, примыкавших к Нижнему Новгороду. Во второй половине XIV в. упоминаются села Новое (на правом, горном берегу Волги, позднее слилось с Нижним Новгородом), Кадницы, или Кадниччи (в устье реки Кудь-

мы), Каринское (местоположение неясно)⁵². Сел около Нижнего было мало. Даже в конце второго десятилетия XV в. вокруг города насчитывалось всего с десяток сел⁵³. Это свидетельствует о том, что земледелие в крае было развито слабо. Очевидно также, что могущество местных, собственно нижегородских бояр основывалось главным образом на том, что они владели не пахотными землями, а промысловыми угодьями и, возможно, активно участвовали в поволжской торговле. В этом отношении боярство Нижнего Новгорода, наиболее крупного центра на восточных границах Руси, напоминало боярство самого западного русского форпоста — Пскова.

Можно думать, что именно связь с поволжской торговлей обуславливала в определенные периоды тяготение нижегородского боярства к великорусскому центру. В этом отношении показательна судьба крупного нижегородского гостя Тарасия Петрова, ставшего боярином и казначеем преемника Константина Васильевича, его сына, великого князя Дмитрия⁵⁴. Примерно в 60—70-х годах XIV в. Тарасий Петров купил шесть сел на р. Сундовике у мордовского князя Муранчика и все-таки не закрепился в Нижнем Новгороде, съехал в Москву⁵⁵. Из шести купленных Тарасием Петровым сел три: Салово, Городище и Мунарь, — продолжали существовать и в XIX в.⁵⁶ Расположены они были на правом берегу р. Сундовика (с. Мунарь — на р. Мунарке), сравнительно недалеко от Нижнего Новгорода. Факт владения мордовским феодалом селами поблизости от резиденции нижегородских князей указывает на мирные отношения между ними. Видимо, нижегородские князья опирались не только на русских, в свое время пришлых феодалов, но и на местную феодальную знать.

Вошедший в состав Нижегородского княжества Суздаль был вотчинным владением Константина Васильевича. В отличие от Нижнего Новгорода Суздаль был центром давно освоенной сельскохозяйственной округи, поделенной между крупными светскими и духовными феодалами. Села около Суздаля упоминаются уже под 1096 г. в Повести временных лет⁵⁷. Повествование о нападении болгар на Суздаль в 1107 г. знает пригородные суздальские села и погосты⁵⁸. Во времена Константина Васильевича к Суздалью тянули села: Кидекша (первое упоминание о котором относится к XII в.⁵⁹), Вельское с

дер. Кащеево⁶⁰, Шекшов, Шиповская слободка⁶¹, Омучкое, Переборово, Троицкое-Берег, Васильково⁶². К XIV в. следует относить существование с. Коровнического, речь о котором пойдет ниже. В целом территория суздальской части Нижегородского княжества простиралась от р. Ирмеса на западе до слияния Клязьмы с Окой на востоке и от Клязьмы на юге до среднего течения рек Вязьмы, Ухтомы, Уводи, Тезы и Луха на севере.

Земли по Волге выше Нижнего тянули к третьему центру Нижегородского княжества — Городцу. По данным начала XV в., городецкими считались волости: Чернякова, расположенная на левом берегу Волги, выше Городца⁶³; Белогородие, находившаяся на правом берегу Волги, в районе р. Верхний Ландих⁶⁴; Унжа⁶⁵, Юрьеvec Повольский⁶⁶, Корякова слобода⁶⁷, а также район позднейшей Балахны⁶⁸. Но обширная территория Нижегородского княжества была освоена далеко не равномерно. Поселения (за исключением суздальской части Опошцины) группировались преимущественно по берегам рек. И если бы в XIV в. существовала аэрофотосъемка, то территория Нижегородского княжества предстала бы в виде то широких, то узких полос заселенных земель, тянувшихся вдоль речных русел и пересекавшихся в различных направлениях.

Перенос Константином столицы из вотчинного Суздаля в приобретенный Нижний Новгород, сосредоточение здесь феодального аппарата власти, аккумуляция знати способствовали подъему города. Данные о нижегородском ремесле и торговле в 40—70-е годы XIV в. тщательно собраны и проанализированы А. М. Сахаровым⁶⁹. Среди нижегородских ремесленников были представители таких сложных средневековых ремесел, как литейщики колоколов и золотильщики по меди⁷⁰. Летописный рассказ 1366 г. упоминает восточных купцов, торговавших в Нижнем Новгороде⁷¹. Особо следует подчеркнуть тот факт, что Нижний Новгород был вторым после Москвы городом Северо-Восточной Руси, где приступили к строительству каменного кремля⁷². В нижегородском Спасском соборе при Константине Васильевиче началось ведение летописных записей⁷³. Новое княжество и его столица стали одними из самых значительных на русском Северо-Востоке, а нижегородский князь начал играть крупную роль не только на Руси, но и во всей Восточной Европе. Кон-

стантин Васильевич сумел породниться с великим князем литовским Ольгердом, тверским князем Михаилом Александровичем и ростовским князем Андреем Федоровичем⁷⁴. В 1347 г. нижегородский князь добился учреждения особой Суздальской епископии⁷⁵. После смерти Симеона Гордого он сделал попытку захватить стол великого княжения во Владимире, однако в Орде его притязаний не поддержали⁷⁶.

После смерти Константина Васильевича в 1355 г. нижегородский стол перешел к его старшему сыну Андрею, которому, впрочем, пришлось добиваться утверждения своих наследственных прав в Орде⁷⁷. Кроме Андрея у Константина было еще три сына: Дмитрий (в крещении Фома), Борис и другой Дмитрий, по прозвищу Ноготь⁷⁸. Каждый из них по отцовскому завещанию получил удел. Дмитрий-Фома стал княжить в Суздале⁷⁹. Дмитрий Ноготь упоминается в летописи с определением «Суздальский»⁸⁰. Можно думать, что Ноготь также имел владения в Суздале. Предположение подтверждается при обращении к документам XV—XVI вв., в которых перечисляются владения потомков Ногтя. Так, князю Андрею Андреевичу Ногтеву в 40-х годах XV в. принадлежало вотчинное с. Коровническое⁸¹ (на северо-западной окраине Суздаля), а также с. Медвежий Угол⁸². Как свидетельствует один из древнейших русских родословцев, сохранившийся в списке 40-х годов XVI в. и обнаруженный несколько лет назад автором этих строк, А. А. Ногтев был правнуком Дмитрия Ногтя⁸³. Внукам А. А. Ногтева в начале XVI в. принадлежали дер. Масловская и земли близ деревень Бологово, Бушманово, Щитниково, Яковлево, Селышки, Старое и Новое Лямцыно, Змеинская, Стройково, Борщово, Малое Голубцово⁸⁴. Эти деревни были расположены по рекам Вязме и Ухтоме, притокам р. Уводи, на которой стояло с. Медвежий Угол. Судя по фрагментам владений Ногтевых в XV—XVI вв., удел их родоначальника Дмитрия Ногтя охватывал район среднего течения р. Уводи, низовья Вязьмы и Ухтомы⁸⁵ и часть подгородних суздальских сел⁸⁶.

По логике вещей третьему сыну Константина Васильевича Борису должен был достаться Городец. Так полагал А. В. Экземплярский, а вслед за ним — А. Е. Пресняков⁸⁷. Прямых доводов в пользу верности своих заключений у обоих историков не было. Сохранилось, однако,

Поучительное послание митрополита Алексея церковникам и прихожанам «всего предела Новгородского и Городецского», на основании которого можно сделать вывод о принадлежности Борису Городца после смерти родителя⁸⁸. Таким образом, послание главы русской церкви, оставленное почему-то без внимания и А. В. Экземплярским, и А. Е. Пресняковым, подтверждает их точку зрения.

Приведенные факты свидетельствуют, что после смерти первого нижегородского князя Константина Васильевича в Нижегородском княжестве четко обозначился тот внутренний строй удельных отношений, какой был типичен и для других русских княжеств XIV в. Более полувека назад А. Е. Пресняков писал о невыработанности устойчивых форм внутреннего политического строя Нижегородского великого княжества, объясняя это бурной и скоротечной судьбой данного государственного образования⁸⁹. С тех пор его вывода никто не подтверждал, но никто и не опровергал. На самом деле, как показывает анализ летописных и актовых материалов, многие из которых выявлены сравнительно недавно, в Нижегородском княжестве во второй половине 50-х годов XIV в. складывается достаточно прочная система уделов. Несмотря на напряженные условия своего внешнего существования⁹⁰, восточная окраина старой Владимирщины развивалась так же, как остальная Русь.

Феодальное дробление Нижегородского княжества на первых порах не помешало нижегородским князьям продолжить борьбу общерусского масштаба за великое княжение Владимирское, какую начал Константин Васильевич. Правда, старший из Константиновичей Андрей в 1356 г. вынужден был заключить соглашение с Иваном Ивановичем московским, занимавшим в то время владимирский великокняжеский стол, по которому признавал себя «братом младшим» великого князя⁹¹ и, вероятно, отказывался от противоборства с Москвой⁹². Зато второй сын Константина, сидевший в Суздале, — Дмитрий-Фома, смело принял эстафету отца. Когда после смерти Ивана Ивановича освободился владимирский великокняжеский стол, Дмитрий Константинович сумел получить у хана Науруса ярлык на великое княжение, причем действовал он при поддержке старшего брата Андрея⁹³. 22 июня 1360 г. Дмитрий был торжественно посажен на стол во

Владимире⁹⁴. Он занимал его в течение двух лет, опираясь на помощь нижегородского и других князей⁹⁵. Но в 1362 г. московский князь Дмитрий Иванович (точнее, его окружение, потому что самому Дмитрию было тогда всего двенадцать лет) добился у очередного ордынского хана Амурата⁹⁶ ярлыка на владимирское княжение⁹⁷. Дмитрий суздальский пытался удержать Владимир за собой, но был выбит оттуда московскими войсками. На следующий год Дмитрий Константинович сделал попытку силой захватить Владимир, ему даже удалось продержаться там целую неделю, но московский князь вновь изгнал соперника из столицы и даже осадил его в вотчинном Суздале. В конце концов дело кончилось миром⁹⁸. Тем не менее суздальский князь не оставил своих замыслов. Он отправился в Нижний Новгород, очевидно, искать поддержки старшего брата. Однако в это время в Нижегородском княжестве случились события, которые лишили Дмитрия суздальского прежней опоры.

Сидевший в Городце третий сын Константина Васильевича Борис, воспользовавшись тем, что старший брат Андрей, видимо, устранился от дел⁹⁹, а другой брат — Дмитрий-Фома втянулся в борьбу за владимирский стол, захватил в 1363 г. Нижний Новгород¹⁰⁰. И когда после перемирия с московским князем Дмитрий Константинович вместе с матерью и суздальским владыкой Алексеем приехал в Нижний Новгород, Борис его не принял. Дмитрий вынужден был вернуться в свой Суздаль¹⁰¹. Чувствуя, что за нижегородский стол предстоит борьба, Борис укрепил город, несмотря на препятствия со стороны Дмитрия, заключил какое-то соглашение с Москвой и начал хлопотать в Орде о ханском ярлыке на Нижний Новгород¹⁰². Возможно, Борис рассчитывал также на помощь своего тестя, великого князя литовского Ольгерда.

В столь круто изменившихся обстоятельствах Дмитрий Константинович какое-то время продолжал действовать по инерции. В конце 1363 г. или начале 1364 г. он послал в Орду своего старшего сына Василия за ярлыком, но не на Нижегородское княжение, а на великое княжение Владимирское.

Вскоре, однако, суздальскому князю стало ясно, что без поддержки нижегородцев он не в состоянии собственными силами бороться за Владимир с Москвой. И когда в конце 1364 г. из Орды вернулся его сын с ханским

послом и со столь желанным ранее ярлыком на Владимир, Дмитрий Константинович вынужден был добровольно уступить его московскому князю. Обнаружилось также, что собственных сил у Дмитрия суздальского не хватает даже для того, чтобы восстановить справедливость и отнять Нижний Новгород у незаконно захватившего его младшего брата. Поэтому вместе с передачей владимирского ярлыка Дмитрию московскому суздальский князь «испробовал и взял себе у него силу къ Новугороду къ Нижнему на брата своего князя Бориса»¹⁰³. Когда на Бориса не подействовали ни дипломатическое вмешательство Москвы в «подел» княжения между братьями, ни церковные санкции митрополита Алексея, упразднившего Суздальскую епархию, в действие вступили войска¹⁰⁴. С московскими полками и многочисленной суздальской ратью Дмитрий Константинович двинулся на Нижний Новгород. Однако до кровопролития дело не дошло. Борис встретил брата у Бережца (село на левом берегу Оки, несколько выше устья Клязьмы), «кланяся и покаяряся и прося мира»¹⁰⁵. Мир был заключен. Нижний Новгород перешел к Дмитрию, а Борис вернулся в свой прежний удел — Городец. Летописные данные конца 60-х — начала 70-х годов XIV в. свидетельствуют о том, что Борису принадлежали земли по р. Суре¹⁰⁶. Получил ли он их по отцовскому завещанию, по договору с братом в 1364 г. или позднее, сказать трудно. Во всяком случае, первая внутренняя «смута» в Нижегородском княжестве была ликвидирована.

Кризис 1363—1364 гг. ясно показал большое значение Нижнего Новгорода как в системе нижегородских уделов, в которой его главенствующая роль выявилась с полной четкостью и определенностью, так и в Восточной Европе вообще. Богатый волжский город, восточные ворота средневековой Руси, манил к себе многих. В «домашний» конфликт Дмитрия с Борисом вмешались Орда, Москва и Литва¹⁰⁷. Каждое из этих государств было еще не в состоянии полностью подчинить себе Нижегородское княжество, поэтому речь могла идти только о тесном политическом союзе с нижегородским князем, быть может, точнее, известном политическом подчинении нижегородского князя одному из этих государств при сохранении целостности и суверенности его владений. Противоборство

братьев закончилось победой Дмитрия, которого поддержала Москва. Но за главный стол Нижегородского княжества, за сохранение внутреннего единства Дмитрий Константинович заплатил дорогой ценой: с 1364 г. нижегородские князья отказываются от борьбы за владимирское наследие, от осуществления широких общерусских политических задач, которые одно время ставили перед собой Константин Васильевич и сам Дмитрий.

Положение Дмитрия Константиновича на нижегородском столе упрочилось после смерти (2 июня 1365 г.) его старшего брата Андрея¹⁰⁸. Выдачей замуж в 1366 г. двух своих дочерей — младшей Евдокии за великого князя Дмитрия московского и старшей Марии за московского тысяцкого Микулу (Николая) Васильевича Вельяминова¹⁰⁹ — нижегородский князь обеспечил себе поддержку главы русских князей и его ближайшего окружения. «Единочество» с Москвой вначале принесло Дмитрию Константиновичу определенные выгоды. Братья Борис, несмотря на скрытое недовольство¹¹⁰, и Дмитрий Ноготь послушно ходили под его рукой. В 1374 г. была восстановлена суздальская кафедра¹¹¹. Ряд успешных походов на татар (в 1367, 1370 и 1374 гг.) позволил нижегородскому князю, видимо, несколько расширить свои владения и даже посадить своего ставленника в древнем Булгаре¹¹².

Удачи сопутствовали Дмитрию до 1375 г., когда усилившаяся и приблизившаяся к русским пределам Орда Мамаю¹¹³ начала активные действия против Нижегородского княжества. В 1375 г. татары Мамаю ограбили запьянские волости¹¹⁴. В том же году Нижний Новгород подвергся разбойничьему нападению новгородских ушкуйников¹¹⁵. В 1377 г., несмотря на помощь Москвы, татары Мамаю вместе с мордовскими князьями нанесли поражение русским воеводам на р. Пьяне и «изгоном» захватили Нижний. В течение трех дней они грабили брошенную князьями и жителями на произвол судьбы столицу княжества, убивали или захватывали в плен уцелевших горожан, а перед уходом подожгли город¹¹⁶. Осенью того же 1377 г. пришедший из заволжских степей царевич Арапша «повоевал» Посурье, а осмелевшие мордовские князья внезапным нападением опустошили юг Нижегородского уезда¹¹⁷. Летом 1378 г. татары вновь неожиданно захватили Нижний Новгород, подожгли его,

а на обратном пути ограбили уезд¹¹⁸. Эти тяжкие удары потрясли Нижегородское княжество. Население бежало на север и в центральные области¹¹⁹.

События 1375—1378 гг. показали, что московский князь не в состоянии обеспечить безопасность своего союзника. Для Дмитрия нижегородского становилось ясным, что участие в осуществлении широких политических замыслов зятя (например, участие в войне с Тверью в 1375 г., когда на Нижний напали ушкуйники) отвлекает силы княжества и тем самым ставит под угрозу само его существование. Между союзниками назревал конфликт. В 1380 г. нижегородский князь еще помог Дмитрию московскому. На Куликовом поле сражались суздальские полки¹²⁰, хотя не было городецких и нижегородских. Но в 1382 г., когда близ нижегородских пределов появился двигавшийся на Москву хан Тохтамыш, Дмитрий Константинович послал ему в помощь двух своих сыновей. Их предательское поведение, приведшее к сдаче Москвы, ее жесточайшему опустошению и резне, учиненной татарами¹²¹, лишило нижегородского князя великокняжеской поддержки.

Это немедленно привело к новой вспышке междоусобной борьбы среди нижегородских князей. Уже осенью 1382 г. Борис городецкий отправился в Орду¹²². На следующий год к нему присоединился его сын Иван¹²³. Чувствуя неладное, Дмитрий Константинович послал в 1383 г. к Тохтамышу своего младшего сына Семена¹²³. Но хан не спешил с решением. Лишь узнав о смерти Дмитрия (5 июля 1383 г.), Тохтамыш отпустил на Русь Бориса, Ивана и Семена, передав первому Нижний Новгород, а Семену — Суздаль¹²⁴. По мнению А. Н. Насонова, «в противовес Москве Тохтамыш выдвигал Нижегородское княжество, где держал старого врага Москвы князя Бориса»¹²⁵. Такое заключение нуждается в известной корректировке. Борис не был простой марионеткой в руках Орды, а Москва не была еще достаточно сильна, чтобы поглотить Нижегородское княжество. И Борис маневрировал. В 1386 г. после поездки в Орду он принял участие в походе Дмитрия Донского на Новгород Великий¹²⁶. В 1388 г. из Орды вернулся старший Дмитриевич — Василий с ярлыком Тохтамыша на Городец¹²⁷. Очевидно, уделы внутри Нижегородского княжества продолжали существовать, но под напором внешней силы

обычные русские нормы столонаследия в княжестве сложились. Теперь владение тем или иным столом зависело от хана. Однако порядок, установленный им, вызвал противодействие Василия и Семена Дмитриевичей, которых поддержал их зять — Дмитрий Донской.

В 1388 г. соединенные силы этих князей осадили Нижний Новгород. Борис Константинович вынужден был капитулировать. 15 марта 1388 г. был заключен мир, по которому Борис «сступился» племянникам «волостеи Новгородскихъ, а[о]ни ему отступишася его уделовъ»¹²⁸, т. е., очевидно, — Городца и Посурья. Но как только умер московский великий князь, Борис городецкий поспешил к Тохтамышу¹²⁹. Занятый борьбой с Тимуром, ордынский хан не сразу помог своему улуснику. Лишь в 1391 г. Борис вернулся на Русь и снова сел в Нижнем Новгороде¹³⁰. О судьбе Василия и Семена Дмитриевичей источники ничего не сообщают. По логике предыдущих событий они должны были опять обратиться за помощью к Москве.

Однако на сей раз дело кончилось иначе. Нижегородское боярство, терзаемое постоянными раздорами местных князей, вступило в сношения с Василием Дмитриевичем московским¹³¹. Последний решит дело в обход хана не осмелился. 16 июля 1392 г. он отправился в Орду¹³². Там за громадную сумму он купил ярлык на Нижний Новгород¹³³. В октябре 1392 г. вместе с ордынским послом московский князь вернулся на Русь. Дойдя до Коломны, Василий Дмитриевич отпустил посла и своих бояр к Нижнему Новгороду, а сам направился к Москве¹³⁴. Прибывшие в Нижний татары и московские бояре с помощью бояр нижегородских и, видимо, при поддержке горожан (татары и москвичи «начаша въ колоколы звонити, стекошася людие», т. е. собралось вече) быстро и без кровопролития свергли Бориса с нижегородского стола¹³⁵. 6 ноября 1392 г. в Нижний Новгород приехал московский князь. Здесь он пробыл довольно долго — семь недель¹³⁶. Когда были улажены все вопросы, связанные с будущим князей нижегородского дома и административным устройством присоединенной территории, Василий Дмитриевич вернулся домой. В Нижнем Новгороде начал управлять московский наместник — сын смоленского князя Дмитрий Александрович Всеволож¹³⁷. Самостоятельный нижегородский стол был ликвидирован.

Ликвидация княжеского стола в Нижнем Новгороде не означала еще присоединения к Москве всего Нижегородского княжества. Данное обстоятельство приходится особенно подчеркивать потому, что до сих пор в исторической литературе события 1392 г. трактуются исключительно как присоединение всего княжества¹³⁸. Однако источники не подтверждают этой точки зрения. В самом деле, раздавая с 1383 г. ярлыки нижегородским князьям, Тохтамыш строго различал ярлыки на Нижний Новгород и, скажем, на Городец. Ярлык на Нижний Новгород являлся ярлыком на удел Нижегородского княжества, но не на все это княжество. Очевидно, уступая в 1392 г. за большую цену московскому князю ярлык на Нижний Новгород, ордынский хан не отказывался в принципе от своей традиционной политики расчленения русских земель, рассчитывая контролировать другие уделы Нижегородского княжества: Суздаль и Городец. Эти два удела после 1392 г. не теряют своей самостоятельности. В Суздале княжил сведенный с нижегородского стола Борис Константинович, под контролем которого находились и земли по р. Суре — часть его владений еще в те времена, когда был жив Дмитрий Константинович¹³⁹, а в Городце до своей смерти в 1403 г. сидел, хотя, возможно, и с перерывом, Василий Дмитриевич¹⁴⁰, получивший ярлык на этот стол еще в 1388 г.

Впрочем, лишение нижегородских князей стольного города в корне подрывало их могущество и самостоятельность. Московский князь недаром добивался в Орде ярлыка именно на Нижний Новгород. Последний по своему значению далеко превосходил остальные города Нижегородского княжества. И хотя местные князья на протяжении нескольких десятилетий, опираясь на Орду, вели ожесточенную борьбу с московскими князьями за восстановление нижегородской самостоятельности, что, кстати, им иногда удавалось, переход Нижнего в руки Москвы предопределил судьбу остальных владений потомков. Константина Васильевича. И Городец, и Суздаль в конце концов также были присоединены к Москве. Но на это ушло без малого еще 60 лет после 1392 г.¹⁴¹

- 1 ПСРЛ, т. 1, изд. 2-е. Л., 1926—1928, стб. 84 (под 6493 г.), стб. 107; С. А. Богуславский. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. «Известия отделения русского языка и словесности», т. ХХІХ, Л., 1925, стр. 150—151. Встречающийся здесь этноним «сребрены болгары» означает волжских болгар. Ср. ПСРЛ, т. 2, изд. 2-е. СПб., 1908, стб. 625.
- 2 А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 142.
- 3 По свидетельству Сказания о Владимирской иконе божьей матери (памятник XII в.), Андрей Боголюбский, взяв пять болгарских городов, «прочии города осади дань платити». Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (далее — ОР ГБЛ), ф. 98, № 637, л. 384.
- 4 И название «Городец», и название «Радилов» являются русскими. Второе наименование города происходит от личного имени Радил, Радило — ср. ПСРЛ, т. 1, стб. 316; т. 2, стб. 535.
- 5 ПСРЛ, т. 1, стб. 364, под 6680 г. ультрамартовским. О дате см.: Н. Г. Березков. Хронология русского летописания. М., 1963 стр. 77. Исследователи прошлого столетия считали, что Городец Волжский основан в 1152 г. после того, как в борьбе с Изяславом Мстиславичем Юрий Долгорукий потерял Городец под Киевом. См., например: Зеленец.
- О христианстве, как оно началось и распространялось в пределах нынешней Нижегородской епархии, «Нижегородские епархиальные ведомости», часть неофициальная, № 17, 1865, стр. 36—37. Эта догадка в позднейших работах получила значение исторического факта: А. Ф. Медведев. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 158. В действительности, Городец Радилов был основан после 1164 г. См.: В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII в. (центры и границы). «История СССР», 1969, № 2, стр. 86—87.
- 6 О границах мари по археологическим данным и данным топонимики см.: С. К. Кузнецов. Русская историческая география, вып. 1. М., 1910, стр. 50—72.
- 7 А. Ф. Медведев. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге, стр. 161.
- 8 ПСРЛ, т. 24. Пг., 1921, стр. 77.
- 9 ПСРЛ, т. 1, стб. 364, под 6680 г.; стб. 400, под 6694 г.; ПСРЛ, т. 25, М.—Л., 1949, стр. 117, под 6728 г.
- 10 «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — ДДГ). М.—Л., 1950, № 16, стр. 43.
- 11 ПСРЛ, т. 25, стр. 116.
- 12 Данные сотной частично опубликованы: А. И. Звездин. Материалы по истории заселения Нижегородского края. «Сбор-

- ник документов Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. VII. Нижний Новгород, 1908. Неполная копия XVIII в. сотной 1560 г. хранится в Горьковском областном историко-архитектурном музее-заповеднике, д. 13309, лл. 26—36 (первые 25 листов рукописи утрачены).
- ¹³ ПСРЛ, т. 1, стб. 364; т. 25, стр. 116.
- ¹⁴ Под 1175 г. в летописи упоминается безымянный «город», данный Андреем Боголюбским владимирскому собору св. Богородицы. ПСРЛ, т. 2, стб. 599. Под 1239 г. летопись называет этот стоявший в низовьях Клязьмы город — Гороховец. ПСРЛ, т. 1, стб. 470.
- ¹⁵ ПСРЛ, т. 25, стр. 116—117.
- ¹⁶ Там же, стр. 117 и прим. а.
- ¹⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 448—449, 450—451, под 6734, 6736 и 6737 гг.
- ¹⁸ На связь построения Нижнего Новгорода с результатами русско-булгарской войны 1220 г. указывал еще Н. И. Храмцовский, однако он не до конца выявил и объяснил эту связь: *Н. И. Храмцовский. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, ч. 1. Нижний Новгород, 1857, стр. 5—6.*
- ¹⁹ ПСРЛ, т. 1, стб. 445, под 6729 г.
- ²⁰ *И. А. Кирьянов, В. Ф. Черников. У истоков истории г. Горького. К итогам археологических раскопок в Нижегородском кремле. «Горьковская правда», 21.X 1964.*
- ²¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 447, под 6733 г.
- ²² Там же, стб. 468. Монастырь был построен до апреля 1229 г., когда он был сожжен мордовским князем Пургасом. ПСРЛ, т. 1, стб. 451, под 6737 г.
- ²³ *А. К. Кабанов. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», т. XIV. Нижний Новгород, 1913, № 2, стр. 3—7.*
- ²⁴ ПСРЛ, т. 1, стб. 450, под 6736 г., стб. 451, под 6737 г.
- ²⁵ Там же, стб. 464, 470.
- ²⁶ Подробнее см.: *В. А. Кучкин. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.). «Историческая география России». М., 1970, стр. 106—112.*
- ²⁷ *Г. А. Федоров-Давыдов. Клады джучидских монет. «Нумизматика и эпиграфика», вып. 1. М., 1960, стр. 95.*
- ²⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее — ГВНиП). М.—Л., 1949, № 3.
- ²⁹ *М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 332 и прим. 3 (точная выписка Н. М. Карамзина); ПСРЛ, т. 18. СПб., 1913, стр. 74.*
- ³⁰ НПЛ, стр. 325; ПСРЛ, т. 18, стр. 86. О датах см.: *Н. Г. Бережков. Указ. соч., стр. 120, 274. Известие Новгородской I летописи младшего извода было просмотрено А. Е. Пресняковым, который полагал, что только дан-*

- ные о смерти Андрея Александровича устанавливают его ближайшее отношение к Городцу: *А. Е. Пресняков*. Образование Великоорусского государства. «Летопись занятий Археографической комиссии», т. XXX. Пг., 1920, стр. 260.
- ³¹ *А. Е. Пресняков*. Указ. соч., стр. 260.
- ³² ПСРЛ, т. 5. СПб., 1851, стр. 204. Текст восходит к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. Ср. ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, стр. 253.
- ³³ См., например: *А. В. Экземплярский*. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II. СПб., 1891, стр. 396—397.
- ³⁴ ОР ГБЛ, ф. 178, № 3271, л. 39 об.
- ³⁵ Андрей Александрович умер 27 июля 1304 г. и был похоронен в Городце. ПСРЛ, т. 18, стр. 86, под 6813 г. ультрамартовским.
- ³⁶ *М. Д. Приселков*. Указ. соч., стр. 361. ПСРЛ, т. 18, стр. 87; т. 4, ч. 1, вып. 1, стр. 255; т. 5, стр. 205.
- ³⁷ ОР ГБЛ, ф. 256, № 364, лл. 233 об., 234; ПСРЛ, т. 18, стр. 89, под 6828 г.
- ³⁸ ОР ГБЛ, ф. 256, № 364, лл. 233 об., 234.
- ³⁹ НПЛ, стр. 469.
- ⁴⁰ Тверской источник относит смерть Александра Суздальского к 6839 г. (1331 г.). ПСРЛ, т. 15, вып. 1. Пг., 1922, стб. 46; т. 15. СПб., 1863, стб. 417; новгородский — к 6840 г. ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, стр. 265 и т. 5, стр. 220; московский — к 6841 г. ПСРЛ, т. 18, стр. 92. Статьи 6840 и 6841 гг. указанных летописей компи-
- лятивны, поэтому принимаем дату тверского источника. *А. В. Экземплярский* относит смерть Александра к 1332 г. (указ. соч., т. II, стр. 399).
- ⁴¹ НПЛ, стр. 469.
- ⁴² ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 53; *А. Н. Насонов*. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 97.
- ⁴³ *А. Е. Пресняков*. Указ. соч., стр. 261; ср. *А. Н. Насонов*. Монголы и Русь, стр. 97—98.
- ⁴⁴ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 54, под 6849 г.; *А. Н. Насонов*. Указ. соч., стр. 97.
- ⁴⁵ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 55, под 6851 г.
- ⁴⁶ Там же, т. 18, стр. 119, под 6885 г. В том году Арапша «пограби Засурье», т. е. земли нижегородского князя к востоку от Суры.
- ⁴⁷ Там же, стр. 115; т. 15, вып. 1, стб. 109, 112, под 6883 г., а также стб. 85, под 6875 г., стб. 118, под 6885 г.
- ⁴⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее — АСВР), т. III. М., 1964, № 298, 301.
- ⁴⁹ Там же, № 88, стр. 120.
- ⁵⁰ Там же, № 302.
- ⁵¹ *Г. Перетяткович*. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877, стр. 109 (данные жития Макария Желтоводского).
- ⁵² *Макарий*. Синодик XVI века в Нижегородском Печерском монастыре. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (далее — ЧОИДР), кн. 1. М., 1868, смесь, стр. 3.
- ⁵³ АСВР, т. III, № 303.
- ⁵⁴ О Тарасии Петрове см. там же, № 307, 308.

- 65 *А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 247.* В источнике не указана национальная принадлежность князя Муранчика, но Муран — мордовское прозвище.
- 66 Ср. Списки населенных мест Российской империи. Нижегородская губерния. СПб., 1863, № 2262, 2257, 3477.
- 67 ПСРЛ, т. 1, стб. 238; т. 2, стб. 228.
- 68 ПСРЛ, т. 24, стр. 73.
- 69 Там же, стр. 78.
- 60 АСВР, т. III, № 86, 92 а.
- 61 ДДГ, № 40.
- 62 АСВР, т. II, М., 1958, № 444, 436, 446, 453, 450; т. III, № 480.
- 63 ДДГ, № 17, стр. 47.
- 64 Там же, стр. 47; Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 248, кн. 11321, л. 582 об.
- 65 ДДГ, № 16, стр. 43.
- 66 Там же, № 17, стр. 47.
- 67 Там же.
- 68 Там же, стр. 50. Здесь упомянута «Соль на Городце», что, по-видимому, является ранним названием Балахны.
- 69 *А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959, стр. 66—69.*
- 70 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 58, 134.
- 71 Там же, стб. 81.
- 72 Там же, стб. 100. Кремль, правда, достроен не был.
- 73 *А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, стр. 171—172.*
- 74 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 61, под 6860 г.; стб. 60, под 6858 г.
- 75 Там же, стб. 57—58.
- 76 НПЛ, стр. 363; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, стр. 286; т. 5, стр. 228; т. 27. М.—Л., 1962, стр. 241, 325.
- 77 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 64, под 6864 г.
- 78 Там же, стб. 74, 85, 110; *М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 398, прим. 3.*
- 79 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 72, под 6870 г.: Дмитрий «паки бежа изъ Володимеря въ свои градъ Суждаль въ свою отчину».
- 80 Там же, стб. 110; *М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 398, прим. 3.*
- 81 АСВР, т. II, № 441.
- 82 Там же, № 466.
- 83 Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР, 17.15.19, л. 292.
- 84 АСВР, т. III, № 500, стр. 513 (пояснения к акту № 500).
- 85 И. А. Голубцов в свое время считал, что владения Ногтя охватывали весь бассейн р. Уводи. АСВР, т. III, стр. 513. Однако картографирование владений потомков Ногтя заставляет прокорректировать вывод И. А. Голубцова.
- 86 Возможно, Дмитрию Ногтю кроме села Коровнического принадлежали также находившиеся под Суздалем села Мининское и Романовское, упоминаемые в известной данной черницы Марины. АСВР, т. III, № 93, стр. 491—492 (пояснения к акту № 93).
- 87 *А. В. Экземплярский. Указ. соч., стр. 404; А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 265 и прим. 3. По мне-*

- нию А. В. Экземплярского, Борис получил Городец из рук старшего брата Андрея. Возражая А. В. Экземплярскому, А. Е. Пресняков считал более логичным получение Борисом Городца по отцовскому ряду.
- ⁸⁸ *К. И. Невоструев*. Вновь открытое Поучительное послание святого Алексия, митрополита Московского и всея Руси. «Душеспособное чтение», ч. 1. М., 1861, стр. 452.
- ⁸⁹ *А. Е. Пресняков*. Указ. соч., стр. 259.
- ⁹⁰ Выражение А. Е. Преснякова (там же).
- ⁹¹ ПСРЛ, т. 27, стр. 241, 326; т. 5, стр. 228 (список Царского).
- ⁹² После смерти Ивана московского ордынский хан Наурус предложил стол Владимирского княжения Андрею нижегородскому, но тот уступил его брату Дмитрию. ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 68, под 6867 г.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же, стб. 69; т. 18, стр. 100.
- ⁹⁵ Там же, т. 15, вып. 1, стб. 69, под 6868, стб. 70, под 6869 г.
- ⁹⁶ В этот период в Орде происходила, по выражению летописи, «замятня» и ханы сменяли друг друга очень часто. См.: *А. Н. Насонов*. Монголы и Русь, стр. 117—120.
- ⁹⁷ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 72, под 6870 г.
- ⁹⁸ Там же, стб. 74; т. 18, стр. 102.
- ⁹⁹ По сообщению Никоновской летописи, Андрей Константинович примерно за год до смерти постригся в монахи. ПСРЛ, т. 11. СПб., 1897, стр. 3.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 74. Следует заметить, что уже в Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в. нижегородские события 60-х годов XIV в. были изложены логично внешне, но неточно по существу. Захват Борисом Нижнего Новгорода был связан со смертью Андрея нижегородского, последовавшей 2 июня 1365 г. И вся начавшаяся затем борьба между Дмитрием и Борисом отнесена к концу 1365 г., может быть, к началу 1366 г. См.: ПСРЛ, т. 5, стр. 230 и т. 4, ч. 1, вып. 1, стр. 291. Эта версия сводчиков попала в более поздние летописные памятники, а потом перешла в труды историков. Ср.: *А. Е. Пресняков*. Указ. соч., стр. 268, прим. 2 и стр. 269. Между тем старшие летописные своды, в частности Рогожский летописец и восходящая к Троицкой часть Симеоновской летописи, излагают события в иной хронологической последовательности и более полно.
- ¹⁰¹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 74.
- ¹⁰² Там же, стб. 74, 75 (осенью 1363 г. Борис послал в Москву для переговоров своих бояр, которых пытался перехватить по дороге сын Дмитрия суздальского Василий Кирдяпа, но не совсем успешно). ПСРЛ, т. 5, стр. 230; т. 4, ч. 1, вып. 1, стр. 191, под 6873 г. (о приезде в Нижний ордынского посла с ярлыком для Бориса).
- ¹⁰³ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 78.

- 104 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 78; т. 5, стр. 230; т. 4, ч. 1, вып. 1, стр. 292. Следует заметить, что Н. П. Лихачев почему-то посчитал точные слова источника «о поделе» опиской и заменил их в изданном тексте ошибочной конъектурой «о то[м] деле». ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 78 и прим. 2.
- 105 Там же, стб. 78.
- 106 Там же, стб. 85, под 6875 г., стб. 100, под 6880 г.
- 107 Спустя несколько лет после столкновения Дмитрия с Борисом, в 1371 г., Ольгерд литовский напоминал константинопольскому патриарху Филофею, что митрополит Алексей и московский великий князь «зятя моего нижегородского князя Бориса схватили и княжество у него отняли». «Русская историческая библиотека», т. VI, ч. 1. СПб., 1908, приложения, стб. 136.
- 108 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 78—79.
- 109 Там же, стб. 83, под 6874 г.; т. 25, стр. 250, под 6941 г.
- 110 Косвенное свидетельство тому — упоминавшееся в прим. 107 Послание Ольгерда патриарху Филофею от 1371 г.
- 111 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 105.
- 112 Там же, стб. 85, 92, 106.
- 113 *А. Н. Насонов*. Монголы и Русь, стр. 123—124 (границы кочевий Мамаю).
- 114 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 109, 112.
- 115 Там же, стб. 114.
- 116 Там же, стб. 119.
- 117 Там же, стб. 119—120.
- 118 Там же, стб. 133—134.
- 119 Там же, стб. 119, 133;
- А. Н. Насонов*. Материалы и исследования по истории русского летописания. «Проблемы источниковедения», вып. VI, стр. 247. Вероятно, к этому времени относится появление нижегородцев на Вятке, которую в 40-х годах XV в. нижегородские князья считали своей «отчиной». ДДГ, № 40, стр. 119.
- 120 Согласно «Задонщине», в Куликовской битве погибло 50 суздальских бояр. «Повести о Куликовской битве». М., 1959, стр. 17; А. Е. Пресняков отрицал участие нижегородских князей в Донском побоище (*А. Е. Пресняков*. Указ. соч., стр. 274).
- 121 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 143; т. 4, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 332—333.
- 122 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 147.
- 123 Там же, стб. 148. Старший сын Дмитрия Василий с 1382 г. находился при Тохтамыше в качестве заложника (там же, стб. 146).
- 124 Там же, стб. 149. О Суздале как вотчине Семена Дмитриевича свидетельствует летописная запись под 1388 г. (там же, стб. 154).
- 125 *А. Н. Насонов*. Монголы и Русь, стр. 137.
- 126 ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 151; т. 5, стр. 241; т. 4, ч. 1, вып. 2, стр. 345 (упомянуты суздальская, городецкая и нижегородская рати).
- 127 Там же, т. 15, вып. 1, стб. 154.
- 128 Там же.
- 129 Там же, стб. 156.
- 130 Там же, стб. 160; т. 18, стр. 141 (здесь Борис наз-

- ван князем великим Нижнего Новгорода).
- ¹³¹ Заговорщиков возглавил старейший из нижегородских бояр Василий Румянец, возможно, тот самый боярин Василий Олексич, который еще в 1363 г. вел в Москве переговоры от лица Бориса с Дмитрием московским. ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 162, 75.
- ¹³² ПСРЛ, т. 23. СПб., 1910, стр. 132; т. 25, стр. 219.
- ¹³³ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 162; т. 18, стр. 142. Летом предшествовавшего 1391 г. Тохтамыш потерпел поражение от Тамерлана и для продолжения борьбы, по-видимому, нуждался в средствах. *А. Н. Насонов*. Монголы и Русь, стр. 138; «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды», вып. II. М.—Л., 1941, стр. 117—118.
- ¹³⁴ ПСРЛ, 15, вып. 1, стб. 162, 164 (здесь дублировано известие о получении Василием Нижнего Новгорода).
- ¹³⁵ О поддержке нижегородцами московских послов уже писал и, думается, справедливо Л. В. Черепнин в кн. «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках» (М., 1960, стр. 670). В то же время автор указанной монографии считает, что присоединение Нижнего Новгорода к Москве было результатом военного похода москвичей и татар на Нижний (стр. 664, 667). Разделяя предположение Л. В. Черепнина, что при ордынском после мог быть какой-то вооруженный отряд, трудно согласиться с автором в том, что сведение с нижегородского стола князя Бориса явилось результатом похода Василия Дмитриевича на Нижний Новгород. Вывод о походе Л. В. Черепнин строит на основании текста Львовской летописи (стр. 664). Однако Львовская летопись — очень поздний источник, сведения которого за ранний период могут быть неточны. Хотя указание о походе «ратью» Василия Дмитриевича на Нижний Новгород содержится и в более старом источнике — Новгородско-Софийском своде 30-х годов XV в., но и там это свидетельство — явная вставка позднейших редакторов, что обнаруживается сравнением Софийской I и Новгородской IV летописей с Новгородской I летописью. Ср.: ПСРЛ, т. 5, стр. 245, и т. 4, ч. 1, вып. 2, стр. 372, под 6900 г., а также НПЛ, стр. 385. Древнейшие летописные своды не содержат записей о применении московским князем вооруженной силы при присоединении Нижнего. См.: ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 162; т. 18, стр. 142; НПЛ, стр. 385.
- ¹³⁶ ПСРЛ, т. 25, стр. 220; т. 23, стр. 133; т. 24, стр. 159.
- ¹³⁷ Там же. О происхождении Д. А. Всеволожа см.: *С. Б. Веселовский*. Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 490—491. Рогожский летописец сообщает о посажении московским князем не наместника, а наместников: «посади свои наместники» (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб.

- 163). Возможно, уже тогда отошедшая к Москве территория была поделена на три наместничества: собственно Нижегородское, Курмышское и Лысковское; о последних сообщает документ 1423 г. АСВР, т. III, № 296.
- ¹³⁸ *А. Н. Насонов*. Монголы и Русь, стр. 139; *Л. В. Черепнин*. Указ. соч., стр. 663 (заголовок § 4).
- ¹³⁹ *М. Д. Приселков*. Указ. соч., стр. 144 и прим. 3; АСВР, т. II, № 436, 444, 446, 453, 438, 450; т. III, № 480 — владения сыновей и внуков Бориса Константиновича; «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. 1. М., 1951, № 299.
- ¹⁴⁰ *М. Д. Приселков*. Указ. соч., стр. 456, прим. 8. Очевидно, только после смерти Василия Дмитриевича Городец попадает в руки князей московского дома. Ср. ДДГ, № 16, 17 (датировка Л. В. Черепниным этих грамот 1401—1402 гг. нуждается в исправлении).
- ¹⁴¹ Последним документом, свидетельствующим о существовании особого удела нижегородских князей, является договорная грамота великого князя Василия Васильевича Темного с князем Иваном Васильевичем Горбатым, заключенная между 15 декабря 1448 г. и 22 июля 1449 г. ДДГ, № 52.

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ С ЗАПАДНЫМИ СЛАВЯНАМИ В XII—XIV ВВ.

Я. Д. Исачевич

В исследованиях советских историков справедливо подчеркивается общность основных черт социально-экономического и политического строя Галицко-Волынского княжества и остальных древнерусских княжеств¹. Установлено и определенное сходство путей развития галицко-волынских земель и соседних западнославянских территорий, в частности Польши².

Культура Галицко-Волынского края изучалась фрагментарно, что обусловлено состоянием источников. Особенно трудно сравнивать галицко-волынскую культуру с культурой соседних княжеств и стран: для разных земель, как правило, сохранились источники, относящиеся к различным сторонам культурного процесса.

Мы рассмотрим только некоторые проблемы культурного развития галицко-волынских земель XII—XIV вв., в основном их связи с польской культурой. Этот вопрос не был темой сколько-нибудь всестороннего исследования, хотя высказывались самые разнообразные мнения: от почти полного отрицания связей Галицко-Волынской Руси с Польшей до утверждений, что с западным соседом она была связана больше, чем с остальными восточнославянскими княжествами.

XII — первая половина XIV в. — время подъема культурной жизни Галичины и Волыни, что было обусловлено всем ходом социально-экономического развития края в указанный период. Но, вполне очевидно, на характере культуры Галицко-Волынских земель сказались и особенности их истории в предыдущий период. Трудно переоценить значение того факта, что население здесь было восточнославянским издревле, начиная с того момента, когда археологические и лингвистические источники позволяют выделить восточных славян как особое этническое образование. Местное население уже тогда тысячами уз было связано со всем восточнославянским масси-

вом, разделяя с ним впоследствии основные этапы своего развития. Не лишена правдоподобия гипотеза о «Дулебском союзе» VI—VII вв., включавшем земли примерно от Горыни до Вепра, как одном из проявлений первоначального этапа государственности у восточных славян. Представляется несомненным и то, что позже местная правящая верхушка для упрочения своего классового господства стремилась опираться на поддержку мощных соседей — Великоморавского государства в конце IX в., Киевской Руси в середине X в. В третьей четверти X в. западные окраины Волыни (так называемые Червенские города в междуречье Вепра и Западного Буга) и Перемышльская земля (примерно до р. Стрый) очутились в зависимости от Чешского государства, которому в то время принадлежала и Южная Польша. С 981 г. эта западная полоса прикарпатско-волынского края окончательно вошла в состав Киевской Руси³.

Процесс феодальной раздробленности в Галичине и Волыни протекал примерно так же, как и в остальных районах Киевской Руси. В Галичине уже в конце XI в. укрепились Ростиславичи; в Волыни начало местной княжеской династии было положено в середине XII в. внуком Мономаха Изяславом Мстиславичем. Внук Изяслава Роман Мстиславич создал объединенное Галицко-Волынское княжество, достигшее особенного расцвета при Данииле Романовиче. Б. Д. Греков в свое время подчеркивал: «Нельзя забывать огромной важности факта — существования королевства Даниила Романовича, в состав которого входила не только вся Галицкая земля, но и часть Волыни, Подолия и самый Киев, государства, в котором политическая и общественная жизнь была ключом»⁴. Вплоть до первых десятилетий XIV в. галицко-волынские земли оставались краем развитой экономики⁵, яркой и самобытной культуры.

Через Галицко-Волынские земли проходили торговые пути, соединявшие Западную и Северную Европу с Востоком. Это весьма важно, так как экономическим связям почти всегда в той или иной степени сопутствовали культурные взаимосвязи и взаимовлияния.

Общественно-политический строй княжества, структура его государственного аппарата были обусловлены характером социально-экономических отношений. В то же время конкретные формы управления отражают также

разносторонние политические и культурные связи этих земель. Взять хотя бы систему государственных должностей, которая к началу XIII в. была уже достаточно развитой. В Галичине и Волыни мы встречаем тех же посадников, тысяцких, сотских, воевод, княжых и боярских тиунов, что и в других княжествах. В XIII в. свои тысяцкие были в столицах всех княжеств даже после их объединения под властью одного князя. Поскольку тысяцкие часто возглавляли боярскую оппозицию, князья противопоставляют им свой центральный аппарат управления во главе с дворским, своеобразным заместителем князя. Эта должность, соответствовавшая венгерскому палатину, в остальных княжествах встречалась редко. А к некоторым другим должностям находим аналогии в Византии (печатник) и у западных соседей (стольник, седельничий).

Укрепление государственной власти вызвало изменения в титулатуре князей. В Северо-Западной Руси начинает применяться титул «великий князь», в Галицко-Волынской Руси второй половины XIII в. князей все чаще именуют «царями», «цесарями». Этот титул наряду с другими применялся летописцами в отношении «самодержца» Романа Мстиславича, Даниила Романовича и даже Владимира Васильковича, чье княжество было сравнительно небольшим. По источникам известна лишь коронация Даниила Романовича королевской короной. Его сын Лев официально не принимал королевского титула, но на Западе его считали таким же государем, как западноевропейские короли. По случаю визита Льва в Чехию чешские хроники («Большая ждярская» и Индржиха Гейбургского) отметили: «В 1299 году был русский король в Брно у короля Вацлава»⁶. Юрий Львович именовался «королем Руси и князем Лодомирии» (Владимирского княжества), его сыновья Лев II и Андрей называли себя «князьями божьей милостью». На большой государственной («маестатичной») печати Юрий I изображен на престоле, в мантии, застегнутой цепью, с короной на голове и жезлом в правой руке. Эта печать изготовлена по западным образцам, однако большинство галицко-волыньских печатей (епископские и княжеские свинцовые буллы, буллы с загадочной надписью «дньѣслово», боярские перстни-печати) совершенно такие же, как и во всех остальных древнерусских княжествах.

Применявшиеся в Галицко-Волынском княжестве такие атрибуты княжеской власти, как венец (корона), жезл, знамя, были известны и в других феодальных княжествах. Однако в Галицко-Волынской земле форма княжеских инсигний и придаваемое им значение отражают определенное влияние западноевропейских обычаев, с которыми знакомились как непосредственно, так и через Венгрию, Польшу, Чехию.

К сожалению, характер имеющихся источников заставляет оперировать отдельными примерами, а не обобщениями, сделанными на основе изучения значительного фактического материала. Все же вряд ли случайно примеры из разных областей жизни средневекового общества подтверждают, что отдельные институты, заимствованные от ближних и дальних соседей, не переносились механически, а приспособлялись к местным условиям. Это свидетельствует о сложном характере становления культуры Галицко-Волынской Руси, как и всей культуры древнерусской народности.

Как и повсюду в то время, огромную роль в культурной жизни играли церковные учреждения. Очевидно, не позже XII — начала XIII в. вся территория края покрывается густой сетью церквей. О роли монастырей в указанный период почти не сохранилось источников. По-видимому, имения монастырей здесь были сравнительно небольшими, что не могло не повлиять на степень их участия в общественно-политической жизни. Представляется несомненным, что в среде белого и черного духовенства Галицко-Волынской Руси пришлое греческое духовенство не играло столь значительной роли, которая принадлежала в Польше и Чехии монахам, прибывшим из стран Запада.

Как и в соседних землях, в Галицко-Волынской Руси XII—XIII вв. письменность не была монополией духовенства. Буквенные клейма на керамике, надписи на сравнительно недорогих вещах свидетельствуют, что грамотные люди были и среди ремесленников, рядовых дружинников, княжеских слуг. В Звенигороде, Перемышле, Галиче найдены бронзовые стилусы (писала), применявшиеся при обучении грамоте. О существовании школ на Волыни свидетельствует житие митрополита-иконописца Петра. Семи лет он вместе с другими детьми «вдан бывает родителема книгам учиться» под руководством хоро-

шего учителя⁷. Похожую терминологию встречаем в надписи писца, «мастера» Иева на рукописи 1288 г. «Поучений Ефрема Сирина» о том, что у княжеского тиуна Петра был «сын именем Лаврентий», «его же уда учить святым книгам»⁸. Вероятно, здесь надо понимать не обучение грамоте, а более высокую ступень образования, включавшую элементы богословия, риторики, юридических знаний.

Образованные люди, знатоки иностранных языков работали в княжеских и епископских канцеляриях. Они готовили тексты грамот⁹, вели дипломатическую переписку, в том числе и на латинском языке. Особенности языка и дипломатики галицко-волынских грамот впоследствии повлияли на выработку дипломатической формы грамот Галицко-Волинской земли и Молдавского княжества второй половины XIV—XVI столетий.

Из рукописных книг, созданных или читавшихся в галицко-волынских землях XII—XIV вв., сохранилась ничтожная часть. Полагают, что именно здесь возникла древнейшая восточнославянская (так называемая вторая) редакция церковнославянского перевода новозаветных книг¹⁰. Ряд памятников (Христинопольский апостол XII в., Бучачское евангелие XII—XIII вв. и др.) сохранил Городищевский монастырь в Южной Волинии. В Холме при Льве Даниловиче переписаны Холмское евангелие XIII в., так называемое Галицкое евангелие Георгия-пресвитера, евангелие 1283 г. переписанное поповичем иоанновским Евсевием.

Опыт филологического анализа холмских рукописей позволяет ставить вопрос о том, что сквозь церковнославянскую основу текста литургических книг все более пробиваются лингвистические черты, свойственные языку восточного славянства¹¹.

Владимирский князь Владимир Василькович охарактеризован в летописи как «книжник велик и философ, якого же не бысть во всей земле, ни по нем не будет». С перемышльским епископом Мемноном он беседовал «много от книг». Перечисляя пожертвования князя церквам в своих городах (Владимир, Берестий, Вельск, Каменец, Любомль) и епископским кафедрам других княжеств (Луцкой, Перемышльской, Черниговской), летописец называет 36 книг. Часть их князь «списа» (т. е. заказал), некоторые — «сам списа», При дворе Владимира Василь-

ковича в 1286 г. была создана новая, более пространный редакция Кормчей на основе текста, выработанного несколько ранее под руководством митрополита-галичанина Кирилла и принятого на Владимиро-Суздальском соборе 1286 г.¹²

Работой придворных переписчиков и редакторов-переводчиков интересовалась и жена Владимира. В Кормчей 1286 г. ее составители указали: «Списан бысть сий Номоканон боголюбивым князем Владимиром сыном Васильковым и боголюбивою княгынею Ольгою Романовною... Пишущим наме сия книги, поехал господь наш к Ногаеви, а госпожа наша оста во Владимири, зане бяше немощь ю угонила зла люто, того ради немощно бысть ей проводить его». Заметка эта — летописная по характеру. По-видимому, составители Кормчей, работавшие на княжеском дворе, принимали участие в летописании, разумеется, под руководством близких князю светских или духовных сановников.

Памятники раннего галицкого летописания сохранились лишь частично. Вероятно, в Перемышле работал Василий, описавший в 1113—1116 г. ослепление Василько Ростиславича Теревовельского в 1097 г. и военные действия 1098—1099 г. Фрагменты перемышльского летописания 80—90 годов XI в. сохранились в составе «Истории Польши» Длугоша, а несколько статей, авторами которых можно считать галичан, — в Киевской летописи XII в.¹³ Местные летописцы были образованными людьми. Так, упоминавшийся Василий был знаком с Начальной летописью в ее первой редакции, а также с чешскими памятниками на старославянском языке о жизни и смерти князя Вячеслава. Впрочем, на Руси знали не только житие Вячеслава, но и памятники кирилло-мефодиевского цикла¹⁴. «Повесть об ослеплении Василько» подтверждает, что один из главных путей распространения великоморавских и древнечешских памятников шел через Галичину. Наличие общих кирилло-мефодиевских традиций облегчало также культурные связи юго-западных земель Руси с Польшей.

Как через южнославянские переводы, так и непосредственно из Византии могли проникать в древний Галич византийские литературные памятники.

Так, исследователи высказывают предположения о том, что перевод греческой поэмы о Дигенисе Акрите был, воз-

можно, сделан в Галицко-Волынском княжестве еще в XII—XIII вв.¹⁵ Мотивы ее были близки творцам дружинного эпоса, развивавшегося, может быть, здесь более интенсивно, чем в других княжествах. Некоторые авторы готовы были даже видеть сказителем такого эпоса «словутного певца Митуса», упоминаемого Галицкой летописью 1241 г. Эта смелая гипотеза была выдвинута еще в 1945 г. писателем А. Юговым, однако в дальнейшем данная точка зрения не была поддержана исследователями. Так, она стала предметом рассмотрения историка-литературоведа Н. П. Сидорова, который указал между прочим на причастность певца Митуса к церковной жизни только в качестве главного певца-регента^{15а}.

Галицко-Волынская Русь оказалась связанной и с влиянием западнославянской литературной традиции. Польский хронист Длугош цитирует латинский перевод песни-«славы» в честь ратных подвигов Мстислава Удатного. Фрагменты своеобразной «рыцарской поэзии» сохранились и в составе Галицко-Волынской летописи. Исходя из этих фактов, академик А. С. Орлов доказывал, что уже в XII в. сложилась особая литературная «галицко-волынская манера», которой были свойственны боевая красочность, любовь к метафорам, связи с западнославянской культурой¹⁶.

Летопись XIII в., которую принято называть Галицко-Волынской, дошла к нам в составе волынского свода конца XIII — начала XIV в. Первая его часть — свод, составленный, по-видимому, в г. Холме во второй половине 40-х и на протяжении 50-х годов XIII в. для обоснования политики Даниила Галицкого, считавшего свое княжество наследником широкой политической программы Киева как раннего центра всей Русской земли.

Холмский летописец коренным образом переделал киевский летописный свод, включавший Повесть временных лет и Киевскую летопись, доведенную до 40-х годов XIII в. В самом начале он поставил перечень киевских правителей (от Аскольда и Дира до Дмитрия — наместника Даниила Галицкого), а Киевскую летопись первых десятилетий XIII в. заменил собственной. При составлении последней были использованы та же Киевская летопись, часть Галицкой летописи Мстислава Удатного (возможно, автор — книжник Тимофей)¹⁷, документы канцелярии и архива Даниила Галицкого, отчеты бояр о походах и дипломатических акциях¹⁸. Летописание велось

под руководством близких сотрудников Даниила Романовича Галицкого: печатника Кирилла, холмского епископа Ивана.

Холмский летописец обладал незаурядным литературным талантом. Хотя речь его иногда риторически напыщена, автор этой части умеет передать драматизм ситуации. Даниил Галицкий воспевается здесь как мудрый государственный деятель и доблестный полководец, защитник родной земли от иноземных завоевателей. По мнению летописца, слава Даниила сопоставима только со славой Святослава Игоревича и Владимира Святославича. О походе 1229 г. читаем: «Иный бо князь не входил бе в землю Лядску толь глубоко, проче Володимира Великого». А поход в Чехию Даниил совершил впервые на Руси, туда не доходили «ни Святослав Хоробрый, ни Володимир святой».

Искренний патриотизм, чувство собственного достоинства сочетаются у холмского летописца с уважением к иноплеменникам. У него нет такой предвзятости к представителям других религий, какая свойственна многим западным и центральноевропейским хроникам XII—XIV вв., писавшимся католическими монахами. Таким образом, летопись не подтверждает концепции буржуазно-дворянских историков о том, что принятие византийского православия обязательно вело к конфессиональной замкнутости, тормозило международные культурные связи.

Начиная с 1261 г.¹⁹ летопись носит ярко выраженный волынский характер. Сводчик, работавший при дворе владимирово-волынского князя Владимира Васильковича, соединил летопись Даниила (использованную им, вероятно, в составе перемышльского свода Льва Даниловича²⁰) с волынскими летописными материалами. Характер изложения материала здесь ближе к традициям киевского летописания. Холмский летописец воспевал рыцарские подвиги небольших боярских дружин. Его волынский продолжатель писал, когда роль дружины уменьшилась, но возросло значение народного ополчения. Летописец нередко выражает симпатии к «людям простым» — горожанам, княжьим слугам. И по своим стилистическим особенностям волынская летопись рассчитана не на ценителей рыцарского эпоса, а на более широкий круг читателей. Автор избегает витиеватых оборотов, ассоциативной образности, главное его достоинство — конкретность и яс-

ность повествования. В языке гораздо меньше церковнославянизмов, чем в холмской части, зато имеется множество диалектных и просторечных слов. Не случайно в волинской летописи особенно много языковых черт, которые становились характерными для народного разговорного языка ²¹.

Ярко проявившийся в данном памятнике процесс зарождения нового литературного языка на основе разговорной речи резко затормозился после падения Галицко-Волинского княжества ²². Здесь сказалось то, что в условиях иноземного владычества и на Руси стали с опаской относиться ко всем новшествам, считая древнюю отечественную культуру лучшим средством борьбы против денационализации.

Следует отметить еще, что язык Галицко-Волинской летописи позволяет сделать некоторые наблюдения о культурных связях княжества с Венгрией, Чехией, Польшей и другими странами. К сожалению, в таком аспекте лингвистический анализ памятника почти не проводился. Вообще недостаточная изученность средневековых памятников зачастую не допускает однозначности выводов о хронологии культурных влияний. Так, то общее, что есть в лексике и фразеологии украинского и польского языков, но отсутствует в других восточнославянских языках, обычно считают исключительно результатом влияния польского языка на украинский в XVI—XVII вв. и позже. К более широкой трактовке этой проблемы призывает А. И. Генсборский. Считая возможным и более ранние языковые контакты между западным и восточным славянством, Генсборский приводит ряд слов и фразеологических единиц из Галицко-Волинской летописи, параллели к которым, по его мнению, можно видеть в польских диалектах и памятниках письменности XVI—XIX вв. Значительная часть их относится к области военного дела, дипломатии, государственного строя, подтверждая наличие тесных культурных связей населения Галицко-Волинского княжества и Польши ²³. Кроме того, было бы весьма интересно проследить, не обусловлена ли часть общих для галицко-волинских и польских памятников языковых особенностей контактами с письменностью Великой Моравы. Наличие элементов общего культурно-исторического наследия облегчало в последующую эпоху культурные взаимовлияния, которым содействовали и новые формы политических и

экономических связей. Бесспорно, некоторые фразеологические единицы, встречающиеся в Галицко-Волынской летописи, являются непосредственными кальками с польского языка, но это не исключает возможности проникновения и в польский язык отдельных лингвистических единиц восточнославянского происхождения.

Выразительный пример развития в Галицко-Волынском княжестве культуры, своеобразной и в то же время в основных своих чертах остающейся в русле древнерусских традиций, — зодчество этого края. Постройки XII в. в древнейшем на западе Руси культурном центре Владимире Волынском выполнены в стиле киевской архитектурной школы того времени. Более оригинально зодчество Галичины. Вероятно, особая архитектурная школа начала складываться здесь еще в период тесных политических связей Прикарпатья с Великоморавским государством (конец IX — начало X в.). Как раз к этому периоду некоторые исследователи (Е. Хаврот, В. Ярема) относят постройку в Перемышле белокаменной церкви-ротонды с круглой апсидой, повторяющей план ротонды конца IX в. в Левом Градце (Чехия) и Старом Месте (Моравия). Если даже перемышльская ротонда сооружена несколько позже, есть основания видеть в ней, как и в аналогичных чешских и польских памятниках XI в., отражение великоморавских традиций²⁴.

Материалы раскопок в Перемышле, Галиче, Звенигороде, Василеве свидетельствуют, что в Галицкой земле XII — первой половины XIII в., как и повсюду на Руси, господствующим типом каменной культовой архитектуры были крестовокупольные трехапсидные храмы. Однако стены здесь стали сооружать не из кирпича, а из тщательно подогнанных каменных блоков, украшая здание аркатурно-колончатым пояском, перспективными порталами с резными архивольтами и капителями колонок. По мнению большинства исследователей, сущность галицкой архитектурной школы — в органическом соединении византийско-киевской пространственной композиции с романской строительной техникой и элементами романского декоративного убранства. Для резных деталей известной галицкой церкви Пантелеймона найдены аналогии в храмах Южной Германии и Венгрии. Однако в декоре галицких построек было много своеобразного: взять хотя бы полы с разноцветными майоликовыми плитками. Да и появление резьбы по камню нельзя объяснить только романским

влиянием. В Галичине еще в дохристианскую эпоху была развита не только плоская резьба, но и объемная скульптура. С другой стороны, связи Галицкой земли с западным предроманским и романским искусством проявлялись также в том, что здесь наряду с трехапсидными крестово-купольными храмами продолжали строить ротонды²⁵. Их бытование связано с традициями, укоренившимися ранее. Так, перемышльская ротонда XII — первой половины XIII в. повторяет план древней ротонды, однако выполнена другой техникой кладки — свойственной своему времени. Очень похожа на нее ильинская церковь в древнем Галиче, но здесь кроме апсиды с востока к ней примыкает с запада прямоугольное помещение, соответствующее бабинцу украинских трехчастных церквей. Строились и ротонды более сложного плана: близ Галича квадрифолиямная (с четырьмя апсидами), во Владимире одна восьмиконховая с как бы «волнистыми» стенами, другая — с внутренней круговой колоннадой, поддерживавшей своды.

Летопись сохранила имена некоторых мастеров — «хитреца» Авдия, украсившего великолепными скульптурами холмские храмы, «мужа хытра» Алексу, который срубил «многи города» для Василько Романовича и его сына Владимира. Мастерство волынских зодчих, строителей оборонительных сооружений, постоянно вызывало восхищение современников. Так, в Ипатьевской летописи под 6739 (1231) годом, в тексте, подробно освещающем ход политической борьбы между феодалами Венгрии и Галицко-Волынской Руси, мы встречаем интересные и важные для нас сведения о строительстве оборонительных сооружений во Владимире, которые, по утверждению летописца, могли выдержать сравнение с лучшими западноевропейскими крепостями того времени. Как сообщает Ипатьевская летопись, венгерский король, пришедший в этом году во Владимир, «дивишуся ему рекшу яка така града не изобретох ни в немечкых странах, тако сущу оружьником, стоящим на нем, блистахуся щити оружници подобни солнцю»²⁶.

Во второй половине XIII в. на Волини развернулось строительство каменных оборонительных башен. Из них хорошо сохранилась башня в основанном Владимиром Васильковичем городе Каменце на р. Лосне. Она сложена из брусчатого кирпича с желобками. Весьма явственны в этой постройке готические формы — нервюрные своды

с «гирьками», стрельчатые проемы окон²⁷. Такая же кладка стен, как в Каменце, обнаружена в нижних ярусах башен и стен Луцкого замка²⁸. Замок, как и башни, свидетельствует о влиянии на древнерусскую оборонительную архитектуру сооружений западных соседей — Польши, орденских владений, Южной Германии. Непосредственными исполнителями конструкций западного типа могли быть немецкие колонисты и другие иностранцы, осевшие в городах Галицко-Волынской Руси и соседних стран. Зачастую очень трудно определить конкретные пути приобщения к романскому и готическому искусству. Лишь в отдельных случаях источники содержат указания об этом. Так, по словам Новой Свентокшиской летописи, заняв (около 1243 г.) Люблин, волынские «русины... начали строить для себя замок и соорудили каменную башню». Очевидно, на строительстве работали люблинские мастера, приемы которых сразу были перенесены на Волынь.

Связи с Западом в области искусства, как и культуры вообще, отнюдь не были односторонне направленными. Польские исследователи считают появление в Польше узорчатых полов из майоликовых плиток одним из проявлений связи с восточнославянским и византийским искусством²⁹. Такие красочные мозаичные полы особенно часто встречаются в архитектурных сооружениях Галицко-Волынской земли, и, вероятнее всего, именно отсюда их заимствовали польские строители.

Исследованиями М. К. Каргера, Н. Н. Воронина, Г. К. Вагнера и других авторов окончательно доказана тесная связь галицкой архитектурной школы с владимиросуздалской белокаменной архитектурой, а также с зодчеством Новгородской Руси³⁰.

Несмотря на значительные различия в политических условиях, развитие большинства земель Древней Руси и после ее распада на княжества шло параллельными путями. В Северо-Западной Руси формируется культура русской народности, а на западе и юго-западе — белорусская и украинская культура. Однако во Владимиро-Суздальской Руси и Поднестровье период от монгольского нашествия до середины XIV в. характеризуется некоторым упадком в различных областях материальной и духовной культуры, после чего начинается новый подъем культурной жизни³¹. Наоборот, в Галичине и Волыни вторая половина

XIII — первая половина XIV в. были временем активного культурного творчества. Галицко-Волынская культура доказала свою жизнеспособность, обогащаясь как в результате внутреннего развития, так и в ходе международных связей, не теряя при этом восточнославянской специфики. Падение Галицко-Волынского княжества во второй половине XIV в. значительно осложнило восточнославянский исторический процесс, создало весьма трудные условия для формирования украинской народности.

После полной утраты галицко-волыньскими землями политической независимости традиции Древней Руси и Галицко-Волынского княжества использовались для борьбы за восточнославянский характер культуры украинского народа, за сохранение и укрепление его культурной связи с братскими русским и белорусским народами.

¹ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; О. О. Ратич. Західноукраїнські землі в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленості. «Торжество історичної справедливості». Львів, 1968.

² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 258.

³ Я. Д. Ісаевич. Територія і населення «Червеньских градів». «Український історично-географічний збірник», вип. 1. Київ, 1971; *он же*. До питання про західний кордон Київської Русі. «Історичні джерела та їх використання», вип. 6. Київ., 1971; *он же*. Джерела про західні межі української етнічної території в період феодалізму. «Український історичний журнал», 1968, № 12.

⁴ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 254.

⁵ См.: В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 161—166;

О. О. Ратич. Указ. соч., стр. 59—62.

⁶ «Dějiny Sovětského Svazu a československo-sovětských vztahů v dokumentech», díl. 1. Praha, 1963, str. 420.

⁷ ПСРЛ, т. 21. СПб., 1908, стр. 321—322.

⁸ И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Сб. ОРЯС. СПб., 1867, № 7, стр. 36—39.

⁹ А. И. Генсборский. 3 коментарів до Галицько-Волинського літопису. Волинські галицькі грамоти XIII ст. «Історичні джерела та їх використання», вип. 4. Київ, 1969, стор. 171—184.

¹⁰ Г. Воскресенский. Характеристические черты 4 редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям евангелия XI—XVI вв. ЧОИДР, 1896, кн. 1, стр. 256.

¹¹ І. Свенціцький. Нариси з історії української мови. Львів, 1920, стор. 46.

- ¹² Я. Н. Шапов. К истории текста Новгородской Синодальной кормчей. «Историко - археологический сборник». М., 1962, стр. 297—298.
- ¹³ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, стр. 156—172.
- ¹⁴ А. И. Рогов. Культурные связи восточных и западных славян в раннефеодальный период. «Исследования по истории славянских и балканских народов эпохи средневековья». М., 1972, стр. 166—171; М. В. Щепкина. О происхождении Успенского сборника. «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 69.
- ¹⁵ Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина. М., 1960, стр. 177.
- ^{15а} А. Югов. Историческое разыскание об авторе «Слова о полку Игореве». «Слово о полку Игореве». М., 1945, стр. 177; Н. П. Сидоров. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 165, 166, 172; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 394—395.
- ¹⁶ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 204.
- ¹⁷ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 163, 170—172.
- ¹⁸ См.: В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 101—133.
- ¹⁹ 1261 г. как главная цезура в членении Галицко-Волинской летописи на составные части подтверждается также лингвистическим анализом (См.: Dan. S. Worth. Linguistics and Historiography. «Indiana Slavic Studies», vol. 3, 1963, p. 183—184).
- ²⁰ Полагаем, что перемышльский свод (включавший древнейшие перемышльские летописные заметки и обогащенный местными известиями свод Даниила) был впоследствии использован Длугошем.
- ²¹ А. І. Генсьорський. Галицько-Волинський літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості. Київ, 1961, стор. 48, 50, 143—150, 234.
- ²² Там же, стр. 281.
- ²³ А. І. Генсьорський. Південно-руські і польські лексичні взаємозв'язки в XIII ст. «Дослідження і матеріали з української мови», т. IV. Київ, 1961, стор. 16.
- ²⁴ J. Hawrot. Problematyka przedromańskich i romańskich rotund balkańskich, czeskich i polskich. «Biuletyn Historii Sztuki», 1962, № 3—4, str. 279.
- ²⁵ Ю. С. Асеев. Архітектура Середнього Придніпров'я та галицько-волинських земель у XII—XIII ст. «Історія українського мистецтва в шести томах», т. 1, Київ, 1966, стр. 215, 220; «Нариси історії архітектури Української РСР (дожовтневий період)». Київ, 1957, стор. 60.
- ²⁶ ПСРЛ. т. 2. СПб., 1908, стб. 765.
- ²⁷ П. А. Раннопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XI вв. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 140. Л., 1967, стр. 204.
- ²⁸ Г. Н. Логвин. Луцкий замок. «Культура и искусство Древней Руси». М., 1967.

²⁹ *М. В. Малевская.* К реконструкции майоликового пола нижней церкви в Гродно. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 150.

³⁰ *Н. Н. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 1. М., 1961, стр. 109; *Г. К. Вагнер.* О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Поль-

ском. «Советская археология», 1966, № 3, стр. 105; *М. А. Ильин, П. Н. Максимов, В. В. Косточкин.* Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы. «История русского искусства», т. 3. М., 1955, стр. 422.

³¹ *А. М. Сахаров.* Русь и ее культура в XIII—XV вв. «Очерки русской культуры XIII—XV вв.», ч. 1. М., 1969, стр. 31.

РУСЬ И ПОЛЬША В ИХ КУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ В XIV — НАЧАЛЕ XV В.

А. И. Рогов

В многовековой истории русско-польских культурных связей XIV — начало XV в. занимают совершенно особое место. Прерванное во второй четверти XIII в. многостороннее русско-польское общение восстанавливается в XIV в., но уже в значительной мере на иной основе и при иных обстоятельствах по сравнению с домонгольским периодом. К их числу в первую очередь следует отнести вхождение в состав Великого княжества Литовского западнорусских и южнорусских земель, на которых в рассматриваемый нами период происходит складывание белорусской и украинской народностей, формируется их культура. Но именно эти земли и служили тем мостом, тем связующим звеном, через которое осуществлялись русско-польские культурные контакты домонгольской поры. Правда, эти контакты имели место не только в пределах этих самых земель. Через них они продолжались и далее. Достаточно напомнить о связях в области строительного дела и архитектуры Польши и Владимиро-Суздальской Руси через посредство Галицко-Волынского княжества (белокаменное зодчество и особенно ранние оборонительные укрепления Москвы XII в. так называемого познаньского типа). То же можно отметить и в отношении некоторых памятников литературы, неразрывно связанных с произведениями искусства. Я имею в виду перенесение Ченстоховской иконы богородицы из Галицкой Руси в Польшу в 1382 г. вместе с восприятием в Польше характерных древнерусских сказаний о богородичных иконах (новгородского: икона, пораженная стрелой врагов, вносит смятение в их стан; владимирского: икона сама избирает место своего пребывания, остановив сани) ¹.

Впрочем, только что приведенный пример переносит нас уже в рассматриваемую в данной работе эпоху. Более того — в значительной мере он даже характерен для спе-

цифики русско-польских культурных взаимоотношений XIV — начала XV в. В это время устанавливаются теснейшие связи Польского государства с украинскими и белорусскими землями Великого княжества Литовского, которые являлись живыми носителями великих традиций древнерусской культуры и именно в ней видели опору своей самобытности и культурного развития. Вместе с тем роль и влияние культуры украинских и особенно белорусских земель в Великом княжестве Литовском XIV—XV вв. были исключительно велики. Государственный язык и язык литературы, архитектура и изобразительное искусство в Литовском государстве — все это для самой Польши к моменту Кревской унии, да и после нее, бесспорно, воспринималось как русское. Воспитание великих князей литовских (в том числе и Ягайло), связанных династически с русскими княжествами, носило тот же характер².

Не случайно поэтому при дворе первого польского короля из литовской династии Ягеллонов — Владислава-Ягайло господствовала белорусская культура, которая на столь раннем этапе своего формирования, как уже говорилось, в основе своей была древнерусская. Как показывают королевские прихода-расходные книги, не только ловчие, но и лютнисты, цимбалисты, художники при польском королевском дворе в то время были «русские»³. Некоторые из них, например художник Михаил из Перемышля, в 1426 г. за многие труды по росписи костелов в сандомирской, краковской, серадзской и иных землях высоко ценятся и щедро одариваются не только деньгами, но и землями⁴. Одна за другой на территории Польши возникают «русские» росписи. Важно подчеркнуть, что они украшали не только внутренние королевские покои, как это было в Вавеле, а распространялись по всей Польше. «Русскими» мастерами были расписаны стены кафедрального собора в древней столице Польши Гнезно, в широко известном благодаря своей реликвии Креста монастыре на Лысой Горе, в коллегиатах древнейших городов и центров Польши — Вислице (1413—1416 гг.), Сандомире (30-е годы XV в.) и в костеле св. Троицы в Люблине (1418 г.)⁵. Польских, украинских и русских исследователей давно уже привлекают сохранившиеся до нашего времени последние три цикла росписей.

Здесь, конечно, не место подробно останавливаться на

анализе каждого из них ⁶, выяснять их истоки и особенности, тем более что это увело бы нас в область не только украинско-польских и белорусско-польских связей, но и самым непосредственным образом заставило бы обратиться к связям Восточной Европы с южнославянским искусством. Так, бесспорные сербские иконографические черты отмечены в таких композициях Вислицы, как Благовещение, Сретение и Тайная вечеря ⁷, или в Люблинском костеле в композициях «Молитва нищего», изображении пророка Ильи и, что особенно важно, в самом отборе праздников с характерным нарушением их последовательности по сравнению с евангельским циклом ⁸. Все эти особенности фресок еще вовсе не говорят о непреходящем участии балканских мастеров в их создании. Самые тесные контакты как Руси, так и украинских и белорусских земель с балканскими странами и особенно с Афоном, являвшимся важнейшим центром межславянского культурного общения, привели к близкому знакомству восточнославянских народов с культурой и искусством южных славян. Вполне допустимо поэтому, что мастера, пришедшие в Польшу из Руси или из Белоруссии и Украины, могли принести сюда и эти особенности. Не случайно в многочисленных надписях вислицких фресок нет буквально ни одной южнославянской языковой особенности.

Вислицкие фрески в целом отличаются особой архаичностью как в большинстве композиций, архитектурном пейзаже, так и особенно в типе лиц, удлинённых, с характерными для XII—XIII вв. удлинёнными носами. Они, несмотря на некоторые новые южнославянские черты, явно сориентированы в целом на традиции русского искусства именно этой поры.

Люблинские фрески иные. В них больше движения, фигуры, особенно головы изображённых, меньше. Несомненно прямая связь их мастеров с Балканами. Об этом свидетельствуют и изображения Спиридона, сербского патриарха ⁹, и характерного для искусства балканских народов ряда преподобных, и язык надписей фресок (в частности, наименование польского короля «господарем» ¹⁰). В то же время люблинские фрески никак нельзя исключать из традиций древнерусской культуры. В этом отношении показательно изображение в нижнем ряду северной стены храма русских князей Владимира

(чуть ли не древнейшее из всех известных), Бориса и Глеба¹¹ рядом со столь важной композицией, как Успение богородицы, особенно почитавшееся в Древней Руси.

Здесь мы не останавливаемся на вопросе о месте люблинских фресок в ряду памятников украинского искусства. Вопрос этот очень сложен ввиду того, что произведения украинской монументальной живописи XIV—XV вв. не сохранились на Украине (древнейший из известных цикл в Лаврове относится к концу XV — началу XVI в.), а украинские иконы этого периода крайне немногочисленны. Вместе с тем ретроспективно можно отметить в люблинских фресках черты, которые нашли свое развитие в украинском искусстве более позднего времени (рушники в Тайной вечере, звезды особой формы в изображении св. духа, аналогичные звездам армянской церкви во Львове, и т. д.). Об украинцах, так или иначе принимавших участие в создании люблинских фресок, говорят как лингвистические, так и палеографические особенности надписи о работе некоего мастера Андрея¹². Упоминание этого мастера породило версию о работе в Люблине Андрея Рублева¹³, путешествовавшего якобы в Люблин по пути из Вильно в Луцк в свите митрополита Фотия. Когда люблинские фрески не были полностью и должным образом раскрыты, такая гипотеза была вполне допустима. Теперь, однако, когда люблинские фрески предстали перед нами в своем первоначальном виде, не осталось никаких сомнений, что они не имеют сколько-нибудь прямого отношения к московскому искусству начала XV в. и тем более к стилю и приемам великого русского живописца. Достаточно сопоставить с произведениями самого Рублева и его круга многочисленные и во многом разнообразные изображения ангелов, Спаса и особенно изображение Троицы в виде трех приземистых с короткими крылышками ангелов за круглым, покрытым пышной скатертью столом, чтобы в этом не оставалось сомнений. Если же мы находим некоторое сходство в композициях, например в традиционном дейсусе или Снятии с креста, то это можно объяснить наличием общих византийских и древнерусских основ в искусстве люблинских и московских мастеров.

«Русские» фрески в Польше интересны как опыт синтеза древнерусских традиций с западным искусством, разви-

вавшимися в самой Польше. Именно от этого искусства идет стремление к материальной объемности тканей, платов и занавесей, декорирующих некоторые части стен. Необычна и некоторая объемность традиционных по схеме архитектурных фонов. Даже традиционные лещадки гор сочетаются с более реалистичным изображением склона горы. Много черт западного искусства можно увидеть в одеждах, особенно воинов, в характерных готических коронах (например, у Пилата в люблинских фресках). Возможно, к чертам западного искусства следует отнести и развитый во всех «русских» фресках в Польше страстной цикл, столь не свойственный древнерусскому искусству и, напротив, очень характерный для монументальной польской живописи XIV в.¹⁴ Впрочем, вполне возможно объяснить его происхождение влиянием сербского искусства, в котором страстной цикл получает в XIV в. заметное развитие.

Такое же взаимодействие древнерусского и западного искусства, представленного скорее всего польскими образцами либо через посредство Польши, можно наблюдать и в книжной миниатюре. Речь идет в первую очередь о миниатюрах Лаврашевского евангелия XIV в., хранящегося в настоящее время в собрании Чарторыских в Кракове (№ 2097). Это евангелие-апрокос было вложено в Лаврашевский монастырь под Новогрудком в Белоруссии. Его миниатюры чрезвычайно разнообразны. Если евангелисты изображены в полном соответствии с византийским и древнерусским искусством XIV в., то рисунки, посвященные евангельским персонажам и событиям, имеют явно романский и отчасти готический характер (особенно Воскрешение дочери Иаира, Жены-мироносицы, Вход в Иерусалим). Одна из миниатюр рукописи представляет собой притчу о сладости мира. На ней изображен человек, вскарабкавшийся на дерево, которое произрастает из пасти чудовища. Дерево грызут белая и черная мыши, символизирующие день и ночь. Интересно, что очень сходное по сюжету к этому изображение можно видеть на новгородских Васильевских воротах 1336 г., находящихся с 1570 г. в Троицком соборе г. Александра¹⁵.

Ряд исследователей связывают с Новгородом Великим медный с позолотой ларец-реликварий XIV в., хранящийся в ризнице Мариацкого костела в Кракове. Такой точки зрения придерживаются П. Н. Жолтовский¹⁶ и

В. Л. Янин¹⁷. Первый из названных авторов обосновывает свое мнение особым почитанием в Новгороде святых Кузьмы, Дамиана, Флора, Лавра, Гурия, Самона и Авива и др. В. Л. Янин хотя и справедливо отмечает, что эти святые равным образом почитались и в других землях, но считает Новгород или Псков вероятным местом создания ларца. Недавно Г. Н. Бочаров обратил внимание на полное отсутствие в надписях на ларце характерного для Новгорода «цокания» и высказал предположение о полоцком или юго-западном происхождении памятника¹⁸. Указанное им как свидетельство этого окончание — *еви* в словах «Елисееви», «Леонтьеви» является в действительности самой общей нормой древнерусского языка¹⁹. В то же время таких характерных для смоленско-полоцких памятников черт, как замена *в* на *оу*, *ь* на *е* и *в* на *ѣ*, в надписях ларца совершенно не наблюдается. Нет в надписях и таких характерных галицко-волынских черт, как смешение *ѣ* и *и*, наличие *и* на месте *о* и *е*. Словом, по языку надписей происхождение по крайней мере писца Елисея определено быть не может. Можно допустить, что он происходил из Северо-Восточной Руси, но это все равно ничего не говорит о месте, где ларец был сделан. Для решения этого вопроса важно исследовать характер гравированных на нем изображений. Стилистически наиболее близкими к ним оказываются миниатюры знаменитого Сильвестровского сборника XIV в., хранящегося в настоящее время в ЦГАДА (ф. 381, д. 53). Сборник этот, несомненно, новгородского происхождения, как об этом свидетельствуют и его местонахождение в Новгороде²⁰, и данные языка²¹, и сходство миниатюр с памятниками новгородской иконописи конца XIV — начала XV в.²² Особенно близки, если не сказать совпадают, по рисунку изображения исцелений на ларце Козьмой и Дамианом, а в Сильвестровском сборнике — Борисом и Глебом. Так, «хром муж» с характерной маленькой приземистой фигурой, с разведенными руками и растрепанными волосами в сборнике (л. 152)²³ легко узнается в слуге, дважды присутствующем в сценах исцеления Козьмы и Дамиана, изображенных на ларце из Кракова²⁴. С ним же сходно изображение людей, проходящих мимо огненного столпа над могилой Глеба (л. 135 и об.).

И в миниатюрах сборника, и на изображениях ларца бросаются в глаза характерные плавные изгибы спин.

Таковы на ларце почти все изображения Козьмы и Дамиана, «скупая жена» и ряд других фигур, а в сборнике — изображение слуги в сцене «Святополк потаи смерть отца своего» (л. 117), «Погребение Бориса» (л. 128 и об.), варяг, показывающий больную ногу дружине (л. 146).

Таким образом, наиболее вероятным местом изготовления ларца следует считать Новгород Великий, хотя надписи на нем и были сделаны не новгородцем. Вполне вероятно, что ларец-реликварий попал в Краков с каким-нибудь из новгородских купцов²⁵. Историки торговли интересующего нас периода отмечают оживление торговли Новгорода с польскими городами, в том числе с Краковом, в 70—80-е годы XIV в.²⁶ Помимо торговли сукнами, центрами производства которых наряду с Веховом и Познанью был Краков, из Польши в Новгород во второй половине XIV в. привозят свинец, добывавшийся главным образом в Силезско-Краковской впадине. Один из слитков польского свинца с клеймами, изображающими польский герб (орел) и букву «K» под короной (обозначение имени короля Казимира III), в 1965 г. был обнаружен в Новгороде в слое XIV в. в усадьбе знаменитой Знаменской церкви²⁷. Польский свинец использовался в Новгороде, видимо, главным образом для изготовления кровель храмов, которые часто обновлялись в XIV в.: на Софийском соборе в 1333, 1341, 1386 и 1408 гг., на Георгиевском соборе Юрьева монастыря в 1345 и 1408 гг., на Рождественском соборе Антониева монастыря в 1396 г. и в Знаменской церкви в 1354 г.

В связи с культурными взаимоотношениями Новгорода Великого с Польшей нельзя не упомянуть и о прославленных Сигтунских вратах XII в., смонтированных и дополненных в Новгороде в XIV в. мастером Авраамом. Как известно, врата эти были отлиты в 1152—1154 гг. в Магдебурге по заказу местного епископа Вихмана для польского города Плоцка, затем они попали в Сигтуну и оттуда в качестве военного трофея в 1187 г. были привезены в Новгород. В литературе со времен И. Лелевеля установилось мнение, что прямого отношения к польской культуре врата не имеют. Этот вывод базируется как на стиле изображений, так и на том обстоятельстве, что плоцкий епископ Александр униженно для Польши изображен на вратах как подчиненный Вихману. Между прочим, предполагается, что именно поэтому врата, возможно, ни-

когда и не были в Плоцке²⁸. Не входя в этот спор, не имеющий прямого отношения к нашей теме, отмечу, однако, что с деятельностью и заказами епископа Александра связан целый ряд произведений польского искусства, имеющих определенные черты сходства со скульптурой Сигтунских врат. К их числу относятся порталы костела в Червинске (около 1160 г.) и коллегиаты в Туме под Ленчицей (также около 1160 г.)²⁹. Как бы то ни было, но Сигтунские, или Плоцкие, врата стали органичной частью убранства новгородского Софийского собора. Они бережно и внимательно были реставрированы мастером Авраамом, который, даже в своем автопортрете, дополнив скульптуру врат, постарался учесть стиль памятника, хотя и привнес в него свойственные древнерусскому искусству элементы обобщения и плоскостности. В Новгороде, где был Немецкий двор с церковью св. Петра, почитался Антониев монастырь с его реликвиями явно западного происхождения, где в первой половине XV в. сооружаются постройки в готическом духе. Сигтунские врата не выглядели чем-то из ряда вон выходящим.

Во второй половине XV в. связи Польши с Новгородом и Псковом не прекратятся. В 1471 г. мастера из Пскова даже примут участие в росписи Ягеллонской усыпальницы на Вавеле³⁰. Впрочем, этот факт культурных русско-польских связей уже выходит за пределы настоящего сообщения.

Оно, конечно, будет неполным, если не сказать о культурных связях Московского княжества, постепенно сплачивающего вокруг себя Русь, с Польшей. Проследить, однако, эти связи оказывается чрезвычайно сложным. Прямых фактов мы почти не имеем. Гипотеза о люблинском периоде в творчестве Рублева, как говорилось выше, представляется неубедительной. Столь же необоснованна и теория А. И. Некрасова о происхождении московского зодчества от полоцко-смоленской архитектуры, связанной с западным романским зодчеством, и в первую очередь — с польским (например, якобы сходство с костелом св. Андрея в Кракове)³¹. В настоящее время все исследователи отказались от этой теории. Н. Н. Воронин особенно убедительно показал ее несостоятельность³². А. И. Некрасов в своих построениях опирался по сути дела на единственный памятник раннемосковской архитектуры — Успенский собор в Коломне, к тому же совер-

шенно произвольно им реконструированный. Столь же вымышленной оказывается и интенсивная творческая работа зодчих полоцко-смоленской земли в XIV в., якобы определившая пути развития московского искусства.

Но «падение» двух столь ярких в истории изучения русско-польских культурных связей гипотез не должно порождать представление об отсутствии этих связей. Не должно такое предположение подкреплять и то, что в целом ряде известных московских летописей за XIV — начало XV в. содержатся подчас весьма не лестные отзывы о «ляхах» — поляках. Во многом это связано с проникновением польских феодалов в те земли, которые в Москве считали своим достоянием и наследием. Таково известие Воскресенской летописи под 1349 г.: «Прииде король краковский со мною силою и много зла християном сотвори»³³, или известие Новгородской IV летописи (точнее, Новгородско-Софийского свода 30-х годов XV в.): «Граждане же смоляне, не могуще терпети налоги и насильства от иноверных от ляхов»³⁴. Для московской Руси «ляцкое», т. е. польское, нередко было синонимом латинского, чужого³⁵. Но в тех же летописях заметна и безусловная симпатия к Польше и Литве — когда описывается их борьба с орденом, особенно в связи со славной Грюнвальдской победой 1410 г.³⁶

В московских летописях содержатся также сведения о приездах поляков на Русь. Так, когда в 1387 г. в Москву через Молдавию и Польшу вернулся бежавший из Орды сын Дмитрия Донского Василий Дмитриевич, приехали «с ним князи лятцкие, панове и ляхове и литва»³⁷. В 1406 г. в Переславль-Залесский вместе с князем Александром Нелюбом на службу к великому князю выехало «много литвы и ляхов»³⁸. Такие приезды не могли не способствовать общению между русскими и поляками, в том числе и культурному общению. К сожалению, известно мало фактов, чтобы нарисовать, хотя бы эскизно, его картину. Возможно, будущие исследования позволят это сделать. Пока можно отметить лишь два факта.

В упоминавшихся уже выше счетах двора короля Ягайло среди его музыкантов в 1415 г. значится королевский лютник по прозвищу Москва³⁹. И. Ф. Бэлза справедливо высказывает предположение, что этот музыкант происходил из московской Руси⁴⁰. Нельзя не обратить внимание в связи с этим на то, что именно к XIV —

началу XV в. православная церковь на Руси ведет настойчивую борьбу против скоморохов и исполнителей на музыкальных инструментах, видя в них слугителей язычества. Об этом говорят не только митрополичьи грамоты, например грамота митрополита Фотия начала XV в., но включение соответствующих статей в назидательные сборники типа «Златой цепи» XIV в., в которых игра на бубнах, сопелях, гусях, пищалях объявляется «преступлением божественных писаний»⁴¹. Не был ли лютнист польского короля из московской Руси одним из музыкантов, ушедших от таких преследований?

Помимо непосредственных связей Северо-Восточной Руси и Польши культурные контакты могли осуществляться и через украинские и белорусские земли. В этом отношении особенно важной представляется личность митрополита Петра, перенесшего церковный центр Руси из Владимира в Москву. Уроженец Галицкой земли, скорее всего Львова или Бэлза⁴², митрополит Петр провел там свою юность, учился иконописи, хорошо знал архитектуру этих мест. Возможно поэтому, что при создании ансамбля Московского Кремля он привносит в него ряд черт галицко-волинских крепостей-городов. С. Герберштейн, хорошо знавший русские источники, прямо пишет, что митрополит Петр советовал Ивану Калите, как строить город⁴³. В связи с этим Н. Н. Воронин справедливо обращает внимание на то, что в центре кремлевского ансамбля появляется колокольня-башня, не известная в Северо-Восточной Руси, но напоминающая башню в центре города Холма⁴⁴. Между тем хорошо известно, сколь тесными были связи Галицко-Волинской Руси с Польшей. И действительно, во многих польских замках XIII—XIV вв. мы находим такую же планировку⁴⁵. Так, украинские земли вновь оказываются важным звеном в русско-польском культурном общении. Они не только знакомят Польшу с традициями культуры Киевской Руси, но, наоборот, начинают передавать достижения польской культуры Северо-Восточной Руси. Во второй половине XV в. этот процесс усилится. Появятся такие имена, как Василий Ермолин, посылавший рукописные книги королевскому секретарю, выходцу из Белоруссии Якубу, развернет свою деятельность в Кракове славянский первопечатник Феоль, большинство книг которого попадет в Россию; усердно станет изучать русские летописи, хранившиеся на Украи-

не и в Белоруссии, знаменитый польский хронист Ян Длугош. Усилятся и непосредственные контакты Польши и России.

Но и по отношению к столь «глухому» периоду в истории русско-польских культурных связей, каким был XIV — начало XV в., можно сказать об их постепенном укреплении. Причем особую роль здесь играли традиции многовекового культурного общения братских славянских народов.

-
- ¹ А. И. Рогов. Культурные связи западных и восточных славян в эпоху раннего средневековья. «Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья». М., 1973.
- ² J. Skoczek. Wychowanie Jagiellonów. Lwów, 1932, str. 58.
- ³ E. Piekosiński. Rachunki dworu króla Władysława Jagielly i królowej Jadwigi. Kraków, 1896, str. 156, 192, 197, 201, 207, 211, 216.
- ⁴ J. Szaraniewicz. Rzut oka na beneficja kościoła ruskiego za czasów Rzeczypospolitej Poskiej. Lwów, 1875, str. 12.
- ⁵ Новейший обзор письменных источников о них и обзор литературы см. в исследовании: A. Rózycka-Bryzek. Byzantyńsko-ruskie malowidła scienne w kaplicy Świętokrzyskiej na Wawelu. «Studia do dziejów Wawelu», t. III. Krakow, 1968.
- ⁶ Сандомирские фрески искажены поздними прописями.
- ⁷ A. Rózycka-Bryzek. Byzantyńsko-ruskie malowidła scienne w Kolegiacie Wiślickiej. «Folia historiae artium», t. II. Kraków, 1965, str. 54, 58, 62.
- ⁸ M. Walicki. Malowidła scienne kościoła sw. Trojcy na zamku w Lublinie (1418). «Studia do dziejów sztuki w Polsce», t. III. Warszawa 1930, str. 22, 31, 32.
- ⁹ M. Walicki. Указ. соч., стр. 27.
- ¹⁰ Там же, стр. 22.
- ¹¹ Там же, стр. 24.
- ¹² Н. М. Каринский. Русская надпись в Люблинском тюремном костеле. «Изв. Археологической комиссии», вып. 55. Пг., 1914, стр. 131—135.
- ¹³ И. Грабарь. О дневерусском искусстве. М., 1966, стр. 195—196; М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, стр. 216—217.
- ¹⁴ См., например: J. Radomski. Malowidła scienne z XIV wieku w Czchowie. «Folia historiae artium», t. II. Kraków, 1965, str. 12.
- ¹⁵ В. Н. Лазарев. Русская средневековая живопись. М., 1970, стр. 204—206.
- ¹⁶ П. Н. Жолтовский. Ларец мастера Самуила. «Советская археология», 1958, № 4, стр. 209—213.
- ⁷ В. Л. Янин. По поводу заметки П. Н. Жолтов-

- ского «Ларец мастера Самуила». «Советская археология», 1958, № 4, стр. 213—214.
- 18 Г. Н. Бочаров. Прикладное искусство Великого Новгорода. М., 1969, стр. 47.
- 19 Л. А. Коробчинская. Древнерусский язык. Львов, 1958, стр. 42.
- 20 А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. «Труды XV Археологического съезда», т. II. М., 1916, стр. 250—251.
- 21 А. Орлов. Библиотека Московской синодальной типографии, ч. I, вып. I. М., 1896, стр. 8.
- 22 «История русского искусства», т. II. М., 1954, стр. 228.
- 23 Воспроизведение некоторых миниатюр сборника см.: Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства, IV. Миниатюры «Сказания» о св. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. «Изв. Отделения русского языка и словесности», т. XV, кн. 3. СПб., 1910.
- 24 Все изображения ларца воспроизведены в указанном сочинении П. Н. Жолтовского.
- 25 А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 202; A. Kersten. Kontakty gospodarcze Wielkiego Nowogrodu z Litwą, Polską i miastami południowoniemieckimi w XV wieku. «Slavia orientalis», t. VII, N 1.
- 26 Трудно установить, когда именно ларец попал в Краков. В инвентарных описях Мариацкого костела он не значится даже и в XVII—XIX вв., поскольку в них отмечались либо предметы из драгоценных металлов (ларец был медный), либо святыни (в ларце не осталось частиц мощей, в нем сохраняются грамоты). См.: Краковский воеводский архив WAPR, д. 3350, 3338. В описи 1745 г. (д. 1745) значился, между прочим, «потир древний» с греческими надписями и изображением деисуса (стр. 2).
- 27 В. Л. Янин. Находка польского свинца в Новгороде. «Советская археология», 1966, № 2, стр. 324—328.
- 28 Из последних польских высказываний на эту тему см.: A. Gieysztor. Drzwi gnieźnińskie a narodowość polska w XII w. «Drzwi gnieźnińskie», t. I. Wrocław, 1956, стр. 6; M. Morełowski. Drzwi gnieźnińskie, ich związki ze sztuką obcą a problem rodzimości. Там же, стр. 45, 94—95, 120.
- 29 «Historia sztuki polskiej». Wyd. 2-e, t. I. Kraków, 1965, стр. 106.
- 30 А. Różyska-Bryzek. Указ. соч.
- 31 А. И. Некрасов. Возникновение московского искусства, вып. 1. М., 1929, стр. 99 и др.
- 32 Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. II. М., 1962, стр. 237.
- 33 ПСРЛ, т. 7. СПб., 1856, стр. 215.
- 34 ПСРЛ, т. 4. СПб., 1848, стр. 83.
- 35 См., например, известия Симеоновской летописи.

- ПСРЛ, т. 18. Спб., 1913, стр. 177.
- ³⁶ Там же, стр. 159—160.
- ³⁷ ПСРЛ, т. 8. Спб., 1859, стр. 52.
- ³⁸ Там же, стр. 78.
- ³⁹ А. *Chybiński*. Słownik muzyków dawnej Polski. Kraków, 1949, str. 159.
- ⁴⁰ «Русско-польские музыкальные связи». М., 1963, стр. 14.
- ⁴¹ Ф. *Буслаев*. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 503—504.
- ⁴² Е. *Голубинский*. История русской церкви, т. II, 1-я пол. М., 1900, стр. 102.
- ⁴³ С. *Герберштейн*. Записки о московитских делах. Спб., 1908, стр. 100.
- ⁴⁴ Н. Н. *Воронин*. Указ. соч., т. II, стр. 169.
- ⁴⁵ J. *Zachwatowicz*. Architektura Polska do połowy XIX wieku. Warszawa, 1956, str. 12.

Ю. М. Юргинис

Существование территориальной земледельческой или соседской общины¹ у отдельных народов типа средневековой германской марки с общими пастбищами, лесными и водными угодьями, с установленными границами пахотных полей и частным землевладением не вызывает у исследователей сомнения. Спор идет о генезисе и судьбе такой общины. Одна группа исследователей считает средневековую марку германов продолжением существования института первобытнообщинного строя и полагает, что вся она попала в феодальную зависимость; другая — что процесс распада первобытнообщинных порядков был одновременно и процессом возникновения классов. В результате присвоения знатью общинных земель складывалась феодальная собственность на землю и появилось феодально зависимое население из числа свободных общинников.

Конечно, первобытная территориальная община разлагалась во время возникновения классового общества. Иначе не могло и быть, но и в классовом феодальном обществе существовали общины: вервь, погост, волость, ополе, лаукас. Следовательно, разложение первобытной территориальной общины протекало так, что внутри нее происходили социальные процессы: из общины выделялись бояре и она превращалась в сельскую или крестьянскую общину, которая постепенно попадала в феодальную зависимость.

Этот процесс довольно сложный. Для определения его следует рассматривать общину дофеодального периода как территориальный союз свободных равноправных аллодистов после исчезновения коллективной земельной собственности. Характерной чертой такой общины является военная демократия. В общине периода раннего феодализма переплетаются феодальные институты (князь, дружина, лен, вотчина феодала) с дофеодальными (землевладением общинников и их обычным правом).

Литовские и польские письменные источники позволяют хотя бы частично осветить общину эпохи раннего феодализма. В своем капитальном труде о возникновении Польского государства Генрик Ловмянский территориальной общине поляков, ополе, посвятил отдельную часть, которая является новейшим, обобщающим исследованием давно решаемого вопроса². Он пришел к такому заключению: территориальная община типа ополе в связи с ростом населения превращается в соседскую группу деревень, и отдельные крестьянские дворы, «дымы», становятся членами «поля», которое литовцы называли «лаукасом». Территориальная община осталась под охраной племенного права, которое воспринял князь. Поэтому племя располагало отдаленными регионами экстенсивного хозяйства, доступными людям других ополей³.

На мой взгляд, решению вопроса о том, как ополе превращается в комплекс сельских общин, иначе говоря, как в нем происходит социальная дифференциация и община становится институтом класса крестьян, немалую услугу может оказать подробное изучение литовского лаукаса, на которое в своих трудах неоднократно обращал внимание Г. Ловмянский.

В Литве процесс разложения дофеодальной территориальной общины происходил в XII—XIII вв. — значительно позже, чем в Польше. Он происходил во время борьбы с немецкими орденами и потому более ярко отражен в источниках, особенно в литовских дорожниках, составленных крестоносцами в 1384—1403 гг.⁴ В дорожниках поселения литовцев делятся на две основные части: на «село» (campus, Feld, laukas) и «поле» (villa, Dorf, kaimas). Историки и географы много спорили, интерпретируя эти названия поселений, особенно литовские слова «каймас» (село, деревня) и «лаукас» (поле). Большинство немецких исследователей полагали, что «лаукас» — слово в буквальном, сегодняшнем смысле.

Другие исследователи, прежде всего Г. Ловмянский, заметили, что в лаукасах имеются усадьбы, и пришли к заключению, что «лаукас» во многих случаях соответствует русскому и латышскому погосту, что это территория, на которой отдельными домами или деревнями живут земледельцы⁵. Но разницу между лаукасом и каймасом Г. Ловмянский видел в том, что «каймас» — село — компактное поселение из многих крестьянских дворов,

а «лаукас» — территория с хуторами или малыми деревнями, т. е. можно сказать, что разница не в качестве, а в количестве. На основании тех же самых источников я доказывал, что село — усадьба боярина, а поле — поселение крестьян⁶. В одной части Литвы — Аукштайтии — крестоносцы в своих дорожниках упоминают 85 сел и дворов. Из 15 объектов, названных дворами (Hof), все, за исключением 3-х, отмечены как великокняжеские, а из упомянутого числа сел только 3 признаны собственностью великого князя, остальные же — бояр. Села называются именами известных литовских бояр, таких как Гаштовт, Гирставт, Манвид, Давгирд. Имена этих бояр упоминаются в договоре великого князя Витовта, заключенном с Орденом крестоносцев 23 апреля 1398 г.

Из дорожников явствуют размеры боярских сел, так как в них указывается количество челяди, которую агенты могли подсчитывать только по внешним признакам, по жилым домам. В боярских селах они сосчитали от 5 до 8 домов. Большинство исследователей, в том числе и Г. Ловмянский, были не в состоянии представить себе, как в селах могли жить бояре, и предполагали, что это их вотчинные владения или их бенефиции. Станным казалось и то, что даже крупные известные бояре имели по одному селу. Только у Мингайлы было два села⁷.

Дорожники составлялись для военных целей. Они служили топографической картой. Указывались поселения, города, замки, реки и расстояния между географическими объектами в милях. Если предполагать, что в селах и на полях жили земледельцы и что их поселения отличались только числом дворов, тогда оставалось бы непонятным, каким образом агенты ордена, отмечая крестьянские усадьбы, не заметили боярских, владельцы которых были воинами более богатыми и, следовательно, более опасными во время вооруженного столкновения.

Дело в том, что в то время усадьба боярина называлась «село». И не только в дорожниках, составленных по-немецки, но и в актах, написанных по-русски. Примером служит акт Ягайло 1387 г., которым он записывает Тракайское княжество своему брату Скиргайле⁸. Этот документ составлен одновременно с дорожниками крестоносцев, только совсем с другой целью. Из него явствует, что Алитус, Пуня, Бирштонас — города, а в дорожниках они называются замками. То, что в дорожниках Иванен-

дорф, в грамоте Ягайло — с Иваново, Манстендорф — с. Мантвина и т. д. Усадьба боярина — «дорф» или «кайма» в русском тексте документа Ягайлы называется «селом».

В каймасае рядом с боярином жила и его челядь, в дорожниках называемая «гезинде». Как на Руси, так и в Литве словом «челядь» назывались не только холопы, но и другие несвободные люди. В литовских источниках наряду с холопами выступают несвободные земледельцы — койминцы или кайминасы.

В литовских документах, написанных на русском языке, они называются селянами и соседями⁹. В настоящее время литовское слово «кайминас» обозначает сосед. В прошлом «кайминас» обозначало жителя каймаса. Это был земледелец, вышедший из общины и превратившийся в крепостного боярского каймаса. Он соответствовал западноевропейскому виллану и древнерусскому изгою.

В настоящее время литовское слово «лаукас» означает «поле» в буквальном смысле, но до XVI в. оно было не только противоположностью лесу, но и каймасу — боярской усадьбе. То, что лаукасом называлась община крестьян, видно не только из дорожников крестonosцев, но и из актового материала. В XV в. великие князья литовские раздали множество крестьян боярам. Пожалования вписывались в Литовскую метрику с указанием, в какой волости и на каком поле крестьянин живет. В селах живут бояре и их челядь, а на полях — крестьяне. Нет случая, чтобы село указывалось как место жительства крестьянина. Кроме того, боярин, владелец каймаса, назывался «кйеминикасом»¹⁰, а житель лаукаса — «лаукининкасом».

Лаукас, как крестьянская община, имел точно определенные границы. В дорожниках часто говорится, что крестonosцы, желая попасть из одного поля в другое, должны были расчищать себе путь. Немецкий исследователь Г. Мортенсен сделал из этого заключение, что они должны были перебираться через дикий лес и что поле — это опущенная земля¹¹. На самом деле, как следует из дорожников и особенно из письма великого князя Витовта императору Сигизмунду от 2 марта 1420 г.¹², приходилось расчищать проходы в оборонительных засеках, которые в то же время были и границами территории общины. Засеки применялись не только в пограничной полосе, но

и в отдаленных от границы поселениях. Их применение было связано не только с защитой от возможного нападения со стороны крестоносцев или их сообщников, но и с охраной полей и пастбищ от диких зверей.

Как же получилось, что в середине XVI в., накануне аграрной реформы Сигизмунда Августа, бояре уже жили в дворах, а крестьяне — в селах? Это прослеживается из инвентарей, составленных для хозяйственных и правовых нужд. На протяжении XV в. изменилась структура боярских каймасов, или киемасов, и поселений свободных общинников, представлявших собой беспорядочные кучевые деревни или рассеянные дворы. Из боярского каймаса, как определенного поселения, отделился господский двор с жилым домом и хозяйственными постройками. В каймасах или в селе остались только крепостные кайминасы, соседи или селяне. Господский двор стал называться «дварасом», словом славянского происхождения. В то же время дом крестьянина, первоначально объединявший под одной крышей жилое помещение, хлев, сарай и клеть, в ходе хозяйственного и культурного развития страны значительно изменился. В усадьбе кроме жилого дома появились отдельные хозяйственные постройки, расположенные вокруг открытой площадки, которая первоначально называлась киемасом. Крестьянский двор XVI в. стал похожим на боярскую усадьбу предыдущих столетий. Кроме того, в ходе закрепощения крестьян социальное положение общинников лаукаса приблизилось к положению кайминасов или селян. Слово «село» стало воплощать в себе не только форму поселения, но и феодально зависимую единицу этого поселения. Община «лаукас», как территориально-административный союз мелких непривилегированных аллодистов, быстро изменялась после христианизации значительной части Литвы в 1387 г. Во время введения христианства бояре стали привилегированными собственниками земли и началась раздача великим князем общинников боярам. Таким образом, община разлагалась сверху (при раздаче земель и людей боярам) и изнутри (при имущественной и социальной дифференциации).

Распад свободной общины (лаукас) происходил разными путями: зажиточный общинник-землевладелец, имевший коня, оружие и принимавший участие в военных походах, мог стать боярином и больше не считаться чле-

ном общины, ибо боярин освобождался от полюдья, дани зерном (дякла) и других повинностей общинников. Обедневший общинник, превратившийся в кайминаса, также не мог остаться членом общины. Раздача общинников боярам великокняжескими властями ускорила этот процесс.

Лаукас был частью волости, административного деления Литовского государства. В волости великими князьями назначались тиуны. Волости были введены государственными властями, об этом свидетельствует то, что в части литовских земель, которые попали под власть Ордена крестоносцев, до последнего времени сохранялось старое литовское название крестьянина-лаукининкаса, жителя лаукаса. Между тем крестьяне, жившие в Литовском государстве, стали называться «волосцьянами», жителями волости.

В XVI в. при введении боярского самоуправления крестьяне от бояр административно отделились. По польскому примеру для бояр были введены поветы, границы которых не совпадали с границами волостей, так как волостью стало называться любое феодальное владение, имеющее несколько крестьянских сел. По всей вероятности, границы волостей совпадали с границами лаукасов только первоначально, в XIV в., когда они были введены. Тогда волость составлялась из боярских сел, отделившихся от соседской общины, и из деревень лаукаса. Волость административно объединяла жителей одной территории, но различных социальных классов. Существенным различием между лаукасом и волостью была личная свобода и феодальная зависимость общинников при сохранении солидарной ответственности, принудительном чередовании полей, общем использовании пастбищ и других угодий.

Следовательно, в территориальной общине лаукас пахотная земля и луга стали собственностью отдельных семей, членов общины. Развивалось имущественное и землевладельческое неравенство. Из общины выделялись боярские села. После образования государства первичная территория общины превращалась в административную единицу — волость, лаукас становился крестьянской общиной с узаконенными повинностями государству. Распад этой общины происходил тремя путями: до введения христианства в конце XIV в. общинники из-за имущественных отношений становились крепостными князей или

бояр путем экономического принуждения. После введения христианства государственная власть объявила бояр привилегированными землевладельцами и начала раздавать общинников боярам. И, наконец, до окончательного юридического оформления дворянского сословия в начале XVI в. разбогатевший общинник благодаря военной службе мог стать боярином. В связи с этим волость как административная единица теряла свое значение и превратилась в неопределенную единицу феодального владения. Сельские общины стали хозяйственно и административно зависимыми от великокняжеских и боярских дворов. В середине XVI в. была проведена административная реформа. Повет считали теперь административной единицей дворян, а волость — единицей феодального владения.

При сравнении польского ополе с литовским лаукасом бросается в глаза то обстоятельство, что в ополе образуются поля с компактными поселениями. По аналогии следовало бы полагать, что эти поселения уже были крестьянскими и что внутри ополя происходила социальная дифференциация. На основании изучения внутренних процессов ополя и лаукаса можно решать проблему судьбы общинников в раннефеодальном обществе.

¹ Некоторые исследователи отличают земледельческую общину от соседской. Земледельческая община характеризуется индивидуальным землевладением, а соседская община — марка — связана уже с частной собственностью. См.: А. И. Невский. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII веков. М., 1956, стр. 8—9.

² H. Łowmiański. Początki Polski, t. III. Warszawa, 1967, str. 372—407.

³ Там же, стр. 407.

⁴ «Die litauischen Wegeberichte». «Scriptores Rerum

Prussicarum», Bd. II. Leipzig, 1863, S. 662—708.

⁵ H. Łowmiański. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego, t. 1. Wilno, 1931, str. 117.

⁶ J. Jurginis. Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962, p. 113—114. 126.

⁷ H. Łowmiański. Studja... t. 1, str. 284; J. Jurginis. Указ. соч., стр. 126.

⁸ J. Jakubowski. Opis Księstwa Trockiego z roku 1387. «Przegląd Historyczny», t. V, 1907, str. 44—46.

⁹ K. Jablonskis. XVI amžiaus belaisviai kaimynai Lietuvoje. «Praeitis», t. I. Kaunas, 1930, p. 178.

- ¹⁰ В настоящее время «кайма» на литовском языке обозначает «село», а «киема» — «крестьянский двор в селе»; до XVII в. «кайма» и «киема» имели одинаковое значение.
- ¹¹ *H. Mortensen, G. Mortensen.* Die Besiedlung des nordöstlichen Osteuropas bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts, T. II. Leipzig, 1938, S. 8—16.
- ¹² *Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae.* 1376—1430. Cracoviae, 1882, S. 467; *J. Jurginis.* Указ. соч., стр. 170.

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКОЙ ВЕРВИ.

(Тезисы)

А. Поппе

1. Спорные вопросы сущности восточнославянской верви. Данные о хорватской верви XV—XVII вв. должны учитываться в сравнительном плане, но на них нельзя строить выводов о структуре древнерусской верви X—XIII вв. Несостоятельность точки зрения, усматривающей в верви патронимию, убедительно доказана [Г. Ловмянский, О. Рапов]. Обоснованность положения о соседско-территориальном характере вервной организации на Руси.

2. Русская Правда как источник данных о верви и расхождения в их толковании. Обоснованно ли положение [О. Рапов], противопоставляющее вервь людинов [свободное население] селу смердов [зависимое население]? Вервь представлена княжеским законодательством односторонне, исключительно как территориальная организация круговой поруки.

3. Опыт разыскания новых данных о древнерусской верви. Смоленская грамота 1136 г. как источник этих данных. Вервная организация путтинских дедичей — однородной категории крестьян, наследственных землевладельцев. Совмещение даней дедичей с рассроченной вирой свидетельствует об экономических связях внутри верви и о коллективной ответственности верви в области государственных повинностей. Путтинская вервь представляла собой общину, объединявшую одну социальную прослойку — дедичей. Однако социальный состав отдельных вервей на Руси мог быть неоднородным, раз княжеское законодательство называет их членов общим названием «люди». Вервная организация дедичей как составная часть [сельскохозяйственная основа] погоста Путтино многофункционального [торг, услуги, ремесло, административно-податной пункт, княжеские надель] — сельского поселения XII в. Путтинский погост — организм, состоящий как из новых, стимулируемых социально-экономическим развитием и государственной властью элементов, так и старых, со сложившейся вековой традицией [вервная организация]. Он уже лишен прежнего общинного характера, хотя и сохранил некоторые его черты.

МОЛДАВСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ В XIV—XV ВВ.

Н. А. Мохов

Большое значение международного, так называемого «Молдавского торгового пути» хорошо известно и неоднократно было предметом специальных исследований¹. Этот путь связывал в XV в. морские порты Черного моря — Белгород, Килию и Каффу через Молдавию с городом Львовом и далее с городами Западной Европы. Около ста лет это была одна из важнейших нитей, соединяющих Восток с Западной Европой. Обычно считается, что «Молдавский торговый путь» пришел на смену (или существовал параллельно) «Татарскому торговому пути», который также служил потребностям торговли Востока с Западной Европой, но о нем мало что известно и он, очевидно, не играл значительной роли.

Важнейшим источником по истории молдавского пути является грамота (называемая далее «Уставництво о мытах»), данная молдавским господарем Александром Добрым (1400—1432 гг.) львовским купцам 8 октября 6916 (1408) г. в столице Молдавии городе Сучаве.

Грамота содержит детальное описание условий торговли львовских купцов в Молдавии, в ней перечисляются привозимые и вывозимые товары при торговле Молдавии с Польшей, черноморскими городами, Трансильванией и Валахией, указываются нормы обложения пошлинами в пограничных таможнях, каковые размещались: а) на пути в Каффу (Татарская сторона) — в Тигине и Белгороде; б) на пути в Валахию — в Бакове, Берладе; в) на пути в Трансильванию — в Байе, Молдовице, Бакове и Тотруше; г) при торговле с Подолем — в Сирете, Дорохое и Хотине; д) при торговле со Львовом — в Черновцах. Кроме того, мыто платили на внутренних таможнях в Романове и в других местах. В грамоте также определялось правовое положение львовских купцов в Молдавии.

Изучение торговли Молдавии со Львовом как в буржуазной, так и марксистской историографии сводилось

главным образом к изучению этой грамоты. Исследователи обычно не устанавливали преемственности с экономическими связями предшествующего периода. Получалось, будто вся торговля началась чуть ли не с 1408 г., когда была выдана грамота.

В настоящем сообщении мы попытаемся доказать, что эта торговля появилась, разумеется, не в 1408 г. или в предшествующие годы, но что здесь разнообразные торговые связи существовали уже до образования независимого Молдавского государства (1359 г.).

О существовании торговли львовских купцов в Молдавии и до 1408 г. говорится в тексте самой грамоты, в которой господарь Александр Добрый пишет, что новое «Уставничество о мытах» «улегчило», т. е. облегчило, пошлины по сравнению с каким-то предшествующим положением. На это уже обращали внимание некоторые исследователи, но они не ставили вопрос: о какой именно предшествующей торговле идет речь?

В литературе отмечено несколько торговых сделок купцов Львова и Белгорода в предшествующие десятилетия (1376 и 1382 гг.)²⁻³, но куда шли грузы, неясно.

Среди причин, содействовавших подъему Молдавского торгового пути, мы отметили два фактора.

Во-первых, это было очередное перемещение древнего пути, который связывал восточные страны с Западной Европой. Путь существовал уже несколько столетий и не раз перемещался на новые места: в XIII — начале XV в. он шел через Тану и Каффу на север, на Киев и далее в Западную Европу. К началу XV в. этот торговый путь из-за войн Тамерлана и других событий пришел в упадок. Но поскольку существовала потребность в торговле, шли поиски других дорог, и как раз на территории Молдавии возникли благоприятные условия для воссоздания здесь международного пути.

Во-вторых, для зарождения торговли именно через Молдавию определенную роль сыграли чисто местные факторы: в этих районах международная торговля была развита еще тогда, когда они входили в состав «Золотой Орды». Об этом до недавнего времени почти ничего не было известно, ибо письменных памятников не сохранилось. Картина несколько прояснилась только в результате исследований археологов Молдавии в послевоенные годы. Остановимся на этом подробнее.

Татаро-монгольское владычество над территорией будущей Молдавии установилось сразу после похода 1240 г., когда эта земля стала владением хана Ногая; оно удержалось здесь около ста лет. Примерно в 1345 г., по сведениям венгерской Дубнянской хроники, татаро-монголы были изгнаны из восточных предгорий Карпат⁴, а победа русско-литовского войска у Синих Вод в 1362 г. и наконец разгром татаро-монголов русской ратью на Куликовом поле в 1380 г. окончательно устранили возможности восстановления их власти в этих районах.

В данном случае нас интересует экономическая жизнь этих районов за столетие татаро-монгольского владычества. Хотя завоеватели были скотоводами и вели кочевой образ жизни, они нуждались в ремесленных и торговых центрах. Такие центры, как известно, существовали в разных местах владений Золотой Орды. По меньшей мере два центра находились и на территории будущей Молдавской ССР — я имею в виду города, известные под названием Старый Орхей (на р. Реут) и Костешты (на р. Ботна). Оба они в XIV в. переживали кратковременный, но значительный подъем как центры ремесла и торговли. Особенно это относится к Старому Орхею. Не вдаваясь в детали, отметим, что оба они имели торговые связи с отдаленными рынками. На их территории найдены сотни монет, их продолжают находить и в наши дни. Молдавский нумизмат Л. Л. Полевой изучил коллекцию из 424 монет, найденных в Старом Орхее. Он выделил около 300 золотоордынских монет XIV в. и несколько чешских и польских монет того же века. Пять золотоордынских монет относятся к правлению хана Узбека (1313—1342 гг.), около 150 — Джанибека (1342—1357 гг.), остальные относятся к более позднему времени, но не позже годов правления хана Абдаллаха (1362—1370 гг.), из них 135 штук пущены в оборот в год возникновения Молдавского государства или позже⁵.

Ознакомление с нумизматической коллекцией приводит к выводу, что примерно 40% найденных в Старом Орхее монет были начеканены уже после образования Молдавского государства. Они, бесспорно, свидетельствуют о развитии денежных отношений, особенно о развитых экономических связях внутри Золотой Орды, и о меньших, но, безусловно, существующих связях с соседними землями, в том числе с Польшей и Венгрией. Нумизматические на-

ходки доказывают, что экономическая жизнь в золотоордынских городах на территории Пруто-Днестровского междуречья не прекратилась сразу после изгнания из Прикарпатья татаро-монголов (около 1345 г.), но продолжала развиваться некоторое время и после образования самостоятельного Молдавского государства. Состав золотоордынских монет наводит на мысль, что в 1359 г. граница Молдавского государства еще не доходила до Днестра, а проходила где-то у р. Прут, ибо значительное количество золотоордынских монет, медных и серебряных, пущены в обращение уже после этой даты. Наш вывод станет еще более убедительным, если оправдано предположение Л. Л. Полевого о том, что некоторые монеты чеканились на месте ⁶.

Весьма показательно, что в предгорьях, лежащих к западу от р. Прут, татарские монеты встречаются гораздо реже, до 80-х годов XIV в. там доминировали пражские и червонорусские, а потом молдавские монеты. В 1958 г. вблизи бывшей столицы Молдавии Дорохоя был найден клад из 6380 монет местной молдавской чеканки XIV в.⁷, в Старом Орхее они неизвестны.

Политическое изгнание татаро-монголов не означало полного разрыва с предшествующей традицией в торговле. Против этого свидетельствует частичное сохранение старой терминологии. Например, денежную единицу в Молдавии в XIV—XV вв. называли «татарский золотый» (так здесь называли венецианские дукаты, чеканившиеся в Каффе). Характерная для периода феодализма иммунитетная грамота в Молдавии называлась «слобозия», но долгое время ее называли и татарским словом «тарханная грамота» (напомним, что от татаро-монголов название попало и в русскую терминологию).

Румынский буржуазный историк Н. Йорга полагал, что существовавший на молдавских таможенных обычай взysкивать пошлину не только от количества голов скота и от веса товара, но и от его ценности восходит к татарской таможенной теории ⁸. Все восточные товары в Молдавии обычно назывались «татарскими товарами».

Молдавский торговый путь ⁹, по которому львовские купцы вели торговлю с причерноморскими портами, шел через столицу Молдавии Сучаву на Белгород и Каффу. Судя по скудным сведениям источников, конкурирующий Татарский торговый путь также связывал Львов с Каф-

фой и шел от Каменец-Подольска по берегу Днестра. Возможно, его подъем связан с распространением пределов Польско-Литовского государства до берегов Черного моря. В 1421 г. из Польши в Константинополь проезжал французский агент Гильберт де Ланнуа, он видел у устья Днестровского лимана строительство литовского укрепления¹⁰.

Все перечисленные факторы позволяют утверждать, что Молдавский торговый путь до 1408 г. имел уже свою историю, но, конечно, до 1359 г. он не мог называться «Молдавским». Нужно полагать, что по его дорогам перевозили товары и внутри страны, но этот путь имел значение и для транзитной торговли с Польшей и Венгрией (польские и чешские монеты подтверждают это). Торговые и ремесленные центры поддерживали связи с черноморскими портами и, например, Львовом, что подтверждается рядом дополнительных данных.

В развитии северочерноморской торговли главную роль играли портовые центры Каффа, а также Белгород, Килия. Некоторые факты их истории для нашей темы имеют существенное значение. Каффа как крупный центр торговли в XIV—XV вв. хорошо известна, менее известна история Белгорода. После захвата его в 1240 г. татаро-монголами долгое время об этих местах источники ничего не сообщают.

После событий 1261 г. в Константинополе усилилась роль генуэзцев, они начали создавать свои колонии у северных берегов Черного моря. Известны факты о вывозе зерна через Белгород в 1335—1359 гг. в итальянские города¹¹. В документах 1361 г. упоминается вывоз через Килию и Белгород меда и воска. Весьма вероятно, что через эти города отправляли скот и соль¹². Ранние сведения о Белгороде как торговом центре генуэзцев мы получаем из Жития Иоанна Нового, составленного молдавским книжником Григорием Цамблаком около 1402 г. В этом житии сообщается, что Иоанн был купцом из Трапезунда и за приверженность к православию он был казнен в Белгороде около 1330 г. Далее сообщается, что тогда в городе жили генуэзцы, евреи, татары¹³. Экономический подъем Старого Орхея и Костешт совпал с подъемом влияния Белгорода, это было время наибольшего подъема могущества Орды.

Генуэзские порты в эти десятилетия вывозили прежде

всего рабов, которых поставляли татары после удачных набегов, а также зерно и другие товары. Велась и транзитная торговля со Львовом. Но главное место в торговле этих купцов занимала работорговля. Именно поэтому румынский историк Б. Кымпина оценивал эту торговлю как «реакционный фактор в нижнем Подунавье»¹⁴. Он убедительно показал, что упадок генуэзской торговли начался в XIV в. и вызван был ослаблением татар и начавшимся в связи с этим сокращением торговли рабами.

Но генуэзцы вели и транзитную торговлю через Львов с Северной Европой. Генуэзский портулан в Перу (Константинополь) А. Дулчерто в 1339 г. писал, что «...генуэзские купцы от Черного моря ходят к морю Готланда (Балтийскому морю.— *Н. М.*) в сторону Фландрии к Брюге». Этот путь он назвал «Львовская дорога»¹⁵, которую мы можем считать частью существовавшего тогда пути через Монкастро (Белгород) — Каменец — Львов на Фландрию.

О связях Молдавии и польских земель в XIV в. определенно свидетельствуют и археологические данные. Так, например, печные калориферные изразцы, изучаемые археологом Г. Д. Смирновым в городище Старый Орхей¹⁶, хорошо известны и в археологических материалах в Польше в XIV в. (они представлены в музеях Кракова). В Старом Орхее также распространена серая керамическая посуда, сделанная по польским образцам.

Политически в Белгороде господствовали то татары, то венгры, то валахи, но в торговле главную роль играли купцы-генуэзцы. Торговля Львова и Белгорода, по-видимому, вначале шла по Татарскому пути, как лежащему дальше от границы, только образование независимого Молдавского государства создало предпосылки для усиления роли молдавской дороги.

Весьма вероятно, что «Уставництво о мытах» 1408 г. было первым документом, выданным молдавским господарем, но условия торговли, включенные в документ, были хорошо знакомы и Молдавскому государству, и львовским купцам, более того — по грамоте господарь «улегчил» это мыто.

Условия торговли по «Уставництву о мытах» для львовских купцов оказались очень живучими, они повторялись несколько раз (в 1434, 1456, 1460 гг. и позднее),

при этом каждый раз вносились только самые незначительные изменения¹⁷. Насколько нам известно, последний раз эти условия были подтверждены молдавским господарем в 1523 г., когда львовским купцам было разрешено торговать в Молдавии «подлуг того листу привильного щоже... имаєте от наших предков»¹⁸.

По Молдавскому торговому пути шла торговля местными товарами и значительная транзитная. Доходы от нее существенно увеличивали казну. Признавая большую роль этого пути для Молдавского государства, мы не можем согласиться с мнением тех историков, которые именно потребности международной торговли считают «...причиной возникновения самого Молдавского государства»¹⁹.

Для возникновения государства имелось достаточно внутренних причин. Но международная торговля значительно обогащала молдавского господаря. Хорошо известен факт, что господарь Петр Мушат (1374—1381 гг.) дал займы польскому королю Владиславу 3000 рублей и получил в залог несколько городов (Галич и др.) и область Покутье. Поскольку король не смог вернуть взятых денег, эти города надолго оставались в составе Молдавии и конфликт из-за них и из-за денег продолжался десятки лет. Во всяком случае, этот эпизод доказывает, что в руках господаря сосредоточивались значительные средства.

Из «Уставництва о мытах» видно, что Молдавия направляла во Львов крупный рогатый скот, овец, свиней, продукты животноводства (кожи, меха), рыбу, воск и другие, а покупала металлические изделия, ткани. Транзитом через Молдавию провозили восточные пряности, дорогие ткани, серебро, воск, предметы роскоши. Любопытно, что в первом (1408 г.) и последнем (1460 г.) уставах о мытах, в которых названы предметы торговли, перечень их почти не менялся. Это, надо полагать, не столько доказательство неизменности состава поступающих на рынок товаров, сколько следствие механического перенесения условий торговли из одного документа в другой. Разумеется, за полвека произошли изменения в составе товаров, не мог не сказаться на нем и захват турками Константинополя.

У нас нет данных, характеризующих объем торговли, о нем мы можем судить только по отдельным фактам. Так, в 1472 г. сучавский купец-армянин продал во Льво-

ве 21 воз дунайской осетрины, в конце века туда ее вывозили до 1000 возов в год²⁰. Об отдельных торговых операциях узнаем из судебных дел. Так, в 1536 г. один из львовских купцов обвинялся в том, что угнал из Молдавии несколько тысяч голов скота и не уплатил мыто²¹.

Господари покровительствовали иностранным купцам, не допускали нарушений их привилегий: например, в 1435 г. господарь взял под защиту купцов из Брашова, когда те пожаловались на притеснение со стороны молдавских купцов²². Но, с другой стороны, он решительно брал под защиту справедливые интересы молдавских купцов. В 1502 г. господарь Стефан III грозил польскому королю войной, если не возместят убытки молдавским купцам²³.

Наконец, для масштабов торговли характерно и то, что в Молдавии благоустраивались дороги. В «Уставництве о мытах» упоминаются паромы на переправах, в стране имелись каменные мосты. Караванам купцов давалась военная охрана, за нее также полагалось платить.

Поскольку Молдавский торговый путь обслуживал прежде всего потребности международной торговли, естественно, что в торговле большую роль играли иностранные купцы. Этнический состав их был пестрым. На первом месте стояли, по-видимому, армяне и немцы, дальше — украинцы, евреи, поляки, греки и, разумеется, молдаване; нужно думать, были среди них и генуэзцы, хотя прямых указаний об этом в источниках мало. Значительную роль они играли только в Белгороде.

Уже в начале XV в. в городах Молдавии имелись армянские общины, церкви и епископы. «Уставництво о мытах» как единицу обложения упоминает армянский и немецкие возы. Это бесспорное свидетельство большой роли армян в жизни молдавских городов.

Среди купцов было много немцев, особенно в северомолдавских городах, где они имели свои общины, церкви и епископов. Но немцы не играли большой роли в развитии молдавской торговли и молдавских городов, о которой пишет Г. Вечерко²⁴. Города здесь возникали задолго до начала немецкой колонизации, и они были вызваны к жизни далеко не колонистами. Росло влияние и молдавских купцов. Известны имена богатых молдавских купцов, ведущих торговлю в Белгороде и Львове²⁵, среди них были и некоторые видные молдавские бояре.

Появление и расцвет Молдавского торгового пути —

яркий эпизод в истории международной торговли XIV — XV вв., когда молдавские господа оказывали на нее влияние и извлекали из нее значительные по тем временам доходы. Молдавский торговый путь имел важное значение для всей жизни города Львова. Захват гурками Килии и Белгорода в 1484 г. подрвал значение Молдавского торгового пути и привел к разорению многих богатых купцов Львова. Город Львов даже получил от короля снижение налогов до тех пор, пока «... не вернутся под власть христиан Каффа, Килия, Белгород»²⁶.

Крайними хронологическими гранями существования этого торгового пути являются, вероятно, конец XIII в., т. е. он возник задолго до образования независимого Молдавского государства (1359 г.), и середина XV в. — падение его роли началось после захвата Константинополя турками (1453 г.); окончательная ликвидация пути относится к 1484 г. (захват Белгорода и Килии турецкими силами). С этого времени торговля Молдавии с польскими землями ведется главным образом товарами внутреннего производства или потребления. Транзитная торговля между южными и восточными странами и Западной Европой пошла по другим путям.

Краткое рассмотрение материалов позволяет также утверждать, что до появления Молдавского торгового пути от берегов Черного моря через Молдавию на Польшу шел путь, о котором хотя и не сохранилось письменных сведений, но определенно свидетельствуют другие, главным образом археологические, материалы.

¹ «История Молдавской ССР», т. 1, 1965; *Е. М. Подградская*. Торговые связи Молдавии со Львовом в XIV—XV вв. Кишинев, 1968; *Ф. А. Грекул*. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV в. Кишинев, 1950; *Н. Рутковский*. Экономическая история Польши. М., 1953; *I. Nistor*. Handel und Wandel in der Moldau bis zum Ende des 16. Jahrhun-

derts. Czernowitz, 1912; «Istoria Romîniei», vol. II. Bucureşti, 1962; *N. Iorga*. Istoria comerţului românesc, vol. I. Bucureşti, 1925; *P. P. Panaitescu*. Legăturile moldo-polone în secolul XV si problema Chilieii. «Romanoslavica», t. III. Bucureşti, 1958; *B. Câmpina*. Despre rolul genovezilor la gurile Dunării în sec. XIII—XIV. «Revista de istorie», 1953, N 1, 3; *G. Giurescu*. Târguri său

- orășe și cetăți moldovene din secolul al X-lea pîna la mijlocul secolului al XVI-lea. București, 1967; *L. Charewiczowa*. Handel Lwowa z Moldawya i Multanami w wiekach średnich. «Kwartalnik historyczny», R. XXXVIII. Lwow, 1924.
- ²⁻³ *Е. М. Подградская*. Указ. соч., стр. 45.
- ⁴ *А. Czalowski*. Początki Moldavii a wyrpawa Kazimierza Wielkiego r. 1359. «Kwartalnik historyczny», 1890, str. 261.
- ⁵ *Л. Л. Полевой*. Монеты из раскопок Старого Орхей. «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики». Кишинев, 1960.
- ⁶ *Л. Л. Полевой*. Указ. соч., стр. 317.
- ⁷ «Народная Румыния», 1958, № 3, стр. 23.
- ⁸ *N. Iorga*. Istoria comerțului române. Vale de Munte. 1915, p. 92.
- ⁹ Молдавский, или «волошский», путь в XV в. был хорошо известен на Украине как путь, по которому крымские татары в XV в. совершали набеги на Молдавию, Украину и Польшу (*А. Ефименко*. Южная Русь, т. 1. СПб., стр. 5).
- ¹⁰ «Путешествие Гильберта де Ланнуа по Южной России». Одесса, 1852, стр. 7—8.
- ¹¹ *G. Giurescu*. Указ. соч., стр. 52.
- ¹² Там же, стр. 53.
- ¹³ «Записки Одесского общества истории и древностей», т. IX. Одесса, 1875, стр. 149—159.
- ¹⁴ *B. Campina*. Указ. соч., № 3, стр. 117.
- ¹⁵ Там же, стр. 206—210.
- ¹⁶ *Г. Д. Смирнов*. Из истории Старого Орхей. «Изв. Молдавского филиала Академии наук СССР», № 4 (70), 1960, стр. 35 и сл.
- ¹⁷ *Н. Йорга* в монографии («Istoria comerțului române...») пытается доказать, что грамоты различаются («foarte mult»), но в действительности различия совсем незначительные, а величина мыта по сути не менялась.
- ¹⁸ *M. Costachescu*. Documentele Moldovenesti dela Ștefanita Voevod (1517—1527). I ași, 1943, p. 559.
- ¹⁹ *N. Iorga*. Istoria comerțului cu Orientul. București, 1931, p. 64.
- ²⁰ *L. Lehr*. Comerțul Țării Romînesti și Moldovei în sec. XVI—XVII. «Studii și materiale de istorie medii», vol. IV, 1960, p. 272.
- ²¹ *А. Jablonowski*. Sprawy woloskie za Jagellonów. Warszawa, 1878, str. 53—54.
- ²² *M. Costachescu*. Documentele Moldovenesti lui Ștefan cel Mare, vol. 1, p. 694—695.
- ²³ *В. А. Ульяницкий*. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии и Турции в XIV—XV вв. М., 1877, стр. 47 и сл.
- ²⁴ *H. Weczerka*. Das mittelalterliche und frühneuzeitliche Deutschland in Fürstentum Moldav. München, 1960, S. 39, 58—60.
- ²⁵ *Н. А. Мохов*. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, стр. 131.
- ²⁶ Akte grodzkie i ziemskie, t. IX, Lwow, str. 109.

ЭВОЛЮЦИЯ ИММУНИТЕТА СВЕТСКИХ ФЕОДАЛОВ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ ЕДИНЫХ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ГОСУДАРСТВ

Б. Н. Флоря

Вопрос о сходствах и различиях процессов социально-экономического и социально-политического развития средневековой России и ее западной соседки Польши давно привлекает к себе внимание исследователей, и некоторые моменты здесь уже установлены с достаточной точностью.

Так, представляется очевидной большая близость общественного строя обеих стран, взятого в целом на раннефеодальной стадии развития. Вместе с тем известно, что в период позднего феодализма (XVI—XVIII вв. в Польше; вторая половина XVI—XVIII вв. в России) при во многом сходной направленности процессов социально-экономического развития, которые и в России, и в Польше завершились торжеством «крепостничества», в обеих этих странах сложились по существу полярные формы взаимоотношений между господствующим классом и государственной властью: дворянской республике Польши с королем, выполнявшим функции своеобразного президента, соответствовал самодержавный строй России. При этом, однако, насколько автору известно, остается невыясненным, с какого именно времени можно говорить о прекращении типологической общности, отмеченной исследователями для обеих стран в период раннего феодализма, и к какому времени следует относить возникновение тех отмеченных выше различий, которые, несмотря на общность многих социально-экономических явлений, заставляют все же считать обе страны двумя разными вариантами развития феодализма.

Настоящая статья представляет собой попытку выяснить указанные моменты, рассмотрев характер взаимоотношений между государственной властью и представителями сословия светских феодалов на стадии ликвидации феодальной раздробленности и начала процессов формирования сословий. Для Польши этот период приходится

на вторую половину XIII—XIV в., для России — на вторую половину XV — первую половину XVI в.

Выбор для сравнительного рассмотрения именно этого периода объясняется тем, что это — наиболее равная стадия польского и русского исторического процесса, при изучении которой можно использовать документальный материал из архивов обеих стран. Вместе с тем речь идет о такой стадии развития, которая отстоит еще не слишком далеко от периода типологической близости русского и польского общественного строя и вместе с тем непосредственно предшествует тому этапу развития, на котором резкие различия становятся уже очевидными.

Из различных форм взаимоотношений светских феодалов и государственной власти в рамках данной статьи будут рассматриваться прежде всего те формы отношений, которые регулировались выдачей иммунитетных пожалований. Оформляя и закрепляя отношения господства-подчинения в феодальном владении, акты одновременно определяли характер связи этого владения с существующей системой государственной организации, объем и характер его доступности для действий государственного аппарата. От того или иного характера иммунитетного пожалования прямо зависели, таким образом, степень подчинения отдельных представителей (а в итоге — в целом) господствующего класса государственному механизму и степень самостоятельности государственной власти, размеры ее независимости.

Следовательно, анализируя отраженные в иммунитетных пожалованиях нормы, можно выявить наиболее существенные черты соотношения сил, сложившегося между господствующим классом и государственной властью в данный период, и получить тот или иной ответ на поставленный выше вопрос.

Сравнительное сопоставление следует, вероятно, начать со сведений об объеме судебного иммунитета, а следовательно, и о вотчинной юрисдикции польских и русских феодалов.

Как показано в исследовании З. Войцеховского, можно выделить следующие типы «судебного» иммунитета второй половины XIII в. для Польши. Первый тип, наиболее часто встречающийся в документах того времени, это такой тип, когда грамотчик получает юрисдикцию по «*causae minores*» (малым делам), в то время как юрис-

дикция по «causae maiores», т. е. по разбору дел о таких преступлениях, которые карались отсечением головы или другими телесными наказаниями, оставалась в ведении князя. Грамотчик, правда, в ряде случаев мог рассчитывать на получение штрафа по этим делам, например за убийство, совершенное между людьми грамотчика на его земле.

Переходной формой от этого типа отношений к другому, о котором речь пойдет ниже, была передача «высшей юрисдикции» в ведение грамотчика, но на суде во время разбора таких дел должен был присутствовать княжеский асессор, взимавший в свою пользу часть штрафов (такие отношения зафиксированы, правда, лишь в великопольских документах).

Другой тип отношений, встречавшийся нередко, но в конце XIII в. гораздо менее распространенный, чем первый,— это передача и дел «высшей юрисдикции» в руки грамотчика вместе с правом проведения судов божьих и сбора штрафов за преступления.

Наконец как исключение в литературе отмечаются отдельные документы, в которых провозглашается вообще полная отмена княжеской юрисдикции над населением данного имения и, следовательно, полный переход всей власти над крестьянами в руки их господина¹.

На польской почве мы имеем дело, таким образом, с очень широким объемом патримониальной юрисдикции.

Гораздо более скупой формуляр русских жалованных грамот (число их также сильно уступает польским) не позволяет подробно описать разделение судебной юрисдикции между государством и светскими феодалами. Однако и здесь определенно намечается три типа отношений. Во-первых, это отношения между великокняжеской властью и самой верхней прослойкой господствующего класса — «служилыми» князьями, число которых на протяжении XV в. по мере перехода под власть московских великих князей новых и новых территорий постоянно возрастало. Свои отношения с великим князем они оформляли особыми письменными соглашениями — докончаниями. Сохранившееся докончание суздальского князя Ивана Васильевича Горбатого с Василием Темным показывает, что при оформлении вассальных отношений оговаривалась полная независимость населения их владений от великокняжеского суда².

Что касается основной массы светских феодалов великого княжества Московского, то в их отношениях с великокняжеской властью преобладала норма, по которой судебный иммунитет предоставлялся грамотчикам «опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным»³. Гораздо более редко грамотчики получали судебный иммунитет «опричь душегубства».

Для дальнейшего исследования необходимо выяснить соотношение русских и польских терминов, определяющих объем судебного иммунитета. Сопоставление значительно облегчается тем обстоятельством, что такое преступление, как татьба, в случае ее повторного совершения (не говоря уже о разбое и душегубстве) каралась по русскому средневековому праву смертной казнью⁴ и, следовательно, попадала под категорию дел, определяемых в польском праве как «*causae maiores*». С другой стороны, в некоторых польских грамотах понятие «высшей юрисдикции» раскрывается как право землевладельца осуществлять суд по делам об убийстве, краже, пролитии крови и грабеже⁵. Таким образом, различным способом в польских и русских документах обозначаются идентичные явления.

Установив это, мы получаем возможность констатировать, что положение основной массы польских и русских феодалов накануне образования в этих странах единых государств было сходным: ни те, ни другие в общем порядке не обладали правом «высшей юрисдикции» и были вынуждены удовлетворяться правом разбора «*causae minores*». В обеих странах одновременно наличествовали и многочисленные исключения из этого правила. И в России, и в Польше эти исключения, отражавшие тенденцию развития, носили принципиально однородный характер: юрисдикция грамотчиков распространялась и на дела «высшей юрисдикции». Наряду с этим можно констатировать и определенные различия: в Польше можно отметить уже определенную часть феодалов, овладевшую по существу всей полнотой власти над зависимым населением, в то время как в России мы наблюдаем частичную передачу подобных прав с сохранением за государством права суда по делам об убийстве, и всей полнотой власти пользовались лишь представители самой верхушки господствующего класса главным образом потому, что в сравнительно недалеком прошлом их земли

были самостоятельными княжествами (их полное изъятие из-под юрисдикции государственного аппарата нет оснований, таким образом, считать нововведением).

При всей важности выявленных различий они, как видим, не дают оснований для принципиального противопоставления польских и русских норм. Скорее создается впечатление, что русский общественный строй стоит как бы на начальном этапе того процесса, который в Польше достиг уже более значительного развития.

Несколько иная, более сложная картина вырисовывается при сравнении норм податного иммунитета в обеих странах.

Благодаря работам целого ряда польских исследователей уже в первых десятилетиях XX в. обрисовалась довольно ясная картина эволюции податного иммунитета светских феодалов в различных польских княжествах на протяжении XIII столетия.

К тому времени, когда началась активная борьба за объединение польских земель, владения польских магнатов и рыцарства в общем порядке были освобождены от большей части общегосударственных налогов и повинностей, за исключением тех, исполнение которых было так или иначе связано с обороной страны (посылка людей на войну, снабжение войска телегами или продовольствием, работы по строительству или укреплению крепостей) ⁶.

Всю сумму этих налогов и работ для частновладельческой территории заменило так называемое «чрезвычайное порадльное», взимавшееся преимущественно деньгами (но также и продовольствием) подчас в довольно значительных размерах. Как видно из самого его названия, это был налог не постоянный, а взимавшийся от случая к случаю («по мере надобности») ⁷. Причем в ряде документов конца XIII столетия, происходивших из районов, где сильно сказывалось влияние норм ленного права (Силезия), можно проследить тенденцию ограничить право княжеской власти на сбор этого налога рядом четко определенных казусов. В остальных случаях князь для обложения частных владений должен был получать согласие своих вассалов ⁸.

Что касается податного иммунитета светских феодалов на территории Великого княжества Московского (о других княжествах Северо-Восточной Руси мы в этом отно-

шении почти вовсе не информированы), то около двух десятков грамот 40—70-х годов XV в., выданных великими и удельными князьями московского дома, рисуют довольно однородную картину. Во всех этих документах повторяется в одних и тех же выражениях один и тот же комплекс постановлений, которые можно считать нормой взаимоотношений государственной власти с феодалами-вотчинниками⁹.

Норма эта предусматривала освобождение феодальной вотчины от целого ряда налогов и повинностей.

Это прежде всего транспортные повинности, обозначенные в грамотах формулой «ни ям, ни подвода». Наряду с этим население вотчины освобождалось от обязанности «тянуть в проторы и в разметы» к дворским и сотским — низшим чинам государственной администрации, в руках которых сосредоточивалось управление «черными», волостными землями. Одновременно (и в связи с этим) население вотчины освобождалось и от несения отработочных повинностей в княжеском хозяйстве, обозначенных в грамотах формулами «сена косити» и «коня кормити». Высшие представители местных органов власти, наместники и волостели, не могли взимать в свою пользу «кормы» с вотчин. Наконец в руки грамотчиков переходил сбор главных пошлин с провоза и продажи товаров на их территории¹⁰.

Учитывая, что транспортные повинности и работы в княжеском хозяйстве занимали в системе средневекового податного обложения видное место и княжеская власть обычно стремилась сохранять их за собой¹¹, а «кормы» были одним из главных источников содержания местных органов власти, следует признать, что жалованные грамоты московских князей предоставляли владениям их вассалов значительные податные привилегии.

Сопоставление этих норм с теми перечнями налогов и повинностей, которые мы находим в одновременных грамотах московских князей церковным учреждениям, показывает, однако, что они вовсе не означали полного изъятия владений вотчинников из сферы действия как княжеского налогового аппарата, так и местных органов власти. Так, например, владениям светских феодалов не предоставлялось в общем порядке освобождения от обязанности «строить» великокняжеские дворы и дворы волостелей и наместников, в которых последние поселялись

при вступлении в должность, и, следовательно, в работах по их отстройке и починке частновладельческие крестьяне должны были участвовать¹². Точно так же великокняжеские грамоты запрещали «въезжать» во владения грамотчика лишь наместникам и волостелям, следовательно, весь арсенал княжеских служилых людей (ловчие, бобровники и т. д.), а также княжеские гонцы, «ратные люди» и т. д. могли въезжать на территорию светской вотчины, взимать в свою пользу кормы с населения и привлекать крестьян к работам по обслуживанию княжеской охоты и т. д.¹³ Хотя сбор главных торговых пошлин — «мыта» и «тамги» был передан грамотчикам, целый ряд других пошлин оставался по-прежнему в ведении княжеской администрации. Так, грамотчики, например, не имели права сами клеймить лошадей, и их крестьяне должны были уплачивать за это особую пошлину великокняжеским агентам — «пятенщикам»¹⁴.

Таким образом, во всех этих сферах иммунитет русской светской вотчины был отнюдь неполным.

Наконец, и это наиболее существенно, на русскую вотчину середины XV в. ложилась тяжесть ряда чисто государственных налогов. Из них (наряду с некоторыми сравнительно второстепенными повинностями) следует отметить повинность по укреплению городов («городовое дело») и «дань» — постоянный поземельный налог, взимавшийся иногда по нескольку раз в год¹⁵.

Нетрудно видеть, что нарисованная здесь картина существенно отличается от того, что дает нам польский материал второй половины XIII в.

Помимо общей констатации того факта, что податные привилегии польских феодалов были в целом гораздо более обширными, следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что если польская княжеская власть конца XIII в. не имела постоянных источников дохода с частновладельческой территории, то князья московского дома сохранили за собой право сбора постоянной земельной дани (по соглашению в ряде случаев она могла заменяться фиксированной денежной суммой) с большей части земель как светских, так и духовных феодалов.

Выявление этих весьма важных и существенных различий ставит исследователя перед необходимостью их оценки: отражали они принципиальную разницу между двумя существенно иными системами отношений или мы

имеем дело с вариантами в рамках одного и того же типа.

Для решения этого вопроса следует обратиться к некоторым другим аспектам отношений государственной власти и господствующего класса.

Польскими исследователями давно уже отмечалось, что происходивший на протяжении XIII в. процесс роста судебных и податных привилегий светских и в особенности церковных феодалов привел к переходу значительных доходов, поступавших ранее в великокняжескую казну, в руки отдельных землевладельцев и корпораций. В создавшихся условиях резко повышалась роль собственных, домениальных, владений князя, так как поступления с них превращались по существу в основной источник его доходов. Не удивительно, что в моменты серьезных военно-политических затруднений мы сталкиваемся с акциями князей, направленными как на расширение территорий домена, так и на повышение его платежеспособности. Из акций такого рода здесь можно отметить превращение краковским князем Болеславом Стыдливым в княжескую собственность соляных рудников Бохни и Велички, а также некоторые акты, направленные на пополнение «домена» рабочим населением за счет других категорий феодального землевладения. Это прежде всего эдикт 1267 г. куявского князя Казимира, предусматривавший, что свободные крестьяне церковных владений под угрозой потери личной свободы и конфискации их движимого имущества должны переселиться из владений церкви на территорию домена и менее привилегированных имений светских феодалов, а также во многом аналогичный ему по характеру изданный около 1326 г. эдикт Владислава Локетка, по которому свободным крестьянам запрещался переход с территории домена на земли церкви¹⁶. Таким образом, княжеская (а затем королевская) власть в Польше в попытках решить финансовые затруднения идет по пути повышения доходности домена, что является прямым следствием широкого разрастания податных привилегий членов господствующего класса.

Рассмотрим теперь, в каком направлении пыталась решать проблему наполнения государственной казны московская великокняжеская власть в годы окончания длительной «феодальной войны» на территории Северо-Восточной Руси.

К середине XV в. ее положение в этом отношении не было легким. Великокняжеская казна, где на протяжении длительного времени скапливались денежные средства, собранные самим великим князем Василием II и его предками, во время феодальной усобицы середины 40-х годов попала в руки его политических противников — Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского¹⁷, и Василий II на протяжении ряда лет тщетно добивался ее возвращения¹⁸.

Одновременно происходившие в 30—40-х годах междоусобные войны привели к сильному оскудению земель великокняжеского домена. Население их разбрелось, «закладывалось» за «сильных» людей в поисках защиты, а запустевшие земли захватывали соседние землевладельцы¹⁹. В результате территория домена сократилась, а платежеспособность упала.

Между тем конец 40-х — 50-е годы XV в. отмечены весьма активной политикой московского великокняжеского правительства. На эти годы падают ряд военных экспедиций против Дм. Шемяки и Ивана Можайского, война с Новгородом, где Шемяка нашел было себе поддержку, посылка военной помощи Казимиру, неоднократные походы против казанских и золотоордынских татар. Все это требовало больших расходов, в то время как великокняжеская власть в силу обстоятельств оказывалась стесненной в средствах.

Естественно, что в этих условиях великий князь Василий II должен был предпринимать различные меры для укрепления своих финансов. Думается, не случайно на 40—50-е годы XV в. приходится резкое падение веса московской деньги, уменьшившейся к концу княжения Василия Темного почти в два раза по сравнению с первой половиной 40-х годов. Очевидно, испытывая стесненность в средствах, великокняжеское правительство прибегло к эксплуатации монетной регалии, пытаясь получить необходимые средства с помощью порчи монеты²⁰.

Однако одна порча монеты не могла дать правительству достаточных ресурсов, и Василий II и его советники прибегли к некоторым другим мерам, которые представляют особый интерес для характеристики взаимоотношений государственной власти и господствующего класса в середине XV в.

На рубеже 40—50-х годов в формуляре ряда грамот, выходящих из великокняжеской канцелярии, появляется

клаузула, запрещающая землевладельцу «принимать» в обозначенные в документе села или деревни тяглых или «данских» (т. е. обязанных платить дань) крестьян из владений великого князя²¹, в чем нетрудно увидеть стремление регулировать происходящие на территории Северо-Восточной Руси передвижения рабочей силы в направлении, благоприятном для интересов великого князя как непосредственного сюзерена своих земель.

Хотя до нас дошла лишь очень небольшая часть когда-то имевшегося комплекса актов, даже из тех немногих документов, которые нам сейчас известны, можно составить определенное представление о размерах осуществленной акции. Введенные великокняжескими грамотами конца 40—50-х годов запреты касались ряда владений митрополичьего дома²², а также отдельных земель таких влиятельных, почитаемых на всей территории Северо-Восточной Руси монастырей, как Троице-Сергиев²³, Симонов²⁴, Спасо-Евфимьев²⁵, Кириллов²⁶ и Чудов²⁷. Мы находим их и в ряде грамот, выданных в те же годы светским феодалам²⁸. Если учесть также, что земли, упомянутые в этих документах, находились на территории девяти различных уездов, то ясно, что речь должна идти о крупном мероприятии, затрагивавшем, по-видимому, интересы достаточно широкого круга церковных и светских землевладельцев на значительной части территории Великого княжества Московского²⁹.

Великокняжеская власть не ограничивалась провозглашением запретов, но предпринимала и определенные меры для успешного проведения их в жизнь. Упоминание в тексте уже наиболее ранних запретительных формул «письменных» людей как категории населения, которую не разрешалось «перезывать»³⁰, указывает, что для контроля над действиями землевладельцев правительство намеревалось использовать данные писцового описания, где точно перечислялось то население земель домена, на которое теперь великий князь заявлял свои исключительные права. Из других источников известно, что в середине XV в. на территории целого ряда уездов подобные описания действительно были проведены³¹. Наряду с учетом имеющейся рабочей силы правительство, разумеется, рассчитывало при этом, что при проверке прав на землю, чем сопровождалась подобная землеописательные работы, удастся также несколько расширить реальную пло-

падь домена за счет возвращения владений, незаконно занятых сильными соседями в период усобицы.

Установлением точных границ домена и закреплением имеющейся на нем рабочей силы дело, однако, не ограничивалось. Здесь следует обратить внимание, что сформулированный в великокняжеских грамотах запрет «перезывать» крестьян носил односторонний характер и, налагая определенные обязательства на землевладельцев, ничем не ограничивал княжескую власть³². Тем самым у администрации княжеских владений открывались возможности для «перезыва» крестьян в великокняжеские имения, не опасаясь аналогичных действий со стороны их бывших хозяев.

О некоторых из мер, предпринимавшихся княжеской властью для привлечения на свою территорию частновладельческих крестьян, можно судить по документу, вышедшему из канцелярии белозерского князя Михаила Андреевича.

Из него мы узнаем, что князь дал грамоту старосте волости Волочек Словенский, в которой разрешил принимать «в волость» крестьян из владений Ферапонтова монастыря «межень лета и всегда». Одновременно тем из этих крестьян, кто задолжал монастырю, предоставлялось право выплачивать долги в рассрочку в течение двух лет и без процентов³³, что нельзя не рассматривать как явное нарушение прав землевладельца в интересах великокняжеской казны. Данный пример особенно показателен, так как Михаил Андреевич занимал в этом вопросе более осторожную позицию, чем другие князья московского дома: в грамотах, вышедших из его канцелярии, вообще не встречается клаузула, запрещающая вывод крестьян с территории домена.

Известен также ряд относящихся к середине XV в. жалоб монастырских властей на то, что княжеская администрация «выводит» из их владений крестьян не в сроки, установленные для крестьянского отказа³⁴.

Таким образом, в политической деятельности московских великих князей можно выделить целый ряд мер, направленных на повышение доходности домена, обнаруживающих типологическую общность с соответствующими акциями польских правителей.

Крайне важным представляется определить соотношение этих мер с политикой московского великокняжеского

правительства по отношению к иммунитетным привилегиям феодалов.

К сожалению, по отношению к светскому землевладению определенного ответа на этот вопрос получить невозможно. От первой трети XV в. известны тексты буквально 2—3-х грамот светским феодалам, и это не дает возможности выяснить, происходили ли в середине XV в. какие-либо изменения в нормах взаимоотношений правительства со светскими феодалами по сравнению с предшествующим временем. Лишь для одного владения — переславль-залесской вотчины Петелиных — имеется несколько грамот, выданных последовательно одна за другой на протяжении 1435—1450 гг. Эти грамоты свидетельствуют о несомненном росте податных привилегий вотчины³⁵, но единичный факт не дает оснований для каких-либо обобщающих суждений.

В отличие от этого в монастырских архивах (преимущественно в архивах Троице-Сергиева монастыря) сохранилась группа актов 40-х годов XV в., которые можно сопоставить с предшествующими грамотами на те же владения. Частичное сопоставление этих материалов, произведенное Л. В. Черепниным, уже привело исследователя к заключению, что в обстановке «феодальной войны 30-х годов и нарушения политической стабильности князя, боровшиеся за великокняжеский трон, искали поддержки церковных феодалов, привлекая их на свою сторону выдачей грамот с широкими податными привилегиями»³⁶.

Обращение к материалу убеждает в правильности заключений Л. В. Черепнина и позволяет пополнить его наблюдения.

Так, борьба Василия II с Дм. Шемякой за Бежецкий Верх привела к тому, что выступавший посредником в конфликте троицкий игумен Зиновий получил от великого князя жалованную грамоту, которая освобождала монастырскую вотчину в Бежецком Верху — с. Присеки от дани, яма, писчей белки и от ряда торговых пошлин на всей территории великого княжения^{36а}. Позднее Трифон, игумен другого влиятельного монастыря — Кириллова, «разрешил» Василия II от «клятвы», данной им Шемяке, и Кириллов монастырь получил для своих «возов» (или «судна») освобождение от всех основных торговых пошлин на территории всех его владений³⁷.

Борьба с Шемякой за Углич привела к тому, что великокняжеской грамотой от июля 1447 г. был сложен трехрублевый оброк с угличских сел Троице-Сергиева монастыря³⁸, а позднее, с захватом Галича войсками Василия II, троицкие варницы у Соли Галицкой и деревни в Галицком уезде были по грамоте 3 июля 1453 г. освобождены от уплаты дани и ряда других повинностей³⁹. В те же годы получили освобождение «впрок» от дани и яма троицкие дворы у Соли Переславской⁴⁰. Получила ряд дополнительных привилегий и суздальская вотчина монастыря — с. Шухобалово⁴¹. Хотя количество великокняжеских грамот второй половины 40-х — начала 50-х годов за пределами троицкого архива крайне незначительно, можно все же установить, что не один Троице-Сергиев получал в те годы податные привилегии, освобождавшие владения от основного комплекса общегосударственных налогов и повинностей. Так, совершенно незначительный суздальский Шартомский монастырь получил в 1452 г. грамоту, по которой его двор в Плесе освобождался от уплаты дани, яма и других налогов⁴².

Характерно, что именно в щедрых жалованных грамотах второй половины 40-х годов мы встречаемся с первыми случаями использования клаузулы с запретом принимать людей из великокняжеских владений. Это показывает своего рода оборонительный характер охарактеризованной выше акции по отношению к великокняжескому домену в условиях роста податных привилегий феодалов-землевладельцев.

Нетрудно видеть принципиальное сходство обрисованной системы отношений с теми отношениями, какие на рубеже XIII—XIV вв. сложились у польской княжеской власти с польскими феодалами. Обнаружившиеся важные совпадения позволяют не придавать отмеченным выше различиям, хотя и довольно значительным, принципиального характера. Власть московских князей середины XV в. над землями светских феодалов была в целом более обширной, чем объем власти польских князей конца XIII в., но их взаимоотношения строились на аналогичной основе. Таким образом, в интересующей нас сфере типологическая общность русского и польского феодального строя сохранялась еще на заключительной стадии феодальной раздробленности.

Обращаясь к сопоставлениям норм русского и польского судебного иммунитета на новом этапе развития, следует прежде всего констатировать, что процесс расширения вотчинной юрисдикции, развивавшийся на польской почве на протяжении XIII столетия, получает на протяжении XIV столетия свое логическое завершение: пожалования грамотчикам права на «*iudicia maiora*» становятся общей нормой.

В документах, вышедших из королевской канцелярии, принципиально подчеркивается, что государственная власть не вмешивается в сферу вотчинной юрисдикции и за подданными сохраняется по существу лишь право апелляции на решение господина в королевский суд. Отражением сложившихся отношений справедливо считается свидетельство шляхтича Плазы, сделанное им, когда один его подданный, совершивший кражу, был призван за это в королевский суд. Плаза заявил, что «никто не имеет права судить их слуг и служителей: ни сам господин король, ни судья, ни подсудок, ни какое-либо судилище, ни господин воевода, но [лишь] сами их вышеназванные господа»⁴³.

В России объем судебной юрисдикции светских феодалов на протяжении конца XV — первой половины XVI в. также претерпел ряд изменений.

Здесь прежде всего следует отметить, что с 90-х годов XV в. из жалованных грамот светским феодалам почти вовсе исчезает клаузула: «опричь душегубства, и разбоя, и татьбы с поличным»⁴⁴, определявшая ранее объем судебной юрисдикции большей части грамотчиков.

В подавляющем большинстве жалованных грамот, выданных на протяжении конца XV — первой половины XVI в. светским феодалам великими и удельными князьями, объем судебной юрисдикции определяется уже иной формулой: «опричь душегубства и разбоя с поличным»⁴⁵. Поскольку среди лиц, получавших пожалования такого типа, можно отметить не только принадлежавших к верхам господствующего класса, как «введенный дьяк» Иван Шамской или целый ряд дворовых детей боярских, но и рядовых служилых людей, ясно, что речь должна идти о перемене, затронувшей отношения правительства с феодальным классом в целом. Перемена, как видим, заключалась в том, что в руки феодалов, по большей части не имевших этого права в XV в., было передано в общем

порядке право суда по делам о «татьбе» над подвластным им населением.

Правда, в ряде случаев введение новых порядков привело к тому, что отдельные лица, пользовавшиеся ранее более широким судебным иммунитетом, получали грамоты, составленные по новому формуляру, и их привилегии, следовательно, сокращались⁴⁶. Это дает повод думать, что речь шла о своеобразном компромиссе, на который пошло правительство, расширяя привилегии низших слоев господствующего класса, чтобы одновременно ограничить чрезмерно большие привилегии других его группировок. Однако из имеющихся материалов видно, что введение новых норм судебного иммунитета не сопровождалось в общем порядке отменой прав и привилегий отдельных лиц и социальных групп, которые выпадали за рамки этих норм. Так, из целого ряда сообщений первой половины XVI в. видно, что служилые князья и княжата, потомки бывших удельных «государей», и в этот период продолжали пользоваться всей полнотой судебной юрисдикции над подвластным им населением⁴⁷. Практика наделения отдельных землевладельцев правом суда по всем делам «опроче душегубства» также продолжалась и в первой половине XVI в., причем, как видно из немногих известных нам грамот этого рода, наряду с представителями феодальной верхушки, такими, как окольниковый Андрей Александрович Квашнин⁴⁸ или дворовые дети боярские князья Козловские⁴⁹, в отдельных случаях подобные привилегии могли получать и рядовые служилые люди, как, например, Аграфена, вдова московского вотчинника Якова Хорошева⁵⁰.

Все это позволяет характеризовать массовое распространение с конца XV в. нового формуляра жалованных грамот светским феодалам как факт, свидетельствующий о продолжающемся процессе перехода судебной юрисдикции из рук органов государственной власти к землевладельцам.

Другим нововведением, сильно изменившим взаимоотношения различных общественных сил в сфере судебной юрисдикции, была так называемая губная реформа, проведенная русским правительством на протяжении 30—40-х годов XVI в. Суть ее заключалась в том, что розыск разбойников, расследование их преступлений, суд, вынесение и исполнение приговоров — дела, ранее в об-

щем порядке подлежавшие ведению местных агентов государственной власти — волостелей и наместников, были переданы так называемым губным старостам — выборным представителям уездного дворянства (речь идет, разумеется, о тех уездах, где вообще существовало дворянское землевладение). Конечно, эта реформа никак непосредственно не изменяла объема вотчинной юрисдикции землевладельцев, но, думается, переход дел о разбойниках в руки выборных лиц, гораздо теснее связанных с местной дворянской средой, чем правительственные чиновники, имения которых часто располагались далеко от места их службы, также отражает тенденцию к окончательному переходу дел, связанных с отправлением судебной власти над населением феодальных владений, от органов государственной власти к отдельным членам господствующего класса или к представителям их сословных организаций.

Таким образом, эволюция взаимоотношений государства и господствующего класса — сословия светских феодалов средневековой Руси конца XV—XVI в. шла принципиально в том же направлении, что и в Польше эпохи Казимира Великого, хотя здесь процесс и не получил еще полного завершения, поскольку государство к середине XVI в. все еще сохраняло за собой по отношению к основной массе феодальных имений право суда по наиболее важным делам «высшей юрисдикции» (прежде всего по делам об убийстве). В этом сходстве, несомненно, проявился определенный параллелизм процессов социально-экономического развития, которые вели к превращению крестьянина и его имущества в полную собственность господина.

Иная картина обнаруживается при сопоставлении норм податного иммунитета. Для России рубеж XV—XVI вв. стал временем важной принципиальной перестройки норм отношений в этой области.

В 90-е годы XV в. можно отметить появление в практике великокняжеской канцелярии нового формуляра жалованных грамот, вообще не включавшего статей с освобождениями от государственных налогов и кормов в пользу представителей местных органов власти, и этот формуляр был тогда же использован при оформлении пожалований на вотчинные владения.

Такие грамоты, вообще не дававшие грамотчикам податных освобождений, составляют подавляющую часть из-

вестного нам в настоящий момент комплекса жалованных грамот светским феодалам первой половины XVI в. (всего около 60 документов), и это позволяет думать, что речь идет не об отдельных, хотя бы и показательных для тенденций правительственной политики, случаях, а о пересмотре общего порядка. То обстоятельство, что среди грамотчиков этого времени наряду с рядовыми служилыми людьми можно выделить довольно значительную (около $\frac{1}{4}$ всех известных лиц) группу «дворовых» детей боярских — феодалов, принадлежавших к верхним слоям господствующего класса, говорит о том, что указанный пересмотр коснулся взаимоотношений государства с основной массой светских феодалов⁵¹.

Отмеченные выше изменения сопровождались существенной перестройкой системы обложения: на рубеже XV—XVI вв. в жалованных грамотах появляются названия целого ряда новых налогов и повинностей, таких, как «ямские деньги», прогонные деньги, «примет», посошная служба.

В первых десятилетиях XVI в. эти новые налоги и повинности стали уже одним из главных источников денежных средств и рабочей силы для великокняжеской власти и ее органов управления⁵².

Значение этого нововведения заключалось не только в том, что увеличивалось податное бремя на владениях тех феодалов, которых новый политический курс власти привел к потере традиционных податных привилегий. Поскольку традиционный тип отношений не предусматривал существования подобных налогов, то их тяжесть распространялась также на владения тех земельных собственников (светских и церковных), которые добились в начале XVI в. подтверждения старых пожалований Василия II и Ивана III⁵³.

Некоторые из этих новых налогов и повинностей распространились с конца XV в. и на владения служилых князей и бояр — потомков бывших самостоятельных «государей», которые в более раннее время вообще находились за рамками действия великокняжеского налогового аппарата⁵⁴. Таким образом, отношения великокняжеской власти и с этим слоем, представлявшим собой элиту господствующего класса, также претерпели серьезные изменения.

Наконец, на протяжении 90-х годов XV в. — первых

лет XVI в. облеченные особыми полномочиями представители великого князя осуществили сплошное писцовое описание как коренной территории Великого княжества Московского, так и новых земель, вошедших в его состав на протяжении 60—80-х годов XV в. (Ярославль, Тверь и др.)⁵⁵.

Связь этих описаний с проводившимися в то же время реформами обложения очевидна. Помимо учета платежеспособности и количества рабочей силы владений, которые уже и ранее служили объектом писцовых описаний, было необходимо дать в руки налогового аппарата однотипные данные по присоединенным землям, которые ранее не «писались по московски в сохи», и получить сведения для тех комплексов владений, которые в силу традиции или благодаря княжескому пожалованию ранее не подлежали писцовым описаниям⁵⁶, а теперь должны были нести новые повинности и платить новые налоги.

Суммируя вышеизложенные наблюдения, можно сделать вывод, что на рубеже XV—XVI вв. податные привилегии феодалов в их традиционной форме были ликвидированы и государственная власть окончательно обеспечила себе поступление постоянных значительных доходов с частновладельческих земель, а также возможность их произвольного изменения в будущем.

Происшедшая перестройка имущественного статуса феодальных владений повлекла за собой изменения и других аспектов русской внутренней политики, наложив отпечаток на весь внутривластный курс правительства.

Так, в свете происшедших перемен целый ряд источников дохода, обладание которыми было ранее очень существенно для великокняжеской власти, теперь теряют свое прежнее значение.

Если при Василии Темном прибегали для пополнения казны к порче монеты, то в последующее время такая практика прекращается и вес московских денег после незначительных изменений по реформе 1535 г. остается практически неизменным вплоть до начала XVII в.⁵⁷ С другой стороны, в так называемых «царских вопросах» 1550 г.— проекте реформ, предложенном царем на обсуждение боярской думы, читается предложение отменить (видимо, в целях стимулирования обмена) по всей стране взимание пошлин за провоз товаров⁵⁸. Правда, предложенная реформа не была осуществлена, но уже

сам факт, что государственная власть выступила с такой инициативой, показывает, что она не придавала большого значения торговым пошлинам как источнику доходов, во всяком случае ущерб от предлагаемой перемены было, по-видимому, легко возместить поступлениями из других источников.

Наконец, изменилась и позиция правительства по вопросу о домене. Если в середине XV в. предпринимались энергичные меры к тому, чтобы сохранить в непосредственном ведении великокняжеской администрации как территорию домена, так и находившееся на ней население, то в первой половине XVI в. мы сталкиваемся с иной практикой — раздачей дворцовых и «черных земель» представителям господствующего класса в условное владение. При всей немногочисленности известных в настоящее время жалованных грамот первой половины XVI в. из них, однако, извлекаются данные о раздаче помещикам «черных земель» в таких уездах, как Ярославский, Переславль-Залесский, Муромский, Костромской, Дмитровский⁵⁹. Раздача «черных земель», таким образом, происходила уже в первой половине XVI в. на значительной части территории страны. Что касается возможных размеров таких раздач, то, как видно по данным, собранным для Переславль-Залесского уезда Ю. Г. Алексеевым, только на «черных землях», граничивших с вотчинами Троице-Сергиева монастыря, на протяжении первой половины XVI в. возникли десятки феодальных владений⁶⁰. Аналогичная картина наблюдается в Тверском уезде, где, по подсчетам И. И. Лаппо, около 1540 г. на территории 13 волостей было роздано помещикам свыше 70 тыс. четвертей земли⁶¹. Очевидно, такая массовая раздача земель могла практиковаться правительством именно потому, что в новых условиях возможность финансовых затруднений в связи с освобождением частновладельческих земель от обложения была практически исключена при нормальном течении жизни.

Как видим, одновременно с резким изменением норм податного иммунитета произошла принципиальная перестройка всей системы отношений, которая с начала XVI в. стала базироваться на принципах, существенно отличных от того, что наблюдалось в более ранний период.

Эволюция норм податного иммунитета в Польше после

политического объединения страны пошла по иному пути. Правда, в политике польской королевской власти XIV в. также проявились тенденции к расширению источников доходов королевской казны за счет обложения владений феодалов. Здесь можно отметить такие факты, как попытки распространить практику отработочных повинностей («labores») в королевских имениях на владения, ранее от них освобожденные, обложение с санкции папы населения церковных владений новым налогом (так называемый «wojenne») и особенно резкое учащение сборов «порадльного», что вело на практике к превращению этого по происхождению своего чрезвычайного побора в постоянный налог, взимаемый со всех без различия светских и духовных землевладельцев королевства⁶².

Характерно, однако, что тот же самый документ, из которого мы узнаем об участвовавших сборах «порадльного», — будинский привилей 1355 г. свидетельствует одновременно и о резкой оппозиции польского рыцарства по отношению к внутривластическому курсу королевской власти в этом вопросе.

Как известно, по этому документу, наследник польского трона Людовик венгерский, принимая условия, выставленные польским «рыцарством», торжественно обязался не взимать налогов, которые брали с владений светских и церковных феодалов Владислав и Казимир «вопреки (их) освященной обычаем общей свободе»⁶³.

Позднее, по-видимому, формальное обязательство освободить дворянство и церковь от уплаты таких налогов оказался вынужденным дать и сам король Казимир⁶⁴.

Происходившая борьба завершилась изданием в 1374 г. так называемого Кошицкого привилея, который освободил население владений светских феодалов от всех налогов и отработочных повинностей (обычных и чрезвычайных) в пользу государства, за исключением налога, который должен был уплачиваться один раз в год в размере двух грошей с лана, и обязанности участвовать в укреплении пограничных крепостей в военное время⁶⁵.

Таким образом, попытка польской королевской власти приобрести значительный и постоянный источник доходов за счет обложения земель феодалов довольно быстро натолкнулась на сильное сопротивление со стороны господствующего класса и завершилась полной неудачей.

Не удивительно, что в этих условиях королевская власть

в поисках возможностей для увеличения своих доходов оказалась вынужденной пойти по иному пути.

Тщательное исследование «хозяйственной политики» Казимира Великого, осуществленное Р. Гродецким, дает ясное представление о том, в чем этот путь заключался.

Так, на протяжении второй половины XIV в. польское правительство провело ряд мероприятий, направленных на расширение территорий королевского «домена» за счет возврата земель, незаконно захваченных духовными и светскими феодалами в годы политических смут рубежа XIII—XIV вв., а также упорядочило управление королевскими имениями, точно определив размеры доходов администрации. Одновременно были приняты меры по сосредоточению в руках государства чеканки монеты, а также повышены (или введены заново) пошлины с провоза и продажи на торговых путях и созданы новые пункты сбора в местах, где их ранее не было⁶⁶.

Таким образом, не имея возможности пополнить казну за счет обложения частновладельческих земель, королевская власть направила свои усилия на укрепление (и, следовательно, повышение доходности) своего собственного домениального хозяйства и увеличение эксплуатации еще находившихся в ее руках государственных регалий. Нетрудно видеть, что все указанные мероприятия были по существу продолжением и развитием аналогичных мероприятий польских князей предшествующего периода.

Таким образом, радикальных перемен во взаимоотношениях между королевской властью и господствующим классом Польши в XIV в. не произошло, с некоторыми изменениями их отношения продолжали носить традиционный, восходящий к предшествующему периоду характер.

Поскольку система этих отношений в России после политического объединения страны резко изменилась, то ясно, что на стадии развития, непосредственно предшествовавшей формированию в обеих странах сословно-представительной монархии, соотношение сил между сословием светских феодалов и государственной властью стало принципиально различным, хотя рост власти феодала над подданными шел в обеих странах в одинаковом направлении. Какие факторы обусловили появление этих различий? Почему Казимир Великий потерпел неудачу там, где Иван III добился полного успеха? Ответ на этот вопрос должен быть делом последующих исследований.

- 1 Подробную характеристику судебного иммунитета светских феодалов Польши во второй половине XIII в. см.: *Z. Wojciechowski*. *Pravo rycerskie w Polsce przed statutami Kazimierza Wielkiego*. Poznań, 1928, стр. 89—100.
- 2 «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — ДиДГ). М.—Л., 1950, № 52, стр. 157: «А приставов ми в твой оудел в твою вотчину, чем ты есмь пожаловал... не всылати». В судебном деле конца XV в. между князьями Оболенскими — старыми вассалами московских князей — и Троице-Сергиевым монастырем также указывалось, что до недавнего времени «пристав... к ним в Оболенск государя великого князя не въежал». «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» (далее — АСЭИ), т. I. М., 1952, № 607, стр. 507.
- 3 Такая норма судебного иммунитета зафиксирована в 18 из 25 известных в настоящее время жалованных грамот 40—80-х годов XV в. великих и удельных князей московских светским феодалам.
- 4 Памятники русского права, вып. III. М., 1955, стр. 347.
- 5 Соответствующий текст см.: *Z. Wojciechowski*. Указ. соч., стр. 91.
- 6 От несения данных работ отдельные владения также получали освобождения, но общим правилом это не было (см.: *Z. Wojciechowski*. Указ. соч., стр. 85 и сл.; *K. Kaczmarczyk*. *Ciężary ludności wiejskiej na prawie niemieckiem w Polsce XIII i XIV w.* Warszawa, 1911, стр. 47—49, 56).
- 7 Об этой повинности см.: *J. Widajewicz*. *Powołowe poradne*. Danina ludności wiejskiej в добие Piastowskiej. Lwów, 1913, стр. 66; *K. Kaczmarczyk*. Указ. соч., стр. 49—51.
- 8 Об этом см.: *J. Widajewicz*. Указ. соч., стр. 77—80; *K. Kaczmarczyk*. Указ. соч., стр. 50—51.
- 9 Существенно отметить, что, несмотря на малочисленность имеющих документы, в составе грамотчиков мы встречаем представителей разных слоев этой социальной группы — от рядовых служилых людей до бояр (подробную характеристику социального положения грамотчиков 40—70-х годов XV в. см.: *Б. Н. Флоря*. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России второй половины XV — первой половины XVI в. «История СССР», 1972, № 1, стр. 52—53).
- 10 Так, думается, надо расшифровать формулу жалованных грамот, где было сказано, что крестьянам грамотчика «не надобе... ни мыт, ни тамга». Хорошим комментарием к этой формуле может служить текст жалованной грамоты Витовта 1407 г., где читаем: «А кто соль везет — от воза грош мыта, а коли омынет, гроша не дав, еда через его землю — двадцать грошей промыты от воза» (Акты Литовско-Русского государства, вып. 1. М., 1890, № 2).

- Подробную характеристику перечисленных выше повинностей см.: *А. Д. Горский*. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 177—180, 199 и сл.
- ¹¹ Так, великие князья литовские лишь по земскому привилею 1447 г. отказались от «omnique oneri vectigalium, quae podwodi dicuntur», а также от «сенокосения и иных несправедливых работ». «Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв.» Л., 1936, № 1).
- ¹² Об этой повинности см.: *А. Д. Горский*. Указ. соч., стр. 185—186.
- ¹³ Подробнее о соответствующих обязанностях непривилегированного населения см.: *А. Д. Горский*. Указ. соч., стр. 184, 216—219.
- ¹⁴ О них см.: *Н. Е. Носов*. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, стр. 21—36.
- ¹⁵ О «дани» см.: *А. Д. Горский*. Указ. соч., стр. 187 и сл.
- ¹⁶ О мерах, проведенных Болеславом Стыдливым, см.: *R. Grodecki*. Polska piastowska. Warszawa, 1969, str. 547. Об эдиктах Казимира и Локетка см. там же, стр. 283 и сл., 582 и сл.
- ¹⁷ См. об этом в договоре Василия II с Василием Ярославичем (ДиДГ, стр. 131).
- ¹⁸ По договору 1447 г., Дм. Шемяка обязался вернуть великокняжескую казну (ДиДГ, стр. 141), но, как видно из более позднего послания собора епископов, он лишь «нечто малое казны Великого князя... отдал, а большее, все лучшее» оставил у себя («Акты исторические», т. I. СПб., 1841, стр. 81).
- ¹⁹ Яркую характеристику создавшегося положения см. в показаниях крестьян Ликуржской волости Костромского уезда, отмечавших, что в середине XV в. волость запустела, «а те деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты...а волостных деревень осталась одна шесть деревень с людьми, и нам тогда было не до земель, людей было мало». «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.» (далее — АФЗиХ), ч. I. М., 1951, № 254, стр. 218. Подробнее о захватах феодалами земель «домена» в середине XV в. см.: *Л. В. Черепнин*. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 232 и сл.
- ²⁰ См.: *Н. Д. Мец*. Монеты Великого княжества Московского середины XV века. Василий II (1425—1462 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 11—12. Правда, исследовательница отмечает, что сильное снижение веса монеты осуществил уже Дм. Шемяка, захватив в 1446 г. великокняжеский стол. Существенно, однако, что и после возвращения Василия II в Москву прежние нормы чеканки не были восстановлены, а в дальнейшем вес монет еще более понижился.
- ²¹ Перечень различных вариантов этой формулы в актах середины XV в. см.: *Л. В. Черепнин*. Образо-

- вание Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 247—248 (автор рассматривает их как свидетельство идущего процесса закрепощения крестьян).
- ²² АФЗиХ, ч. I, № 210, 212.
- ²³ АСЭИ, т. I, № 199, 221, 278; С. М. *Каштанов*. Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 368. См. также: АСЭИ, т. I, № 215 (запрет принимать во владения монастыря княжеских рыболовов из Углича).
- ²⁴ АСЭИ, т. II, М., 1958, № 359, 360, 373.
- ²⁵ Там же, № 473, 475.
- ²⁶ Там же, № 169.
- ²⁷ АСЭИ, т. III, М., 1964, № 72.
- ²⁸ Там же, № 79, 101, 179.
- ²⁹ К вышесказанному следует добавить, что запреты, аналогичные тем, которые мы находим в великокняжеских грамотах, обнаруживаются в 50-х годах в тексте одного из пожалованных серпуховского удельного князя — Василия Ярославича (АФЗиХ, ч. I, № 96), а позднее в грамотах удельных князей — сыновей Василия II (АСЭИ, т. I, № 291, 305; т. II, № 386; АФЗиХ, ч. I, № 86; АСЭИ, т. II, № 180, 199; т. III, № 77; АФЗиХ, ч. I, № 97), так что проведение подобных мер можно считать характерной для внутренней политики большинства князей московского дома третьей четверти XV в.
- ³⁰ См., например: АСЭИ, т. II, № 169 — грамота от 4 декабря 1456 г.
- ³¹ В документах середины XV в. упоминаются писцы, работавшие на территории Галицкого уезда (АСЭИ, т. I, № 214) и Бежецкого Верха (там же, № 270). В судебных делах конца века есть еще ссылки на писцовые книги Костромского уезда, составленные в 1465 г. М. Б. Волынским (АСЭИ, т. I, № 585; АФЗиХ, ч. I, № 258), и книги «Алексеева письма Полуехтова» (известный дьяк Василия II, а затем Ивана III) по Владимирскому уезду (АСЭИ, т. III, № 105; АФЗиХ, ч. I, № 204).
- ³² Лишь в одной из грамот митрополичьему дому находим взаимный запрет приказчикам и посельским Ивана III и его матери «приимати крестьян» из митрополичьих сел, что объяснялось в данном случае очень высоким рангом грамотчика (АФЗиХ, ч. I, № 210).
- ³³ АСЭИ, т. II, № 326.
- ³⁴ Там же, № 101, 193. Характерно, что в этих жалобах речь идет о тех владениях, в которых ранее было запрещено «перезывать» крестьян из «черных» волостей (ср. АСЭИ, т. I, № 237 и т. II, № 169).
- ³⁵ Подробнее об этом см.: Б. Н. *Флоря*. Указ. соч., стр. 50.
- ³⁶ См.: Л. В. *Черепнин*. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 141—146.
- ^{36а} АСЭИ, т. I, № 166 — по более ранней грамоте Шемьяки монастырь пользовался лишь судебными привилегиями (там же, № 165).
- ³⁷ АСЭИ, т. II, № 96.
- ³⁸ АСЭИ, т. I, № 189, ср. № 115.
- ³⁹ Там же, № 245.

⁴⁰ Там же, № 199, ср. № 101.

⁴¹ Там же, № 221, 226, ср. № 171.

⁴² АСЭИ, т. III, № 96.

⁴³ Z. *Wojciechowski*. Указ. соч., стр. 148 и сл. Высказывания Плазы см.: там же, стр. 151. Аналогичный тип отношений сложился, по-видимому, к середине XV в. и на землях Велико-го княжества Литовского. В знаменитом привилее Казимира Ягеллончика 1447 г. прямо указывается, что он будет рассматривать какие-либо жалобы панских подданных лишь в том случае, если пан в течение года не будет разбирать дела, возбужденного перед ним крестьянином («Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв.», стр. 9—10).

⁴⁴ Встречается лишь в единичных документах: см. С. М. *Каштанов*. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. (далее — Перечень), ч. I. «Археографический ежегодник за 1957 г.» М., 1958, № 45.

⁴⁵ Наиболее ранний документ, предоставлявший грамотчику иммунитет «опричь душегубства и разбоя с поличным», относится к 1497 г. (АСЭИ, т. I, № 611). Всего жалованных грамот светским феодалам от первой половины XVI в. известно 57; указанная формула читается в подавляющем большинстве.

⁴⁶ Так, сын боярский Афонас Елчанинов, пользовавшийся по грамоте рузского князя Ивана Борисовича 1498 г. в своих владениях судебным иммунитетом

«опричь душегубства», получил в 1502 г. от своего сюзерена новую грамоту, где объем юрисдикции грамотчика уже определялся формулой «опричь душегубства и разбоя» (ср. АСЭИ, т. III, № 64 и 65). Аналогичную картину см. в жалованных грамотах Ф. М. Киселеву второй половины XV в. (АСЭИ, т. I, № 485) и 1506 г. (Перечень, ч. I, № 36).

⁴⁷ В жалованной грамоте 1550 г. боярину князю И. Ф. Мстиславскому ясно указывается: «А ведает и судит князь Иван Федорович сам во всем или кому прикажет во всяких делах, и в татьбе, и в душегубстве и разбое с поличным» (Перечень, ч. II. «Археографический ежегодник за 1959 г.». М., 1960, № 632). Аналогичные формулы находим и в грамоте 1547 г. боярину князю М. И. Кубенскому (Перечень, ч. I, № 558). В жалованной грамоте 1562 г. на земли Спаса-Каменного монастыря, входившие ранее в состав родовых владений князей Пенковых, также отмечается, что эти села «приписаны... душегубством и разбоем и татьбою с поличным ко княж Ивановским Васильевича Пенкова селом» (Перечень, ч. II, № 820). Единственное нововведение по сравнению с порядками XV в. заключалось в том, что споры таких княжат (или их подданных) с соседними землевладельцами, которые раньше государственная власть никак не регулировала, подлежали теперь разбирательству назначенных великим князем

- судей, как это видно и из соответствующих формул приведенных выше жалованных грамот, и из текстов целого ряда судебных дел конца XV — начала XVI в. (особенно яркие данные, указывающие на происшедшую перемену, см. в отмеченных уже выше текстах судебного процесса конца XV в. между Троице-Сергиевым монастырем и князьями Оболенскими. АСЭИ, т. I, № 603—604, 607).
- 48 Перечень, ч. II, № 606 (грамота от 27 июня 1549 г.).
- 49 Там же, ч. I, № 75—76 (грамоты от мая 1510 г.). О князьях Козловских см.: *Н. Е. Носов*. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 469.
- 50 *С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря*. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. III. «Археографический ежегодник за 1966 г.». М., 1968, № 290 (грамота от 7 июня 1550 г.).
- 51 Подробнее об этом см.: *Б. Н. Флоря*. Указ. соч., стр. 59—64.
- 52 Подробную характеристику этих новых налогов и их места в системе обложения см.: *С. М. Каштанов*. Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства первой трети XVI в. «Исторические записки», т. 70. М., 1961, стр. 254 и сл.
- 53 Лишь отдельным, наиболее крупным и влиятельным монастырям удалось впоследствии добиться освобождения от некоторых из этих налогов для части своих владений (см. об этом главы IV и V монографии: *С. М. Каштанов*. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967).
- 54 На это уже указывал *С. М. Каштанов* («The centralised state and feudal immunities in Russia». «Slavonic and East European Review», vol. XLIX, стр. 243). Подробнее об этом см.: *Б. Н. Флоря*. Указ. соч., стр. 65—67.
- 55 В источниках сохранились сведения о проведенных в это время писцовых описаниях 18 уездов на территории Северо-Восточной Руси, а также Тверской земли, позднее разделившейся на пять уездов (перечень этих описаний см.: *П. Н. Милюков*. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, стр. 158—159). К нему следует лишь добавить оставшиеся неизвестными *П. Н. Милюкову* указания на писцовые описания Углицкого (АСЭИ, т. I, № 581), Галицкого (там же, № 621) и Можайского (АСЭИ, т. II, № 401) уездов.
- 56 См. характерные в этом смысле клаузулы ряда жалованных грамот середины XV в.: «а писцы мои и данщики тех людей в мою дань не пишут» (АСЭИ, т. I, № 221) или «коли велю своему писцу писать Соль и села..., и тогда писец мой монастырских варниц и села и деревень не пишет» (АСЭИ, т. II, № 351) и др.
- 57 *Г. Б. Федоров*. Московские деньги времени великих князей Ивана III и Васи-

- лия III. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 30. М.—Л., 1949, стр. 72 и сл.; *И. Г. Спасский*. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 год. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 44. М.—Л., 1955, стр. 279 и сл.
- ⁵⁸ Памятники русского права, вып. IV. М., 1956, стр. 578.
- ⁵⁹ Перечень, ч. I, № 85—87, 135, 211, 296, 561.
- ⁶⁰ *Ю. Г. Алексеев*. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. (Переславский уезд). М.—Л., 1966, стр. 140 и сл.
- ⁶¹ См.: *И. И. Ланно*. Тверской уезд в XVI веке. ЧОИДР, 1894, кн. 4, отд. 1, стр. 103.
- ⁶² О доходах, взимавшихся королевской властью с феодалных имений, и попытке их увеличения в XIV в. см.: *J. Matuszewski*. *Immunitet ekonomiczny w dobrach Kościoła w Polsce do roku 1381*. Poznań, 1936; *K. Kazimierz Wielkiego*, t. I. «Organizacja państwa». Poznań, 1939, стр. 166.
- ⁶³ Анализ соответствующих текстов будинского привилея см.: *P. Skwarczyński*. *Z badań nad przywilejami ziemskimi budzińskim i koszyckim*. Lublin, 1936, стр. 4; *R. Grodecki*. *Polska piastowska*, стр. 563—564.
- ⁶⁴ См. об этом: *R. Grodecki*. *Polska piastowska*, стр. 573—574.
- ⁶⁵ О Кошицком привилее см.: *P. Skwarczyński*. Указ. соч., стр. 13; *R. Grodecki*. *Polska piastowska*, стр. 565.
- ⁶⁶ Подробную характеристику всех этих мероприятий см.: *R. Grodecki*. *Polska piastowska*, стр. 475—595.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ИСТОРИИ ПОЛЬШИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Г. Самсонович

Цель настоящего исследования — выяснение некоторых вопросов, касающихся роли городского самоуправления в экономической и политической жизни Польши периода феодальной раздробленности. О происхождении и становлении городского строя имеется обильная научная литература¹, однако многие аспекты этой проблемы остаются все еще не раскрытыми: Между прочим, и сам факт существования в XIII в. городского самоуправления поставлен некоторыми исследователями под сомнение². Помимо этого, неясен вопрос (в литературе он рассматривается на основе значительно более поздних данных³), существовала ли уже в XIII в. правовая обособленность города в Польше, а если существовала, то на какой основе.

Под самоуправлением применительно к средневековью я понимаю независимое и самостоятельное исполнение общественно-судебных и административных функций, а также издание особых правовых установлений властями различных корпораций. Корпоративное самоуправление, основанное на объединении ряда лиц (объединения нередко принудительны), наделенное некоторой правоспособностью, было создано для выполнения (также в принудительном порядке) определенных функций в полной независимости от государства и с целью удовлетворить в той или иной мере потребности членов этой корпорации, связанных чаще всего территориальной близостью⁴.

Высокоразвитые формы городского самоуправления возникли, разумеется, не сразу. Не подлежит, однако, сомнению, что гмины, возникшие на основе «немецкого права», выполняли если не все, то большинство сформулированных выше условий. В результате экономических и социальных преобразований в XIII в. появилась группа граждан, образующих гмины на основе «немецкого права». Факт существования таких гмин, средневековых корпораций с соответствующими нормами гражданского и уголов-

ного права, подтверждается тем, что в источниках фигурируют: 1) гминные должностные лица (*advokatus, scultetus, villicus, prokurator, iudes*); 2) члены гмины (*cives hospites*); 3) суды присяжных (*indicium bannitum*)⁵; 4) встречаются многочисленные упоминания о создании городов на основе «немецкого права», предполагавшего принятие определенных юридических образцов; 5) наконец, с третьей четверти XIII в. упоминаются городские советы, представительства богатой прослойки жителей наиболее крупных центров, очевидный уже орган самоуправления (рады).

При изучении истоков самоуправления нельзя оценивать одинаково все типы упоминаний. Меньше всего сомнений вызывает роль городских советов, деятельность которых по выкупу солтыства хорошо известна⁶. Помимо крупнейших городов — Кракова, Вроцлава, Познани — советы эти существовали лишь в немногих центрах, созданных на основе любекского права. В основном же они существовали на более позднем этапе развития. Для XIII в. типичными являются упоминания о гминах и гминных должностных лицах, свидетельствующие о функционировании так называемого «немецкого права». Неясности возникают в связи с вопросами, весьма существенными: были должностные лица представителями самоуправления или феодала-земледельца? Обозначали «*cives*» и «*hospites*» определенную правовую группу или же каждый раз людей особого социального и правового положения, как считает К. Бучек?⁷ Свидетельствует ли предполагаемая или реализованная локация города о зарождении самоуправления? Известно, что города возникали преимущественно на основе поселений, существовавших издавна. Одинаково ли протекал повсюду процесс локаций? Все чаще раздаются голоса в пользу различия ситуаций в малых и больших городах⁸. Дополнительно можно заметить, что процесс был различным по характеру на разных землях — в Силезии, например, и в Мазовии. И наконец, в литературе игнорируется весьма существенная проблема: существовало ли в XIII в. очевидное различие между сельским и городским правом? Другими словами, были ли различия между локацией села на «немецком праве» и локацией города? Представляется, что различия возникли лишь в последующем столетии.

Нет нужды излагать содержание обширной дискуссии

о значении и роли наследуемой должности солтыса — локатора (осадчика) ⁹. Не подлежит сомнению — в последнее время это убедительно доказал А. Ветулани ¹⁰, — что солтыс так или иначе являлся должностным лицом землевладельца. Даже К. Малечинский, рассматривающий солтыса как представителя гминного самоуправления, не отрицает, что в Германии он был судебным должностным лицом землевладельца и при этом часто являлся одновременно бывшим представителем автономной сельской гмины ¹¹. Следует подчеркнуть, однако, что в момент образования общественной группы, обладающей правовой независимостью и занимающей довольно прочную позицию в экономике, должность солтыса, часто судебного предводителя данной гмины, должна была играть роль катализатора, ускоряющего процесс образования местного самоуправления. Солтысы в том же XIII в. были переселенцами с других территорий, очень часто — из городов ¹². И, что особенно важно, именно они являлись на территории гмины наивысшими авторитетами в области неизвестного феодалу обязательного права. Именно они, а не феодалы контролировали и толковали применение установлений в тех местах, откуда они были родом. Многочисленные для XIII в. «поучения» ¹³ отчетливо указывают на отсутствие зависимости образующихся гмин от органов городского земского права. Это создавало, без сомнения, предпосылки обособления, а в особых случаях — в больших и могущественных городах — и полного обособления гмины. Солтысы выполняли свои судебные функции «cum suis scabinis» ¹⁴ — вместе с заседателями, wybranymi из состава образованной гмины. Уже сама эта коллегиальная система решения споров, совместная деятельность ответственных назначенных лиц или — что еще существеннее — избранных ¹⁵ представителей вновь созданного поселения были важнейшими предпосылками самоуправления. При рассмотрении уголовных дел это имело меньшее значение. В системе «немецкого права» имелись также положения гражданского права, регулирующие профессиональную деятельность (любекское купеческое право) ¹⁶, семейные отношения — словом, как пишет Б. Гроицкий ¹⁷, все, на основе чего «возникли в связи с потребностями людей договоры, рынки, всевозможные контракты, купля-продажа, наймы, сообщества, имения, держания, строительство...»

Сущность такого коллективного участия «лучших»¹⁸ представителей гмины определена магдебургским правом, которое с течением времени также должно было создать многочисленные прецеденты в судопроизводстве и вынесении приговоров. Однако в XIII в. магдебургское право устанавливало лишь некоторые общие принципы судопроизводства. Вайхбильд формулировал некоторые положения, касающиеся прав города, пунктирно намечал основы прав наследования и уголовного права¹⁹. Сверх того в каждом случае территориальной обособленности имели место определенные традиционные варианты решения тех или иных проблем, игнорировать это было нельзя. Отсюда, например, различия прав наследования в польском и магдебургском законодательстве²⁰. Различия эти объяснялись не только несхожестью обычаев и традиций, но и разностью хозяйственного и политического потенциалов княжеских или костельных городов и местечек, а также особенностью практического опыта. Суд присяжных под предводительством солтыса или войта во многих случаях выносил самостоятельные решения.

Что же предпринималось при возникновении особенно сложных проблем? Судя по текстам поучений (*lauteratio*), формулировкам вайхбильда и сводам городского права, в этих случаях основывались на прецедентах, имевших место в родном городе²¹. Если этого оказывалось недостаточно, обращались к властям города. Вслед за Эбелем²² можно, я полагаю, выделить три группы проблем, подлежащих рассмотрению властями (первоначально — главой присяжных, позднее — радой) основного центра: принятие решений в сомнительных случаях, апелляции и — что четко установлено в отношении прибалтийских городов — рассмотрение межгородских дел, а возможно, и распрей между представителями власти в одном городе. Само собой разумеется, осложнения возникали в тех случаях, когда основной центр находился за пределами сферы влияния заинтересованного землевладельца — князя или епископа. Этим объясняется, на что среди прочих обратили внимание Герлицц и Майзель²³, возникновение большого числа высших инстанций «немецкого права» в Польше. В XVI в. Гроицкий писал: «И по той причине не должно уже быть городского магдебургского права, а только польское городское право (*Ius municipalis Polonicum*)..., что уже сами горожане (мещане)

в Польском королевстве считают это право своим..., из Польши в Германию уже не направляются судебные апелляции, а сами поляки наставляют немцев в правовых делах, поэтому это городское право должно называться польским, а не немецким»²⁴. Проблема апелляции существовала — в иной, правда, форме — уже в XIII в. Например, Краков в 1257 г. мог ссылаться только на письменное законодательство²⁵.

Означает ли это, однако, что в конкретных случаях краковский суд присяжных принимал решение самостоятельно, опираясь на авторитет князя и стремясь уйти от необходимости обращаться в суд Магдебурга? Такую ситуацию можно допустить — не случайно предлагалось учредить суды в другом столичном городе — Плоцке²⁶, а возможно, и в архиепископском Ловиче²⁷. В обоих случаях (впрочем, в Ловиче это произошло позднее) подчеркнута возможность рассмотрения спорных вопросов сувереном. В основном же князьями создавались либо округа, подчиненные верховному суду, например Калиша, либо (чаще) основывались города по магдебургскому образцу, но подчиненные уже выбранному князем или епископом ближайшему центру²⁸. Список (по-видимому, неполный) тех мест, в которых органы самоуправления образовывали верховный апелляционный суд для вновь созданных гмин, исключая действительные верховные суды в Плоцке и Ловиче, имеет следующий вид (период до 1333 г.):

Города с правом верховного суда Поселения с судом первой инстанции

В Силезии

1. Срода ²⁹	Калиш, Ополе, Клецко, Кобылин, Бжеско, Шидлов, Пшипуст, Варта и др.
2. Вроцлав ³¹	Бохня, Злоторыя (1292 г.), Глогув, Бжег
3. Глогув ³¹	Понец
4. Чешин ³²	Затор
5. Львовек ³³	Кенты, Новогродзец, Жмигруд
6. Свидница ³⁴	Стшелин
7. Ниса ³⁵	Пачкув
8. Легница ³⁶	Злоторыя (с 1317 г.), Хойнув
9. Рацибож ³⁷	Фландрское право (?)

В Великій Польше

10. Познань ³⁸	Кцыня, Срем, Гурчин, Рогозно, Оборники
11. Гнезно ³⁹	Кцыня, Повидз
12. Калиш ⁴⁰	район
13. Рогозно ⁴¹	Костшинь
14. Победзиска ⁴²	Ежень, Ежиково, Семянововиче
15. Пыздры ⁴³	Слупца

В Малой Польше

16. Краков ⁴⁴	Опажовец, Копшивница
17. Сандомир ⁴⁵	?
18. Корчин ⁴⁶	Скарышев
19. Тарчек ⁴⁷	Лагов, Вежбица, Илжа
20. Франкское право ⁴⁸	Величка, Свидница
21. Поланец ⁴⁹	Рудники (село)

В Куявии, Мазовии, Ленчицкой земле

22. Брест ⁵¹	Собота (село)
23. Иновроцлав ⁵¹	Радзейув
24. Лович ⁵²	Пентек, Унейув

Центры за пределами Польши

25. Магдебург ⁵³	Познань. Победзиска, Казимеж, Копнински, Солец Куяв. и др.
26. Любек ⁵⁴	Гданьск, Тчев
27. Хелмно ⁵⁵	Мазовецкие города (?)

Список этот не означает, что существовало множество различных образцов городского строя. Вероятно, все многообразие сводилось к двум основным — магдебургскому и любекскому, представленным в многочисленных местных вариантах⁵⁶. Согласно грамотам о присвоении городских прав с предписаниями вайхбильда⁵⁷, основой деятельности суда была проблема правосудия и законодательства в области уголовного и гражданского права в новых условиях развивающихся товарно-денежных отношений. Разумеется, влияние князя или епископа в XIII в. на формирующийся правопорядок безусловно.

Местности с верховным судом, вершащим правосудие по канонам «немецкого права», выбраны не случайно. Их перечисление облегчает изучение политической карты

тогдашней Польши. Помимо столичных центров, судебные функции которых сочетались с политикой князя (Краков, Познань, Вроцлав, Глогув, Хелмно в тевтонском государстве), существовали также центры крупных церковных волостей (Тарчек) или епископские столицы (Гнезно). Несмотря на это, представляется, что в некоторых случаях решающими оказывались интересы мещан, быть может, переселенцев. К кому апеллировали жители Велички, использовавшие франкское право? Не вызывают сомнений и связи горожан Гданьска и Тчева с Любеком⁵⁸.

В персональных связях следует, по-видимому, искать объяснение локации Кентов на базе права Львовика. Многие проблемы, впрочем, остаются невыясненными. Что означает, например, основание Кцини на базе права Гнезно и Познани, тогда как нам известны центры, принявшие только гнезненское право (Повидз) или только познаньское право (Срем, Рогозно, Оборники)? Проще, видимо, выяснить проблему сандомирского права, которое, по всей вероятности, идентично краковскому и с ним взаимозаменяемо⁵⁹.

Сказанное выше позволяет сделать выводы о политической роли мещанства в период феодальной раздробленности. Противоположные хозяйственные интересы⁶⁰, а также возникновение различных типов общественного уклада не способствовали формированию единого лагеря или единой профессиональной группы мещан. Предпочтение, оказываемое князьями отдельным своим подданным из вновь образованных городов⁶¹, облегчало проведение внутренней и внешней политики, но вызывало острые конфликты с другими центрами. Местное самоуправление, зависящее в XIII в. от князя или землевладельца, характерное для областей и даже крупных церковных волостей, являлось фактором, сохраняющим раздробленность и региональные отличия. Быть может, только богатые купцы крупнейших городов — Кракова, Познани, Гданьска — были заинтересованы в ликвидации политических барьеров. Однако образование в XIII в. городских гмин преимущественно в малых центрах не может быть оценено однозначно, как явление, непосредственно способствующее объединению государства именно в это время. Следует, впрочем, обратить внимание на явление, замеченное уже Малечинским или Ланге в масштабах изу-

чаемых ими районов: на протяжении 120 лет, отделяющих возникновение гмин на базе «немецкого права» от коронования Казимира Великого, на территории всех польских земель, хотя и в разное время, наблюдается активизация процесса образования городских гмин, а вслед за этим — его очевидное ослабление. Иллюстрацией может послужить следующая таблица (табл. 1).

Таблица 1

Первые упоминания о городском самоуправлении в Польше в XIII — начале XIV в.

Польские земли	Годы						Всего
	1210 — 1230	1231 — 1250	1251 — 1270	1271 — 1290	1291 — 1310	1311 — 1330	
Силезия	8	10	40	26	16	11	111 ⁶²
Великая Польша	—	3	17	6	21	5	51 ⁶³
Малая Польша	1	1	9	18	9	5	43 ⁶⁴
Куявия	—	—	4	3	1	1	9 ⁶⁵
Ленчицкая и Серадзская земли	—	2	7	6	4	4	23 ⁶⁶
Поморье Гданьское	—	—	3	2	5	2	12 ⁶⁷
Мазовия	—	1	1	—	2	—	4 ⁶⁸
Всего	9	18	80	61	58	28	254
Без Силезии	1	8	40	35	42	17	143

В локационной документации неоднократно гарантировались права князя⁶⁹. Хозяйственные связи в рамках княжеств укрепляло, например, освобождение от таможенных пошлин жителей Кракова или Старого Сонча⁷⁰. Однако подавляющее большинство городов, получивших в XIII в. самоуправление, принадлежало к группе малых поселений, зачастую сельского характера. Во многих случаях локация городов проводилась церковными властями с разрешения князя по принципу организации волости. При таком положении нет ничего удивительного в том, что больше всего упоминаний о городском само-

управлении появилось, как следует из приведенной выше таблицы, в период наибольшей политической раздробленности страны. Предоставление актом локаций хозяйственного и судебного иммунитета, вероятно, ослабляло также на какое-то время позиции феодала и снижало его доходы.

Приведенная таблица требует, однако, более подробного пояснения. Как уже отмечалось, упоминания о самоуправлении в XIII в. далеко не точны. О возникновении гмины на базе «немецкого права» свидетельствуют в основном заметки по поводу локаций, предоставления или применения «немецкого права» и правовые наставления. Следует, наконец, обратить внимание на определение «*cives*» — члены гмины («*civitas*»), обладающей независимым, определенным правом, по-видимому «немецким».

Необходимо также подчеркнуть, что во многих случаях термин «локация» означал лишь разрешение на проведение реформы, которая в действительности не была проведена. Проектов или возможностей локаций касаются привилегии для Вонзовой, Глогова, Бенешова, Мстова⁷¹. Следует подчеркнуть также, что из 272 упоминаний о местном самоуправлении 44 касаются локаций. Мы знаем о таких, как Дупин, Казимеж, Понец, Кшивин, Ландек, Здуны, Радзейув, Вроцлав, Славенча, Стшелин, Плоцк⁷², пожалуй, не меньше одной четверти из провозглашенных локаций оказалось неосуществленной, во всяком случае нереализованной в первоначальном варианте.

Если мы все известия о городском самоуправлении поделим на три категории, из которых первая будет касаться локаций, или предоставления «немецкого права» вторая — существования гмины («*civitas*») зачастую со всеми ее членами, наконец третья будет касаться деятельности должностных лиц, по сути дела городских («*advocati*»), то, например, для Силезии мы получим следующее распределение этих групп (с интервалом в 20 лет) (табл. 2).

Анализируя имеющиеся данные, следует иметь в виду, что в начальный период колонизации на «немецком праве» существовала рядом с терминологической неточностью большая путаница в понятиях. «*Cives*» или «*hospites*» определенно означали тех самых жителей, которые существовали не на земском праве, а на каком-то ином⁷³. Но уже в торговом с. Пачкове упоминается войт⁷⁴.

Таблица 2

Группы	Годы						Всего
	1211 — 1230	1231 — 1250	1251 — 1270	1271 — 1290	1291 — 1310	1311 — 1333	
Локация и право судебное	5	8	23	6	2	2	46
Гмины	2	2	9	13	6	6	38
Должностные лица	0	1	9	8	8	1	27
Всего	7	11	41	27	16	9	111

При определении в качестве «villa» или даже «село» Ленчицы, Варты, Старого Сонча⁷⁵ появляются также «civitas». Вариантом такой запутанности было явное существование торговых сел на «немецком праве», что указывает на зарождение локационного самоуправления⁷⁶. Наконец, термин «civitas» в номенклатуре канцелярии XIII в. означал то округ — каштелянию, то церковный приход (siedziba kościelna)⁷⁷. На примерах Войнича или Славкова можно показать различные варианты раскрытия характера этих поселений: были ли это церковные приходы, каштелянии, если учитывать термин «civitas»; места торга («lokum forense») или, наконец, существовали какие-то обособленные в правовом отношении социальные группы.

Все приведенные случаи терминологической путаницы позволяют сделать вывод, что в Польше XIII в. не существовало двух четко очерченных правовых понятий для обозначения «города» и «села». Новостью для эпохи колонизации явилось распространение «немецкого права». Оно содержало понятие такой юридически оформленной социальной прослойки, которая обладала определенными правами и привилегиями, между прочим — частичным иммунитетом и особым судом. Эта прослойка действовала, и эта деятельность была выгодна для феодала в условиях развития денежных отношений, потом в ряды «hospites», которые подчинялись «немецкому праву», были включены

жители производственных и торговых центров. Необходимо, однако, согласиться с утверждением Э. Рымашевского о том, что городское самоуправление не коренилось в «немецком праве», но было результатом определенного этапа развития городов, создававшихся на этом праве; при этом размеры завоеванной автономии были разными⁷⁸. Только со временем установилось различие между «городом» и «землей» («Stadt» и «Land») — и то не без влияния западных образцов и среди них — немецких орденов⁷⁹.

В XIII в. в большинстве случаев это различие касалось только правового положения людей на праве польском или «немецком» и выражалась в противопоставлении «Poloni» и «cives»⁸⁰. Но это было противопоставлением не народностей, а правовых систем. Зато нередко отмечалась и подчеркивалась разница в хозяйственном положении различных групп населения. Терминам «villa forensis», «oppidum» были противопоставлены понятия «lockus», «hereditas» и чаще всего «villa». В этом случае, однако, эти термины употреблялись не всегда точно, как правило, они имели несколько значений.

С какого момента можно говорить о появлении обособленности городского права от сельского? Различия стали возникать уже в XIII в., и их внешним проявлением, как я считаю, было становление городских советов, взявших на себя большую часть функций солтыса или локационного войта. В отдельных случаях, особенно в Силезии и орденовой Пруссии, были восприняты готовые формы администрации городов, перенесенные из Любека, Вроцлава или Магдебурга⁸¹. Но чаще функции солтыса переходили к советам — радам больших городов, при этом акт локации представлял один из важных этапов формирования самоуправления — главным образом путем введения суда лавников, путем предоставления гмине земель и привилегий. Дальнейшим этапом, начавшимся уже в эпоху раздробления страны на уделы, было развитие городских рад, особенно в крупных городах.

Развитие органов городского самоуправления было связано с профессиональной деятельностью горожан. Чем больше эта деятельность удалялась от сельского уклада жизни, тем дифференцированнее становились формы городского самоуправления. Когда привилей Казимира 1342 г. предоставил городскому совету Кракова право вынесе-

ния приговоров (*indicium bannitum*), рада уже имела следующие функции⁸²:

1. Записи долговых обязательств и задолженностей.
2. Оформление различных объединений.
3. Оформление и дифференцировка торговых операций — продажи.
4. Предоставление ручательства, доверенности, обмен с представителями.
5. Оформление векселей и кредита.
6. Установление цен.
7. Установление и контроль мер и весов.
8. Оформление завещаний, наследственных дел.
9. Оформление дел опекунов и сирот.
10. Обеспечение юрисдикции приезжим купцам.
11. Предоставление гражданских прав.
12. Поддержание порядка в городе.
13. Осуществление налоговой политики.
14. Реализация наказаний.
15. Заключение договоров между городами.
16. Внешние сношения.
17. Издание постановлений (*wilkierze*).

Из всех этих пунктов 1—7 относятся к торговой деятельности города; 8—9 касаются семейного права; 10—13 — внутренней политики города, проводимой в интересах рады; 14 — права наказания; 15—17 — отношений города с королем, другими городами и государствами.

Жители города, таким образом, обрели в лице городской рады инструмент для своей деятельности. Важно выяснить, в каких целях они пользовались этим инструментом и какова была роль уже развитого городского самоуправления в хозяйственной и политической жизни страны в целом.

Можно начать с анализа содержания законодательных памятников. Познаньский кодекс магдебургского права, сохранявший записи за 1385—1469 гг.⁸³, перечисляет 206 постановлений, регулирующих порядок городской жизни в позднем средневековье. Они касаются компетенции и функционирования городской власти, хорошо разработанного наследственного права, а также долгового права, наказаний за недобросовестное отношение к производственной деятельности, закладов, долгов, передачи недвижимости, компенсации, процесса удельных форм и т. д.

К сожалению, данные эти относятся ко времени, отделенному от локации города по меньшей мере ста годами. Подобную ситуацию имеем и в Кракове, где «*wilkierze*» и самые ранние уставы городского права прослеживаются лишь со второй половины XIV в.⁸⁴ Мы можем поэтому говорить о том, какие были направления деятельности городских властей в более поздний период. Целенаправ-

ленное сопоставление этих известий даст нам в конечный момент изучаемого нами процесса результат, до которого дошло становление городского самоуправления.

Познаньский кодекс, как и опубликованный Пекосинским Краковский кодекс Бехема, представляет собой собрание постановлений, частично составленных городскими властями, частично заимствованных из положений магдебургского права⁸⁵. Можно считать, что эти кодексы содержали положения, не всегда свойственные польским городам. Для этого будет полезнее произвести сопоставление содержания постановлений, принятых городскими советами Кракова и Познани⁸⁶. Благодаря известному изданию В. Майзеля, для второго города это сравнительно легко. Майзель издал 91 постановление городского совета Познани, из которых 90 датируются XV в. Классификация их сложна. Большая часть их касается регулирования торговли и ремесла: запрещения выпечки хлеба в понедельник, ограничений приезжих купцов, запрет на варку пива чаще, чем раз в неделю, запрет для перекупщиков на приобретение покупок перед полуднем в дни торгов, запрет мясникам на торговлю волами и т. д.⁸⁷ Некоторые распоряжения можно внести в число тех, которые касаются порядка в городе. К ним относятся запрет на хождения на чердак с незажженным светильником, обязанность убирать мусор, запрет на ношение оружия⁸⁸. Выступают в кодексах такие установления, которые, формально обеспечивая порядок в городе, по существу имели хозяйственное значение. К их числу относится запрет на передвижение через фортификации города, а также на умыкание перекупщиков до контроля рыночных властей⁸⁹. Особую группу составляют постановления, уточняющие нормы обычаев: запрет на игру в кости, на помощь (пробклятым), на чрезмерно пышные приемы⁹⁰.

Важным и для городской жизни являются постановления, отражающие социальные интересы правящей элиты: запрет обращаться с жалобами в другие суды, кроме городских, запрет и всем инстанциям, кроме городских, составлять завещания на владение недвижимостью для людей, постоянно не живущих в городе, санкции за неучливое отношение к членам рады⁹¹. Судебные санкции за преступления, связанные с избиением, лжесвидетельством, уклонением от обязательств перед городом, составляют особую группу постановлений⁹², далее можно выде-

лить постановления, касавшиеся деятельности властей⁹³, наконец, постановления, уточняющие правовые нормы в сфере наследования, фиксации родственной близости и т. п.⁹⁴ Постановления краковских вилькежей были еще недавно однообразными, это были уставы о цехах, о работе в понедельник, о поножовщине, осушении болота, игре в кости⁹⁵.

Городское самоуправление сосредоточивало свое главное внимание на организации производственной деятельности города⁹⁶. Несомненно, появление постановлений, регулирующих деятельность купечества, создавало для них благоприятные условия, и в этом утверждении можно видеть важное указание на процесс формирования городского самоуправления в XIII в. Следует, однако, подчеркнуть, что эти наблюдения касаются только наиболее крупных городов. Роль малых городов, несомненно, наиболее характерного явления нашей истории, требует специального рассмотрения. Представляется, что в XIII и XIV вв. в них местная хозяйственная деятельность получала поддержку со стороны городского самоуправления, естественно, менее развитого, чем в больших городах.

¹ *Fr. Lenczewski. Ze studiów nad problemami miast śląskich do końca XIV w.* Opole, 1965; *A. Rutkowska-Płachcińska. Gmina miejska w pocz. XIII w. w Polsce.* «Wieki Średnie. Prace ofiarowane T. Manteufflowi». Warszawa, 1962, str. 143 и сл.; *Z. Rymaszewski. Mięjskość czy wiejskość prawa niemieckiego w Polsce.* «Zeszyty naukowe U. Ł. Nauki Humanistyczny Społeczny». Ser. I., z. 69. Prawo. Łódź, 1970, str. 65—87; *K. Buczek. Targi i miasta na prawie polskim.* Wrocław, 1964; *St. Piekarczyk. Studia z dziejów miast polskich w XIII—XIV w.* Warszawa, 1953; *K. Tymie-*

niecki. Zagadnienie początków miast w Polsce. «Przegląd Historyczny» (далее — PH), t. XXI, 1919; *St. Estreicher. Kraków i Magdeburg w przywileju fundacyjnym krakowskim.* «Ku uczczeniu B. Ulanowskiego». Kraków, 1911, str. 401; *G. Labuda. Miasta na prawie polskim.* «Studia Historica w 35-lecie pracy naukowej H. Łowmiańskiego». Warszawa, 1958, str. 184; *Z Kaczmarczyk. Początki miast polskich (Zagadnienia prawne).* «Czasopismo Prawno-Historiczno» (далее — СРН), N 2, 1961; *E. Rozenkranz. Początki i ustrój miast Pomorza Gdańskiego do schyłku XIV stulecia.*

- Gdańsk, 1962; *T. Lalik*. Miasta na Pomorzu Gdańskim i ich ustrój w XIII w. (Uwagi polemiczno-dyskusyjne). «Zapiski Historyczne», N 4, 1965, str. 7; *A. Semrau*. Die Organe der Stadtgemeinde nach Kulmischen Rechts in 13. Jahrhundert. «Mitt. der Copernicus Vereins», 29. 1921, S. 4. и сл.; *W. Maisel*. Sądownictwo miasta Poznania do końca XIV w. Poznań, 1961; *H. Samsonowicz*. Z zagadnień ustrojowych miasta średniowiecznego. «Wieki Średnie. Prace ofiarowane T. Mantufflowi», str. 151; *St. Rüssocki*. Etapy lokacji miejskich na Mazowszu w XIV—XV w. PH, N 2, 1964; *St. Trawkowski*. W sprawie roli kolonizacji niemieckiej w przemianach kultury materialnej na ziemiach polskich w XII w. «Kwartalnik HKM», 2, 1960, str. 198.
- ² Последним высказался по этой теме Рымашевский. См.: *Z. Rymaszewski*. Miejskość czy wiejskość, str. 69 и сл. Так же см.: *A. Rutkowska-Płachcińska*. Указ. соч., стр. 143.
- ³ *St. Kutzreba*. Historia źródeł dawnego prawa polskiego, t. II. Lwów, 1926, str. 203 и сл.
- ⁴ *J. Panejko*. Geneza i podstawy samorządu europejskiego. Wilno, 1934.
- ⁵ *A. Rutkowska-Płachcińska*. Указ. соч., стр. 144.
- ⁶ *M. Patkaniowski*. Krakowska rada miejska w wiekach średnich. Kraków, 1934, стр. 20; *M. Niwiński*. Wójtostwo krakowskie w wiekach średnich. Kraków, 1938, str. 39; *K. Myśliński*. Wójt dziedziczny i rada miejska w Lublinie 1317—1504. Lublin, 1962, str. 23 и сл.; *M. Szymańska*. Wójtostwo poznańskie 1253—1386. «Przegląd Zachodni», t. 6. Poznań, 1953, str. 183.
- ⁷ *K. Buczek*. Targi i miasta... str. 109; он же. O tak zwanym «ritter meszig man» i o gościu w najstarszym spisie prawa polskiego. СРН, N 12, 1960.
- ⁸ *Z. Rymaszewski*. Meijskość czy wiejskość..., str. 68. Автор критично сопоставил эти взгляды.
- ⁹ *G. Buchda*. Die Dorfgemeinde im Sachsenspiegel. Die Anfänge der Landgemeinde und ihr Wesen, t. II. Konstanz—Stuttgart, 1964, S. 7, 20; *K. H. Quirin*. Herrschaft und Gemeinde. Göttingen, 1952. S. 7, 28; *K. S. Bader*. Dorfgenossenschaft und Dorfgemeinde. Weimar, 1962, S. 299. В польской литературе см. полемику Рутковского (*J. Rutkowski*. Skup sołectw w Polsce w XVI w. «Prace Komisji Historycznej PTPM», t. I, 1921 и сл.) и Добровольского (*K. Dobrowolski*. W sprawie skupu sołectw w Polsce w XV i XVI w. «Kwartalnik Historyczny» (далее — КН), t. 38. 1924, str. 1), а также Тыменецкого (*K. Tymieniecki*. Ludność miejska w krajach połabskich i pomorskich w wiekach średnich. «Slawia Occidentalis», t. 1. 1920; он же. Prawo niemieckie w rozwoju społecznym wsi polskiej. КН, t. 37, 1923, str. 65) и Малечиньского (*K. Maleczuński*. Najstarsze targi w Polsce a stosunek ich do miast przed kolonizacją na prawie niemieckim. Lwów, 1926, str. 161 и сл.).
- ¹⁰ *A. Vetulani*. Geneza statu-

tu warckiego o wykupie sołectw. КН, т. 3, 1969, str. 557 и сл.

¹¹ К. Maleczyński. Указ соч., str. 165; об этом вопросе см.: А. Rutkowska-Płachcińska. Указ. соч., стр. 144.

¹² См. сопоставление данных у Кржижановского (J. Krzyżanowski. Polityka miejska Bolesława Wstydlwego. «Studia historyczne ku uczci St. Kutrzeby», т. 2. Kraków, 1938, str. 406). Очень интересны выводы Гонсеровского (А. Gąsiorowski. Ze studiów nad szerzeniem się tzw. prawa niemieckiego we wsiach ziemi krakowskiej i sandomierskiej (do roku 1333). «Roczniki Historyczne», т. 26, 1960, str. 161).

¹³ Для интересующего нас периода их есть несколько. См.: «Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte». Hamburg, 1832, N 1, 1a. 16, 56, 91, 96, 102, 105, 116—118. О них писал Вырозумский (J. Wyrozumski. Pouczenie Kalisza dla Wielunia o administracji miasta z 1502 г. (z dziejów ustroju miejskiego w Polsce średnio-wiecznej), СРН, N 1, 1970 str. 186).

¹⁴ «Kodeks dyplomatyczny Katedry Krakowskiej» (далее — К. Кат.), cz. I. Kraków, 1879, N 82. Локация Бжеска—в 1279 г. («statuimus. quod... advocatus dictus civitatis cum suis scabinis... iudicandi et sentenciandi habeat facultatem»), Мстова — в 1278 г. («...advocatus... cum iudicibus... omnes causas iudicabit»). Вероятно, судейских назначали через монастырь августинцев, но из числа жителей гмины.

«Kodeks dyplomatyczny Małopolski» (далее — КdМ), т. III. Kraków, 1887, N 485. Так же мы понимаем определение «распоряжаться мещанами» («ius... quo cives nostri Gnesnenses utuntur et reguntur») «Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski» (далее — КdW). Poznań, N 240. Так же в Познани, в 1253 г. (там же, N 321), в Среме в 1253 г. (там же, № 322), в Гродке в 1276 г. упоминается адвокат, а также scabinis. «Regesten zur Schlesischen Geschichte» (далее — Reg.). Breslau, 1884, № 1503. Коллективный суд появляется в Тчеве в 1258 г., что связано с формами, заимствованными из Любека («Pommere'llisches Urkundenbuch» (далее — PU). Danzig, 1882, N 170 («Alardus de Lubek et Henricus Schildere ambo consules»). См.: E. Rozenkranz. Początki i ustrój miast Pomorza Gdańskiego, str. 100; *он же*. Prawo Lubeckie w Gdańsku w latach 1312—1364. «Rocznik Gdański», 1966, str. 9 и сл. (Reg., N 410). Члены городского совета получали права, касающиеся управления городом, а тот же высший суд «немецкого права» подчеркивает коллегиальность при оценке приговоров. «Studia i Materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza», т. II/2, 1956, str. 25. См.: K. S. Bader. Dorfgenessenschaft..., S. 307; W. Schlesinger. Bäu'erliche Gemeindebildung in den mittelalbischen Landen im Zeitalter der mittelalbischen deutschen Ostbewegung. Die Anfänge der Landgemeinde, S. 84).

- 15 Модели Магдебурга, Сроды, Любека определили коллективную форму проведения судов, что, несомненно, вытекает из вайхбильда. См.: «Magdeburger Schöffengericht XIII/XIVw». *M. Jasker. Iuris municipalis Magdeburgensis liber vulgo Weichbild municipatus. Cracoviae, 1535, art. 10. 11. 16.* Также см.: *J. Krzyżanowski.* Указ. соч., стр. 415; *A. Rutkowska-Płachcińska.* Указ. соч., стр. 147.
- 16 *W. Ebel.* Lübecks Kaufmannsrecht. Göttingen, 1952; *R. Schranil.* Stadtverfassung nach Magdeburger Recht. Breslau, 1915, S. 107 и сл.; *F. Frensdorff.* Das lübische Recht nach seinen ältesten Formen. Leipzig, 1872, S. 82.
- 17 *B. Groicki.* Porządek sądów i spraw miejskich prawa magdeburgskiego w Koronie Polskiej. Warszawa, 1953, str. 23.
- 18 *W. Planitz.* Meliorat. «Zeitschrift für Rechtsgeschichte G. A.», T. 67, 1950, S. 141; *K. F. Bader.* Указ. соч., стр. 284. См. также: *H. Samsonowicz.* Uwagi nad średniowiecznym patrycjatem miejskim w Europie. PH, t. 3, 1958, str. 574.
- 19 *M. Jasker.* Указ. соч. (Первые 44 статьи представляются более ранними.) См.: *R. Schranil.* Stadtverfassung nach Magdeburger Recht.
- 20 *B. Groicki.* Указ. соч., стр. 179.
- 21 «Poznańska księga prawa magdeburgskiego», t. I. Poznań, 1964, N 65, 90, комментарий, str. XI; *N. Jasker.* Указ. соч., стр. 14;
- W. Maisel.* Sąd wyższy prawa magdeburgskiego w Poznaniu (do końca XVI w.). «Studia i Materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza», t. II, N 2, 1957, str. 25, 27.
- 22 *W. Ebel.* Der Rechtszug nach Lübeck. «Hansische Geschichtsblätter», 1967, S. 1—36.
- 23 *W. Maisel.* Sąd wyższy..., str. 27, 49; *Th. Görlitz.* Die Oberhöfe in Schlesien. Breslau, 1935, S. 2.
- 24 *B. Groicki.* Указ. соч., стр. 24.
- 25 Sed quod ad Magdyburgensis Civitatis ius et formam fieri debeat advertatur, ut si quando de hoc dubitatum fuerit, ad ius scriptum a dubitantibus recuratur. «Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa» (далее — KdMK), t. I. Kraków, 1879, N 1. См.: *W. Maisel.* Sąd wyższy..., str. 33.
- 26 «Zbiór ogólny przywilejów i sominków Mazowieckich», 1919, N 363.
- 27 *S. Pazyra.* Geneza i rozwój miast mazowieckich. Warszawa, 1959, str. 259, Prz. 271.
- 28 *K. H. Quirin.* Указ. соч., S. 22, 23; *K. F. Bader.* Указ. соч., S. 351; *W. Maisel.* Sąd wyższy..., str. 27.
- 29 KdM, t. II, N 597; KdW, N 330, 511, 864; K. Kat., t. I, N 82; «Kodex dyplomatyczny Wielkiej Polski» (далее — KPol), t. II. Poznań, 1840, N 64, 480.
- 30 KdM, t. II, N 439. См.: *Th. Görlitz.* Указ. соч., стр. 2.
- 31 KdW, N 930 (Герлиц этого суда не называет).
- 32 «Zbiór dokumentów Małopolskich» (далее — ZdM), t. IV, N 885. (Герлиц

- этого суда не называет).
- 33 KPol., t. III, N 51; *Th. Görlitz.* Указ. соч., стр. 24.
- 34 Reg., N 2262; *Th. Görlitz.* Указ. соч., стр. 40.
- 35 Reg., N 878.
- 36 *Th. Görlitz.* Указ. соч., стр. 31.
- 37 Там же, стр. 39.
- 38 KdW, N 322, 401, 615; *H. Wuttke.* Städtebuch des Landes Posen. Leipzig, 1864, N 70; см. также: *W. Maisel.* Sąd wyższy..., стр. 25 и сл.
- 39 KdW, N 240, 401.
- 40 KdW, N 528.
- 41 KdW, N 296.
- 42 KdW, N 419.
- 43 KdW, N 757.
- 44 KPol., t. I, N 53.
- 45 KdM, t. II, N 475.
- 46 KdM, t. II, N 472.
- 47 KdM, t. II, N 440, 497, 498.
- 48 KdM, t. II, N 515. *Th. Görlitz.* Указ. соч., стр. 40.
- 49 «Lustracja woj. sandomierskiego». Warszawa, 1963, стр. 92.
- 50 KPol., t. II, N 44.
- 51 KPol., t. I, N 89.
- 52 «Visitaciones honorum arch. Gnesn». Kraków, 1920, стр. 198.
- 53 KPol., t. II, str. 480; KdW, N 419.
- 54 *E. Rozenkranz.* Указ. соч., стр. 100 и сл.
- 55 *S. Pazyra.* Указ. соч., стр. 189. (С XV в. правила Торуня были и в Варшаве; трудно с полной уверенностью сказать, что это положение имело место с момента возникновения варшавской гмины, хотя это и представляется правдоподобным.)
- 56 *H. Samsonowicz.* Z zagadnień ustrojowych miasta średniowiecznego, str. 152—154.
- 57 *J. Krzyżanowski.* Указ. соч., стр. 402 и сл.; *N. Jasker.* Указ. соч., art. 11, 16, 29, 26—38.
- 58 *E. Rozenkranz.* Указ. соч., стр. 100 и сл.
- 59 KdM, t. II, N 475.
- 60 *H. Samsonowicz.* Życie miasta średniowiecznego. Warszawa, 1970, str. 139.
- 61 *J. Krzyżanowski.* Указ. соч., стр. 429.
- 62 Составил Малечиньский (*K. Maleczyński.* Historia Śląska, t. I, ч. 1. Wrocław, 1960, str. 449 и сл.), дополнив Цешином, основанным до 1292 г. (ZdM, t IV, № 885). Очевидно, для Силезии дата 1333 г. не является критерием. В этом случае порядок древнейших упоминаний о городском самоуправлении был бы следующим: Złotoryja — 1211 г., Wrocław — 1214, Lwówek — 1217 г., Nysa — до 1223 г., Sroda — 1223 г., Freudenthal — 1223 г., Orawa — 1224 г., Nowogrodzic — 1233 г., Lubusz — 1240 г., Karniów — до 1253 г., Strzegom — 1242 г., Scinawa Mała — 1243 г., Kozliniec — 1244 г., Kamienna Góra — 1249 г., Lubiąż — 1249 г., Trzebnica — 1250 г., Wiązów — 1250 г., Brzeg — 1250 г., Bolesławowiec — 1251 г., Ozobłoga — 1254 г., Zawonia — 1252 г., Legnica — 1252 г., Kluczbork — 1252 г., Cerekwica — 1251 г., Frankfurt/O — 1253 г., Głogów — 1253 г., Przyłek — 1253 г., Żmigród — 1253 г., Benezów — 1253 г., Hulczyn — 1253 г., Łądek — 1253 г., Kłodzko — 1253 г., Butom —

1254 г., Kostomłoty — 1254 г., Paczków — 1254 г., Stróża — 1254 г., Oleśnica — 1255 г., Wodzisław — 1257 г., Opole — 1258 г., Racibórz — 1258 г., Scinawa — 1259 г., Sławęcice — 1260 г., Ujazdów — 1260 г., Sprotawa — 1260 г., Zduny — 1261 г., Wołczyn — 1261 г., Wleń — 1261 г., Leśnica — 1261 г., Dzierżoniów (Reichenbach) — 1262 г., N. Miasto Wrocław — 1263 г., Głuchołazy — 1263 г., Kranowice — 1265 г., Głubnyce — 1265, Ziębice — 1266 г., Bierutów — 1266 г., Swidnica — 1267 г., Namysłów — 1270 г., Skorogoszcz — 1271 г., Żary — 1272 г., Wschowa — 1273 г., Głogówek — 1275 г., Gliwice — 1276 г., Bolków — 1276 г., Grodków — 1276 г., Jawor — 1278 г., Swiebodnice — 1279 г., Prudnik — ок. 1279 г., Żagań — 1280 г., Przemków — 1280 г., Parchonia — 1280 г., Oława — 1282 г., Niemcza — 1282 г., Lewin Brzeski — 1284 г., Krzudłowice — 1285 г., Wińsko — 1285 г., Ząbkowice — 1287 г., Prusice — 1287 г., Chojnów — 1288 г., Wołów — 1288 г., Zielona Góra — 1288 г., Bytom Odrz. — 1289 г., Góra — 1289 г., Wąsosz — 1290 г., Wydna — 1291 г., Cieszyn — 1292 г., Strzelin — 1292 г., Lubawka — 1293 г., Twardogóra — 1293 г., Krapkowice — 1294 г., Międzlesie — 1294 г., Borów — 1294 г., Koźuchów — 1295 г., Freiwaldau — 1295 г., Lubin — 1295 г., Baborów — 1296 г., Milin — 1297 г., Bardo — ок. 1301 г., Jelenin —

1303 г., Koźle — 1306 г., Toszek — 1309 г., Przewóz — ок. 1311 г., Biała — ок. 1311 г., Syców — ок. 1312 г., Uras — 1312 г., Gorzów — 1312 г., Ziel. Góra — 1315 г., Kietrz — 1321 г., Buczyna — 1323 г., Milicz — 1323 г., Pyskowice — 1327 г., Leśna — 1329.

⁶³ *O. Lange*. Lokacja miast Wielkopolski właściwej na prawie niemieckim w wiekach średnich. Lwów, 1925, str. 127 и сл. Дополнение следующего списка (по источникам, не использованным О. Ланге): Śródka — ок. 1231 г., Gniezno — 1239 г., Powidz — 1243 г., Łądek — 1250 г., Wronki — 1251 г., Rogoźno — 1251 г. (KdW, № 296), Kostrzyń — 1251 г., Poznań — 1253 г., Śrem — 1253 г., Kłecko — 1255 г., Buk — до 1257 г., Krzywiń — 1257 г., Jarocin — 1257 г., Pyzdry — 1257 г., Międzyrzecz — до 1259 г., Ciężen — 1260 г. (KdW, N 293), Kalisz — 1260 г., Kcynia — 1262 г., Pobiedziska — 1266 г., Zduny — 1261 г., Wschowa — 1273 г., Gostuń — 1278 г., Dupin — 1284 г., Górczyn — 1284 г. (KdW, N 547), Znin — 1284 г. (KdW, N 542), Słupca — 1290 г., Stawiszyn — 1291 г., Zerniki — 1298 г., Oborniki — 1299 г., Nakło — 1299 г., Rynarzewo — 1299 г., Nowe Miasto — ок. 1300 г., Kościan — ок. 1300 г., Konin — ок. 1300 г., Pleaszew — ок. 1300 г., Zarków — ок. 1300 г., Kotlin — ок. 1300 г. (KdW, t. II, N 528), Orla — ок. 1300 (там же), Langenfort — ок. 1300

(там же), Mosina — ок. 1302 г. Święciechowa—ок. 1302 г., Sroda—ок. 1301 г., Zbąszyń—ок. 1302 г., Grodzisko—ок. 1303 г., Kobylin — 1303 г., Wałcz — 1303 г., Poriec — 1309 г., Przemęt — 1311 г., Skwierzyna — 1312 г., Frydład — 1314 г., Koźnin — 1318 г., Kęłowo — 1329 г.

⁶⁴ Об этом см.: *S. Piekarczyk. Указ. соч., стр. 29; J. Luciński. Lokacje wsi i miast monarszych w Małopolsce do 1385. СРН, т. 2, 1965, стр. 113. После проверки данных можно сделать следующее сопоставление: Kraków—ок. 1228 г. (Zbiór dupl. klaszt. Mog. 8), Sandomierz — 1244 г. (KdM, т. II, N 475), Tarczek—1253 г. (K. Kat. т. I, N 14), Bochnia — 1253 г. (KdM, т. II, N 439), Lagów — 1253 (KdM, т. II, N 440), NM Korczyn — 1258? (Staroż. Pol., т. II, N 334), 1264? (KdM, т. I, N 472), Zawichost — 1257 г. (KdM, т. I, N 44), Skała — 1262 г. (KdM, т. I, N 56), Połaniec — 1264 г. (KdM, т. II, N 473), Skaryszew—1264 г. (KdM, т. II, N 472), Kielce (?)—1266—1296 гг. (*J. Długosz. Catalogus, episc. Crac. s. 406*), Jędrzejów — 1271 г. (KPol., т. III, N 44), Opotowiec — 1271 г. (KPol., т. I, N 53), Radowice — 1271 г., Bielowo — 1271 г. (KdM, т. II, N 477), St. Sącz — 1273 г., Wierzbiца — 1275 г. (KdM, т. II, N 14, 17), Kęty—1277 г. (KPol., т. III, N 51), Koprzywnica — 1277 г. (KdM, т. I, N. 93), Mstów — 1278 г. (KdM, т. III, N 485), Wojnicz —*

1278 г. (KdM, т. I, N 95; KPol., т. III, N 82), Brzesko Nowe — 1279 г. (K. Kat, т. I, N 82), Opotow — 1282 г. (Kuraś. Zbiór dok., т. IV, N 881), Kurzelów — 1285 г. (Kuraś. Zbiór dok., т. IV, N 883), Sławków—1286 г. (K. Kat., т. I, N 88), Busko — 1287 г. (KdM, N 94), Miechów — 1290 г. (KdM, т. II, N 516), Wieliczka — 1290 г. (KdM, т. II, N 515), Oświęcim — 1291 г. (Kuraś. Zbiór dok., т. IV, N 884), N. Sącz — 1292 г. (KdM, т. I, N 21), Zator — 1292 г. (Kuraś. Zbiór dok., т. IV, N 885), Podoliniec—1292 г. (KdM, т. II, N 552), Iłza — 1284 г. (KdM, т. II, N 497), Olkusz — 1299 г. (KdM, т. I, N 131), Biecz — 1294—1320 гг. (*J. Długosz. Catalogus, s. 407*). N. Targ — начало XIV в. (*J. Rafacz. Dzieje i ustrój Podhala Nowatorskiego za czasów dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1935, стр. 156*), Chęciny — 1294 — 1320 гг. (*J. Długosz. Catalogus, s. 408*), Skrzywno — 1308 г. (KdM, т. II, 656), Lelów — 1314 г. (Najst. księgi i rachunki m. Krakowa. Kraków., 1878, стр. 33), Lublin — 1317 г. (KdM, т. II, N 569), Wolbrom — 1321 г. (Kuraś. Zbiór dok., т. I, N 24), Lipnica — 1326 г. (Kuraś. Zbiór dok., т. I, N 28), Szydłów — 1329 г. (KdM, т. II, N 597). Не включаю Zywca (1327 г.?) и Tarnowa (ок. 1330 г.).

⁶⁵ Brześć Kuj.— сер. XIII в. (1292 г.— Lustr. woj. Wielkop. i Kujaw., стр. 210), Radziejów — сер. XIII в.

- (Staroż. Polska, t. I, N 2947); 1298 г. — KPol., t. I, N 89), Dobrzyń — сеп. XIII в. (Staroż. Polska, t. I, N 388). Włocławек — 1250 г. (Dokumenty Kujawskie i Mazowieckie. Kraków, 1888, стр. 185; 1255 г. — KPol., t. II, N 68), Gniewkowo — 1255 г. (Dok. Kuj. i Maz., стр. 189), Inowrocław — 1271 г. (KPol., t. III, N 44), Przepust — 1274 г. (KPol., t. II, N 458), Barów — 1306 г. (KPol., t. I, N 100), Solec Kuj. — 1325 г. (KPol., t. I, N 480). Не включаю: Janowca (1295 г.) и Górzna (1327 г.?).
- ⁶⁶ См.: R. Rosin. Studia z dziejów miast dawnych województw łęczyckiego i sieradzkiego. «Sprawozdanie z czynności i posiedzeń LTN», t. XIV, N 1, 1959. Sobótka — 1250 г. (KPol., t. II, N 44), Łubnice — 1253 г. (KdW, N 236), Sieradz — 1255 г. (KPol., t. II, N 64), Warta — 1255 г. (KPol., t. II, N 64), Brzeźnica — 1265 г. (KPol., t. I, N 51), Ruda — 1264 г. (KdW, N 412), Bolesławiec — 1266 г. Radomsko — 1266 г. (J. Laski. Liber Beneficiorum, t. I, N 494), Łęczyca — 1268 г., Wolbórz — 1273 г. (KPol., t. II, N 100), Lutimiersk — 1274 г. (Staroż. Polska, t. I, N 240), Pajeczno — 1276 г., Wieluń — 1283 г., Kępno — 1283 г., Kazimierz — 1288 г., Uniejów — 1290 г. (Visitaciones bonorum arch., s. 232), Sulejów — 1296 г. Piotrków — 1313 г., Zgierz — 1318 г. Brzeziny — 1329 г., Piatek — ок. 1330 г. (Visitaciones bonorum arch., s. 198).
- ⁶⁷ См.: E. Rozenkranz. Początki i ustrój Pomorza Gdańskiego do schyłku XIV stulecia. Gdańsk, 1962, стр. 102, 256. Tczew — 1256 г., Gdańsk — ок. 1263 г., Słupsk — 1269 г., Gorzdziej — 1280 г., Nowe — 1290 г., Gniew — 1297 г., Swiecie — XIII—XIV вв., Chojnice — XIII—XIV вв., Tuchola — 1307 г., Polanów — 1307 г., Sławno — 1317 г.
- ⁶⁸ См.: S. Pazyra. Указ. соч., стр. 411. Płock — 1237 г., Pułtusk — 2-я половина XIII в., Łowicz — конец XIII в., Warszawa — конец XIII в. Не включены поселки, выполнявшие хозяйственные функции городов: Mogielnicy, Warki, Gabina, Sierpsa, — называемые «орпиды».
- ⁶⁹ Это подчеркнул Кржижановский. См.: J. Krzyżanowski. Polityka miejska, стр. 395, 422; K. Buczek. Targi i miasta..., стр. 57.
- ⁷⁰ K. Kat., t. I, 1257; KdM, t. II, N 93, 1273.
- ⁷¹ Reg., № 710, 856, 1154, 1200; Quellen z Schl. Handelsg., N 166; KdM, t. III, N 485.
- ⁷² Локации Wrocław — 1241/2 г. (Reg., N 585) и 1261 г. (там же, N 1098), Raciborz — 1217 г. (Reg., N 176) и 1294 г. (Reg., N 2318), Cieszyn — 1237 г. (Reg., N 2255, 2262), Kietrz — 1237 г. (Reg., N 4110), Zduna — 1237 г. (KdW, N 602), Warschau — 1237 г. (KdW, N 284), Płock — 1237 г. (KdMaz., N 8). M. R. P. S., t. IV, N 288 (1361 г.).
- ⁷³ К. Бучек утверждает, что под термином «hospites»

- в первой половине XIII в. нельзя подразумевать людей, издавна живущих в данном поселении (*K. Buczek. Targi i miasta*, str. 190). Имеется слишком мало данных, чтобы сделать такое заключение. Не исключено, что начиная с 50-х годов «hospites» означало группу людей, подчиненную судам «немецкого права». Были ли среди них богатые городские купцы, на существование которых указывают хотя бы тарифы цен, относящиеся к внешней торговле? Такой возможности не исключается. См. примеры, относящиеся к Ополе (Reg., № 176, а также № 794 с 1217 г. и с 1258 г.), Рацибору (там же) или, вопреки Бучеку, — Плоцку (KdMaz., № 8, 1237 г.); возможно, «немецкое право» получили в Познани (*Likowski. Miasto książęce Śródka. Poznań, 1922*) жители соседних поселений, переселенные в город.
- ⁷⁴ Reg., N 878.
- ⁷⁵ Kod. Pol., t. II, N 64. — 1255 г.; N 96 — 1268 г.; KdM, t. I, N 102—1283 г.
- ⁷⁶ «Poznańska księga», t. I, N 31 (*K. Buczek. Targi i miasta*, str. 56; *W. Schlesinger. Bäuerliche Gemeindebildung*, S. 56; *K. Schwarz. Bäuerlich «cives» in Brandenburg und benachbarten Territorien. «Blätter für deutsche Landesgeschichte»*, t. 99, 1963, S. 103).
- ⁷⁷ *K. Buczek. Targi i miasta*, str. 95 и сл.; *H. Члѣпоцка. «Dzieja Gniezna»*. Warszawa, 1965, str. 135.
- ⁷⁸ *Z. Rymaszewski. Указ. соч.*, стр. 69; *W. Schlesinger. Bäuerliche Gemeindebildung*, S. 70. (Автор подчеркнул, что на колонизуемых землях иммунитетное право в деревнях и городах было одинаковым.)
- ⁷⁹ Acten der Ständetage Preussens, Bd. I, S. 4 и сл.
- ⁸⁰ Например, при основании Кракова (KdmK, t. I, N 1).
- ⁸¹ *K. Streicher. Kraków i Magdeburg w przywileju fundacyjnym krakowskim*, str. 411; *E. Rosenkranz. Prawo lubeckie w Gdańsku w latach 1261/62 — 1346. «Rocznik Gdański»*, t. XXV, str. 9 и сл., а также *P. Heck. O wpływie wrocławskiego prawa miejskiego na Morawach w XIV—XV w. «Sobótka»*, N 4. 1969; *H. Reincke. Kölner, Soester, Lübecker und Hamburger Recht in ihren gegenseitiger Beziehungen. «Hansische Geschichtsblätter»*, 1950, S. 14.
- ⁸² «Najstarsze księgi i rachunki m. Krakowa». Kraków, 1878.
- ⁸³ «Poznańska księga prawa magdeburskiego i mińskiego». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, str. XIII, 3—15.
- ⁸⁴ «KdmK. 1257 — 1506», t. I. Kraków, 1879, в особенности t. II, 1882; «Najstarszy zbiór przywilejów i wilkierzy miasta Krakowa». Kraków, 1936.
- ⁸⁵ *R. Schranil. Указ. соч.*, стр. 180, 209, 278 и сл.
- ⁸⁶ «Najstarszy zbiór...», str. 20—43. «Wilkierze poznańskie cz. I, II. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, 1968.

- ⁸⁷ «Wilkierze — poznańskie»,
cz. I, N 1, 21, 32, 47, 58.
⁸⁸ Там же, № 7, 8, 18, 37, 57.
⁸⁹ Там же, № 6.
⁹⁰ Там же, № 3, 11, 25.
⁹¹ Там же, № 38, 39, 44, 52,
59.
⁹² Там же, № 29, 30, 34, 36.
⁹³ Там же, № 20, 28, 71, 72.
⁹⁴ Там же, № 61, 66.
⁹⁵ «Najstarszy zbiór...», N 4,
10, 15, 33, 35; «Archiwum
Państwowe m. Wrocławia».

G. 1. 1. Księga ławnicza
1345—1356.

- ⁹⁶ *M. Arszynski*. Technika i
organizacja budownictwa
ceglanego w Prusach w końcu
XIV i w pierwszej poł.
XV w. Wrocław, 1970,
str. 21; *Aq. Wyrobisz*. Bu-
downictwo murowane w
Małopolsce w XIV—XV w.
Wrocław, 1963, str. 56;
K. S. Bader. Указ. соч.,
стр. 371.

Е. Охманьский

В историографии на протяжении длительного времени принято считать, что великий князь литовский Гедимин, предок Ягеллонов, был сыном Витенеса, о котором автор хроники крестоносцев Дусбург записал под 1291 г., что его отцом был «rex» Пукувер¹. Сравнительно недавно было установлено на основании грамоты от 1322 г. членов магистрата Риги Гедимину, что Витенес — «frater vester (sc. Giedymina) et antecessor»². Выяснилось также, что Пукувер имел еще двух сыновей — Воини, князя полоцкого, и Федора, князя киевского³.

Удивляет то, что о происхождении и предках Гедимина говорят только чужеземные источники и умалчивает литовская историческая традиция, как народная, так и придворная, ягеллонская. Летопись Витольда предком Кей-стутовичей и Ольгердовичей называет Гедимина, о более ранних предках в ней не говорится ни слова. Но в намерения летописца и не входило, по-видимому, написание истории всей династии, он только выяснял происхождение спора между Ягелло и Витольдом по поводу раздела государства, произведенного Гедимином между его сыновьями. Не знает деда Гедимина и позднейшая, возникшая в первой четверти XVI в. Летопись Великого княжества Литовского и Жмудского. Она ошибочно называет Витенеса отцом Гедимина⁴. Эта же летопись передает достоверную традицию о смене династии перед началом княжения Гедимина. Из-за отсутствия наследника Тройден должен был передать власть Витенесу, происшедшему из другого рода. В Литве, по-видимому, существовало уже стирающееся в памяти народа исторически сложившееся представление о предках и предшественниках Гедимина⁵. Несомненно, что оно поддерживалось его многочисленными потомками. Не было ли оно случайно где-либо зафиксировано?

Удивительно, что в исследованиях, посвященных роду

Гедимина⁶, до сих пор не принималось во внимание свидетельство, содержащееся в таком общеизвестном источнике, каким является «Задонщина» или «Слово о Куликовской битве Софония Рязанца». В этом интересном историко-литературном памятнике есть фрагмент, посвященный участию в битве на стороне русских двух литовских князей — Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, старших двоюродных братьев Ягеллы. Перед началом боя братья Ольгердовичи ведут разговор⁷: «И молвяша Ондрей Олгердович брату своему Дмитрию: сама есма себе два брата, сынове Олгердовы, а внуку есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы».

Едимант, очевидно, Гедимин, дед упомянутых князей. А Сколоменд? Имя прадеда рода ничем не напоминает имени исторического Пукувера. Это ставит под вопрос приведенную в «Задонщине» генеалогию рода Гедимина. Достоверность записи Дусбурга не подвергается сомнению. Но, с другой стороны, упоминание о Сколоменде как о предке Ольгердовичей является заманчивым и требует соответствующего изучения. Приводимый в «Задонщине» перечень предков лаконичен, и уже это само по себе вызывает к нему доверие⁸. Поскольку достоверными являются два первых имени — Ольгерд и Гедимин, то напрашивается простой и логичный вывод, что достоверным является также и третье из перечисленных имен — Сколоменд. Итак, можно ли считать достоверными сведения, сообщаемые автором «Задонщины»?

Основной текст «Задонщины» содержит множество достоверных деталей, нигде в другом памятнике не засвидетельствованы имена храбрых русских воинов. Он должен был возникнуть, как это и принято считать, тогда, когда было еще свежо в памяти такое выдающееся событие, каким явилось поражение Мамай в битве с русскими на Куликовом поле 8 сентября 1380 г.⁹ Оба Ольгердовича еще несколько лет оставались в московской Руси, а затем вернулись в Литву, где их судьбы сложились по-разному.

Андрей предпринял в 1385—1387 гг. окончившуюся неудачей борьбу с Ягелло, а Дмитрий снискал расположение великого князя. Оба они погибли в один день в битве Витольда с татарами на р. Ворскле в 1399 г. Их знали и уважали в московской Руси. Очень правдоподобно, что именно они (или же проживавшие в Москве их

сыновья) рассказали автору «Задонщины» (или кому-либо другому) о своих предках, из которых Ольгерда еще хорошо помнили. Ко времени Куликовской битвы и в период пребывания в Москве Андрей Ольгердович был уже человеком старым, наверное, ему было уже около 60 лет. Будучи первенцем первой жены Ольгерда Анны-Марии, княжны витебской, он родился около 1320 г., так как уже в 1342 г. он выступает как князь-наместник в Пскове¹⁰. Следовательно, в то время он должен быть взрослым. Он был, вероятно, совершеннолетним ко времени смерти Гедимины (зима 1340/41 г.) и, может быть, благодаря усилиям деда был посажен на княжение во Пскове. Во всяком случае он помнил своего знатного деда, а от него мог слышать (как это бывает в семьях) о своих более ранних предках, т. е. об отце и деде Гедимины. «Задонщина», всего вероятнее, отразила часть тех сведений, которые привел Андрей Ольгердович, рассказывая семейное предание.

Имя «Сколоменд» — бесспорно, литовское¹¹, его не мог придумать не знавший литовского языка русский летописец, который, составляя в другом случае список предков Гедимины, записал вымышленные имена Волка, Хвоста и т. д.¹² Кроме того, если «Задонщина» возникла в конце XIV в., т. е. при жизни обоих уважаемых в Москве Ольгердовичей, то нечего и думать, что ее автор мог отважиться сообщить неверные сведения об их предках. Словом, упоминание о Сколоменде заслуживает доверия.

Однако рассмотрения требует еще одна существенная деталь — это слова «правнуки Сколомендовы», имеющиеся только в двух из шести известных текстов «Задонщины»¹³. Содержит их текст из Свода Кирилло-Белозерского монастыря, который возник приблизительно в 1470—1480 гг., а также список из коллекции В. Ундольского, датирующийся серединой XVII в.¹⁴ Они отсутствуют в остальных четырех списках, из которых наиболее ранний относится к концу XV или началу XVI в. Тот факт, что упоминание о Сколоменде содержит самый ранний из сохранившихся текстов, заставляет полагать, что оно имелось в оригинале «Задонщины»¹⁵.

Приведенные в «Задонщине» сведения о предках Ольгердовичей можно, таким образом, принять на веру, а упоминание о Сколоменде заставляет пересмотреть их генеалогическую таблицу. Как же, однако, совместить неопровер-

нутое свидетельство хроники крестоносцев о Пукувере как об отце Витенеса и Гедимина с семейной традицией Ольгердовичей, именующих себя «правнуками» Сколоменда? Думается, что разгадку этого противоречия можно найти в самой «Задонщине». Ключом к ней служит термин «правнуки». Он используется автором четыре раза. Автор пишет, что великий князь московский Дмитрий Иванович был «правнуком святаго великаго князя Владимира Киевского»¹⁶. Отсюда ясно, что слово «правнуки» не имеет здесь значения буквального, а только переносное и означает дальнейшего потомка. Это предположение подтверждается и другим упоминанием, перечисляющим первых великих киевских князей — Игоря Рюриковича, Владимира Святославовича, Ярослава Владимировича. Князей Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата по дяде Владимира Андреевича источник превозносит как правнуков этих князей, а Владимира киевского считает их «прадедом»¹⁷, т. е. предком, а не прадедом в буквальном смысле слова.

Таким образом, весьма возможно, что слова «правнуки Сколомендовы» также были употреблены не в буквальном смысле, а в значении «потомки».

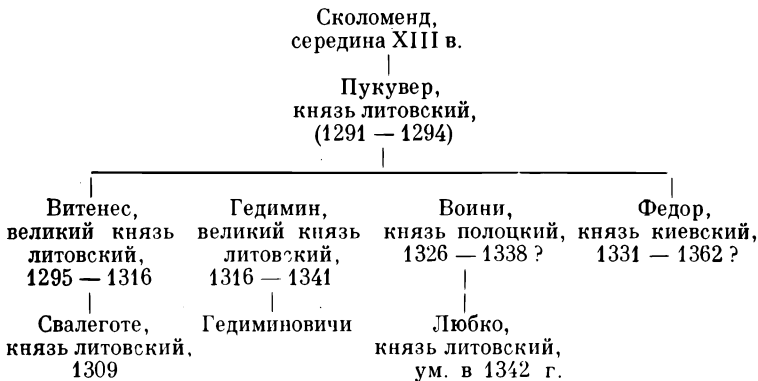
Доводом в пользу этого предположения служит еще одно обстоятельство: русские источники обычно не упоминают прадеда, а, говоря о предках, ограничиваются только отцом и дедом. Так, о Владимире киевском в Повести временных лет говорится, что он жил «по устроенью отню и дедню», а Ярослав сел в Киеве на «стол отцовский и дедовский», Брячислав полоцкий — «сынъ Изяславль, внук Володимерь»¹⁸. Об Ольгерде в русской летописи сказано: «И удръжа власть велию, и умножися княжение его паче всех, ниже отец его, ниже дед его таковъ бысть»¹⁹.

В соответствии с предположением, вытекающим из анализа определения «правнуки», следует, таким образом, признать, что оно имело два значения: буквальное и переносное — потомки вообще. Учитывая тот факт, что действительным прадедом Ольгердовичей был Пукувер, Сколоменда следует признать первым историческим предком Ольгердовичей, вероятнее всего, отцом Пукувера²⁰. Сколоменд, следовательно, должен был жить в середине XIII в., еще во времена Миндовга. В нем следует видеть протопласт дома Ягеллонов. Поскольку, однако, о нем

молчат все остальные источники той эпохи, можно считать, что в политической жизни Литвы своего времени он не играл выдающейся роли. К концу жизни Сколоменд, должно быть, однако, занимал среди литовской знати достаточно высокое положение, позволившее его потомку, вероятнее всего, сыну Пукуверу, овладеть великокняжеской властью ²¹.

Очевидно, предложенный здесь вывод, что Сколоменд был отцом Пукувера (кстати, по-литовски было бы правильнее Путавир — Putaviras), останется гипотезой, возможно, более вероятной, чем предположение, что он был каким-либо другим близким его родственником. Сколоменд был одним из видных представителей литовской знати середины XIII в., но еще не настолько значительным, чтобы попасть на страницы исторических источников своей эпохи.

Выявление в источниках как предка Гедиминовичей Сколоменда, так и третьего брата Гедимина киевского князя Федора вызывает необходимость составления новой генеалогической таблицы старейших членов этого рода:

¹ *P. Dusburg. Chronika terrae Prussiae. «Scriptores Rerum Prussicarum», Bd. 1. Leipzig, 1861, S. 155.* Сыном Витенеса назвал Гедимина Т. Нарбут (*T. Narbutt. Dzieje narodu litewskiego, t. IV. Wilno, 1838, str. 461*).

² «Русско-ливонские акты». СПб., 1868, № 53, стр. 30—31; *J. Wolff. Ród Giedymina. Kraków, 1886, str. 5.*

³ *H. Paszkiewicz. Jagiellonowie a Moskwa, t. I. Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku. Warszawa,*

- 1933, str. 256, 330. Автор выявил неизвестного ранее сына Гедими́на — киевского князя Федора. Открытие Пашкевича упустил из виду В. Двожачек (*W. Dworzaczek. Genealogia. Warszawa, 1959, tabl. 15*), у которого есть несколько таких неточностей, как отсутствие полного перечня дочерей Гедими́на, имя сына Витенеса Свалеготе приведено в искаженной форме «Гвалезуте», вдобавок с неправильной датой 1308 г. (вместо 1309 г.).
- ⁴ ПСРЛ, т. 17. СПб., 1907, стб. 257; относительно даты возникновения этого памятника см. вышедшую недавно работу: *J. Ochmański. Nad Kroniką Buchowca. «Studia Źródłoznawcze», t. XII. Poznań, 1967, str. 159.*
- ⁵ Ценности летописей как свидетельств отечественной литовской исторической традиции недооценивал Ходыницкий (*K. Chodynicki. Tradycja jako źródło historyczne. «Studia staropolskie. Księga ku czci Aleksandra Brücknera». Kraków, 1928, str. 173—190*). Автор везде отдает предпочтение источникам литературного происхождения, а не традиции.
- ⁶ *K. Chodynicki. Geneza dynastii Giedymina. «Kwartalnik Historyczny», 1926, str. 341—566; S. Zajczkowski. Przyczynki do hipotezy o pochodzeniu dynastii Giedymina ze Źmudzi. «Ateneum Wilenskie», t. IV, 1927, str. 392—416; H. Paszkiewicz. Jagiellonowie a Moskwa, t. I, str. 151—156; J. Puzyrna. Kim był i jak się nar-*
- rawdę nazywał Pukuwer ojciec Giedymina. «Ateneum Wilenskie», t. X, 1935, str. 1—43; J. Kučinskas. Gedymino dinastijos kilmė. «Musų Zinynas». Kaunas, 1934, p. 138—149, 194—204; P. Sležas. Ar Gedyminaičiai kilė iš Žemaičiu? «Athenaeum». IV. Kaunas, 1935, p. 3 и сл.; J. Jakstas. Naujausi Gedymino dinastijos kilmės tyrinėjimai. «Lietuvos Praeitis», I, 1. Kaunas, 1940, p. 29—56. Исследования Слежаса и особенно Якштаса подвергли серьезной и сокрушительной критике гипотезу о жмудском происхождении рода Гедими́на.*
- ⁷ «Повести о Куликовской битве». М., 1959, стр. 11; «Воинские повести Древней Руси». М., 1949, стр. 35.
- ⁸ Вероятно, заслуживает доверия лаконичный перечень предков Мешко I: Семовит, Лешек, Семомысл — или чешский перечень правителей, предшествовавших Боживою (*H. Łowmiański. Dynastia Piastów we wczesnym średniewieczu. «Początki Państwa Polskiego. Księga Tysiąclecia», t. I. Poznań, 1962, str. 111—112, 120*).
- ⁹ «Воинские повести Древней Руси», комментарии, стр. 152.
- ¹⁰ *K. Stadnicki. Bracia Władysława Jagiełły. Lwów, 1867, str. 16—35.*
- ¹¹ Первую часть этого имени можно обнаружить в имени знатного литовца Скольде, погибшего в борьбе с крестоносцами в 1313 г. (*P. Dusburg. Указ. соч., стр. 180*). Ср. также названия одной из

- прусских земель — Сколва, Скаловия. В XVI в. в Литве действуют Олехно Сколондович и его брат Мейлюс, а также упоминается «дом Станислава Скаломбашкья» (*Istorijos Archyvas*). Kaunas, 1934, kol. 12, 418). Вторая часть имени *mend* соответствует литовскому *mantas*. Само имя в целом в литовском звучании поддается реконструкции как Скаламантас — *Skalamantas*; неизвестно, на чем основано изменение этого имени на Скольдимер, данное в переводе на русский «Задонщины», «Повести о Куликовской битве», (стр. 213). Не имеет обоснований установление связи между Сколомендом и вымышленным литовским князем Скирмунтом, который по Летописи Великого княжества Литовского и Жмудского происходит из рода Китоврасов (т. е. Хольшанских) (ПСРЛ, т. 17, стб. 250—251; ср. «Повести о Куликовской битве», комментарий к слову «Скольдимер», стр. 222).
- 12 ПСРЛ, т. 17, стб. 205, 601—603.
- 13 «Воинские повести Древней Руси», стр. 170.
- 14 Там же, стр. 255, 257. В «Повестях о Куликовской битве» (стр. 11, 22) упоминание о Сколоменде приводится только по списку Ундольского. Трудно понять, почему издатель обратился к этой более поздней рукописи вместо того, чтобы привести свидетельство о Сколоменде по более раннему Кирилло-Белозерскому списку.
- 15 Кирилло-Белозерскому списку временами делается упрек в том, что он производит впечатление не переписанного, а написанного по памяти, а потому неточного. Однако именно в этом списке обнаруживается особая архаичность, которая выражается в использовании оборотов из «Слова о полку Игореве» в степени, более точной, чем в других списках, см.: А. В. Соловьев. Кирилло-Белозерский список «Задонщины» и «Слово о полку Игореве». *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, vol. 9, 1965, p. 97—105. На это исследование обратил мое внимание профессор Г. Ловмянский.
- 16 «Воинские повести Древней Руси», стр. 34.
- 17 Там же.
- 18 «Повесть временных лет», т. 1. М., 1950, стр. 87.
- 19 ПСРЛ, т. 10. СПб., 1885, стр. 213.
- 20 Отвергается, таким образом, гипотеза, выдвинутая Г. Пашкевичем и Пузыной, что династия Гедиминовичей происходит от Тройдена (см. соответствующие работы в примечании 6, а также: Н. Paszkiewicz. *O genezie i wartosci Krewa*. Warszawa, 1938, str. 8—9).
- 21 И. И. Срезневский. Несколько дополнительных замечаний к «Слову о Задонщине». «Изв. Академии наук по Отделению русского языка и словесности», т. VII, вып. 11. СПб., 1858, стр. 98. Автор утверждал, что Сколоменд и упомянутый в хронике Дусбурга литовец Scoldo — одно и то же лицо.

ОТДЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ ЛИТВЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКИХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ XVI В.

М. Е. Бычкова

История Литвы и Польши в русской генеалогической литературе XVI в. — это большой и еще не изученный вопрос, связанный с проблемами внутренней и внешней политики московских великих князей, обоснованием территориальных прав, идейно-политической борьбой. Кроме того, он входит как составная часть в вопрос о выработке идеологии самодержавия — концепции русского правительства о происхождении и правах московских великих князей, впоследствии — царей, и связанные с этим вопросом проблемы государственного управления Русского государства и его места среди других европейских и азиатских стран.

Помимо такого идейно-политического направления русские родословия XVI в. содержат многочисленные конкретные, а иногда уникальные факты, связанные с происхождением, брачными связями, земельными владениями и другими вопросами истории семей, как выехавших служить из Литвы на Русь, так и наоборот — переехавших в Литву из России. Собранные воедино, они, без сомнения, позволят яснее осветить историю и взаимоотношения обеих стран в XIV—XVI вв.

Естественно, что весь этот круг вопросов, требующий исследования полного комплекса генеалогических памятников и сопоставления их с другими источниками, содержащими аналогичные сведения, невозможно рассмотреть в одной работе. Поэтому автор счел необходимым ограничиться разбором родословия великих князей литовских, помещенного в родословных книгах XVI в., сравнением разных его редакций между собой, а также с другими современными им памятниками, в основном — летописями и хрониками.

Такое сопоставление показывает связь родословия литовских князей с другими источниками, его независимость или зависимость от них в выборе и интерпретации фак-

тов. Кроме того, сам выбор фактов из всех известных свидетельствует о политической направленности родословия.

Совокупность определенных вопросов, которые в разное время выделили составители родословия, говорит об особенностях отношений России и Литвы.

Прежде всего надо сказать несколько слов об общей специфике родословия литовских князей в русских родословных книгах.

Родословные росписи до сих пор мало рассматривались как документ политический. Это связано с рядом причин. Традиционная генеалогия брала из росписей генеалогическую схему и проверяла ее достоверность, определяя полноту записанных в разных редакциях родословий лиц, отбирая чисто биографические известия и устанавливая достоверность степени родства. Вопрос, почему в тех или иных родословиях пропадают или появляются отдельные лица, поколения и ветви родов, практически не ставился. А только решение этого вопроса сможет осветить идейную направленность родословий.

Кроме того в русской историографии надолго утвердилось мнение о частном происхождении родословных книг и значительном частном элементе в их записях, что приравнивалось к понятиям «недостоверный», «фантастический». Такая постановка вопроса сразу исключала из поля зрения исследователя основной комплекс сохранившихся рукописей.

Предпринятое автором настоящего сообщения изучение всего известного комплекса родословных книг XVI—XVII вв. позволило установить связь между дошедшими до наших дней списками, определить их редакции, взаимосвязь рукописей внутри редакций и взаимовлияние различных редакций. Такое исследование позволяет проследить эволюцию различных редакций родословных росписей в разных редакциях родословных книг на протяжении всего времени их существования¹.

Для родословий, составленных и отредактированных в XVI—третьей четверти XVII в., характерны два типа росписей. Первый тип — княжеских и боярских родословий — представляет поколенный перечень членов одной семьи с отдельными биографическими заметками; во втором — великокняжеских родословиях — основное внимание уделено происхождению и истории дома, им присущ

литературный элемент, записываются не только биографические сведения, но и характеристики персонажей, резюме политического характера и пр.

В русских родословных книгах эта тенденция имеется в пяти росписях княжеских родов: московского великокняжеского дома, литовских князей, молдавских, рязанских великих князей и отчасти князей Глинских.

Роль, которая при московском великокняжеском дворе XV—XVI вв. отводилась родословию литовских князей, видна из окружения, в котором оно выступает.

Первоначально мы встречаем это родословие в составе Сказания о князьях владимирских и Послания Спиридона-Саввы вместе с историей великих князей владимирских.

В 30-е годы наряду с родословиями московских великих князей, молдавских, рязанских и другими великокняжескими родословиями литовское родословие включается в число дополнительных статей в Воскресенскую летопись².

С 40-х годов XVI в., времени создания первых родословных книг, и до конца XVII в. родословие литовских князей является самостоятельной главой во всех редакциях родословных книг. В XVI в. это родословие неоднократно редактировалось, в его историческую часть вносились изменения, и само употребление в разное время тех или иных его редакций, делающих разные акценты на взаимоотношениях Литвы с Москвой и Тверью, происхождении литовских князей, религиозных и территориальных вопросах, говорит, что ему придавалось определенное политическое значение.

В советской историографии последних десятилетий отмечался интерес к истории Литвы, проявившийся в русском летописании XIV—XVI вв.³ Причем В. Т. Пашуто подчеркивал, что этот интерес связан не столько со сбором новых фактов, сколько с осмыслением и интерпретацией давно известных в интересах политики московских великих князей⁴. В значительной мере это положение можно отнести и к генеалогии литовских великих князей.

Ее составители не стремились собрать как можно большее число фактов — их круг не выходит за рамки московского летописания XV—XVI вв. Польские источники — хроника Бельского, Стрыйковского — эпизодически

использовались в редакциях родословий второй половины XVI в., и лишь в части, касающейся борьбы между наследниками Гедимина⁵. Причем эти заимствования из хроник не меняли основной концепции родословной легенды.

Очевидно, в XVI в. на его редактирование влияли три фактора: 1) внешнеполитический — отношения Литвы с Россией, 2) генеалогический — родственные связи московского правящего дома с литовскими великими князьями, 3) вассально-служебный — со второй четверти XVI в. при московском дворе сложилась значительная прослойка служилых князей, ведущих свое родословие от литовского великокняжеского дома и занимавших на Руси положение, близкое к положению удельных князей московского дома⁶. Отдельные представители этих семей играли ведущую роль в государственном аппарате России на протяжении всего XVI в.⁷

Во всех редакциях родословия литовских великих князей обязательно присутствуют четыре элемента, раскрывающие их политическую направленность.

Прежде всего — это вопрос о происхождении литовских князей, который является основой любого генеалогического документа. Следующий круг сведений связан с проблемой принятия христианства и отражает происходившую в то время борьбу православной и католической церкви в Литве. Немногочисленные, но специфические сведения есть в них о создании территории Литовского государства и, наконец, заимствованные из других источников, но весьма любопытные по контексту характеристики литовских князей.

Основным идейным вопросом всякого средневекового родословия, особенно великокняжеского, является вопрос о родоначальнике, о происхождении рода. Как правило, им должен быть выехавший в данную землю потомок римских императоров или представитель знатного рода. Согласно этой традиции средневековой генеалогии, на Руси великие князья киевские, а позднее — московские были потомками римских императоров. Эта идея была сформулирована в конце XV в.⁸ и окончательно закреплена в первой четверти XVI в. Сказанием о князьях владимирских⁹. Русские родословия XVI в. придерживаются только этой версии. Та же тенденция наблюдается в родословии молдавских князей, составленной в конце

XV в. в связи с замужеством и прибытием в Москву Елены Стефановны Волошанки¹⁰. Литовские летописи XV в. говорят о «римском» происхождении литовских великих князей¹¹. Таким образом, для Руси, как и для некоторых соседних стран, родоначальник правящего дома выехал из Рима.

Составители московской редакции родословия литовских князей знали «литовскую» версию об их родоначальнике и даже заимствовали отдельные факты из источников, связанных своим происхождением с Литвой, но концепция происхождения литовских князей в них двуединая, к тому же она чисто московская: литовские великие князья считались потомками смоленских князей или слуг смоленских князей.

Эта версия появилась впервые в родословии литовских князей, составленном в существовавшем параллельно со Сказанием о князьях владимирских, позднее она была закреплена в Государеве родословце 1555 г.

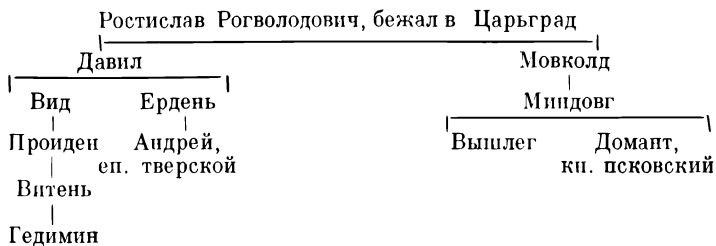
Самый ранний вариант конца XV в. (Чудовская повесть) начинает род литовских князей с 1293 г. (6801), когда «по пленении безбожного царя Батыя бежа от плена неки князь именем Витенец рода смоленского князя Ростислава Мстиславича и вселися в Жемоти у некаего бортника»¹². На вдове Витеня женился его «раб конюшец именем Гегименик»¹³, и от него пошли литовские князья. Аналогичный текст находится в Послании Спиридона-Саввы и Сказании о князьях владимирских.

В 40-е годы XVI в. редакция родословных книг, предшествовавшая Государеву родословцу, а затем и Государев родословец «удревяняют» родословную роспись литовских князей до 1129 г. (6637), когда Литва, платившая до этого дань полоцким князьям, «а владома своими гедманы»¹⁴, призывает из Царьграда потомков полоцкого князя Ростислава Рогволодовича — Давила и Мовколда, из которых Давил стал первым литовским князем¹⁵.

Таким образом, по русскому родословию, между Мовколдом, призванным в Литву около 1129 г., и его сыном Миндовгом, умершим в 1265 г.¹⁶, хронологический разрыв примерно в 130 лет. Эта московская версия о происхождении литовских князей не согласована с помещенным в тех же родословных книгах родословием смоленских князей, где также записан Ростислав Рогволодович.

Следовательно, мы можем с большой вероятностью говорить об определенной концепции, а не изложении исторических фактов. Такая концепция приравнивала выехавших в конце XV—XVI в. литовских князей Гедиминовичей к русским княжеским домам и уравнивала права литовских и московских правителей на смоленские, полоцкие и черниговские земли.

В этой редакции родословия записываются по прямой линии от полоцких князей Рогволодовичей все литовские князья (6 поколений), известные русским летописям¹⁷.

В 60-е годы XVI в. в родословиях всплывает версия, впервые появившаяся в конце XV в. в Чудовской повести и в Послании Спиридона-Саввы, а затем записанная вместе со Сказанием о князьях владимирских, по которой Гедимин не сын, а конюший (иногда конюх) Витеня.

В этой редакции родословной росписи существуют две тенденции — подмосковная и протверская, из которых протверская, как полагает ряд исследователей, восходит к литературе Твери XV в.¹⁸ Согласно ей, великий князь тверской Александр Михайлович, заботясь о восстановлении Руси, разоренной татарским нашествием, послал некоего Борейка в Волынскую землю, а Гедими́на — на Неман. Гедимин, «слободщик великого князя», обогатился и стал называть себя великим князем литовским. Эта же редакция говорит о вассальной зависимости Ольгерда от тверского князя Михаила Александровича и принятии им титула великого князя после женитьбы на тверской княжне Ульяне¹⁹.

В более смягченном виде эта идея перешла в родословные книги второй половины XVI — начала XVII в. Здесь также говорится о том, что тверской князь послал Гедими́на на Неман, но в преамбуле рассказа радетелями

о Русской земле названы два князя — тверской и московский²⁰. Родословные книги никогда не пишут о зависимости Ольгерда от тверского князя, а инициатива его женитьбы на Ульяне приписана московскому князю Симеону Гордому²¹.

Публицистическая заостренность первого родословия, составленного в годы борьбы при московском великокняжеском дворе в конце XV в. различных группировок и обострения в это же время русско-литовских отношений²², во второй половине XVI в. была снята. —

Но Ливонская война и события начала XVII в. вызвали к жизни в родословных книгах этот ранний вариант происхождения литовских князей.

Не менее важное место занимает в родословии литовских князей вопрос о принятии православия и борьбе православной и католической церковей.

Из-за тенденциозности генеалогического вопроса о происхождении литовских князей получилось, что потомки православных смоленских князей в Литве стали язычниками. Эту неувязку составители родословия возмещают подробным описанием отдельных моментов их крещения.

Все родословия, начиная с редакции конца XV в., говорят о крещении Нариманта, причем версия едина: его выкупил из татарского плена московский князь Иван Данилович, он крестился по своему обещанию, вернулся в Литву, где ему не дали княжения, и ушел в Новгород²³. Начиная с Государева родословца, родословные говорят и о крещении литовского князя Довмонта в связи с его приходом в Псков²⁴.

Но особое внимание уделено двум князьям — Ольгерду и Войшелку (Вышлэгу).

Ранняя редакция (Чудовская повесть и Сказание о князьях владимирских), начинающаяся с Витеня, говорит, естественно, о крещении Ольгерда, вся инициатива которого приписана его жене — тверской княжне Ульяне²⁵. Здесь же Ягайло выступает как антитеза Ольгерду: он «впаде в латынскую прелесть» и «бысть советник и друг безбожнику царю Мамаю, его же побил за Доном благоверный князь великий Дмитрий Иванович»²⁶.

В Государевом родословце, наоборот, ничего не говорится о крещении Ольгерда и Ягайлы, но большое место уделено Войшелку (Вышлэгу)²⁷. Родословные берут здесь некоторые черты раннего летописания²⁸, но составляют

самостоятельный рассказ, где основное внимание уделено отношениям Войшелка, его отца Миндовга и христианской жизни Войшелка. Московская ориентация видна и в том, что Войшелк жил в монастыре на Афоне, «славя святую Троицу» — один из наиболее почитаемых московских культов XV—XVI вв. Раннее русское летописание излагает историю его крещения иначе²⁹.

В поздних родословиях последней четверти XVI — начала XVII в. оба эти рассказа объединены. Возможно, такое усиление в поздних редакциях родословий вопроса о первых православных литовских князьях следует рассматривать как реакцию московского правительства на борьбу католической и православной церквей в Литве именно в то время.

И только один православный литовский князь выступает в русских родословиях в качестве отрицательного героя — это сын Ерденья тверской епископ Андрей, который «на Петра чудотворца волнение учинил», «писал на чудотворца лживые словеса»³⁰.

Сравнительно небольшое, но пристальное внимание уделяют родословия территории Литвы. Это связано с вопросом происхождения литовских князей. Государев родословец и все более поздние редакции родословных книг, которые начинают род литовских князей от полоцких, пишет, что в начальный момент истории литовские города «иже суть ныне за краем, обладаны князми киевскими, иные черниговскими, иные смоленскими, иные полоцкими»³¹. Таким образом, происхождение литовских князей от киевских подтверждается и территорией их государства, издавна входившей в сферу влияния потомков киевских великих князей, старшей ветвью которых в XVI в. были московские великие князья.

Основное расширение территории связано здесь с именами Вида, который завоевал Деревскую землю, его сына Пройдена (Тройдена), присоединившего ятвяг, и Витеня, расширившего владения до Буга³². Никакого своего отношения к расширению владений составители родословия не высказывали, так как это земли младшей ветви киевских князей.

Иное отношение к этому вопросу у составителя ранней редакции родословия литовских князей (Чудовская повесть и Сказание о князьях владимирских), где нет непосредственной преемственности между смоленскими

князьями и Гедимином. Гедимин здесь обманом завладел городами, бывшими под властью Киева, и назвался великим князем, пользуясь «русских государей несогласием и междусобными бранями»³³. В этой же редакции говорится о деятельности Витовта по расширению территорий: он срубил Киев и Чернигов, взял Брянск и Смоленск. «И отступиша к нему вси князи пограничныя со отчинами от Киева даже и до Фоминьска...»³⁴ Здесь более четко проводится положение о притязаниях московского правительства на часть пограничных с Литвой земель, что связано с русско-литовскими отношениями начала XVI в. В родословных книгах третьей четверти XVI в. «территориальный момент» развития не нашел. Их положение о родстве московских и литовских князей было более гибким.

Общая эволюция родословия великих князей литовских в родословных книгах XVI в. представляется следующей.

В конце XV — начале XVI в. на Руси была составлена первая редакция этого родословия, находившаяся в составе Чудовской повести и перешедшая потом в Послание Спиридона-Саввы. Это родословие носит острый полемический характер, подчеркивая неродословное происхождение литовских князей, их связь с московскими и тверскими князьями и обманный захват земель, принадлежащих потомкам киевских князей.

В 30—50-е годы сначала в Воскресенской летописи, а потом в первых родословных книгах появляется новая редакция росписи литовских князей. Они становятся потомками смоленских князей и равными с московскими князьями владельцами Литовской земли. Эта редакция закрепляется Государевым родословцем и существует в родословных, связанных своим происхождением с ним.

В своей фактической части (борьба полоцких Рогволодовичей с Мстиславом Владимировичем, биографические сведения о князе Миндовге и Войшелке и др.) это родословие опиралось на русские (преимущественно московские XV в.) летописи, но отбирало и интерпретировало факты совершенно самостоятельно.

В середине XVI в. происходит расслоение родословия литовских князей на две части, связанное с тем, что при московском великокняжеском дворе образуется довольно большая прослойка Гедиминовичей (князья Бельские, Го-

лицыны, Мстиславские, Трубецкие и др.)³⁵. В родословии выделяются повествовательно-легендарная часть и росписи находящихся при московском дворе потомков литовских князей. В редакциях родословных книг второй половины XVI в. эти части иногда составляют две самостоятельные главы и развиваются независимо одна от другой. Иногда «историческая» часть просто отбрасывалась и оставались одни росписи.

В части, связанной с изложением ранней истории Литвы, наблюдаются в это время две тенденции, существующие до конца XVI — начала XVII в. Прежде всего эта часть дополняется за счет хроник и литовских летописей, из которых в родословие включается подробный рассказ о борьбе князя Кейстута и его сына Витовта с Ягайло, но концепция происхождения литовских князей остается независимой от этих хроник.

Кроме того, существование двух версий о происхождении литовских князей — от Витеня и от полоцких князей — приводит к тому, что в отдельных родословиях они соединяются вместе, т. е., доводя родословие от Давила до Гедимины, родословцы сообщают, «а в иных летописцах пишет», что Витень был из рода смоленских князей, гром его убил бездетным, а Гедимин был его конюший³⁶.

Для родословий второй половины XVI в. характерен и наиболее полный круг биографических известий, связанных с принятием в Литве христианства, где также видна самостоятельная тенденция родословных книг в подборе и освещении фактов.

В конце XVI — начале XVII в., в период обострения русско-польских отношений, в родословных книгах вновь появляется та политическая направленность родословия, которая была присуща редакции конца XV в. Распространение этих родословий, как видно из тех же родословных книг, связано с именами московского патриарха Гермогена и Филарета Никитича Романова.

Таким образом, на протяжении XVI в. историческая часть родословия литовских князей в русских родословных книгах, освещающая ранний этап истории Литвы и составленная на основе летописей, носила самостоятельный политический характер, варьируясь в зависимости от общей политики московского правительства.

Остается добавить, что по манере излагать исторические события и своей направленности это родословие не

одинок, а может быть связано с такими, как родословия московских великих князей, рязанских великих князей и молдавских великих князей, также помещенные в родословные книги.

- ¹ *М. Е. Бычкова.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. Дисс. на соискание ученой степени канд. исторических наук. М., 1968.
- ² Подробнее см.: *С. А. Левина.* К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В. В. Лаптева «Воскресенская летопись». «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIII. М.—Л., 1957.
- ³ *М. А. Ючас.* Русские летописи XIV—XV вв. как источник по истории Литвы. «Труды Академии наук Литовской ССР», серия А, № 2(5), Вильнюс, 1958; *В. Т. Пашуто.* Образование Литовского государства. М., 1959.
- ⁴ *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., стр. 63—67.
- ⁵ Как отметил А. И. Рогов, интерес к польским хроникам возрос в России во второй половине XVI в. (*А. И. Рогов.* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского. «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1967). Это положение соответствует и нашим наблюдениям над родословием литовских князей.
- ⁶ *С. Б. Веселовский.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. «Исторические записки», т. 22. М., 1947; *А. А. Зимин.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. «Археографический ежегодник за 1968 г.». М., 1970.
- ⁷ *И. И. Смирнов.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958; *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *И. Б. Греков.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963; *С. М. Каштанов.* Социально - политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967; *Р. Г. Скрынников.* Начало опричнины. Л., 1966; *он же.* Опричный террор. Л., 1969; *С. Б. Веселовский.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969 и др.
- ⁸ *А. А. Зимин.* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964, стр. 34—36; *он же.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. «Феодальная Россия во всемирно - историческом

- процессе. Сборник статей, посвященный Л. В. Черепнину». М., 1972.
- ⁹ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 85—86, 94—96 и сл.
- ¹⁰ А. В. Болдур. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи. «Археографический ежегодник за 1963 г.», М., 1964.
- ¹¹ ПСРЛ, т. 17. СПб., 1907, стб. 227—229, 238—241 и сл.
- ¹² Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 201. В 1293 г. был опустошительный набег на Русь «Дюденевой рати» (ПСРЛ, т. 1, М., 1962, стб. 527).
- ¹³ Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 201.
- ¹⁴ ПСРЛ, т. 17, стб. 593; ср.: «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих», ч. I. М., 1787 (далее — Бархатная книга), стр. 28.
- ¹⁵ Под 1129 г. летописи сообщают об изгнании в Царьград полоцких князей Рогволодовичей Мстиславом Владимировичем Мономахичем (ПСРЛ, т. 7, СПб., 1856, стр. 28—29; т. 25. М.—Л., 1949, стр. 31), и этот факт под той же датой записан в родословных.
- ¹⁶ ПСРЛ, т. 7, стр. 165.
- ¹⁷ ПСРЛ, т. 17, стб. 593—595. Опубликован текст по списку редакции, непосредственно предшествовавшей Государеву родословцу, это же родословие повторено в Государевом родословце (Бархатная книга, ч. I, стр. 28—30) и редакциях, составленных на его основе (см.: М. Е. Бычкова. Обзор списков родословных книг XVI—XIX вв. «Археографический ежегодник за 1966 г.». М., 1968).
- ¹⁸ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 388—390; А. А. Зимин. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в., стр. 133. Ср.: ПСРЛ, т. 17, стб. 603—604.
- ¹⁹ Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 166—167, 169.
- ²⁰ ПСРЛ, т. 17, стб. 603.
- ²¹ Там же, т. 17, стб. 604.
- ²² С. М. Кашианов. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в., стр. 79—169.
- ²³ ПСРЛ, т. 17, стб. 590, 595, 609. Отличие разных текстов здесь только в том, что по более раннему варианту — Чудовской повести — ему не дали княжения братья и он ушел в Новгород (Р. П. Дмитриева. Указ. соч., стр. 202—203), а по более позднему — Государеву родословцу — его не приняла «вся земля Литовская» и он ушел в Великий Новгород «на пригороды» (ПСРЛ, т. 17, стб. 595). Летописи говорят о княжении Наримонта «на новгородских пригородах» в 1333 г., но причина его прихода здесь иная (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 345—346). В Воскресенской летописи это известие записано под 1265 г., где в летописный рассказ сделана вставка из родословия литовских князей, совпадающая с редакцией Государева родо-

- словца (ПСРЛ, т. 7, стр. 165; ср.: т. 25, стр. 145).
- ²⁴ ПСРЛ, т. 17, стб. 595.
- ²⁵ Там же, стб. 591—592; *Р. П. Дмитриева*. Указ. соч., стр. 203—204.
- ²⁶ ПСРЛ, т. 17, стб. 592; *Р. П. Дмитриева*. Указ. соч., стр. 204.
- ²⁷ ПСРЛ, т. 17, стб. 593—594; ср.: Бархатная книга, ч. I, стр. 28—29.
- ²⁸ ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стб. 828—859 и сл.
- ²⁹ В частности, в ранних летописях подчеркивается, что Войшелк не смог добраться до Святой горы, жил в Болгарии, а потом основал монастырь в Литве (ПСРЛ, т. 2, стб. 830—831).
- ³⁰ ПСРЛ, т. 17, стб. 593. Это версия Государева родословца.
- ³¹ Там же, стб. 593, 601.
- ³² Там же, стб. 595, 602.
- ³³ *Р. П. Дмитриева*. Указ. соч., стр. 202, 180; ПСРЛ, т. 17, стб. 589.
- ³⁴ *Р. П. Дмитриева*. Указ. соч., стр. 204, 181.
- ³⁵ В одной из редакций родословных 40-х годов, чье составление связано с деятельностью правительства Шуйских, политических противников Гедиминовичей Бельских, родословие литовских князей отсутствует. См.: *М. Е. Бычкова*. Родословные книги середины XVI в. «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 16. М., 1961.
- ³⁶ Распространение этой версии во второй половине XVI в. можно связать не только с самым ранним московским родословием великих князей, но и с тем, что аналогичный рассказ встречается в юго-западных летописях, но связан не с Гедимином, а с Вите-нем (ПСРЛ, т. 17, стб. 256, 309 и др.).

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ КОНЦА XIV В.

И. Б. Греков

XIV век в истории Восточной Европы оказался, как известно, веком, во многих отношениях переломным. В закономерном историческом развитии польских, русских и литовских земель именно в этот период силы феодальной концентрации одержали верх над силами феодальной раздробленности, именно тогда наметилось утверждение ряда крупных феодальных государств. Весьма характерным для этой переломной эпохи было и то обстоятельство, что возникшая тогда же тенденция создания этнически однородных «национальных» государств на базе возрождения этнического и политического облика восточноевропейского пространства X—XII вв. столкнулась с тенденцией образования многонациональных государственных объединений, тенденцией, восторжествовавшей на рубеже XIV—XV вв. и подготовившей условия для складывания той новой политической карты Восточной Европы, которая просуществовала с некоторыми отклонениями около четырех столетий. Весь этот комплекс проблем не может стать предметом специального рассмотрения в краткой статье.

Перед нами цель, значительно более скромная: проследить взаимодействие политической и идеологической жизни феодальной Руси в конце XIV в., выявить взаимосвязь между процессами консолидации русских земель и развитием возникавшей тогда историко-публицистической литературы.

Нужно признать, однако, что и для рассмотрения указанного частного сюжета необходимо учитывать магистральные пути исторического развития стран Восточной Европы XIV в. Следует иметь в виду, в частности, отдельные аспекты политической истории указанных земель той эпохи, а также некоторые весьма существенные, на наш взгляд, тенденции международной жизни Восточной Европы в данный период. Так, если иметь в виду интересующие нас аспекты политической жизни

польских, русских и литовских земель в XIV в., то следует прежде всего говорить о существовании в рассматриваемое время общих линий их закономерного развития, об общей для них борьбе сил феодальной раздробленности с силами феодальной концентрации, о совместном прохождении в процессе феодальной концентрации сначала стадии «полицентризма», а затем стадии становления сравнительно крупных государственных образований. Но при этом нельзя упускать из виду того обстоятельства, что в поступательном, «параллельном» движении восточноевропейских стран рассматриваемого времени наряду с чертами определенного сходства имелись и некоторые признаки своеобразия, в частности наметился различный темп в прохождении одних и тех же стадий их закономерного развития.

Так, феодальная Польша уже на рубеже XIII—XIV вв., как показали работы Башкевича, Бардаха и Гейштора, весьма многого добилась на пути преодоления полицентризма и восстановления своего бывшего единства, на пути консолидации этнически однородных территорий и создания такого типа «национального» государства, которое имел в виду Ф. Энгельс, когда писал, что «тенденция к созданию национальных государств... является одним из важнейших рычагов прогресса в средние века»¹.

В исторической жизни русских земель данного периода те же процессы феодальной концентрации и объединения этнически однородных территорий в силу ряда конкретно-исторических причин протекали медленнее и в несколько иных формах.

Указанная тенденция давала себя знать сначала в процессах преодоления «полицентризма» Русской земли, а потом в ходе параллельного вызревания двух обширных феодальных государств — великого Владимирского княжения и Великого княжества Литовского и Русского (именно так чаще всего это последнее княжество называлось в актах и летописях XIV — начала XV в.).

Если Владимирское княжение, развивавшееся тогда на этнически однородной территории Северо-Восточной Руси, совершенно определенно выдвигало программу восстановления былой целостности Русской земли, то в сущности и Великое княжество Литовское и Русское, несмотря на свою многонациональную структуру, также придерживалось этой программы.

Но, признавая общность их развития в XIV в., а также факт их параллельной борьбы за все древнерусское наследство, мы должны еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что процесс консолидации русских земель в целом протекал значительно медленнее, чем аналогичный процесс в феодальной Польше.

Тот факт, что во главе литовско-русского феодального государства находилась литовская династия, не менял в данную эпоху характера его политики по отношению к Русской земле, отнюдь не устранял параллелизма в тогдашней исторической жизни этих двух княжений.

В поисках причин отмеченного отставания мы должны обратиться к некоторым важным явлениям международной жизни Восточной Европы XIV столетия.

И действительно, мы хорошо знаем, что международный фактор сыграл важную роль в политических судьбах феодальной Польши XIII—XIV вв. Так, в польской историографии давно отмечалось, а в публикуемых здесь работах Г. Ловмянского, Р. Хека, К. Мыслинского еще раз убедительно показано, что именно из-за неблагоприятной международной обстановки, в частности из-за усиления натиска германских феодалов в конце XIII — начале XIV в., Силезия, Западное Поморье и некоторые другие польские земли не были включены в состав воссоединяемого тогда Польского государства.

Но международный фактор сыграл еще более существенную роль в историческом развитии русских земель того времени. Особо важное значение в данном случае имела политика Ордынской державы в Восточной Европе, дальновидная и скоординированная политика, главной целью которой было удержание власти над всем восточноевропейским пространством. Весьма существенной для раскрытия нашей темы оказывается фиксация некоторых приемов этой ордынской политики, в частности приемов, определявшихся стремлением Орды сохранять свою власть в этой части Европейского континента и получать здесь максимальные «выгоды» не путем непрекращавшегося террора, не путем ломки происходивших на этих землях закономерных исторических процессов, а путем приспособления к ним, точнее говоря, путем использования возникавших тогда в политической жизни восточноевропейского пространства противоречивых тенденций, сначала только в форме поощрения противоречий между силами

феодалной раздробленности и силами феодалной концентрации, а потом в связи с постепенным вызреванием крупных политических объединений и возникновением реальной возможности поглощения на общерусской основе одного такого объединения другим — и в форме иногда скрытого, а иногда прямого столкновения их друг с другом, в форме поддержания искусственного равновесия между ними.

Эти последние приемы ордынской политики, не вытесняя старых методов, стали с середины XIV в. особенно широко применяться по отношению к Владимирскому княжению, к Великому княжеству Литовскому, а также в какой-то мере и к Польше Казимира Великого. Все эти приемы получали подтверждение как в практике выдачи ярлыков князьям всех частей Русской земли, так и в конкретной деятельности ордынской дипломатии на территории Владимирского княжения и Великого княжества Литовского в случаях столкновения этих княжений и поощрения Ордой распрей внутри названных политических объединений. В этом умело проводившемся выравнивании сил различных государственных образований на территории Восточной Европы Орда практиковала периодическую смену своих «фаворитов». Как только в результате ордынской поддержки одна из соперничавших сторон чрезмерно усиливалась, Орда отказывала ей в особом покровительстве и вставала на путь большего благоприятствования слабой стороне, поощряя ее политические и территориальные претензии как в отношении пояса «нейтральных» княжеств, так и в отношении всей Русской земли.

Но сколь бы изощренными ни были все эти методы восточноевропейской политики Орды во второй половине XIV в., эффективность их постепенно падала, и этот факт стал особенно заметным в конце 60-х — в 70-х годах XIV в., когда процессы феодалной концентрации достигли весьма значительной интенсивности на землях Владимирского княжения.

Именно об этом этапе развития Владимирского княжения Рогожский летописец писал, что «на Москве начали ставить город камен и надеяся на свою на великую силу, начаша приводити в свою волю князи Русьским, а который начал не повиноваться их воле (т. е. воле Москвы.— *И. Б.*), на тях начали посягати злобою»^{1а}.

Тогда же, в 1374 г., был созван вопреки воле Орды съезд русских князей в Переславле, провозгласивший оправдание дальнейшей консолидации русских земель, необходимость борьбы с Ордынской державой. Именно тогда, точнее в 1375 г., был предпринят успешный поход против тверского князя Михаила, оказавшегося в тот момент по воле Орды номинальным обладателем владимирского стола, а также союзником Литвы.

Именно в эти годы начались и открытые столкновения московско-нижегородских войск с ордынскими силами на Средней Волге (в районе Булгара, на реках Пьяне и Воже).

Можно даже говорить о том, что в третьей четверти XIV в. в восточноевропейской политике Орды наступил своего рода кризис, обусловленный отчасти вспышками феодальной анархии в самой Ордынской державе, но главным образом значительным усилением Владимирского княжения.

Неудивительно, что в этих условиях Орда сделала все, чтобы преодолеть возникший кризис, ликвидировать чрезмерное усиление Москвы и восстановить столь необходимое ей равновесие между ведущими государствами Восточной Европы.

Реализация этого плана, однако, натолкнулась, как известно, на активное противодействие антиордынских сил феодальной Руси, которые возглавил тогда московский князь Дмитрий. Оказавшись накануне решающей схватки с Ордой перед фактом выхода из антиордынской «коалиции» Рязани, Нижнего Новгорода и Великого Новгорода, князь Дмитрий Иванович все же сумел компенсировать эти потери установлением политических контактов с рядом видных князей литовской Руси, в частности с Андреем Полоцким, Дмитрием Брянским, Дмитрием Волынским, а также в какой-то мере с самим великим князем Кейстутом, что и сыграло свою роль в решительной победе русских войск на Куликовом поле в 1380 г.

Изучая последовавший вслед за Куликовской битвой период, можно установить совершенно определенную зависимость темпа и масштабов объединительных процессов, происходивших на русских землях, от реальной расстановки сил на международной арене, в частности — от той или иной активности Ордынской державы. Так, оказалось оче-

видным, что резкое ослабление Орды, последовавшее после Куликовской битвы, придало объединительному процессу русских земель небывалый размах, а постепенное восстановление сил Ордынской державы, наметившееся после воцарения Тохтамыша, привело сначала к ослаблению интенсивности процесса консолидации Руси, к сокращению масштабов этого процесса, а потом парализовало попытки сближения Дмитрия Донского с литовским князем Ягайло (1384 г.), тем самым создав условия для форсирования и Польско-литовской унии 1385 г. и, возможно, для преодоления таким путем кризиса восточноевропейской политики Орды, который наметился еще в 60—70-х годах XIV в.

Отмечая причастность ордынской дипломатии к созданию благоприятных условий для форсирования Кревской унии, мы должны признать, что Орда сыграла свою роль в торжестве тенденции формирования многонациональных государств в Восточной Европе. Но, фиксируя сам факт преобладания данной тенденции, мы не должны забывать живучести и противоположной тенденции — становления этнически однородных государств на территории Восточной Европы, в частности и тенденции сложения восточнославянского государства, проявлявшей себя тогда как в многократных попытках создания широкого антиордынского фронта русских княжеств, так и в различных вариантах противодействия унии — то в форме активизации так называемого «литовско-русского сепаратизма» и объединения всех русских земель «королевством Литвы и Руси», то в форме равноправного литовско-московского сотрудничества, то, наконец, в форме попыток консолидации русской земли вокруг Владимирского княжения.

Изучая сложный ход политической жизни Восточной Европы на рубеже XIV—XV вв., мы убеждаемся в том, что темп, масштабы, а иногда и сам характер указанных процессов во многом зависели от расстановки сил на международной арене и прежде всего от той или иной активности в данной части Европейского континента Ордынской державы, с одной стороны, и «западной» дипломатии, с другой.

Но, фиксируя разные формы воздействия международных сил на тогдашнее закономерное развитие восточноевропейских государств, мы не можем не отметить и другого весьма важного явления изучаемой эпохи — тесного взаимодействия политических и идеологических факторов в историческом развитии этих государств, не можем, в частности, не констатировать отражения упомянутых выше сложных политических процессов в синхронно создаваемой идеологической литературе. По сути дела, речь должна идти о существовании в данный период единого ритма политической и идеологической жизни восточноевропейских государств, о сложении своеобразной традиции ознаменовывать важнейшие события политического развития созданием специальных историко-публицистических произведений, в которых содержались не только ценные сведения об этих событиях, но и та или иная их концепционно-идеологическая интерпретация. Тогда же сложилась традиция создавать несколько памятников на одну и ту же тему, как правило, политически актуальную, например, — цикла произведений о Куликовской битве, различных вариантов повествования о нашествиях Тохтамыша, Едигея и т. д.

Объединенные общностью темы, эти памятники все же отличались друг от друга как некоторыми формальными показателями (разные жанровые решения, иногда неодинаковый объем информации), так и показателями более существенными (различная концепционная ориентация, отнюдь неоднозначная трактовка проблемы «исторических заслуг» тех или иных группировок феодального класса Русской земли и др.). Присутствие в указанных памятниках значительных концепционных различий подтверждало не только факт конфронтации ряда тенденций в политической жизни того времени, но и существование скрытой полемики между различными вариантами идеологического осмысления этих тенденций.

Такая роль историко-публицистических памятников данного периода, естественно, выдвигает задачу их специального рассмотрения, предполагает изучение их идейно-политической направленности, выявление их хронологии, авторства, связей с другими «родственными» документальными материалами эпохи и т. д.

Но, приступая к реализации этой задачи, мы должны отдавать себе отчет в том, что данный комплекс исто-

рико-литературных документов создавался в действительно сложный, противоречивый период исторического развития Восточной Европы, когда в условиях торжества сил феодальной концентрации, в обстановке напряженных политических конфликтов на международной арене происходило становление многонациональных государств, обуславливавшее постепенное обособление механически разъединенных частей Русской земли, а вместе с тем шла борьба за преодоление полицентризма Руси, за консолидацию всех этнически однородных восточнославянских территорий, соответствующими феодальными силами отстаивалась программа воссоздания единого восточнославянского государственного организма.

Такой диалектический характер восточноевропейского исторического процесса на рубеже XIV—XV вв. свидетельствовал о том, что восточные славяне переживали переходный период своей истории, когда древнерусская народность еще отнюдь себя полностью не изжила, а в становлении трех братских народностей были сделаны только самые первые шаги, когда в языковом, культурном, социально-экономическом развитии различных частей Русской земли было все еще значительно больше общности, чем различий, когда вполне естественным поэтому было выдвижение феодалами Владимирского и Литовско-Русского княжений близких политических и идеологических программ, основанных на встречных устремлениях тех и других объединить все древнерусские земли вокруг «своих» государств.

Само наличие этих противоречивых тенденций в историческом развитии восточного славянства на рубеже XIV—XV вв. обязывает современного историка вести изучение указанных процессов во всей их диалектической сложности, а не в той искусственной «усеченности», которую навязывал долгое время нашей историографии при изучении исторического прошлого Восточной Европы «метод» М. С. Грушевского и его последователей.

Именно с учетом диалектической сложности, а также органической целостности восточноевропейского исторического процесса и должна подходить современная историческая наука к анализу серии дошедших до нас историко-литературных памятников, порожденных рассматриваемой эпохой, к основным этапам идеологической жизни феодальной Руси на рубеже XIV—XV вв.

В этом направлении уже многое сделано трудами А. А. Шахматова, С. К. Шамбинаго, М. Д. Приселкова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина, А. П. Насонова, В. Ф. Ржиги, К. Н. Сербиной, Л. А. Дмитриева, А. В. Соловьева, Р. П. Дмитриевой, А. А. Зиминой, М. А. Салминой, Ю. К. Бегунова и других исследователей.

Автор видит свою задачу в том, чтобы, опираясь на работы вышеназванных ученых, на опыт выявления тех или иных идейно-политических тенденций дошедших до нас памятников, углубить наши представления об отдельных этапах взаимодействия политической и духовной жизни русских земель в конце XIV — начале XV в.

1. Весьма важным и интересным этапом взаимодействия политической и идеологической жизни феодальной Руси оказался период, последовавший сразу после Куликовской битвы.

Как мы уже знаем, искусственно сдерживавшиеся Ордой в предшествующий период объединительные тенденции политической жизни Русской земли теперь, после куликовской победы и резкого ослабления ордынской власти над Восточной Европой, получили простор для своего развития. Интенсивность объединительного процесса выразилась во многом: в наметившемся сближении Москвы с Великим Новгородом, Рязанью, Нижним Новгородом, в установлении еще более тесных контактов Дмитрия Донского с Андреем Полоцким, Дмитрием Брянским, Кейстутом, в приезде весной 1381 г. в Москву в качестве общерусского митрополита Киприана, активного и влиятельного церковно-политического деятеля того времени.

Данный этап в идейно-политической жизни феодальной Руси уже привлекал внимание многих исследователей: еще в дореволюционную эпоху им интересовались С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматов, в последнее время к изучению его обратились М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин, В. Ф. Ржига, А. В. Соловьев, Л. А. Дмитриев и другие².

Справедливо считая послекуликовский период в истории Русской земли временем интенсификации идеологической жизни, А. А. Шахматов говорил о создании именно в 1381 г. специальной Московской летописи, а также о появ-

лении тогда двух внелетописных памятников на тему о Куликовском сражении. «Вскоре после Куликовской битвы, — писал А. А. Шахматов, — возникла в Москве повесть, посвященная прославлению великого князя и доблестной русской рати»³. Источниками этой Московской повести о Куликовской битве А. А. Шахматов считал Псалтырь, Чтение о Борисе и Глебе, Житие Александра Невского, Синодик и некоторые другие литературные тексты. Кроме того, Шахматов склонялся к мысли о почти синхронном составлении еще одного памятника, посвященного схватке русских войск с Мамаем, а именно: о создании тогда же при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича «Слова о Мамаевом побоище», целью которого, по его мнению, была апологетика самого князя Владимира Андреевича, а также тесно с ним связанных еще по событиям 1379 г. братьев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей⁴.

Однако изолированная жизнь этих концепционно различных произведений, по мнению автора, оказалась непродолжительной: по его утверждению, оба памятника, дополненные официальными реляциями о Куликовском сражении⁵, были тогда же соединены на страницах Московской летописи 1381 г.

Итогом такого синтеза А. А. Шахматов считал рождение обширной летописной повести о Куликовской битве, в которой, по его мнению, кроме изложения основных фактов кампании, основанных на официальной реляции, присутствовало восхваление «решающих» заслуг Дмитрия Донского, а также апологетика не менее «решающей» роли его политических партнеров — князя Владимира Андреевича, Дмитрия Волынского, братьев Ольгердовичей, что проявилось во вставных текстах о засадном полке, а также о поисках раненого Дмитрия Донского⁶.

Но, вполне обоснованно выделив 1381 год как год активизации идеологической жизни Русской земли, чутко уловив уже в первоначальных вариантах повествования о Куликовской битве наличие двух встречных концепционных тенденций (одной тенденции, связанной с прославлением московского князя Дмитрия Донского, другой — с апологетикой серпуховского князя Владимира Андреевича, братьев Ольгердовичей, Дмитрия Волынского), А. А. Шахматов предложил все же не вполне исчерпывающее, по нашему мнению, объяснение указанных явле-

ний. Так, связав возникновение упомянутых памятников с идеологической деятельностью двух самостоятельных княжеских группировок, объяснив соединение этих памятников на страницах московской летописи 1381 г. не усилившимся после Куликовской битвы процессом сращивания русских земель, не установившимся на основе этого процесса сотрудничеством Дмитрия Донского с митрополитом Киприаном, а просто фактом «дружбы» различных князей того времени⁷, А. А. Шахматов поставил себя в трудное положение: он оказался вынужденным придерживаться выдвинутой им концепции «раздельно-совмещенного» существования московской Повести и серпуховского Слова не только в момент их зарождения в 1381 г., но и на всех последующих этапах развития памятников Куликовского цикла.

««Куликовская битва», — писал А. А. Шахматов, — вызвала появление нескольких произведений: мы указывали на летописную повесть (1381 г.), официальную реляцию и «Слово о Мамаевом побоище». Дальнейшая история сюжета состояла в эволюции не одного какого-либо из этих произведений, а во взаимном их влиянии, с одной стороны, и в самостоятельном развитии Летописной Повести и Слова, с другой».

Если тезис А. А. Шахматова о сложении в 1381 г. двух концепционных тенденций, точнее, двух концепционно различных рассказов о Мамаевом побоище как основы всей последующей литературы о Куликовской битве имеет определенные исторические и текстологические обоснования (Список Дубровского сохраняет следы особого рассказа о Мамаевом побоище 1381 г., кроме того, имеются текстуальные совпадения соответствующих мест Списка Дубровского с таким памятником 1393 г., как «Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского») ⁸, то вывод данного исследователя о последующем самостоятельном развитии Повести московского происхождения и серпуховского «Слова о Мамаевом побоище» не получает необходимого подтверждения. Поэтому, приняв положение А. А. Шахматова об усилении идеологической деятельности на Руси в 1381 г., а вместе с тем и его тезис о возникновении на основе двух рассказов о кампании 1380 г. сводного памятника о Мамаевом побоище с широкой общерусской программой, мы склонны думать, что указанные рассказы о Ку-

ликовской битве если и существовали короткое время независимо друг от друга в 1381 г., то в дальнейшем продолжали свою жизнь в составе широко известных памятников Куликовского цикла, давая лишь материал для подчеркивания то одних, то других идейно-концепционных акцентов этих памятников.

Разумеется, учет того обстоятельства, что в основе как первоначальной повести о Мамаевом побоище 1381 г., так и всех последующих памятников этого цикла лежала порожденная самой политической жизнью послекуликовского периода широкая общерусская программа, а вместе с тем и скрытая конфронтация различных вариантов ее реализации, позволил бы А. А. Шахматову, возможно, не только развить свои наблюдения над сосуществованием различных концепционных тенденций в памятниках Куликовского цикла, но и выявить внутреннюю логику взаимодействия этих тенденций в указанных памятниках, установить более тесную связь усиления той или иной тенденции в сочинениях о Куликовской битве с соответствующими этапами политической жизни Восточной Европы в последние десятилетия XIV — начале XV в.

И хотя А. А. Шахматов, как мы видели, успел не все сделать в этом направлении, тем не менее он оказался, по нашему мнению, на верном пути. Его гипотезы об активизации в 1381 г. идеологической жизни феодальной Руси, о возникновении двух тенденций в освещении кампании 1380 г., выразившихся, по его утверждению, в создании двух рассказов о Куликовской битве (московской Повести и серпуховского Слова), его предположения о синтезировании их в Московском летописном своде 1381 г. представляются не только очень интересными, но и во многом убедительными.

В сущности эти положения А. А. Шахматова нашли косвенное подтверждение в трудах тех современных исследователей, которые доказали возникновение в 1381 г. ряда памятников, концепционно близких к гипотетическому сводному памятнику о Мамаевом побоище.

В данном случае речь должна идти, прежде всего, о работах Л. А. Дмитриева обосновавшего появление в 1381 г. второй редакции Жития митрополита Петра⁹, а также об исследованиях А. В. Соловьева¹⁰ и В. Ф. Ржиги¹¹, доказавших создание одного из вариантов широко известной «Задонщины» примерно в этот же отрезок времени.

Вписанный в идейно-политическую жизнь феодальной Руси 1381 г. такой памятник, как Житие митрополита Петра, приобретает особо важное значение и поэтому требует специального рассмотрения.

Созданное рукой самого Киприана Житие митрополита Петра являлось, как известно, переделкой написанного еще в конце 20-х годов XIV в. в Москве первоначального варианта Жития этого святого ¹².

Политическая тенденциозность вышедшего из-под пера Киприана Жития митрополита Петра выявляется особенно отчетливо при сопоставлении его с ранним вариантом этого произведения. Если в первоначальной редакции памятника сфера политического влияния Петра ограничивается Москвой и Суздальской землей, если здесь Петр в своей церковно-политической полемике не идет дальше споров с Тверью и вообще далек от широких общерусских масштабов ¹³, то в Киприановской редакции этого произведения политические горизонты митрополита Петра оказываются значительно более широкими: здесь отчетливо выступает тема единства всей Русской земли, тема объединения искусственно разобитенных ее частей и, наконец, тема сохранения единой общерусской церковной организации.

Если в первой редакции Жития и сам Петр, и его предшественник Максим фигурируют просто в качестве «митрополитов» ¹⁴, то во второй редакции они выступают в качестве обладателей «престола всея Руския земли» ¹⁵.

Сообщая о западнорусском, волынском происхождении Петра, о его контактах с волынскими князьями, об инициативе Волыни в отправке Петра на поставление в Царьград, Киприан вместе с тем уделял большое внимание деятельности Петра на московской почве в качестве главы всей русской церкви, в качестве «защитника всей русской земли», призванного молиться «о сохранении и о соблюдении русской земли» ¹⁶. Тем самым Киприан хотел не только провести параллель между своим перемещением из Киева в Москву и переездом Петра из Южной Руси во Владимир ¹⁷, но и подчеркнуть важную роль Москвы в политической жизни всей Русской земли в послеуликовский период, отметить большое значение резиденции Дмитрия Донского в активизировавшемся процессе консолидации русских княжеств.

Имеющаяся в историографии тенденция видеть в Петре киприановского Жития лишь патрона одной Москвы¹⁸ вряд ли правильна. Этому противоречит не только сам факт появления нового варианта Жития (если бы Киприан хотел изобразить Петра только московским святым, он мог удовлетвориться существовавшей уже первоначальной редакцией Жития 1327 г., в которой Петр выступал в этой роли¹⁹), не только констатация тесных связей Петра с Волынью, с западнорусскими землями, не только подчеркивание пребывания Петра на «престоле всея Рускыя земли», но, наконец, и то обстоятельство, что по инициативе Киприана имя Петра не как московского, а как общерусского святого было внесено в Киприановскую псалтырь. Под 21 декабря здесь была такая запись: «В тѣи же день преставися всесвященный архиепископ богоспасенного града Кіева и всея Руси Петр митрополит в лето 6834 (1326)»²⁰.

Стремление Жития придать деятельности Петра общерусский характер проявлялось не только в установлении тех или иных связей этого святого с различными центрами Русской земли, но также в осуждении попыток волынских князей выделить из состава общерусской митрополии галицко-волынскую церковь в виде самостоятельной митрополии²¹.

Подчеркнуто общерусский характер носило и другое произведение, созданное в первоначальном варианте, как показали исследования А. В. Соловьева и В. Ф. Ржиги, в 1381 г.²², — широко известная «Задонщина». Этот памятник давал совершенно четкое представление как о всей Русской земле, так и об отдельных ее частях, почти такое же четкое, как и возникший несколько позднее «Список русских городов», на что обратил в свое время внимание Л. В. Черепнин²³.

Последние исследования «Задонщины», предпринятые В. П. Адриановой-Перетц²⁴, Р. Якобсоном²⁵, Д. С. Лихачевым²⁶, Р. П. Дмитриевой²⁷, О. В. Твороговым²⁸, Л. А. Дмитриевым²⁹, Н. С. Демковой³⁰ и другими, позволяют говорить о существовании двух изводов в комплексе дошедших до нас списков рассматриваемого памятника, в частности позволяют выделить один извод (Унд.), представленный списками Ундольского, Исторического музея (И-1, И-2), списком БАН Ждановский (Ж)³¹, а также другой извод (Син.), представленный списком Кирил-

ло-Белозерского монастыря (К-Б) и списком Синодального собрания (С) ³².

Признавая вполне обоснованными эти общие выводы названных исследователей, мы считаем, что имеющиеся значительные расхождения между двумя группами списков «Задонщины» (расхождения художественно-стилевые и идейно-концепционные) позволяют говорить не только о реальном существовании двух различных изводов-редакций нашего памятника, но и о разном времени их возникновения: видимо, есть основания связывать с 1381 г. редакцию Унд., весьма близкую по идейной направленности к политической конъюнктуре феодальной Руси того времени, а извод Син. следует относить по некоторым его идейно-политическим акцентам к более поздней эпохе.

Исходя из такого понимания исторической роли двух указанных изводов-редакций нашего памятника, мы склонны думать, что усилившийся в послекуликовский период процесс объединения русских земель вокруг Москвы отражался, прежде всего, в первой редакции, представленной списками У, И-1, И-2, Ж (извод Унд.).

В самом деле, именно в данном комплексе списков «Задонщины» мы видим объединение русских княжеств под эгидой Москвы, тесный союз князей Северо-Восточной Руси (князей Залесской земли, Белозерско-Ярославского края) с князьями Западной Руси — полоцкими, северскими, волынскими, видим и символ связи этих двух княжеских группировок в лице князя серпуховского Владимира Андреевича, женатого на дочери Ольгерда. Мы сталкиваемся также с фактами некоторой переоценки политической активности Великого Новгорода в 1380 г. и вместе с тем с фактом полного замалчивания тогдашнего конфликта ведущих русских князей с Рязанью.

Весьма показательны, что и сам поход Мамаю в сторону только Залесской Руси объясняется в «Задонщине» не политической разобщенностью, расчлененностью русских земель, а лишь слабостью самого Мамаю.

Автор «Задонщины» напоминал, что могущественный ордынский царь Батый «воевал всю русскую землю от востока и до запада» ³³, а вот Мамай, владевший Залесской ордой, мог угрожать лишь отдельным частям Русской земли и, прежде всего, Залесской Руси. Но это объяснение вынужденно ограниченной стратегии Мамаю отнюдь не означало признания «Задонщиной» ограниченности

стратегических планов самой Руси в борьбе с ордынской опасностью. Одной из центральных тем «Задонщины», как мы знаем, была идея консолидации всех русских земель во имя противодействия ордынскому натиску, при этом «Залесская земля» и выступила в «Задонщине» в качестве форпоста всей Русской земли, в качестве ее ядра и объединяющего центра.

В этом смысле весьма характерным было то обстоятельство, что все консолидировавшиеся вокруг Москвы русские князья были названы в «Задонщине», с одной стороны, выходцами из «гнезда князя Владимира Киевского», «внуками» князя Владимира, наследниками князей Игоря и Ярослава, сродниками Бориса и Глеба, а с другой стороны, представлены как вассалы великого князя московского Дмитрия, как его политические сателлиты. «К славному граду Москве съехались все князи русские», «На Москве кони ржут, звенит слава по всей земле Русской...», — читаем мы в списках «Задонщины» первой редакции³⁴.

Неудивительно, что решающей силой в сражении на Куликовом поле оказались князья Северо-Восточной Руси и, прежде всего, Дмитрий Донской: «Князь Дмитрий наступает на рать силу татарскую», и от великого князя Дмитрия Ивановича «стези ревут, а поганые бежат»³⁵.

Видимо, не случайно, по утверждению списков извода Унд., Пересвет и Яков Ослебятин должны были погибнуть «за землю русскую, за великого князя Дмитрия Ивановича»³⁶; в списке С речь идет об их гибели за обиды не только Дмитрия Донского, но и князя Владимира Андреевича³⁷, а в списке К-Б — за общую обиду, как бы за обиды всех князей³⁸.

Весьма характерным для первой редакции «Задонщины» было раскрытие широкого международного фона событий 1380 г., подчеркивание того обстоятельства, что перед Русской землей тогда стояла не только задача борьбы с Ордой на Дону, на Волге и Оке³⁵, но также задача борьбы с турецкой опасностью на Дунае, между прочим, и во имя спасения Тырнова⁴⁰.

Мы имеем основания считать автором первоначального варианта «Задонщины» брянского боярина Софония Рязанца. Однако данный литературный памятник, особенно в его первой редакции, настолько идеологически близок ко второй редакции Жития митрополита Петра, а вместе

с тем и всей литературно-публицистической и церковно-политической деятельности Киприана 1381 — начала 1382 г., что возникает предположение о каком-то участии в создании «Задонщины» и самого митрополита Киприана. Тогдашний митрополит мог выступить и в роли заказчика этого произведения, оказавшегося необходимым в момент переезда Киприана из Киева в Москву и примирения Рязани с великим князем московским, в период создания широкого антиордынского фронта русских княжеств, а также первых попыток противодействия турецкому натиску на Дунае. Киприан мог быть и редактором этого сочинения.

Однако при каких бы обстоятельствах ни возникла «Задонщина» в 1381 г., для нас важно подчеркнуть, что она имела общую идейно-политическую основу со второй редакцией Жития митрополита Петра, а также другими памятниками, связанными так или иначе с той эпохой и с деятельностью Киприана начала 80-х годов XIV в. Если учесть, что создание «Задонщины» и Жития митрополита Петра перекликалось с произошедшей тогда же, в 1381 г., канонизацией Александра Невского⁴¹, а также с широким использованием Жития Александра Невского в литературных памятниках того периода, в частности, как предполагает А. А. Шахматов, в гипотетическом памятнике о Мамаевом побоище⁴², если учесть, что тогда же была сооружена церковь св. Дмитрия в Великом Новгороде и предпринята попытка создания Московского летописного свода⁴³, то картина резкой активизации духовной жизни феодальной Руси на общерусской основе при ведущей роли Москвы станет еще более полной.

2. Другой важный момент тесного взаимодействия политического и идеологического факторов в исторической жизни двух княжений оказался связанным с началом 90-х годов XIV в., когда вопреки совершившейся уже Кривской унии, провозгласившей программу создания многонациональных государств, в полной мере сохранила свою жизнеспособность и программа восстановления этнически однородного государства на общерусской основе, когда совместными усилиями Киприана, Василия I и Витовта была предпринята еще одна попытка установления тесного сотрудничества между Владимирским княжеством и Литовской Русью, еще одна попытка мобилизации сил различ-

ных частей Русской земли, нацеленной как на противодействие унии, так и на борьбу с ордынским господством в Восточной Европе. Мы считаем вполне естественным, что именно в этот период тесного политического сотрудничества двух княжений было создано, видимо, не без участия того же митрополита Киприана несколько литературных памятников общерусского плана, среди которых главное место занимал «Летописец великий русский». Не сохранившийся в своем первоизданном виде, он тем не менее не только несомненно существовал (на что, как известно, есть прямые указания в Троицкой летописи⁴⁴), но и, являясь обширным общерусским сводом, сыграл важную роль в дальнейшем развитии русского летописания.

Нам представляется, что заключительной частью этого свода, определявшей его идейную направленность, было «Слово о житии и преставлении князя Дмитрия Ивановича царя русского», созданное, как доказал А. В. Соловьев⁴⁵, рукой Епифания Премудрого не позднее 1393 г., т. е. в период завершения работ над «Летописцем великим русским». Для указанного памятника характерны, с одной стороны, присутствие широкой общерусской основы и программы восстановления целостности Древней Руси, а с другой стороны, признание ведущей роли Владимирского княжения в отстаивании этой программы, в частности, — в подаче московского князя в качестве «царя русского»⁴⁶.

Весьма существенно, что автор «Слова» подкрепляет авторитет главы «русского царства» Дмитрия ссылками не только на древнерусских князей Владимира, Ярослава, но также на московского князя Ивана Калиту, а кроме того, на «заступника русской земли, святителя Петра нового чудотворца». вполне естественным было также то обстоятельство, что автор широко использовал такие памятники древнерусской литературы, как «Слово о законе и благодати» Илариона, Повести об Александре Невском, о разорении войсками Батыея Рязани и т. д.⁴⁷

В состав «Летописца великого русского» входили и произведения общерусской направленности: Пространные редакции «Повести о Куликовской битве» и «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву», которые мы читаем теперь на страничках Новгородской IV, Софийской I, Типографской, Воскресенской и ряда других летописей⁴⁷.

Присутствие Пространной редакции «Повести о Куликовской битве» в своде начала 90-х годов подтверждается не только наличием в этом варианте памятника широкой общерусской основы, фиксацией обширного круга участников Куликовской битвы — как из Залесской, так и из Литовской Руси, но вместе с тем и специфической трактовкой частных сюжетов эпопеи 1380 г., трактовкой, которая могла быть объяснена лишь воздействием реальной политической обстановки начала 90-х годов XIV в. — т. е. временем создания данного свода. Речь шла, во-первых, о подаче рязанского сюжета, приглушенного, как мы знаем, в «Задонщине» первого извода из-за московско-рязанского примирения, достигнутого в 1381 г., и «раздутого» в данной редакции Повести, видимо, по той причине, что именно в начале 1390 г. Рязань ⁴⁸ снова оказалась под контролем Орды и, следовательно, в конфликте с антиордынскими силами феодальной Руси того времени — триумвирами Киприаном, Василием, Витовтом, а во-вторых, речь шла о более сдержанном по сравнению с «Задонщиной» раскрытии заслуг серпуховского князя Владимира Андреевича на Куликовом поле — более сдержанном, видимо, из-за того, что в реальной политической жизни конца 80-х — начала 90-х годов возник какой-то кратковременный конфликт у серпуховского князя с московским князем Василием I. Таким образом есть основания считать, что именно Пространная редакция «Повести о Куликовской битве» (а не краткая) присутствовала в «Летописце великом русском».

Не исключено, что в этом же своде использован в качестве своеобразной политической карты Русской земли и «Список русских городов», тогда же, возможно, фигурировавший в переговорах Киприана с Константинополем ⁴⁹.

Итак, говоря о своде 1390—1392 гг., можно утверждать, что по своей идейной направленности, по своему реальному историческому содержанию этот свод был широкой общерусской летописью. Хотя «Летописец великий русский», как известно, не сохранился, тем не менее о его существовании говорит не только прямая отсылка Троицкой летописи, но и большое количество литературного материала, не попавшего в Троицкую летопись и воскрешенного последующим летописанием, в частности Полихроном Фотия. Однако среди летописных памятников есть и такие, которые непосредственно, как нам представ-

ляется, связаны со сводом 1390—1392 гг. и поэтому способны пролить дополнительный свет на идейное содержание «Летописца великого русского». Одним из них может, по нашему мнению, быть так называемая Суздальская летопись по академическому списку, особенно ее третья часть (1237—1418 гг.), вышедшая из канцелярии ростовского епископа Григория, известного сподвижника Киприана⁵⁰. Нам представляется неслучайным подчеркнутый интерес этой летописи к митрополиту Киприану и к той «общерусской» программе, которую он выдвигал в 80—90-е годы и отстаивал на рубеже XIV—XV вв. Так, Суздальская летопись неоднократно называет именно митрополита Киприана «преосвященным» в отличие от всех других упомянутых митрополитов⁵¹. Его появление в Москве в 1381 г. трактуется здесь как самостоятельный приход «в свою митрополию на Москву», где «князь великий Дмитрий принял его с великой честью» (в Троицкой же летописи Киприана пригласил в Москву сам князь Дмитрий). Его бегство из осажденной Тохтамышем Москвы в 1382 г. подается в Суздальской летописи, как незаконное изгнание митрополита, как причина мятежа в митрополии. Происшедшее же в 1389 г. возвращение Киприана из Царьграда в Москву отмечено здесь как важнейшее событие в жизни всей русской церкви, как событие, не только положившее конец мятежу в русской церкви, но и создавшее якобы расширенную русскую митрополию, в состав которой будто бы включена и митрополия Галицкой Руси. Любопытным представляется сообщение о рождении у Дмитрия Донского в 1382 г. сына Андрея, будущего можайского князя, патрона Белозерско-Ярославского края с 1389 г., сотрудничавшего с Киприаном и ростовским епископом Григорием⁵². Все эти положения Суздальской летописи позволяют, как нам кажется, видеть в ней отражение общерусского свода начала 90-х годов, какие-то краткие извлечения из «Летописца великого русского», своего рода тезисы, сделанные, видимо, при участии ростовского епископа Григория (1396—1416 гг.)⁵³.

3. Третий важный этап тогдашней политической жизни Восточной Европы, обусловивший заметные сдвиги в развитии идеологической литературы того времени, оказался связанным, по нашему мнению, с концом 90-х годов XIV в., точнее — с 1395—1399 гг.

Это было время, когда после победы Тимура над Тох-

тамышем (у берегов Терека 15 апреля 1395 г.) обозначились два варианта дальнейшего развития Ордынской державы, а вместе с тем определились и различные политические возможности ордынской дипломатии в Восточной Европе.

Так, первый вариант наметился сразу же после победы на Тереке, когда Тимур, поверивший в свое полное торжество над Тохтамышем, стремился не ослаблять политический и военный потенциал Орды, пытался оставить ордынский престол в руках одного хана, видимо, своего ставленника Койричака⁵⁴; одновременно он старался проводить восточноевропейскую политику в рамках традиционного ордынского «великодержавия», имея в виду сохранение власти Орды над всей Восточной Европой методами искусственного поддержания равновесия между набравшими тогда силы ведущими государствами данной части Европейского континента⁵⁵.

Второй вариант развития Ордынского государства определился в ту пору, когда наметилось политическое «воскрешение» Тохтамыша и казалось реальным его возвращение из Крыма на Нижнюю Волгу, когда установились тесные политические контакты Тохтамыша с правителями Литовской Руси, когда сам Тимур, принимая во внимание произошедшие сдвиги в политической жизни Восточной Европы, встал на путь подрыва экономики Ордынской державы⁵⁶, превращения относительно «централизованной» Орды в комплекс полусамостоятельных или самостоятельных «улусов», которыми стали теперь управлять соперничавшие друг с другом Койричак, Тимур-Кутлук, Едигей, Таш-Тимур и др.⁵⁷

Естественно, что указанные изменения в хозяйственном и политическом развитии Золотой Орды не могли не сказаться на характере деятельности ордынской дипломатии в Восточной Европе, не могли не привести к тому, что правители волжских «улусов» вынуждены были ограничить сферу своего влияния отдельными княжествами Северо-Восточной Руси (прежде всего, Рязань, Смоленск)⁵⁸, а новый правитель крымского «улуса» — Тохтамыш должен был сосредоточить свое внимание на политическом сотрудничестве лишь с главой Великого княжества Литовского и Русского — князем Витовтом⁵⁹. Ничего не было удивительного и в том, что в этой обстановке «расщепления» Ордынской державы, в условиях ослабления ее реаль-

ной власти над восточноевропейским пространством происходила активизация закономерных процессов феодальной концентрации русских земель. Характерно, что указанные процессы протекали при ведущей роли Великого княжества Литовского и Русского, при все более пассивном участии Владимиро-Московской Руси, скованной позицией соседних «улусов» волжской Орды, при энергичном сдерживании их со стороны Рязани и Смоленска, действовавших тогда в рамках политической программы Тимура и его отдельных ставленников в Орде.

Подобная расстановка политических сил в Восточной Европе, видимо, приводила к тому, что феодалы Литовской Руси, возглавляемые Витовтом, Киприаном, братьями Ольгердовичами, стали считать Великое княжество Литовское и Русское той главной силой, которая, по их мнению, была способна, с одной стороны, продолжать борьбу с Ордой, а с другой — содействовать дальнейшей консолидации русских земель. Политические настроения и территориальные планы феодалов Литовской Руси того времени хорошо раскрывались как в практических их делах (походы в сторону Смоленска и Рязани 1395—1396 гг.)⁶⁰, так и в идеологической литературе. В частности — в известном летописном рассказе о переговорах Витовта с Тохтамышем конца 90- годов XIV в. по поводу дальнейшей судьбы Русской земли и Восточной Европы в целом. «Азь мя посажду в Орде на царствия, — говорил Витовт Тохтамышу, — а ты мя посадишь на великом княжении на Москве и на всей Руской земли», «... а Великий Новгород и Псков мои будут»⁶¹. Такими были настроения правящих кругов Великого княжества Литовского и в 1398—1399 гг., когда Едигей, добившись восстановления политической власти над волжской Ордой, вытеснил Тохтамыша из Крыма и готовился к решающей битве с Витовтом на берегах Ворсклы. Характерно, что и в данный период, когда Едигей пытался воскресить силой оружия великодержавный курс политики Орды, который был традиционным и перекликался с первым вариантом политического курса Тимура, феодалы Литовской Руси, возглавляемые Витовтом, Киприаном, братьями Ольгердовичами, продолжали отстаивать «общерусскую программу» как в сфере практической политики (в 1398 г. Витовт собирался даже стать «королем Литвы и Руси») ⁶², так и в сфере идеологии.

Мы склонны думать, что произошедшие в конце 90-х

годов XIV в. важные сдвиги в политической жизни Восточной Европы получили соответствующее отражение в создававшейся тогда идеологической литературе.

Здесь прежде всего следует иметь в виду те памятники исторической литературы, которые, бесспорно, были порождены этим этапом политической жизни феодальной Руси и Восточной Европы в целом. Так, с данным периодом четко были связаны — Житие Стефана Пермского (создание которого Епифанием Премудрым в конце 90-х годов XIV в. подтверждается документально)⁶³, «Повесть о Владимирской иконе»⁶⁴, «Имена земель и царств, еже попленил Темир-Аксак»⁶⁵, «Имена живущим около Перми землям и странам и местом»⁶⁶.

Привязанность названных памятников к данной эпохе, наличие в них обширной и вполне достоверной исторической информации были доказаны исследованиями Б. А. Рыбакова⁶⁷ и Л. В. Черещина⁶⁸.

Но к указанной эпохе могут быть отнесены и другие памятники, не сохранившие прямых и точных данных о времени своего возникновения. К историческим документам этого типа следует отнести, по нашему мнению, окончательный вариант «Списка русских городов дальних и ближних» и такое широко известное произведение, как «Сказание о Мамаевом побоище» (его первый вариант — Основная редакция).

Итак, созданное в конце 90-х годов XIV в. Епифанием Премудрым Житие Стефана Пермского (в связи со смертью Стефана, последовавшего 26 апреля 1396 г.⁶⁹) представляло собой любопытное явление идеологической жизни рассматриваемого времени. Исследователи давно обращали внимание на якобы парадоксальную внутреннюю противоречивость этого памятника: с одной стороны, здесь имелись довольно резкие выпады против Москвы⁷⁰, а с другой — присутствовала широкая общерусская платформа, подчеркивалось важное значение Киева как центра всей Русской земли, отмеченного, по словам автора, еще Андреем Первозванным, а также роль Киева как звена, связывавшего греческое православие с народом Перми, Русь Южную с Русью Северо-Восточной. Здесь же имели место не только вполне понятное восхваление самого Стефана Пермского, но и апологетика митрополита Киприана, который, несмотря на близость и симпатии к Стефану, умершему в Москве, оплакивал его смерть не в тогдашнем

реальном центре Владимирского княжения, а все в той же столице Древней Руси — Киеве.

Нам представляется, однако, что в этой «противоречивости» нет ничего парадоксального. Житие Стефана Пермского отражало, как и другие русские памятники этого момента, сложившуюся определенную расстановку сил в Восточной Европе, в частности, фиксировало перемещение главного центра борьбы за восстановление целостности Русской земли из Московской Руси в Великое княжество Литовское и Русское: отсюда и упреки Жития в адрес Москвы, похвалы в адрес Литовской Руси, а также призывы к единению Русской земли с Пермской землей.

В сущности, в этом же идеологическом русле, видимо, находился и другой упомянутый памятник — «Повесть о Владимирской иконе»⁷¹. Для этого произведения, раскрывавшего «чудодейственную» роль Владимирской иконы в спасении Москвы от полчищ Тимура, были характерны: подчеркивание пассивности московского князя Василия (он был лишь свидетелем событий: судьба Москвы решалась «в дни княжения великого князя Василия») и вместе с тем возвеличивание заслуг митрополита Киприана (дело происходило «при начальстве и пастырстве преосвященного Киприана, митрополита киевского и всея Руси») ⁷², а также серпуховского князя Владимира Андреевича, оказавшегося тогда чуть ли не военным комендантом Москвы («Тогда бо сущу во граде Москве во осаде и князю Володимиру Андреевичу, внуку Иванову, правнуку Данилову, праправнуку Александра Невского, прапраправнуку Ярославлю, пращурю Всеволоду, прапращурю Юрия Долгорукого») ⁷³. Хотя памятник и признает, что идея спасения Москвы с помощью Владимирской иконы первому пришла в голову московскому князю ⁷⁴, тем не менее реализация всего плана связывалась «Повестью» с тогдашней активной деятельностью «главного начальника и пастыря» Киприана, который не только взял на себя претворение в жизнь этого плана в качестве духовного отца Василия I, но и обеспечил соответствующее его идеологическое оформление.

Повесть рассказывает о встрече иконы митрополитом Киприаном «со все священническим чином», со «множеством мирских, князей и бояр» ⁷⁵, сообщает о том, что Киприан поместил икону в Московском митрополичьем храме Богородицы, где находился «гроб Петра митрополита, ве-

ликого чудотворца» и «заступника русской земли»⁷⁶. Этим шагом Киприан как бы соединил в одно целое два крупнейших идеологических авторитета того времени: Владимирскую икону, олицетворяющую преемственную связь Царьграда, Киева, Владимира⁷⁷, и гробницу митрополита Петра, символизировавшего единство Русской земли и целостность русской церкви (что подчеркивал сам Киприан, как мы знаем, в своей редакции Жития Петра 1381 г.).

Выдвигая на первый план спасительную роль Владимирской иконы и гробницы митрополита Петра, автор «Повести» одновременно указывал на важные практические заслуги тех деятелей 1395 г., которые действовали тогда в рамках освященной указанными авторитетами церковно-политической программы. Речь, разумеется, прежде всего шла о заслугах Киприана, а также серпуховского князя Владимира Андреевича, женатого на дочери Ольгерда и поэтому олицетворявшего связи Северо-Восточной и Юго-Западной Руси.

Но характеристика идеологической направленности данного памятника будет неполной, если мы не отметим его широкого международного аспекта, в частности не зафиксируем самого пристального внимания автора к политическим судьбам Ордынской державы.

Бросается в глаза не только подчеркивание «Повестью» особо важной роли ордынского государства в развитии международных отношений того времени, но и проявление дифференцированного подхода к различным ордынским правителям той поры. Так, даже при беглом ознакомлении с «Повестью» обнаруживается терпимое отношение к ордынскому царю Тохтамышу и резко отрицательное отношение к тогдашнему правителю Мавераннахра и новому хозяину Орды — Тимуру. Если Тохтамыш трактовался теперь как законный ордынский царь (в Пространной редакции «Летописной повести» начала 90-х годов XIV в. он рассматривался в качестве главного врага Русской земли и узурпатора законной власти Мамаея), то Тимур оказывался чуть ли не «уголовным элементом» как по своему происхождению, так и по своей «разбойной» биографии: он был простолюдином, чуть ли не чьим-то рабом, потом ремесленником, в дальнейшем вором, старейшиной разбойников, наконец, он стал явно незаконными путями приобретать власть и влияние в Мавераннахре, подчиняя себе все новые города, страны и земли⁷⁸.

Желая придать более законченный вид рассказу о жизни Тимура, составитель летописной редакции «Повести» привлек для характеристики его деятельности такие сведения, которые, видимо, в первой редакции памятника и не существовали. Так, он упомянул о факте торжества Тимура над турецким султаном Баязидом (это произошло, как известно, уже в 1402 г.) и, кроме того, воспроизвел текст другого памятника, а именно Списка «землям и царствам, еже попленил Темир-Аксак»⁷⁹. Перечислив многие подвластные Тимуру земли и страны, автор или редактор «Повести» заметил: «И со всех тех земель и царств дани и оброки ему, и во всем повиновахуся ему, и на воинства хожаху с ним»⁸⁰. Становится очевидным, что Тимур оказывался в «Повести» чуть ли не прямой противоположностью Тохтамышу.

Такое дифференцированное отношение памятника к различным ордынским правителям, несомненно, объясняется тем, что основа «Повести о Владимирской иконе» была порождена той эпохой, когда правитель Мавераннахра Тимур и его ставленники — Едигей, Темир-Кутлук, Койричак и другие — оказались хозяевами волжской Орды, враждебной Литве, а переместившийся с берегов Волги сначала в Крым и потом в Литву Тохтамыш становился все более откровенным политическим союзником Витовта и Киприана.

Итак, «Повесть о Владимирской иконе» — это не только предпринятая Киприаном попытка объяснить уход Тимура из Рязанской земли осенью 1395 г. вмешательством божественных сил, поддержкой «заступника русской земли» митрополита Петра, помощью Владимирской иконы, символизировавшей связь между Царьградом, Киевом и Владимиром, но и попытка отстоять программу дальнейшей консолидации антиордынских, антитимуровских сил Русской земли при ведущей роли Литовской Руси, Киприана, Витовта, при скрытом сотрудничестве, если не с Москвой, то с Владимиром и другими центрами Северо-Восточной Руси, а также при политическом союзе с бывшим ордынским правителем Тохтамышем.

По-видимому, к этому же этапу политической жизни Восточной Европы следует отнести и окончательное сложение «Списка русских городов»⁸¹, историческое значение которого как памятника широкого общерусского масштаба было выявлено в трудах М. Н. Тихомирова⁸², Б. А. Рыба-

кова⁸³, Л. В. Черепнина⁸⁴. Являясь, как считает Б. А. Рыбаков, документом митрополичьей канцелярии⁸⁵, этот памятник, видимо, оказался политико-географическим обоснованием попыток Киприана создать обширное церковно-политическое объединение на территории Восточной и Юго-Восточной Европы в виде новой патриархии или расширенной митрополии. В пользу такого предположения говорит не только выдвинутая Б. А. Рыбаковым прямая датировка данного памятника (анализируя реальный перечень русских городов, Б. А. Рыбаков связывает появление «Списка» с 1396 годом), но также включение «Списка городов» в состав предполагаемого объединения строго определенных территорий Восточной и Юго-Восточной Европы, в частности включение русских, болгарских, молдавских земель, и в то же время полное игнорирование земель соседней Валахии⁸⁶.

Такое дифференцированное отношение нашего памятника к близким и даже родственным территориям позволяет ставить вопрос о том, что оно было обусловлено строго определенной расстановкой политических сил в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе, конкретным этапом международной жизни данного региона⁸⁷. Нам представляется, что «Список городов», как и скрытый в нем проект создания новой патриархии или митрополии, возник именно на том этапе политического развития данной части Европейского континента, когда ослабла сдерживающая сила Ордынской державы и открылись благоприятные возможности для процессов консолидации русских и других православных земель и когда вместе с тем произошло сближение правителей Литовской Руси с Сигизмундом венгерским на почве совпадения их политических интересов на Балканах, в частности на почве совместного противодействия турецкому натиску, а также совместного сдерживания претензий Кракова на Придунайские княжества⁸⁸. Подобная политическая конъюнктура создалась в рассматриваемом регионе сразу же после разгрома Тимуром главных ордынских городов, после расщепления Ордынской державы на несколько «улусов» (осень 1395 г.) и сохранилась вплоть до поражения 100-тысячной армии Сигизмунда турецкими войсками у города Никополя на Дунае (сентябрь 1396 г.)⁸⁹. Об окончательном сложении «Списка городов» в данный период, как и о возникновении проекта новой патриархии в Восточной Европе, свидетельствовали, кро-

ме того, зафиксированные источниками попытки Киприана, с одной стороны, подчинить своему контролю церкви Галицкой Руси в 1396 г.⁹⁰, а с другой — созвать тогда же в одном из русских городов расширенный церковный собор⁹¹.

Таким образом, «Список русских городов» мог фигурировать в качестве политико-географического обоснования нового церковного комплекса в Восточной и Юго-Восточной Европе как при прямых переговорах Киприана с Царьградом 1396 г., так и в скрытой полемике с Царьградом, которая должна была развернуться на упомянутом церковном соборе Русской земли (1396 г.)⁹².

В том комплексе исторических источников, который имел отношение к идейно-политической жизни стран Восточной Европы 90-х годов XIV в., должен, по нашему мнению, находиться и такой памятник, как «Сказание о Мамаевом побоище». Теперь можно считать установленным существование четырех редакций этого памятника⁹³ и говорить с определенной долей вероятности о времени возникновения той или иной редакции «Сказания о Мамаевом побоище»⁹⁴.

Разумеется, нас в данном случае должна больше всего интересовать Основная редакция, поскольку именно она была ближе других к тому варианту «Сказания», который оказался основой для всех последующих редакций, и дала главный повод для полемики в историографии по вопросу о значении данного произведения как исторического источника⁹⁵. В последнее время данной редакцией «Сказания» особенно интенсивно занимались Дмитриев и Бегунов, предложившие свои датировки памятника⁹⁶.

Нам представляется, что Основная редакция «Сказания» была создана не во второй половине XV в. (Ю. К. Бегунов) и не в начале XV в. (Л. А. Дмитриев), а в конце 90-х годов XIV в., что именно в это время, в условиях политической подготовки Литовской Руси к битве на Ворскле, подготовке, протекавшей, как известно, без активной поддержки Москвы и Польши, и могла возникнуть Основная редакция «Сказания о Мамаевом побоище» со всеми ее концепционными особенностями западнорусского плана, со всеми ее идеологическими акцентами, выражавшимися не только в подчеркивании воинственности Орды по отношению к Русской земле, в фиксации особой активности литовско-русских феодалов в схватке с Мамаем на

Куликовом поле, но и в констатации якобы «традиционного» предательства Рязани, якобы «обычной» пассивности Москвы, раскрытой здесь в образе уклоняющегося от борьбы Дмитрия Донского, в острой критике политического курса «католика» Ольгерда, под которой скрывалось осуждение политики короля Ягайло и т. д.⁹⁷

Намеченная нами датировка первого варианта «Сказания» может быть подкреплена также сопоставлением конкретного содержания этого памятника с рассмотренной уже выше «Повестью о Владимирской иконе»⁹⁸. Любопытно, что в «Сказании» политическая роль этой иконы в событиях 1380 г. оказывается аналогичной той, какую она сыграла в 1395 г. Едва ли не центральными политическими фигурами в обоих памятниках оказываются митрополит Киприан и серпуховский князь Владимир Андреевич (в 1395 г. серпуховский князь возглавлял оборону Москвы, а в 1380 г. командовал засадным полком, решившим исход Куликовской битвы). Характерно, что роль великого московского князя и в «Сказании», и в «Повести» выглядит довольно пассивной.

Весьма показательным для характеристики сдвигов идейно-политической жизни феодальной Руси конца 90-х годов XIV в. является допущенное «Повестью о Владимирской иконе» переосмысление роли хана Тохтамыша. Если в «Летописной повести о Куликовской битве», а также в «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву» этот правитель Орды выглядит как узурпатор ордынского престола и главный враг Русской земли, то в «Повести о Владимирской иконе», так же как и в «Сказании о Мамаевом побоище», Тохтамыш представлен в качестве законного правителя Ордынской державы, правителя, оказавшегося жертвой узурпатора Тимура⁹⁹.

Характерным для внутренней связи обоих произведений — «Повести о Владимирской иконе» и «Сказания» — является внимание к одному и тому же елецкому князю Федору: в «Повести о Владимирской иконе» сообщается о пленении Тимуром в 1395 г. князя Федора¹⁰⁰, в «Сказании о Мамаевом побоище» елецкий князь Федор выступает в роли воеводы серпуховского князя Владимира Андреевича¹⁰¹.

Таким образом, присутствие общих исторических реалий в обоих памятниках, наличие в них общих идейно-политических тенденций позволяют говорить, если не о

полной синхронности создания двух рассматриваемых произведений, то о написании их в течение какого-то определенного этапа политической жизни Восточной Европы.

Мы считаем, что это могло произойти на протяжении 1396—1398 гг.

Идеологическая жизнь феодальной Руси конца 90-х годов XIV в. была ознаменована, как нам представляется, еще одним важным литературным событием, в частности созданием того варианта «Задонщины», основу которого теперь представляют списки К-Б и С (извод Син.)¹⁰². Мы считаем, что именно в этот период родился указанный вариант «Задонщины» в результате переделки и редактирования ранее возникшего варианта (извод Унд.), а также вследствие использования некоторых реалий, формулировок и литературных образов других памятников («Слова о погибели русской земли», Пространной редакции «Летописной повести о Куликовской битве», «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» и др.).

Чем же можно подтвердить такое предположение?

Прежде всего, некоторые идейно-концепционные черты этой редакции, которые, с нашей точки зрения, могли быть порождены только политической конъюнктурой конца 90-х годов XIV в.

Обращаясь к спискам «Задонщины», восходящим к изводу Син., мы сталкиваемся с той же апологетикой единства Русской земли, которая была характерна и для извода Унд.; видим здесь то же восхваление союза русских князей Дмитрия Ивановича московского, Владимира Андреевича серпуховского, Андрея Ольгердовича полоцкого, Дмитрия Ольгердовича брянского, многочисленных великих князей Белозерско-Ярославского края. Границы Русской земли очерчены, во-первых, прямой отсылкой к пределам Древнерусской державы эпохи «Владимира Киевского царя русского»¹⁰³, а во-вторых, откровенным использованием «Слова о погибели русской земли», которое, как известно, четко определяло эти границы.

Однако присутствующий в этой второй редакции «Задонщины» комплекс похвал единству Русской земли был лишен по сравнению с первой редакцией (извода Унд.) одного важного положения: так, в частности, в списке К-Б не подчеркивалась ведущая роль Москвы и «Залесской земли» в политической жизни всей Руси того времени.

(термин «Залесская земля» вообще здесь отсутствовал¹⁰⁴, а Москва выступала в роли одного из многих центров Русской земли), в указанном списке не фиксировалась вассальная зависимость русских князей от московского великого князя, не подтверждался и ранее высказанный (в изводе Унд.) тезис о том, что московский правящий дом был главным преемником политического наследства Древней Руси, что московский князь являлся центральной фигурой в «гнезде Владимира Киевского»¹⁰⁵. Здесь было другое: русские князья, в том числе и белозерско-ярославские, выступали не в качестве вассалов московского великого князя (как в Унд.), а в качестве самостоятельных «великих князей»¹⁰⁶, московский же князь оказывался теперь выходцем не из «гнезда князя Киевского Владимира» (так было в изводе Унд.), а всего лишь преемником одного из «рядовых» русских «великих князей» — Ивана Калиты¹⁰⁷.

Москва, таким образом, становилась не ведущим общерусским центром, а только резиденцией одной из ветвей дома Рюриковичей, рядом с Москвой оказывались другие претенденты на политическое влияние в Русской земле: Киев, Владимир, Ростов¹⁰⁸.

Характерной для подчеркивания тенденции ослабления власти великого князя московского была фиксация нейтралитета Великого Новгорода (если в изводе Унд. новгородцы — активные участники Куликовской битвы¹⁰⁹, то в списке К-Б — Новгород не успел послать своих воинов на поле боя¹¹⁰).

Показательным было и то обстоятельство, что роль Дмитрия Донского как полководца отнюдь не была гиперболизирована, а участие князей Ольгердовичей в Куликовской битве оказывалось более активным, чем в изводе Унд.: здесь говорилось о том, что Ольгердовичи были во главе сторожевых полков¹¹¹.

Очень показательными представляются и коррективы международного фона Куликовской битвы: если первая редакция говорила о двух фронтах Русской земли: антиордынском и антитурецком («у Дуная стоят татарове поганые») ¹¹², если она подчеркивала, что слава о победе на Куликовском поле распространялась к Железным вратам, к Караначи (Орнач), к Риму, Кафе, Тырнову и Царьграду¹¹³, то в изводе редакции Син. говорилось только об одном антиордынском фронте; видимо, антитурецкий фронт после Никопольского поражения 1396 г. и сближения

Польши с турками¹¹⁴, после возникновения конфликта с Царьградом в 1396—1397 гг. стал для Киприана и Витовта малоактуальным (в результате списки К-Б и С даже не упоминали ни Дуная, ни Тырнова¹¹⁵); характерно, что, если сфера интересов создателя списка Син. была сужена на юге, то его территориальные интересы на северных окраинах Русской земли получили максимально широкие очертания с помощью «карты» «Слова о погибели русской земли»¹¹⁶.

Весьма существенным как для понимания концепционной сущности извода Син., так и для установления времени создания архетипа этого извода оказывается факт совпадения целого ряда положений «Задонщины» извода Син. с аналогичными утверждениями одного из списков первоначального варианта «Сказания о Мамаевом побоище» (речь идет, прежде всего, о так называемом Печатном варианте Основной редакции, опубликованном еще в 1838 г.)¹¹⁷.

Исследованиями Р. П. Дмитриевой, М. А. Салминой, Л. А. Дмитриева и других историков выявлены многие заимствования Печатного варианта «Сказания» из «Задонщины». Создается впечатление, что в руках составителя «Сказания» были оба извода «Задонщины»; причем, если ранний извод Унд. использовался «Сказанием» главным образом по линии заимствования художественно-стилистических находок¹¹⁸, то более поздний извод Син. использовался не только в качестве источника чисто литературных заимствований¹¹⁹, но и в качестве своеобразного ориентира для утверждения идейно-концепционной основы вновь создаваемого памятника.

И действительно, концепция «Сказания» не только перекликается с главными акцентами «Задонщины» извода Син., но по существу совпадает с ними. Весьма характерным в этом смысле является наличие ряда параллелей между «Задонщиной» списка К-Б и печатным вариантом «Сказания». Если список К-Б в отличие от извода Унд. не знает «вассалов» великого князя (здесь многие князья оказываются «великими»)¹²⁰, то Печатный вариант «Сказания» прямо называет князей — соратников Дмитрия Донского — «государями», выдвигает идею равномерного распределения похвал как князю Дмитрию, так и другим русским князьям-«государям»¹²¹.

Некоторые исследователи видят в использовании дан-

ного термина («государь») применительно к «бывшим» вассалам Дмитрия Донского нечто «удивительное и странное»¹²². Нам представляется употребление в данном случае указанного термина вполне оправданным: дело в том, что Печатный вариант «Сказания» просто развивал и углублял тенденцию, которая была намечена списком К-Б, тенденцию, связанную с сознательным принижением авторитета московского великого князя и соответственным «раздуванием» престижа всех остальных князей Русской земли.

О стремлении ослабить политическую роль московского князя и вместе с тем поднять значение других князей (Владимира Андреевича, братьев Ольгердовичей, белозерско-ярославских князей) свидетельствовали и другие параллели наших памятников: так, если в списках Унд. Дмитрий Донской обращался к русским князьям-вассалам с предложением выступить на Дон против Мамаея, то в списке К-Б сами русские князья обращаются к московскому князю с аналогичным предложением (на это обратил внимание Л. А. Дмитриев¹²³), в Печатном варианте «Сказания» роль этих русских князей-«государей» становится еще более заметной (например, серпуховский князь Владимир Андреевич оказывается обладателем «своей державы»¹²⁴, а деятельность Дмитрия Донского затушевана и приглушена.

Дальнейшее развитие в Печатном варианте «Сказания» получает и чисто военная тематика: если в списке К-Б только упоминалось о том, что князь Владимир Андреевич и князь Ольгердовичи возглавляют «сторожевые» полки¹²⁵, то в «Сказании» они активно действуют в этом качестве, заслоня собой самого князя Дмитрия как полководца.

Особенно важным для подтверждения идейно-концепционной близости списка К-Б и Печатного варианта «Сказания» является общая для них фиксация фактического нейтралитета Великого Новгорода в грозную осень 1380 г., как бы согласованное признание отказа новгородцев от сотрудничества с великим князем московским и владимирским накануне и во время Куликовской битвы.

Но присутствовавшая в указанных вариантах «Задонщины» и «Сказания» параллельная информация о нейтральной позиции Новгорода была существенна не только для установления идейной близости двух указанных памятников.

Если учесть, что характер отношений Новгорода с великими князьями был всегда очень важен для понимания общей расстановки сил в Русской земле (нарушение связей Новгорода с тем или иным обладателем великокняжеского стола, как правило, свидетельствовало о политическом ослаблении этого великого князя), если, кроме того, иметь в виду, что упомянутую информацию о позиции Новгорода содержат только указанные варианты наших памятников (другие варианты ее не знали), то придется говорить не только об идейно-концепционной близости списка К-Б «Задонщины» и одного из вариантов Основной редакции «Сказания», не только о синхронности их возникновения, но и о тесной связанности обоих памятников с тем этапом политической жизни Восточной Европы, когда наметилось резкое нарушение контактов Великого Новгорода с великим князем московским и владимирским. А этим этапом, как мы знаем, оказались последние годы последнего десятилетия XIV в.

Таким образом, если предложенный выше анализ Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» позволяет связывать ее появление с концом 90-х годов XIV в., в частности с бурной церковно-политической и идеологической деятельностью Киприана этого времени (см. стр. 405 данной работы), то установление многих идейно-концепционных параллелей между данной редакцией «Сказания» и вторичной редакцией «Задонщины» (извода Син.) дает основание как для датирования этого памятника тем же периодом, так и для фиксации причастности того же Киприана к созданию данного произведения именно в этот период.

Нам представляется, что в пользу этого последнего предположения говорит наличие в списке К-Б «Задонщины» особой приписки, которая представляет собой если не панегирик Киприану, то во всяком случае положительную характеристику основных этапов его деятельности в качестве «митрополита киевского и всея Руси».

На существование данной приписки уже давно обращали внимание исследователи. Историки обычно фиксировали ее связь с кратким летописцем Кирилло-Белозерского монастыря середины XV в.¹²⁶, как с прямым ее источником¹²⁷; высказывалась мысль о том, что указанная приписка была сделана рукой книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина с целью придать более законченный вид списку К-Б, лишенному, как известно, той

концовки, которая присутствовала в другом списке этого извода — списке С¹²⁸.

При этом исследователи не касались таких проблем, как наличие общих концепционных тенденций в Кратком летописце, в приписке к списку К-Б и в самом тексте указанного списка «Задонщины», а следовательно, не ставили вопроса об общих идейных корнях для всех этих памятников, не ставили вопроса и о единой идеологической традиции, их породившей.

Между тем более внимательный анализ этих памятников позволяет об этом говорить. Так, обращаясь к приписке кирилло-белозерского варианта «Задонщины», а также к первоисточнику этой приписки — Краткому летописцу, мы обнаруживаем в них не абстрактную апологетику всей церковно-политической деятельности митрополита Киприана, а восхваление этой деятельности с позиций определенного ее этапа, в частности того этапа, который характеризовался, с одной стороны, ухудшением его отношений с Москвой, а с другой — установлением его тесных политических контактов с другими князьями Русской земли, в частности с князьями Белозерско-Ярославского края, с западнорусскими землями и т. д., т. е. обнаруживаем ту трактовку основных вех биографии Киприана, которая могла быть порождена только политической обстановкой конца 90-х годов XIV в.

Итак, анализируя идейное содержание таких памятников, как Житие Стефана Пермского, «Повесть о Владимирской иконе», «Сказание о Мамаевом побоище» (Основная редакция) и, наконец, вторичная редакция «Задонщины» (извод Син.), мы убеждаемся в том, что в основе их лежала одна концепция — консолидации Русской земли и создания антиордынского фронта при ведущей роли не Москвы, а других центров тогдашней Руси, в частности, центров, расположенных как на землях Великого княжества Литовского и Русского, так и на территориях Владимирского княжения, Белозерско-Ярославского края (в этом плане следует говорить не только о Киеве, Полоцке и Брянске, но также о Владимире, Ростове, а возможно, даже о каких-то центрах Белозерско-Ярославского края).

Рассмотрев определенный этап взаимодействия идеологической и политической жизни феодальной Руси, связанный с концом 90-х годов XIV столетия, мы, разумеется, должны помнить о том, что данный этап был лишь одним

из многих этапов такого взаимодействия, характеризовавших собой весьма сложную и, можно сказать, переломную эпоху восточноевропейского исторического процесса — эпоху последнего двадцатилетия XIV в.

Исходя из существования прямой зависимости между масштабами политических сдвигов на Руси того времени и публицистическим накалом синхронно возникавшей идеологической литературы, изучив несколько этапов взаимодействия политической и идеологической жизни Восточной Европы в течение указанных десятилетий, мы считаем возможным не только связывать весь комплекс памятников Куликовского цикла (р их первоизданном виде) с данным периодом, но и предложить определенный порядок возникновения этих памятников на протяжении указанного двадцатилетия.

Нам представляется наиболее вероятной такая последовательность появления произведений, посвященных Куликовской битве:

1. «Задонщина» извода Унд., написанная вскоре после Куликовской победы и восходящая, возможно, к гипотетическому «Слову о Мамаевом побоище», созданному, по предположению А. А. Шахматова, в 1381 г.

2. «Летописная повесть о Куликовской битве» (Пространная редакция), возникшая в начале 90-х годов в связи с созданием «Летописца великого русского».

3. «Задонщина» извода Син., возникшая, по нашему мнению, в конце 90-х годов XIV в.

4. «Сказание о Мамаевом побоище» (Основная редакция), созданная тогда же, в конце 90-х годов XIV в.

Приняв указанный порядок появления памятников Куликовского цикла, мы убеждаемся в том, что они представляли собой не варианты произвольной интерпретации кампании 1380 г., обусловленные будто бы лишь теми или иными литературно-стилистическими вкусами их «создателей» XV—XVII вв., а являлись такими вариантами интерпретации Куликовского сражения, возникновение которых было продиктовано соответствующим ритмом политической и публицистической жизни Восточной Европы последнего двадцатилетия XIV в.

Расположенные в указанном порядке памятники Куликовского цикла, освещая каждый раз по-новому события 1380 г., по нашему мнению, не только хорошо фиксируют последовательную смену определенных этапов по-

литического развития Восточной Европы на протяжении последнего двадцатилетия XIV в., но и отражают ту или иную расстановку сил в системе княжеств Русской земли данного периода.

Нам представляется также, что указанный комплекс памятников устанавливает и факт скрытой конфронтации в сфере идеологии различных тенденций политической жизни русских земель рассматриваемого времени, констатирует наличие скрытой полемики между различными вариантами идеологического осмысления не только самой кампании 1380 г., но и каждого крупного этапа политической жизни Восточной Европы в последующее двадцатилетие.

По этой причине нам кажется отнюдь не случайным то обстоятельство, что в памятниках Куликовского цикла, с одной стороны, устойчиво выступает единство темы, оказывается стабильным круг основных участников кампании 1380 г., а с другой стороны, обнаруживаются значительные расхождения в интерпретации отдельных событий этой кампании, в трактовке поведения одних и тех же действующих лиц, в признании их заслуг (в частности, заслуг в борьбе с Ордынской державой, в содействии политическому объединению русских земель и т. д.).

Если единство темы памятников Куликовского цикла, а также устойчивый состав основных героев этих литературно-публицистических произведений можно связывать не только с исторической значимостью Куликовского сражения, но и с причастностью к созданию этих памятников самого митрополита Киприана (тема Куликовской битвы была особенно близка Киприану как своей антиордынской и вместе с тем общерусской направленностью, так и составом основных ее участников, являвшихся его реальными политическими партнерами в 1381 г., а также в 1390—1399 гг.), то наличие в указанных памятниках значительных расхождений в трактовке отдельных эпизодов кампании 1380 г. и в оценке поведения отдельных лиц следует объяснить переменами политической конъюнктуры в Восточной Европе на протяжении 80—90-х годов XIV в., утверждением той или иной расстановки политических сил в системе княжеств Русской земли, наконец, меняющейся ориентацией самого митрополита Киприана (если в 1381 г. и в начале 90-х годов он, как мы знаем, сотрудничал, прежде всего, с Владимирским княжением и Московским

правлящим домом, то в конце 90-х годов XIV в. он поддерживал самые тесные контакты с феодальными группировками Великого княжества Литовского и Русского, а также с князьями Белозерско-Ярославского края).

Но отмечая факт тесного взаимодействия памятников Куликовского цикла с ходом политической жизни Восточной Европы 80—90-х годов XIV в., настаивая на предложенном порядке появления первоначальных вариантов («архетипов») этих произведений в указанное время, подчеркивая наличие в этих первоначальных вариантах значительного публицистического накала, мы отнюдь не ставим под сомнение факты продолжавшегося «скрещивания» этих памятников на протяжении XV—XVII вв., не отрицаем фактов так называемого «вторичного» взаимодействия указанных произведений¹²⁹.

Однако признавая продолжавшееся в XV—XVII вв. «скрещивание» рассматриваемых памятников, мы должны иметь в виду, что оно происходило далеко не в тех исторических условиях, в каких совершалось зарождение этих произведений в последнее двадцатилетие XIV в.: оно происходило прежде всего в атмосфере постепенного затухания интереса к данной тематике, во всяком случае, затухания интереса к той «антимосковской» трактовке этой темы, которая присутствовала в списке К-Б «Задонщины» и в Основной редакции «Сказания», происходило в обстановке консервации идейно-концепционных основ уже сложившихся в конце XIV в. произведений, в условиях их превращения из памятников историко-публицистического жанра в литературу историко-повествовательного характера.

Наличие отмеченных тенденций в развитии памятников Куликовского цикла XV—XVII вв. означало, что происходившее тогда между ними взаимодействие, а вместе с тем и их «взаимообогащение» имело свои пределы: с одной стороны, оно шло только по линии литературно-стилистического влияния «Задонщины» на «Сказание» и то с тенденцией затухания этого влияния (если оно было заметно в Основной и Летописной редакциях «Сказания», то в Пространной редакции «Сказания» оно оказалось менее заметным¹³⁰, а в так называемой Киприановской редакции «Сказания» оно едва ощутимо¹³¹), с другой стороны, оно шло по линии преодоления антимосковской направленности как Основной редакции «Сказания», так и связан-

ного с ней Кирилло-Белозерского списка «Задонщины», шло по пути ослабления апологетики антимосковских сил (в частности, апологетики князей Белозерско-Ярославского края, западнорусских князей, что было характерно уже для Пространной редакции «Сказания») ¹³², а также по пути подчеркивания ведущей роли Москвы и Московского правящего дома (не случайно Киприановская редакция «Сказания» явилась просто компилятивным синтезом «Сказания» и «Летописной повести о Куликовской битве» — памятника явно промосковской ориентации начала 90-х годов XIV в. ¹³³

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, М., 1961, стр. 410.

^{1a} ПСРЛ, т. 15, ч. I. Рогожский летописец. Пг., 1922. стб. 84.

² С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; А. А. Шахматов. Отзыв на сочинение Шамбинаго С. К. Отчет о 12-м присуждении премии Макария. СПб., 1910; М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 г. «Повести о Куликовской битве». М., 1959; Д. С. Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». «Русская литература». Л., 1964, № 3; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства. М., 1960; В. Ф. Ржигза. О Софонии Рязанце. «Повести о Куликовской битве». М., 1959; А. В. Соловьев. Автор «Задонщины» и его политические идеи. «Труды отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XIV. Л., 1958; Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской

литературы. ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л. 1966.

³ А. А. Шахматов. Отзыв..., стр. 121.

⁴ Там же, стр. 180—181.

⁵ Следы этой официальной реляции А. А. Шахматов видел в Новгородской IV летописи по списку Дубровского, особенно в тексте об «уряжении полков». ПСРЛ, т. 4, стр. 486; А. А. Шахматов. Отзыв..., стр. 121, 180.

⁶ А. А. Шахматов. Отзыв..., стр. 180—181.

⁷ Там же.

⁸ ПСРЛ, т. 4, стр. 354, 487; А. А. Шахматов. Отзыв..., стр. 123, 180.

⁹ Л. А. Дмитриев. Роль и значение... ТОДРЛ, т. XIX, стр. 251.

¹⁰ А. В. Соловьев. Автор «Задонщины»...; он же. К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла. «Русская литература», 1965, № 2, стр. 243, 245.

¹¹ В. Ф. Ржигза. Указ. соч.

¹² В. О. Ключевский. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871, стр. 82, 88; В. А. Кучкин. Сказание о смерти митрополита Пет-

- ра. ТОДРЛ, т. XVIII. Л., 1962. стр. 57—59; Л. А. Дмитриев. Роль и значение..., стр. 236—238.
- ¹³ Макарий. История русской церкви, т. IV. СПб., 1866, стр. 308—312; В. А. Кучкин. Указ. соч., стр. 57—79.
- ¹⁴ Макарий. Указ. соч., стр. 308—312.
- ¹⁵ ПСРЛ, т. 20, ч. I. СПб., 1910, стр. 321—332.
- ¹⁶ Там же; Л. А. Дмитриев. Роль и значение..., стр. 245.
- ¹⁷ Там же, стр. 243, 251.
- ¹⁸ Там же стр. 242—243.
- ¹⁹ В. А. Кучкин. Указ. соч., стр. 59—79.
- ²⁰ Л. А. Дмитриев. Роль и значение..., стр. 242. И. Мансветов. Митрополит Киприан. М., 1882, стр. 66—100.
- ²¹ ПСРЛ, т. 20, стр. 321—322.
- ²² А. В. Соловьев. Автор «Задонщины»...; В. Ф. Ржигза. Указ. соч.
- ²³ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 442—443.
- ²⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. ТОДРЛ, т. V, 1947; т. VI, 1948.
- ²⁵ R. Jakobson. Sofonija's Tale of the Russian-Tatar battle on the Kulikovo field. Selected writing, vol. IV. The Hague, 1966.
- ²⁶ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 84—107.
- ²⁷ Р. П. Дмитриева. Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла» (далее—«Слово... памятники...»). М.—Л., 1966, стр. 199—263.
- ²⁸ О. В. Творогов. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». «Слово... памятники...», стр. 292—343.
- ²⁹ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище», как показатель по истории текста этих произведений. «Слово... памятники...», стр. 385—439.
- ³⁰ Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». «Слово... памятники...», стр. 440—476.
- ³¹ «Слово... памятники...», тексты «Задонщины», стр. 535—548.
- ³² Там же, стр. 548—556. Существующие в историографии другие попытки решения данной проблемы, в частности попытки выделения группы списков (У, И-1, И-2, С) в Пространную редакцию и списка К-Б в Краткую редакцию (А. Мазон, Фрчек и др.) представляются менее убедительными. Предложенная ими дифференцировка исходит, прежде всего, из учета внешних признаков данного комплекса документов — их объема, а не их идейно-концепционных особенностей, которые, как теперь очевидно, позволяют заметить общее в списках, отнюдь не «равновеликих», и устанавливать существенные различия между списками примерно одинаковых размеров.
- Кроме того, сам тезис о якобы «первозданной» краткости списка К-Б, как и его «архетипа», не кажется бес-

- спорным: анализ всего комплекса памятников Куликовского цикла говорит о том, что данный тезис все еще является по меньшей мере дискуссионным (стр. 193, 385—439, 195, 249—250, 261—263). См. работы Л. А. Дмитриева, Р. П. Дмитриевой и др. в кн.: «Слово... памятники...», стр. 385—439, 249—250, 261—263.
- ³³ «Слово... памятники...» тексты, стр. 540.
- ³⁴ Там же, стр. 536, 537.
- ³⁵ Там же, стр. 537.
- ³⁶ Там же, стр. 538, 543.
- ³⁷ Там же, стр. 554.
- ³⁸ Там же, стр. 550.
- ³⁹ Там же, стр. 537, 540.
- ⁴⁰ Там же, стр. 538.
- ⁴¹ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915; А. И. Рогов. Житие Александра Невского. В кн.: «Славяно-германские отношения». М., 1968.
- ⁴² А. А. Шахматов. Отзыв..., стр. 183—190.
- ⁴³ Там же, стр. 90—94.
- ⁴⁴ Троицкая летопись. Реконструкция Приселкова М. Д. М.—Л., 1950, стр. 439.
- ⁴⁵ А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и представлении вел. кн. Дмитрия Ивановича, царя русского». ТОДРЛ, т. XVIII, стр. 85—106
- ⁴⁶ ПСРЛ, т. 4, вып. 1, Пг., 1915; вып. 2, Л., 1925, стр. 351—366.
- ⁴⁷ «История русской литературы», т. II. М.—Л., 1946, стр. 209.
- ⁴⁸ ПСРЛ, т. 8, стр. 60; т. 11, стр. 122.
- ⁴⁹ ПСРЛ, т. 4, стр. 623—624; Новгородская I летопись старшего и младшего изводов М.—Л., 1950, стр. 475—477.
- ⁵⁰ А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 221—228.
- ⁵¹ ПСРЛ, т. 1, вып. 3, Л., 1928. М., 1962, стб. 536, 538.
- ⁵² Там же, стб., 537; И. Б. Греков. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». «Советское славяноведение», 1970, № 6.
- ⁵³ А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов..., стр. 136—146; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 148.
- ⁵⁴ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, стр. 178.
- ⁵⁵ Об этом свидетельствовал поход Тимура на Среднее Поднепровье в район Манкермана — Киева (В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов..., т. II, стр. 121, 179; Б. Д. Греков и А. Д. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 378), имевший целью не только преследование Тохтамышя (В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов..., т. I. СПб., 1884, стр. 363; т. II, стр. 306), но и ослабление окрепшего тогда Великого княжества Литовского и Русского. Об этом же говорил и отказ Тимура от разорения основных территорий Владимирского княжества во время кампании 1395 г.

- ⁵⁶ В ходе осенне-зимней кампании 1395—1396 гг. тимуровские войска разорили и разрушили такие важные центры Ордынской державы, как Азак (Азов), Крым, Кафу, Маджар, Хидиш-Тархан (Астрахань), Сарай-Берке и т. д. См.: *В. Г. Тузенгаузен*. Сборник материалов..., т. II, стр. 184—185; *Б. Д. Греков* и *А. Д. Якубовский*. Золотая Орда и ее падение, стр. 371—372.
- ⁵⁷ *М. Г. Сафаргалиев*. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 174—175; ПСРЛ, т. 4, стр. 385.
- ⁵⁸ ПСРЛ, т. 4, стр. 376, 379; т. 11, стр. 162.
- ⁵⁹ *L. Kolankowski*. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów, t. I (1377—1499). Warszawa, 1930, str. 71—72; *M. Żdan*. Stosunki litowsko-tatarskie za czasów Witolda. AW, t. VII. Wilno, 1930, str. 540—544; ПСРЛ, т. 11, стр. 172.
- ⁶⁰ ПСРЛ, т. 4, стр. 378—380; т. 11, стр. 162, 163.
- ⁶¹ ПСРЛ, т. 4, стр. 385; т. 8. СПб., 1859, стр. 72.
- ⁶² *L. Kolankowski*. Указ соч., стр. 64—66, 71.
- ⁶³ «Памятники старинной русской литературы», т. IV. СПб., 1862. «Слово о житии и учении Стефана, бывшего в Перми епископа», стр. 119—171.
- ⁶⁴ ПСРЛ, т. 8; ПСРЛ, т. 26. М., 1959, стр., 342—344; ПСРЛ, т. 11, стр. 158—161.
- ⁶⁵ ПСРЛ, т. 11, стр. 158—159.
- ⁶⁶ Там же, стр. 165.
- ⁶⁷ *Б. А. Рыбаков*. Просвещение (на Руси в XIII—XIV вв.). «Очерки русской культуры XIII—XIV вв.», ч. 2. М., 1970, стр. 158—205
- ⁶⁸ *Л. В. Черепнин*. Отражение международной жизни летописания. В кн.: «Международные связи России до XVIII в.» М., 1961, стр. 225—256.
- ⁶⁹ ПСРЛ, т. 11, стр. 164.
- ⁷⁰ «Памятники старинной русской литературы», т. IV, стр. 138, 160.
- ⁷¹ ПСРЛ, т. 11, стр. 158—161.
- ⁷² Там же, стр. 158.
- ⁷³ Там же, стр. 160.
- ⁷⁴ Там же, стр. 159.
- ⁷⁵ Там же, стр. 160.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ «История русского искусства», т. II. М., 1954; т. III. М., 1955.
- ⁷⁸ ПСРЛ, т. 11, стр. 159.
- ⁷⁹ Там же, стр. 158—159.
- ⁸⁰ Там же, стр. 159.
- ⁸¹ НПЛ, стр. 475—477; ПСРЛ, т. 4, стр. 623—624.
- ⁸² *М. Н. Тихомиров*. Списки русских городов дальних и ближних. «Исторические записки», М., 1952, № 40. стр. 214—259.
- ⁸³ *Б. А. Рыбаков*. Просвещение..., стр. 202—205.
- ⁸⁴ *Л. В. Черепнин*. Образование Русского централизованного государства, стр. 439—443.
- ⁸⁵ *Б. А. Рыбаков*. Просвещение..., стр. 202—205.
- ⁸⁶ НПЛ, стр. 475—477.
- ⁸⁷ *L. Kolankowski*. Указ соч., стр. 58—72; *Д. Крънджалов*. Мирчо и Добруджа. «Годишник на Соф. ун-т.» т. XIII (42). София, 1946, стр. 31—32 и сл.
- ⁸⁸ *J. Skrzypek*. Południowo-wschodnia polityka Polski od koronacji Jagielly do śmierci Jadwigi i bit-

- wy nad Worskłą (1386—1399). «Archiwum Tow. Nauk we Lwowie», t. XXI. Lwów, 1936, str. 74—79, 82.
- ⁸⁹ *J. Skrzypek*. Bitwa pod Nikopolis. Przegląd historyczno-wojskowy, R. VII. Warszawa, 1936.
- ⁹⁰ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. VI. СПб., 1880, № 45, стр. 308; *Макарий*. Указ. соч., стр. 80—84.
- ⁹¹ РИБ, т. VI. Памятники..., № 45, стр. 305—306.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Текст «Сказания» в Никоновской летописи — Киприановская редакция; «Сказание», обнаруженное в Вологодско-Пермской летописи, — Летописная редакция; вне летописные варианты «Сказания» — Основная редакция и Распространенная редакция (названия даны Л. А. Дмитриевым).
- ⁹⁴ Так, если Киприановская редакция, по мнению Л. А. Дмитриева, возникла в 1539—1542 гг., Летописная редакция — в самом начале XVI в., Распространенная редакция появилась, по предположению того же автора, в последней трети XV в. то Основная редакция была создана, по его утверждению, в первой четверти XV в.
- ⁹⁵ Одни историки склонны видеть в «Сказании» такое литературное произведение, которое было не только «громоздким и неясным», но имело, как отмечал М. Н. Тихомиров, много прямых искажений и даже элементов «живучей и ядовитой клеветы». Другие историки были более «терпимы» к «Сказанию» как историческому источнику, усматривая в нем наличие реальной исторической основы. Таким образом оценивали данный памятник А. Ю. Якубовский и Л. В. Черепнин
- ⁹⁶ *Л. А. Дмитриев*. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище», «Повести о Куликовской битве»; он же. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». ТОДРЛ, т. IX, 1954; *Ю. К. Бегунов*. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». «Слово... памятники...».
- ⁹⁷ Более развернутую аргументацию данной датировки см.: *И. Б. Греков*. Указ. соч.
- ⁹⁸ ПСРЛ, т. 11, стр. 158—161.
- ⁹⁹ Там же, стр. 159.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ «Повести о Куликовской битве», стр. 56.
- ¹⁰² См. сноску 32.
- ¹⁰³ «Слово... памятники...», тексты, стр. 548.
- ¹⁰⁴ Там же, стр. 548—550.
- ¹⁰⁵ *Р. П. Дмитриева*. Взаимоотношения списков «Задонщины...», стр. 259.
- ^{105a} «Слово... памятники...», тексты, стр. 536.
- ¹⁰⁶ Там же, стр. 550.
- ¹⁰⁷ Там же, стр. 549.
- ¹⁰⁸ Там же, стр. 227, 548—550.
- ¹⁰⁹ Там же, стр. 536.
- ¹¹⁰ Там же, стр. 548.
- ¹¹¹ Там же, стр. 549.
- ¹¹² Там же, стр. 536, 538.
- ¹¹³ Там же, стр. 538, 543.
- ¹¹⁴ *J. Skrzypek*. Południowo-wschodnia polityka Polski od...

- 115 «Слово... памятники...»,
тексты, стр. 549, 553.
- 116 Там же, стр. 556.
- 117 «Русский исторический
сборник», т. III, кн. 1.
М., 1838. «Сказание о
Мамаевом побоище»,
стр. 1—68.
- 118 Л. А. Дмитриев. Вставки
из «Задонщины...», стр.
408—413.
- 119 Р. П. Дмитриева. Взаи-
моотношения списков «За-
донщины»..., стр. 227—
229, 260.
- 120 «Слово... памятники...»,
тексты, стр. 549—550.
- 121 «Русский исторический
сборник», т. III, кн. 1,
стр. 26—27.
- 122 Л. А. Дмитриев. Вставки
из «Задонщины»..., стр.
405.
- 123 Там же.
- 124 «Русский исторический
сборник», т. III, кн. 1,
стр. 10.
- 125 «Слово... памятники...»,
тексты, стр. 549—550.
- 126 А. А. Зимин. Краткие
летописцы XV—XVI вв.
«Исторический архив»,
т. V. М., 1950, стр. 22—
27.
- 127 Р. П. Дмитриева. Взаи-
моотношения списков
«Задонщины»..., стр. 251.
- 128 Там же, стр. 251; она
же. Приемы редакторской
правки книгописца Ефро-
сина... «Слово... памят-
ники...», стр. 265.
- 129 Об этом писали М. А. Сал-
мина, Р. П. Дмитриева,
О. В. Творогов, Н. С.
Демкова, Л. А. Дмитриев
в коллективном труде
«Слово о полку Игореве»
и памятники Кули-
ковского цикла, а также
А. А. Зимин («Сказание о
Мамаевом побоище» и
«Задонщина». «Археогра-
фический ежегодник за
1967 г.». М., 1969, стр.
43—44, 57—58).
- 130 С. К. Шамбинаго. Пове-
сти о Мамаевом побоище,
стр. 106, 307.
- 131 Там же, стр. 141, 182.
- 132 Н. С. Демкова. Указ.
соч., стр. 440—476.
- 133 А. В. Марков. Рецензия
на книгу С. К. Шамби-
наго «Повести о Мамае-
вом побоище». «Журнал
министерства народного
просвещения», март 1908,
стр. 433—446; «Повести о
Куликовской битве», стр.
407, 476—479.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

5

Историческое значение периода
феодальной раздробленности на Руси

В. Т. Пашуто

9

Политические идеи русских летописцев XII в. (Тезисы)

Б. А. Рыбаков

18

Пути и формы политического развития
русских земель XII — начала XIII в.

Л. В. Черепнин

23

Этническая и региональная общность в польском средневековье

А. Гейштор (Польша)

51

Роль рыцарских орденов в Прибалтике (XIII—XIV вв.)

Г. Ловмянский (Польша)

67

Феодальная раздробленность в Силезии

Р. Хек (Польша)

80

Бранденбург, крестоносцы и потеря Польшей Западного Поморья

К. Мыслинский (Польша)

114

Мазовецкая государственность
в период феодальной раздробленности (XIII—XIV вв.)

С. Руссоцкий (Польша)

140

Проблема развития национального самосознания
на Руси в конце XIII — начале XV в.

В. В. Мавродин

165

К истории соотношения светской
и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв.

Я. Н. Шапов

172

К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв.

О. М. Рапов

190

Особенности русско-византийских отношений в XII в. (Тезисы)

Г. Г. Литаврин

208

Общенациональные и локальные особенности
русской архитектуры XII—XIV вв.

П. Н. Максимов

213

Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности

П. П. Толочко

223

Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв.

В. А. Кучкин

234

Из истории культурных связей Галицко-Волынской Руси
с западными славянами в XII—XIV вв.

Я. Д. Исавич

261

Русь и Польша в их культурном общении в XIV — начале XV в.

А. И. Rogov

276

Польское «ополе» и литовский «лаукас»

Ю. М. Юргинис

289

К изучению древнерусской верви (Тезисы)

А. Понне (Польша)

297

Молдавский торговый путь в XIV—XV вв.

Н. А. Мохов

298

Эволюция иммунитета светских феодалов
в период образования единых Польского и Русского государств

Б. Н. Флоря

308

Городское самоуправление
в истории Польши периода феодальной раздробленности

Г. Самсонович (Польша)

335

Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы»

Е. Охманьский (Польша)

358

Отдельные моменты истории Литвы
в интерпретации русских генеалогических источников XVI в.

М. Е. Бычкова

365

Идейно-политическая направленность литературных памятников
феодальной Руси конца XIV в.

И. Б. Греков

378

ПОЛЬША И РУСЬ

Черты общности и своеобразия
в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв.

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. И. Тормозова* Художник *А. А. Люминарский*

Художественный редактор *В. Н. Тихунов*

Технические редакторы *Л. И. Курприянова, Н. Н. Плохова*

Сдано в набор 12/XI 1973 г. Подписано к печати 29/III 1974 г.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 22,26.

Уч.-изд. л. 23,1. Тираж 2300. Т-01793. Тип. зак. 3159. Цена 1 р. 62 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография изд-ва «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1998

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПОЛЬША И РУСЬ

